Библиотека журнала
"Вопросы политической экономии"

ПОЛИТЭКОНОМИЯ - XXI

том I

МЕТОДОЛОГИЯ и КОНТЕКСТ

Москва
2023

Библиотека журнала
«Вопросы политической экономии»

Политэкономия-XXI

Том I

Методология и контексты

Москва
2023

УДК 330.1
ББК 65.01
Б 90

Политэкономия-XXI. Том I. Методология и контексты. Под ред. А.В. Бузгалина и Н.Г. Яковлевой (Библиотека журнала «Вопросы политической экономии»). М.: ЦентрЛитНефтеГаз, 2023 - 455 с.

Рецензенты:
академик РАН С.Ю. Глазьев,
академик РАН А.Д. Некипелов

Рекомендовано к печати редакционной коллегией журнала «Вопросы политической экономии».

Предлагаемое вниманию читателей двухтомное издание показывает потенциал современной политической экономии в исследовании наиболее актуальных проблем современной мировой и российской экономики. В книгу вошли работы ведущих учёных-политэкономов Московского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Финансового университета при правительстве РФ, Института экономики РАН, ЦЭМИ РАН и других научно-образовательных центров России, опубликованные в разное время в журнале «Вопросы политической экономии».

В первом томе раскрывается роль политической экономии в развитии методологии и теории системного исследования фундаментальных закономерностей социально-экономического развития, раскрывающих причины и содержание экономических явлений, а не только формы функционирования рынка. Авторы аргументируют необходимость ренессанса политической экономии и в научной деятельности, и в экономическом образовании.

Для преподавателей экономической теории, научных работников, аспирантов и студентов, всех интересующихся проблемами экономической теории.

Тексты публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-6045904-6-1

© Коллектив авторов

Содержание

Предисловие **6**

Введение

Бузгалин А.В.
Классическая политэкономия: путь в университеты **11**

Раздел 1. *Методология имеет значение*

Алиев У.Ж.
Достославная политическая экономия: эволюция дисциплинарной формы организации **41**

Зяблюк Р.Т.
Адекватность диалектического метода действительной экономике **60**

Карасева Л.А.
Практичность методологии марксизма: на пути к интеграционному экономическому знанию **81**

Мамедов О.Ю.
Десять классических принципов политико-экономического анализа **90**

Сидорович А.В.
Политическая экономия и система современной экономической науки **108**

Раздел 2. *«Капитал» в XXI веке*

Васина Л.Л.
«Капитал» К. Маркса в исторической ретроспективе **122**

Гайсин Р.С.
Межотраслевой ценовой диспаритет в свете теории цены производства Маркса **140**

Мареев С.Н.
Метод «Капитала» и метод экономикс **158**

Рязанов В.Т.
«Капитал» К. Маркса и современный капитализм: возможности и преимущества политэкономии постмарксистского синтеза **176**

Черковец В.Н.
«Капитал» К. Маркса как методологическая и теоретическая основа современной политической экономии **204**

Раздел 3. *Политэкономия в контексте*

Воейков М.И.
Рыночный фундаментализм и новая волна вульгаризации в экономической науке **219**

Гловели Г.Д.
Политэкономия в широком смысле: марксизм и мир-системный анализ **245**

Дзарасов Р.С.
Капитализм и социализм на весах политической экономии **281**

Миропольский Д.Ю.
Капитал и план – противоположные формы отчуждения человека в эпоху разделения труда **299**

Плетнев Д.А.
Проблема отчуждения: вызов для политической экономии XXI века **315**

Сергеев Г.С.
Трансформация товарных отношений в условиях позднего капитализма: монополистический капитал как исходное отношение **338**

Сорокин А.В.
Политическая экономия и экономикс: один предмет, два метода **355**

Хубиев К.А.
Методологический прорыв Дж. М. Кейнса **375**

Худокормов А.Г.
Новые данные о «третьем кризисе» экономикс **398**

Постскриптум

Цаголов Г.Н.
Неугасающие звезды **424**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Политико-экономический подход, наследующий достижения классики XVII – начала XIX веков и, в наибольшей степени, разработки марксистской школы политической экономии, казалось ушедший в конце XX века из пространства теоретико-экономических исследований и экономического образования, в настоящее время возвращается и университеты, и в исследовательские центры. Причём, мы говорим в данном случае не о economics – курсе, продолжающем методологию и теорию неоклассики – а о теории, развивающей основные положения классической школы, исследующей объективные общественные отношения, складывающиеся в процессе производства, распределения, обмена и потребления, исходящие из трудовой теории стоимости и т. д.

Продолжающая линию классики политическая экономия сегодня активно присутствует в научно-образовательном пространстве многих стран, среди которых лидер экономического развития последних десятилетий Китай, а так же Вьетнам, ряд государств Латинской Америки и др. Так, в КНР во всех основных университетах созданы факультеты (институты) марксизма, где политическая экономия является одним из основных предметов, она активно преподаётся на экономических факультетах, служит основой научно-исследовательских работ, причём не только академических. В этой стране издаётся масса политико-экономических журналов, в том числе высокорейтинговый англоязычный журнал World Review of Political Economy (Всемирное политико-экономическое обозрение) и др.

В США и Европе, где политическая экономия никогда не исчезала полностью, исследования в рамках этого направления активно развиваются, преподаются курсы политической экономии, издаются весьма престижные журналы, постоянно проходят конференции национальных и международных политико-экономических ассоциаций. Среди последних отметим такие как International Initiative for Promoting Political Economy (Международная инициатива по продвижению политической экономии) и World Political Economy Association (Всемирная политэкономическая ассоциация), ежегодные конференции которых собирают от многих сотен до тысяч участников.

В России в постсоветский период политическая экономия была оттеснена на обочину научно-образовательного процесса. Од-

нако, последнее десятилетие принесло немалые изменения: в Москве в 2022 году на базе экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова прошел уже 6-й Международный политэкономический конгресс, регулярно выходит журнал «Вопросы политической экономии», в котором, в том числе, опубликованы многочисленные программы читаемых в России и других странах курсов политической экономии, изданы новые учебники и монографии по политической экономии[1] и др.

И всё же политическая экономия и в России, и в большинстве стран мира остаётся одним из развивающихся и признанных, но отнюдь не доминирующих направлений, активно в этом пространстве в настоящее время работает от 1 до 10% исследователей (в России их доля больше, в странах Запад – меньше). У этого есть глубокие объективные причины, которые обусловлены особенностями политико-экономического взгляда на социально-экономические процессы.

Особенностью политико-экономического подхода является, во-первых, анализ объективных производственных отношений (в их взаимосвязи с производительными силами как материально-технической основы первых и социально-политическими процессами как «надстройки» над экономическим базисом). Вопрос об индивидуальном выборе, принятии решений в условиях меняющейся конъюнктуры рынка, рекомендации по тому, как расширять продажи и увеличивать прибыль политическая экономия непосредственно не даёт. Она объясняет природу человека в разных социально-экономических системах, в частности, природу homo economicus – экономического человека, являющегося актором рыночных отношений, показывает его объективные интересы (максимизация стоимостного дохода и минимизация издержек, в первую очередь, труда). Она показывает как и почему для индустриальных производительных сил адекватными становятся отношения рынка и капитала, но в то же время политэкономия показывает, что по мере роста

[1] Назовем лишь некоторые из них: Бузгалин А. В., Колганов А. И., Барашкова О. В. (2018). Классическая политическая экономия: марксистская версия. М.: УРС; Глазьев С. Ю. (2019). Управление развитием экономики: курс лекций. М.: Факультет государственного управления МГУ; Максимцев И. А., Миропольский Д. Ю., Тарасевич Л.С. (ред.) (2016). Евразийская политическая экономия: Учебник. СПб: Изд-во СПбГЭУ; Рязанов В.Т. (2019). Современная политическая экономия. Перспективы неомарксистского синтеза. СПб., Алетейя.

обобществления производства и творческого содержания труда эти отношения ограничиваются и подрываются. Более того, наша наука показывает, с какими объективными противоречиями, в том числе – социально-политическими, сопряжены процессы становления и развития рыночно-капиталистической системы.

Во-вторых, политическая экономия исходит из того, что существующие отношения рынка, наёмного труда и капитала исторически ограничены. На определённой стадии общественного развития они стали господствующими (что заняло почти 500 лет), на определённой стадии (начиная как минимум с Великой депрессии 1929-1933 годов) они начинают, как было отмечено выше, ограничиваться и подрываться, дополняясь переходными пострыночным и посткапиталистическим отношениям. Мы показываем, как и почему возникает общественное регулирование экономики, в частности, структуры производства, качества продукции и ряда цен, экологические и социальные стандарты, общественный сектор, бесплатное для пользователя распределение базовых средств развития в сферах образования и здравоохранения, перераспределение части прибыли и ренты в пользу трудящихся через прогрессивный налог на доходы и наследство и мн. др.

В-третьих, политическая экономия активно связывает те или иные решения в области экономики с социально-экономическими и политическими интересами существующих социальных слоев и классов. Это касается и решений индивида, который выбирая сферу своей деятельности, стоит перед выбором максимизации частного дохода или общественного блага, решений в рамках фирмы или корпорации (в рамках проблем дилеммы прибыль или личные доходы собственников и топ-менеджеров, меры социальной ответственности и т. п.), на уровне национальной экономики (мера социальной, экологической, гуманитарной ориентации экономической политики).

Перечень можно продолжить, но и так понятно, что интересы социально-экономических и политических сил, господствующих в рыночно-капиталистической системе (тех, у кого есть деньги и власть) лежат в иной плоскости, а именно эти силы в первую очередь предъявляют заказ на научные разработки и специалистов с высококлассным образованием. Но это одна сторона медали. Другая сторона состоит в том, что формируемый атмосферой рыночного и денежного фетишизма член капиталистического общества со своей стороны так же предъявляет заказ в первую очередь на рекомендации, позволяющие ему как можно более эффективно покупать (будь

то средства существования или предметы роскоши) и продавать (свою рабочую силу и продукцию своей фирмы).

В этих условиях политическая экономия оказывается востребована только той частью общества, которая стремиться уйти от власти рынка, денег, капитала, обрести реальную свободу – свободу познавать и изменять этот мир в соответствии с критериями общественного прогресса (кстати, привнесение категории «прогресс» в экономическую науку – это то же один из отличительных признаков политической экономии). Этот тип человека – человека, являющего субъектом ассоциированного социального творчества – то же объективно генерирует в силу своих внутренних противоречий капитализм. Им становится ориентированный на приоритет общественных интересов активист профсоюзного, экологического или иного социального движения, борющийся против коммерциализации образования, здравоохранения, науки работник общественного сектора, ищущий знания о законах исторического развития общества (а не только о путях максимизации будущего дохода) студент, учёный, преподаватель. Ими политическая экономия востребована. И именно для них написаны эта книга.

Впрочем, стратегически и критически мыслящему бизнесмену и управленцу политическая экономия так же весьма необходима, ибо «кто предупреждён, тот вооружён»: политэкономы показывают как и к чему могут вести и ведут противоречия существующей социально-экономической системы (от ставших вновь реальностью мировой экономики кризисов перенакопления до войн и глобальных катаклизмов) и как эти противоречия разрешать, в том числе, методами реформ. Поэтому неслучайно в периоды кризисов резко возрастает потребность в советниках и консультантах, статьях и книгах тех, кто в «тучные» времена отодвигался в тень…

* * *

Настоящее издание включает в себя подборку наиболее активно обсуждавшихся статей учёных-политэкономов, членов редакционной коллегии и постоянных авторов журнала «Вопросы политической экономии». Большой объем материалов обусловил выбор двухтомного формата издания.

В первый том включены тексты, посвящённые проблемам методологии политической экономии и междисциплинарных исследований. Большое значение в первом томе уделено вопросам реактуализации «Капитала» Карла Маркса, что неслучайно. С одной стороны, современная политэкономия, как уже было сказано, характе-

ризуется критическим развитием и обогащением Марксова наследия. Современная политэкономия много больше, чем «Капитал» и во многом иная, чем «Капитал», но фундаментальные теоретические положения этого классического труда могут и должны быть критически использованы сегодня. Ещё один блок текстов в первом томе – вопросы роли политической экономии в решении фундаментальных вопросов современности (от геополитики и империализма до противоречий генезиса социализма), а так же места нашей науки в спектре других течений экономической мысли.

Второй том посвящён потенциалу политической экономии в решении ключевых проблем современной экономики. В частности, в данном томе рассматриваются проблемы системного взгляда на экономику и её связи с практикой, диалектики взаимосвязи политической экономии и экономической политики и др. Одной из центральных тем является политэкономическое исследование системы производственных отношений и институтов современного капитализма, включая вопросы технологического развития, роли государства, растущего неравенства, геополитэкономических противоречий и циклов накопления, противоречий развития человеческого потенциала, в частности, в образования, и даже сохранения добуржуазных отношений. Завершает том раздел, посвящённый анализу современной экономической системы России. Авторы раскрывают особенности системы производственных отношений, обусловившие стагнацию и экстенсивный тип воспроизводства отечественной экономики, противоречия и развилки социальной политики и др.

Завершает книгу материал, посвящённый проблемам реформирования образования в области экономической теории и задачам возрождения преподавания политической экономии.

* * *

Авторы будут благодарны читателям за критические замечания и комментарии.

Тексты публикуются в авторской редакции.

А. В. Бузгалин
д.э.н., профессор,
главный редактор журнала
«Вопросы политической экономии»

Н. Г. Яковлева
д.э.н., доцент,
ответственный секретарь журнала
«Вопросы политической экономии»

ВВЕДЕНИЕ

Классическая политэкономия: путь в университеты[1]

Бузгалин Александр Владимирович,
д.э.н., директор Центра современных марксистских исследований философского факультета, профессор кафедры политической экономии МГУ имени М. В. Ломоносова

Ключевые слова: политическая экономия, неоклассическая экономическая теория, преподавание экономической теории, марксизм.

Экономическая теория последней четверти века ознаменовалась многими интересными подвижками, среди которых мы хотели бы выделить три, посвятив им прелюдию к нашей статье, призванную показать значимость выбранной автором проблемы[2].

Почему политическая экономия?
Почему сейчас? (Прелюдия)

Первая подвижка — всё большее внимание к масштабным историческим и социо-пространственным сдвигам, происходящим на наших глазах. И теоретики, и практики все больше убеждаются, что «конец истории» не состоялся, и в мире начинаются существенные изменения, которые не описываются при помощи модификаций и усложнения моделей функционирования рыночной экономики. Дискурс «история» стучится в двери экономической науки.

Вторая — широко известный феномен растущего «экономического империализма». Его экспансия едва ли не очевидна: сошлёмся хотя бы на то, что все больше нобелевских лауреатов получает премии по экономике за исследование не собственно экономических объектов. И это выглядит как новое торжество неоклассики. Парадокс, однако, состоит в том, что сам феномен «экономического империализма», на наш взгляд, все более становится своеобразным «доказательством от обратного» того, что экономическая теория

[1] *Цитирование:* Бузгалин А.В. (2015). Классическая политэкономия: возвращение в университеты // Вопросы политической экономии. №1. С. 8-23.
[2] Автор выражает благодарность О. Барашковой за помощь в работе над подготовкой материала к публикации.

должна рассматривать не только функционирование рынка, рыночные трансакции и «провалы рынка», но и некоторые другие, выходящие «по ту сторону» традиционной проблематики, явления. Так, размышления о критериях успешности экономического развития привели к появлению «экономики счастья», исследование «человеческого капитала» — к «открытию» долгосрочных альтруистических потребностей, обращение к феномену «социального капитала» привело к выделению отношений солидарности как важного фактора экономического прогресса, а теоретики нового институционализма всерьёз анализируют не только рыночные способы взаимодействия экономических акторов даже там, где нет государственного «вмешательства»...

Третья подвижка — своеобразное «возвращение» классической политической экономии. Для большинства представителей «основного течения» экономической науки оно оказалось мало заметно. Да, в период мирового экономического и финансового кризиса резко возрос интерес к «Капиталу» К. Маркса, но что из того? Кризис если и не преодолён до конца, то для большинства стран остался в прошлом, как и интерес к марксистскому экономическому наследию...

Всё, однако, далеко не столь однозначно. Более того, анализ сначала постиндустриальной экономики, а затем императивов реиндустриализации заставил сперва зарубежных, а затем отечественных авторов обратить внимание на необходимость включения в сферу исследования экономической теории процессов производства (причём не только в его роли предпосылки обмена), а серьёзные общественные противоречия все чаще заставляют обращаться к проблеме реального исследования объективных экономических отношений и взаимодействий общественных социальных сил, выступающих как целое, противоречий социально-экономических отношений больших социально-экономических общностей, уходя от принципа методологического индивидуализма и продвигаясь в сферу других методов исследования и другого категориального аппарата, нежели тот, что характерен для так называемого «твёрдого ядра» микроэкономики.

Все эти подвижки не случайны. Как мы уже не раз писали, современная экономика (мы бы сказали — экономическая система позднего капитализма) характеризуется двумя противоположными трендами. Один — тотальная экспансия рынка и капитала во все

сферы жизни общества, в том числе и те, что лежат вне производства и обмена товаров и услуг в их традиционном понимании — в сферу межличностных отношений, свободного времени и т. п. Второй — развитие социально-экономических отношений, не сводимых к рынку и его «провалам».

Оба этих феномена заставляют сделать шаг «по ту сторону» «рыночноцентричной» модели экономической теории. Кроме того, присутствует и ещё одно — историко-пространственное — измерение всех этих процессов, о чем мы упомянули выше.

И экономическая наука начала постепенно отвечать на эти объективные вызовы. Но делает это опять же противоречиво. В большинстве случаев используется традиционный для начальной стадии исследования приём редукционизма: новая роль человека в экономике объявляется человеческим капиталом, для исследования поисков счастья используется тот же теоретический аппарат, что для максимизации прибыли, и т. д., и т. п.

Между тем была, есть и продолжает развиваться гетеродоксальная экономическая теория, которая позволяет исследовать все эти явления при помощи адекватных им методов, языка, категориального аппарата... Это пространство экономической теории многообразно и представлено разными течениями (от классической политэкономии марксизма до посткейнсианства, включая классический институционализм и др.), во многом близкими друг к другу и в той или иной степени переплетающимися с ортодоксальной экономической теорией, но «твёрдым ядром» неоклассики являются методология и категориальный аппарат, вырастающие из марксизма.

На важность обращения к этому «твёрдому ядру» (в его современном виде) для решения проблем не только экономико-политических практик, но и теоретического экономического образования, мы хотели бы обратить внимание в этом тексте, претендующем скорее на постановку вопросов, нежели на их окончательное решение.

1. Неоклассика многое унаследовала из классической политической экономии, став теоретическим отражением превратных форм капиталистического мира

Ныне принято «забывать», что современный economics и его микроэкономические теоретические основания (теория предельной полезности, предельной производительности, вырастающие из них

теории человека и его поведения, фирмы, денег и т. п.) явились одновременно и продолжением, и отрицанием классической политической экономии, прежде всего — работ Адама Смита. Что касается Рикардо и, особенно, Маркса, то неоклассика, как правило, воспринимается как нечто абсолютно не связанное с этим направлением экономической мысли.

Это утверждение правомерно лишь в определённом отношении. Действительно, все базовые положения марксистской политической экономии в неоклассике отрицаются. Это касается как предмета и метода, так и самой теории.

В первом случае неоклассика отказалась от исследования объективных экономических закономерностей (но в итоге пришла к формулировке целого ряда теоретических выводов, используемых именно как отражение законов «рыночной экономики» и частично позаимствованных из классической политической экономии) и от претензий на создание системы категорий, диалектически, на основе восхождения от абстрактного к конкретному, отражающих систему производственных отношений (но пришла к набору жёстких формул, воспроизводимых как аксиомы во всех работах, основанных на «твёрдом ядре» микроэкономики).

Во втором случае неоклассика выступила с теоретическими альтернативами трудовой теории стоимости, теории капитала и эксплуатации и др.

Однако многое из классики (в том числе, как ни странно, марксизма) в неоклассику вошло, хотя и без каких-либо упоминаний (во всяком случае, в современных работах) о позаимствованных у оппонентов тезисах.

Выделим лишь некоторые из таких положений.

Исходная категория марксистской политической экономии капитализма — товар — предполагает единство стоимости и потребительной стоимости. Последняя есть способность вещи удовлетворять потребность другого (нежели производитель) лица, то есть, говоря современным языком, полезность вещи для покупателя. Сие есть исходный пункт любой теории полезности. Далее, неоклассика, естественно, не обходится без опоры на категорию издержек, которые в конечном счёте оказываются ничем иным, как суммой затрат живого и овещненного труда. В конечном итоге оказывается, что в основе неоклассической теории цены лежит соотношение трудозатрат и полезности. Вспомнив, что при анализе формы стоимости (о

котором «забывает» большинство критиков марксизма) в «Капитале» утверждается, что единственным зеркалом, в котором может отразиться стоимость товара А, является потребительная стоимость (т. е. полезность) товара Б, легко понять, что в основе неоклассики лежат во многом те же аксиомы, что и в основе марксизма. И это не случайно: их диктует практика. Другое дело, что из этих базовых понятий далее делаются прямо противоположные выводы…

Продолжим. Ещё одним кажущимся парадоксом выглядит совершенно неслучайное совпадение сущностных определений рыночной экономики в классической политической экономии и неоклассике.

При всём том, что рынок в рамках последней парадигмы определяется крайне разнообразно и во многих случаях предельно общо, так что он вообще совпадает с любой системой обмена благами (в последнем случае и феодальное натуральное хозяйство, и экономика СССР оказываются всего лишь особыми видами рынка), в ядре неоклассики заложено довольно чёткое понимание того, что есть рынок. Достаточно поставить перед неолиберальным экспертом вопрос о переходе к прямому продуктообмену или об увеличении бесплатного для потребителя распределения благ (например, в сфере образования или здравоохранения), или о введении директивного планирования, или хотя бы об ограничении свободного движения товаров и капиталов, как он тут же возразит — эти меры, скажет он, ведут к ограничению или даже подрыву рыночных отношений, и…

…будет прав. Ибо де факто он исходит из того, что атрибутами рынка являются общественное разделение труда и обособленность производителей. Уберите первое, и вы получите натуральное, до-рыночное хозяйство. Уберите (или хотя бы ограничьте) второе, и вы окажетесь в мире сознательного регулирования экономики, чего всячески стремятся не допустить последовательные сторонники свободной рыночной экономики.

Как ни странно, но марксисты в этом с ними абсолютно солидарны. Более того, восходящее ещё к Смиту и Рикардо, но развитое прежде всего Карлом Марксом понимание сущности товарного производства зиждется именно на этом строгом диалектическом определении экономического пространства-времени, формой которого является рынок. Диалектическое единство общественного разделения труда, делающего труд производителей общественным, и

обособленности производителей, делающей труд частным, и есть основа противоречия и единства труда абстрактного и конкретного, стоимости и потребительной стоимости, составляющих две неразрывных стороны товара — «клеточки» системы отношений товарного производства, называемой в неоклассике «рынком».

В этом смысле последовательные сторонники свободного рынка — наиболее жёсткие и последовательные неоклассики — неявно, но методично пользуются именно марксистским, а не неким расплывчато-неопределённым, из «здравого смысла» почерпнутым определением рынка.

Другое дело, что марксисты, исходя из этого определения сущности товарного производства, делают вывод о его историческом характере, показывая причины и природу его генезиса и подрыва, его прогрессивную и регрессивную роль и т. п., а неоклассики останавливаются на констатации когда-то справедливого положения о прогрессивности (по сравнению с натуральным хозяйством) «рынка», и далее превращают последний в вечный, «естественный» и единственно эффективный способ экономической организации.

Более того, логика «Капитала», снимающая достижения предшествующей классической политэкономии, далее выводит (не постулирует, а именно выводит, проверяя теорию практикой) целый ряд других атрибутов товарного производства, также включённых неоклассикой в свой теоретический арсенал.

Выделим лишь один из них — теорию товарного фетишизма. В рамках этого небольшого раздела К. Маркс критически развивает идею Адама Смита о так называемом «экономическом человеке», показывая, что стремление к максимизации стоимостного богатства (товаров, денег) есть не некая «естественная», вечная и от бога или от незыблемой природы человека идущая страсть, а результат господства определённого типа производственных отношений — отношений товарного производства, формирующего именно этот тип человека, его ценностей и мотивов. Соответственно, другая система экономических отношений формирует другой тип человека, примеры чему знала и знает история общественной жизни. Это простое, но принципиально важное теоретическое положение, относящееся к азбуке марксизма XIX века, неоклассика в лице лишь некоторых своих представителей и в крайне усечённом виде «открыла» только в конце XX столетия, когда появились теории «социального» и т. п. капитала и признание того, что человек и в долго-

срочной перспективе может максимизировать не только свой частный доход, и что это надо учитывать в экономической теории.

Продолжая логику «Капитала», укажем на теорию денег, где К. Марксом были показаны не только их сущность и функции (теоретический багаж, утерянный неоклассикой, причём совершенно напрасно: он очень актуален в свете анализа противоречий современных виртуальных денег и финансовых пузырей, ибо позволяет показать причины возникновения последних и пути их снятия), но и количественная сторона. Знаменитое «уравнение Фишера», как хорошо известно, есть не более чем заимствование (причём с упрощениями) формулы количества денег в обращении, выведенной (а не постулированной, как у Фишера) в 3 главе I тома «Капитала».

К сожалению, формат статьи не оставляет автору возможности показать целый ряд других заимствований из классиков, имеющихся у неоклассиков. Ограничусь лишь упоминанием основных. Категории безработицы, её форм и видов; издержек, включая важные классификации издержек обращения; заработной платы как превратной формы, создающей видимость платы за труд, и её форм; прибыли как превратной формы, создающей видимость её создания капиталом, а не наёмным работником, и нормы прибыли; специфики ссудного капитала, включая выделение капитала-собственности и капитала-функции (а это фундаментальная основа неоклассической проблемы отношений «принципал-агент» и теории «революции управляющих»); самоотрицания капитала внутри капиталистического способа производства вследствие развития акционерного капитала (исходный пункт так называемой «диффузии собственности» и «посткапитализма») и мн. др.

И это только некоторые положения «Капитала». Между тем и в XX веке, и в последние десятилетия появилось немало фундаментальных работ, развивающих традиции классической политической экономии и давших немало импульсов для развития теории монополистического и финансового капитала, государственного регулирования экономики, социальных ограничений рынка, глобализации и мн. др., что также в той или иной мере было воспринято «основным течением» экономической теории.

Подчеркну: дело здесь не в уточнении приоритетов. Наука всегда развивается через снятие предшествующих достижений, и то, что многие из нынешних неоклассиков являются «Иванами, родства не помнящими», есть следствие не столько их злого умысла (коего у

них, скорее всего, нет), сколько пугающего всякого настоящего учёного патологического безразличия большинства представителей этого течения к фундаментальным основам своей теории, методологии теоретико-экономических исследований и истории мысли.

Дело в другом и гораздо более важном обстоятельстве. «Забвение» (а точнее — игнорирование) классических основ, легших в основу современной экономической теории, в том числе — неоклассической, и их игнорирование как в исследовательской деятельности, так и — что особенно тревожно — в процессе преподавания, ведёт к потере огромного пласта знаний, абсолютно необходимых для понимания закономерностей эво/ин-волюции современной мировой и российской экономики, и провоцированию теоретико-образовательных лакун, ведущих к очень опасным ошибкам в деятельности эконом-политиков.

Автор этих строк, в отличие от иных мировых авторитетов, не считает, что президенты и министры делают то, чему их научили их университетские профессора. Практика доказывает: эконом-политики делают то, что соответствует интересам правящего политико-экономического класса. Но, тем не менее, фундаментальное политико-экономическое образование способно влиять на общественное мнение, которое, в свою очередь, способно формировать общественный запрос на иную экономическую политику. А этот запрос, в конечном итоге, может как минимум ограничивать аппетиты правящего класса, как максимум — приводить к его замене…

Так мы вплотную подходим к ключевой проблеме нашего текста: ответ на какие вопросы экономической жизни даёт классическая политэкономия и её современные разработки?

2. Что позволяет изучить классическая политическая экономия

Во-первых, классическая политическая экономия позволяет (я бы даже сказал жёстче — требует!) ставить вопросы там, где неоклассика видит готовые и вечно-истинные решения. Приведу лишь один пример. Для классической политэкономии одной из интереснейших является проблема (1) генезиса и (2) отмирания рынка. Для неоклассики оба аспекта проблемой не являются. Есть некоторая аксиома: рынок есть единственно эффективная форма аллокации ресурсов. У него существуют некоторые «провалы», которые восполняет государство и которые надо сводить к минимуму.

Так формируется то, что автор этих строк совместно с А. И. Колгановым назвал «рыночноцентризмом экономической теории».

По-видимому, читатель уже догадался, что автор в данном случае должен будет использовать параллель с птолемеевской геоцентрической моделью Вселенной. В самом деле, давайте задумаемся, почему вплоть до XV–XVII веков (а в России для [неграмотного] большинства населения аж до начала XX века) геоцентрическая модель оставалась абсолютно господствующей? Потому, что её противников отправляли на костёр? Да, и это тоже правда. Но решение проблемы лежит в другой плоскости. Для феодальной (основанной на натуральном хозяйстве и крепостничестве) экономики, сословно-иерархической «политики» и догматически религиозной духовной жизни любая иная теория мироустройства была (1) не нужна и (2) опасна (опасна угрозой теоретической критики сложившегося миропорядка, являющейся, как правило, прологом практического изменения последнего). Именно практика той эпохи, требовавшая локальной, привязанной к общине-поместью-приходу, замкнутой, движущейся в рамках природного цикла традиционной жизни, превращала [ложную] птолемеевскую модель в необходимую и достаточную теоретическую предпосылку тогдашнего мира, а [истинную] систему Коперника—Галилея—Бруно делала ненужной и опасной. Однако гелиоцентрическая теория, наука и истина были нужны для иной практики — практики разрушения феодального мира — замкнутого социально-экономического пространства, кругового социально-экономического времени, тоталитарно-догматической идеологии...

Конечно, аналогия — не доказательство, но она вполне может послужить прологом и иллюстрацией к доказательству.

В принципе, сходная ситуация вновь наблюдается сегодня в экономической теории. Вновь — ибо XXI век повторяет (причём во многом в фарсовом виде) ситуацию казавшегося всеобщим и вечным господства рыночно-буржуазного строя позапрошлого столетия. Тогда для окончательной победы, а сейчас для самосохранения и консервации этой системы была не нужна и опасна всякая иная, кроме «рыночноцентричной», экономическая теория.

Во-первых, для экономических субъектов, практически (а не только идейно) сращенных с рыночной системой (некритично под-

чинённых товарному, денежному и т. п. фетишизму[3]), иная теория и не нужна. Их практическая экономическая жизнь сведена к набору решений, где критерием является максимизация денежного богатства и его производных в кратко и/или долгосрочном периоде и, соответственно, им нужна лишь чётко привязанная к этим практическим задачам наука. И «рыночноцентричная» теория в принципе справляется с решением этих задач.

Более того, во-вторых, эта теория оберегает этих субъектов от любых лишних, опасно критических постановок и вопросов, указывающих на наличие других, не рыночных миров. Она теоретически «доказывает» (как это в своё время делали отцы церкви, защищая постулаты Птолемея), что иного мира нет, вроде бы как бы и не было (раз уж о не-рыночном производстве, распределении и потреблении упорно «забывает» теория, то простым смертным и подавно о них знать не следует) и уж точно никогда не будет. Аминь.

Наконец, в-третьих, любая теоретическая школа, указывающая на то, что рынок не есть единственно-возможное устройство жизни, опасна, как была опасна в своё время гелиоцентрическая модель строения Вселенной: и в том, и в другом случае правящие силы отторгают вредное для них знание (правда, критиков рыночноцентричной парадигмы пока ещё — тьфу-тьфу-тьфу — не тащат на костёр). Для сохранения господства глобальной гегемонии капитала и «рыночного фундаментализма» (напомним, это термин Дж. Сороса) опасна активная пропаганда теоретических представлений, показывающих, например, что рынок как экономическая система, обслуживающая большую часть трансакций большей части человечества, окончательно победил только в… начале XX века. До этого же человечество много столетий мучительно пыталось перейти к рынку и капиталу, заплатив за это ценой кровопролитнейших революций и войн (чего стоит хотя бы самая кровавая война XIX века — между Севером и Югом в США, да и Первую мировую войну явно не большевики развязали), колониального угнетения и т. п. (В скобках заметим: economics вообще «видит» только развитые системы, а то и исключительно американскую экономику, оставляя на долю особых

[3] А это подчинение существует в той мере, в какой предприниматель ведёт бизнес, ориентируясь на максимизацию прибыли и не задумываясь, на чем он делает деньги; в какой наёмный работник выбирает сферу занятости, ориентируясь на максимизацию зарплаты, а не на реализацию своих душевных интенций…

дисциплин, лежащих «по ту сторону» собственно экономической теории, — компаративистики и экономики развития — хозяйственную жизнь 4/5 человечества[4].)

Ещё более опасен тривиальный вопрос: если рынок есть особая форма координации, одна из многих исторически существовавших форм распределения ресурсов, если он когда-то (как господствующая форма — всего лишь сто-двести лет назад) возник, то это означает, что рыночная экономика — не более, чем исторически ограниченная, имеющая не только начало, но и конец, экономическая система? И уж совсем вредоносным станет серьёзный теоретический анализ (к тому же анализ самокритичный, указывающий на собственные ошибки и грехи апологетики) реальных ростков реальных пострыночных и посткапиталистических отношений[5].

Этот анализ опасен не только тем, что пробуждает излишнюю (для подчинённых без остатка рынку мещанина-потребителя и мещанина-бизнесмена) пытливость ума и вредные вопросы, но, прежде всего, тем, что показывает:

- историчность рыночной экономики как системы, когда-то возникшей и — как все исторические системы — когда-то долженствующей перерасти в другую экономическую систему (возможно, если следовать букве и духу марксизма, составляющей «всего лишь» базис для постэкономического «царства свободы»);
- реальные противоречия рыночно-капиталистической экономики, обусловливающие возможность и необходимость её заката;
- различие между видимостными механизмами её функционирования и существенными чертами товарных отношений и капитала, лежащими в основе этой видимости, и скрытыми превратными формами так, как хороший макияж и модные одежды скрывают действительную внешность и возраст женщины;

[4] У такого подхода, впрочем, есть свои резоны: «Капитал» тоже отражает прежде всего развитое состояние капиталистической экономики. Так что анализ прежде всего наиболее развитого вида определённой экономической системы теоретически вполне правомерен, если… если он не выдаётся за характеристику экономики вообще, как это происходит в случае с economics и не происходит в случае с «Капиталом».

[5] Отчасти такой анализ проделан в статье А. Бузгалина «Эвристический потенциал политической экономии социализма в XXI веке» (Вопросы экономики. 2003. № 3).

- ростки и элементы реальных не-рыночных (в том числе и пост-рыночных) отношений в современной мировой экономике;
- теоретические модели, объясняющие кто, как и почему может и будет способствовать рождению новых, идущих на смену рынку и капиталу, отношений.

И поскольку такие теоретические построения опасны, постольку их можно и должно (с точки зрения адептов «рыночноцентричной» модели) не замечать как не существующие или объявлять маргинальными (что не лишено своеобразных оснований — Коперник и Галилей 500 лет назад тоже были «маргиналами»), а в случае невозможности этого — объявлять ложными. Если же и это не удаётся, то можно переходить и к административно-политическим методам (в демократических странах последние, как правило, используются редко и осторожно).

* * *

Во-вторых, то т ж е пример указывает на то, что мы видим экономику не только как функционирование микро и макроэкономических процессов, подчинённых в общем и целом мало изменяющимся моделям рыночной системы, а но и как процесс нелинейного развития и трансформации качественно различных и исторически ограниченных (имеющих «начало» и «конец») экономических систем. Эти трансформации начинаются с перехода от основанных на ручном труде, натуральном хозяйстве и внеэкономическом принуждении систем античного и азиатского способов производства к экономике преимущественно индустриальной, основанной на рынке, наёмном труде и частной собственности на капитал, и идут далее к её видоизменениям по мере генезиса (подчеркнём — нелинейного, включающего реверсивные, попятные тренды!) постиндустриальных технологий, государственного регулирования, социально-ориентированного перераспределения дохода, развития общественного сектора в наиболее передовых отраслях (образование, наука, культура, здравоохранение) и т. д.

* * *

В-третьих, классическая политическая экономия и её современные достижения позволяют по-новому взглянуть на ключевые категории экономической жизни.

Использую только три примера: трактовку таких категорий,

как «человек», «государство» и «фирма», в современной марксистской теории.

Начинать изучение основных положений классической политэкономии и, в частности, марксизма, в вопросах, касающихся человека в его социально-экономическом бытии, следует с понимания того, что проблема Человека марксизмом всегда принципиально рассматривается как междисциплинарная. Не менее важно и то, что в рамках этой теории понятие Человек не случайно пишется с большой буквы, ибо его личностное развитие позиционируется как высший критерий прогресса и, соответственно, высшая мера эффективности, позволяющая сравнивать между собой различные общественные (в частности, экономические) системы.

Также в классической политэкономии показывается, что социально-экономическая природа Человека качественно различна в разных экономических системах. Соответственно, принципиально различны цели и мотивы деятельности, социально-экономические нормы поведения человека и, следовательно, социально-экономическая природа этого актора.

Следующим ключевым положением с точки зрения классической политэкономии необходимо считать то, что Человек в условиях экономической общественной формации включён в большие социально-экономические структуры (классы, страты и т. п.), которые, в свою очередь, существенно детерминируют тип его экономического поведения, ценности и мотивы, и — главное — социально-экономические интересы.

Соответственно, проблема рациональности не только в классической политэкономии, но и в экономической теории в целом должна стоять не столько как вопрос большей или меньшей рациональности, сколько в качестве проблемы особенного конкретно-исторического типа рациональности. Этот тезис позволяет сделать вывод, что в экономике существуют качественно различные типы рационального поведения человека, характерные для разных социально-экономических систем и представителей разных социальных страт.

Продолжим. С точки зрения теории марксизма, человек — это не только продукт определённых производительных сил и объективных общественных отношений (прежде всего, производственных), но и творец истории. Это две противоположных и единых в рамках общественной экономической формации ипостаси бытия

Человека.

Существенно, что за последние десятилетия в неоклассике и теориях, базирующихся на её методологии, появились относительно новые разработки в области проблемы человека.

К числу таких «открытий» относятся разработки представителей нового институционализма, обнаруживших, что на процесс принятия решений и выбор индивидов влияют институты. Здесь, что называется, комментарии излишни: это прямое заимствование одного из выводов марксизма. Как мы уже не раз отмечали, представители нашей школы столетие назад показали, что, в частности, производственные отношения определяют социальный тип человека, его интересы, ценности и мотивы. «Перевод» этого тезиса с языка марксизма на язык институционализма и сведение проблемы к описанию форм производственных отношений (без анализа сущности и её противоречий) — такова была бы «заслуга» данного направления в этом вопросе[6], если бы не существенный «нюанс». А «нюанс» этот неслучаен и значим: новый институционализм предлагает конкретные разработки, раскрывающие важные для процессов накопления капитала формы отчуждённого бытия человека в условиях позднего капитализма. В последнем вопросе новый институционализм действительно преуспел, раскрывая вслед за Беккером все новые и новые формы «орыночнивания» человека и его подчинения глобальной гегемонии капитала. Для практики главных акторов рыночной системы (мы скажем жёстче и определённее: буржуазии вообще и номенклатуры глобального капитала в частности) это, спору нет, весьма важные теоретические результаты, имеющие большие перспективы практического применения.

Так и получается, что в стремлении приблизиться к реалиям экономических отношений новый институционализм вынужден многое заимствовать из марксизма, но делать это так, чтобы никто не заметил заимствования (для чего применяется метод переименований и «перевода» известных положений на новый «язык», что и создаёт видимость абсолютной новизны). Так происходит своеобразное «приспособление» теории и методологии марксизма к нуждам практики глобального капитала.

Вернёмся к недавним «открытиям» неоклассики в области

[6] Подчеркнём и ещё один важный пункт: как и все остальные теории, выросшие из неоклассики, новый институционализм рассматривает человека вне его конкретно-исторической и социально-классовой обусловленности.

теории человека.

К числу таких «прозрений» относится формулировка по сути дела диалектического противоречия, указывающего на ограниченность неоклассической методологии: по признанию адептов последней, как только эта теория пытается выйти за рамки абстрактно-одномерной модели экономического человека, описание поведения индивида теряет операциональность и утрачивает удобства формализации. Так, в рамках «основного течения» возникает выбор: либо слишком упрощённая, но операциональная модель, либо учёт реальной сложности объекта, но утеря операциональности.

На наш взгляд, однако, эта дилемма отчасти снята в некоторых современных работах, принадлежащих к неоклассической парадигме. Так, например, этой теории удаётся начать строить модели, учитывающие, что (1) у людей наличествуют долгосрочные устойчивые интенции к осуществлению действий, направленных на общественное, а не частное благо; (2) люди не только конкурируют, но и вступают в отношения солидарности; (3) существуют не только частные интересы индивидов, но и единые для них общественные экономические интересы.

Все эти «открытия» в основе своей повторяют основные положения марксистской политэкономии (в том числе — советской), но при этом (1) дополняют их «операциональностью» и (2) знакомят читателей, не способных (или не желающих) познакомиться с марксизмом, с важными аспектами социально-экономического бытия человека. Как таковые они заслуживают позитивной оценки, которая была бы ещё выше, если бы эти авторы указывали марксистские основания своих «новых» идей, не забывая про ссылки на первоисточники. Сие, ко всему прочему, могло бы существенно помочь им в дальнейшем исследовании данного круга проблем при помощи совместных усилий преодолевающих догматизм марксистов и «прозревших» (способных увидеть нерыночные отношения в экономике) неоклассиков.

Наконец, заметим, что для марксистской экономической теории также принципиально значимым является исследование не только индивидов, но и таких акторов, как коллективы, социальные страты, классы. Более того, важен вопрос о том, что есть общество, и может ли оно рассматриваться как самостоятельный актор, обладающий некоторыми реальными общенародными экономическими интересами.

Напоминая, что с точки зрения политической экономии общенародные интересы — это не фикция и даже не только теоретическая абстракция, а реальный экономический феномен, с которым необходимо считаться в практике и который необходимо изучать в теории, приведём только один пример. Общечеловеческий интерес сохранения и рекреации природы — это реальный фактор, обусловливающий необходимость скоординированных на международном уровне экономических действий и осуществления значимых затрат; это феномен, требующий перехода в оценке макроэкономической эффективности к показателям, учитывающим сокращение невозобновляемых природных ресурсов и загрязнения среды и т. п. А ведь этим примером отнюдь не исчерпывается спектр общенациональных интересов, которые включают массу теоретических и практических проблем социальной защиты, экономической безопасности и т. п. с соответствующей корректировкой всех оценочных показателей и не только…

Вернёмся к проблеме различий в понимании ключевых акторов экономики в марксизме и economics.

Не менее сложна, чем вопрос о природе и роли Человека, проблема трактовки государства и его роли в экономике. В политической экономии государство предстаёт как исторически различный актор, специфический для разных экономических систем, представляющий сложную совокупность интересов (от общенародных до интересов господствующего в данном обществе класса, равно как и интересов государственной бюрократии как особой подсистемы этого института). Соответственно, роль государства в экономике отнюдь не сводится к минимально-необходимому вмешательству, связанному с компенсацией провалов рынка. Она определяется как действия особого экономического субъекта, реализующего особый способ экономической координации — учёт, контроль, регулирование, программирование и т. п., развивающего новый класс отношений собственности (общественной), распределения дохода (социальные трансферты и не только), воспроизводства и т. д.

Кажущееся сходство в определении «фирмы» в марксистской политэкономии и economics тоже оказывается видимостью.

С одной стороны, economics (и даже новый институционализм) по сути дела заимствовали классическое политэкономическое определение основного хозяйствующего субъекта рыночной экономики: (1) обособленный владелец товара (в развитом виде — капи-

тала), целью которого (2) является максимизация прибыли и для которого (3) характерны планомерные внутренние и конкурентно-рыночные внешние связи. Все три пункта восходят к классическим предшественникам Маркса и развиты в «Капитале». Неоклассика воспроизводит (только несколько иными словами) и первое, и второе, и третье (в последнем особенно преуспел новый институционализм, который «открыл», что фирма — это система, в рамках которой не-рыночные связи эффективнее рыночных, повторив на новый лад старый добрый вывод «Капитала» о внутрифирменной планомерности).

С другой стороны, политэкономический подход к трактовке первичного хозяйственного звена шире и глубже. Шире, ибо он предполагает выделение такого звена в разных экономических системах. Так, в эпоху доиндустриального феодализма первичным звеном были поместье, крестьянская община; раннего капитализма — простая капиталистическая кооперация; развитого индустриального капитализма — капиталистическая фабрика; постиндустриальной системы — капитал-сеть и т. д. Глубже, ибо в политэкономии специально анализируется различие технологических основ первичного звена (на что мы указали выше), его социально-экономической формы (скажем, при капитализме она эволюционирует от мелкого товаропроизводителя до транснациональной корпорации) и юридического оформления. Наконец, для политэкономии «фирма» — это ячейка, в которой отражаются (как океан в капле воды) все производственные отношения той или иной экономической системы (последнее отчасти характерно для близких к политэкономии направлений — классического институционализма и экономической социологии).

Вот почему вопрос о трактовке практически всех экономических категорий поставит перед нами те же задачи-проблемы различения и сопряжения их смыслов и места в науке...

И всё это в конечном итоге потребует ответа на ключевые вопросы:

- что и для чего изучают эти науки;
- кем поставленные задачи решают и на чьи вызовы отвечают, чьи интересы лежат в основе «социального заказа», реализуемого исследователями;
- что, как и почему они (вследствие этого) рекомендуют экономическим акторам, и каким именно акторам в первую оче-

редь: потребителю? бизнесу? профсоюзу? государству? партии (правой? центристской? левой?) НПО? социальным движениям?[7]

Так мы приходим к важному выводу: практика как деятельность общественного человека, творящего историю, гораздо шире, чем бизнес в стабильном буржуазном обществе. Этот тезис позволяет нам продолжить сравнительный анализ economics и политической экономии...

3. Потенциал неоклассической экономической теории и классической политэкономии: пределы

...А продолжим мы его апелляцией к риторическим вопросам: признаем ли мы, что мир качественно изменчив и что эти изменения особенно интенсивно происходят в последние десятилетия (постиндустриальная революция, обострение глобальных проблем, рождение и распад «реального социализма»), что чем дальше, тем больше именно они будут определять передний край нашей общественной практики, а значит, и теории; признаем ли мы, что мир глобален и его социально-экономическая жизнь несводима к функционированию рынка; более того, признаем ли мы, что необходимая для практики в широком смысле слова политикоэкономическая теория несводима к узкому кругу выводов, используемых economics? Если мы признаем все это, а также примем во внимание сформулированные выше различия политической экономии и economics, то мы сможем сформулировать весьма важные методологические гипотезы, показывающие спектр проблемных полей, которые economics не охватывает вообще или рассматривает, заимствуя багаж политической экономии, причём заимствуя поверхностно,

[7] Даже если учёный-обществовед в соответствии с заветом своего естественно-научного собрата скажет, что его теория адресована всем, кому дорога истина, он никуда не сможет деться от того, что «истины» одних будут использовать консерваторы, других — социал-демократы, третьих — ... И настоящий учёный должен отвечать на вопрос, почему его теорию использует та или иная общественная сила. И Вы знаете, каким, скорее всего, будет ответ: потому, что только эта сила заинтересована в честном отображении действительного положения дел и политически неангажирована. Так, например, «экономические империалисты» в своём большинстве уверены, что такой общественной силой является бизнес, доверяющие ему граждане и представляющие их интересы партии, а все, кто им так или иначе противостоит — идеологически ангажированы (в отличие от «идеологически нейтральных» сторонников «основного течения»).

неполно и без указания на первоисточник. Этот спектр будет прямо корреспондировать с выделенной выше спецификой предмета и метода постклассической политэкономии и economics.

1. «По ту сторону» economics по сути дела остаются все вопросы исследования нерыночных экономических систем и нерыночных экономических отношений; эта теория «рыночноцентрична»; все, что не-рынок, для неё не существует, или истолковывается по принципу «рыночноподобия», или оценивается как «провалы» рынка, которые должны быть сведены к минимуму.

2. Даже если абстрагироваться от не-рыночных систем, economics принципиально не исследует рынок (мы бы сказали, систему товарных, в частности, капиталистических отношений) как исторически-конкретную, т. е. возникающую и преходящую систему. В его рамках просто нет достаточных методологических и теоретических оснований для такого исследования.

3. Economics даёт теоретические основания только для исследования механизма функциональных взаимосвязей между различными экономическими агентами. Лежащие в глубине проблемы сущности «рыночной экономики» — сложную систему производственных отношений капитализма, закономерности его эволюции, его противоречия, причины рождения, развития и заката эта теория даже не ставит и не может ставить.

4. Economics оставляет в стороне проблемы исследования реальных общественных отношений между различными большими группами людей (классами, слоями) в процессе производства и распределения, а не только обмена и потребительского выбора. Вследствие этого в основном игнорируются как производственно-экономические, так и социально-экономические проблемы, а вместе с этим экономические основы социально-классовой стратификации, понимание интересов и закономерностей поведения, противоречий и компромиссов этих сил, причин и последствий реформ и революций etc.

5. По ту сторону economics оказываются каузальные связи, характеризующие проблемы макроэкономической динамики (воспроизводства). Ответы на вопросы о причинах кризисов или их отсутствия, о причинах того или иного качества роста, соотношения роста и развития, экономических основах социально-гуманитарного прогресса (регресса) и т. п. найти в рамках стандартной макроэкономики невозможно. Последняя даёт только характеристику (более

или менее адекватную, ибо всегда абстрагируется от массы принципиально значимых, но не квантифицируемых параметров) тех или иных функциональных связей (модели роста и т. п.).

6. За небольшим исключением работ, написанных постмарксистами, economics игнорирует проблему взаимодействия материально-технических основ экономики и собственно экономических процессов. За её бортом остаются экономические причины и последствия смены технологических укладов, не рассматривается вопрос о том, почему и как определённый тип производственных отношений определяет особый тип технической эволюции — доминирование производства предметов роскоши в эпоху позднего капитализма, вещный фетишизм рыночной экономики, подмеченная ещё Бодрийяром ориентация на производство симулякров, все более характерное для капитализма эпохи постмодерна... Эти проблемы активно разрабатываются в западной литературе, но почти исключительно вне методологии неоклассики.

7. В большинстве случаев economics малопригоден для анализа качественных социально-экономических трансформаций. Мировая экономика XX–XXI вв. знаменуется началом качественных перемен, которые в рамках economics не находят адекватного отображения, фиксируясь как либо «внешние эффекты», либо временные состояния, связанные с незавершённостью продвижения к идеальной [рыночной] модели, либо как исключения из правил. Для экономических исследований и преподавания экономических дисциплин (а это процессы, идущие в эпоху интеграции науки и образования рука об руку) в эпоху качественных изменений в общественной жизни принципиально актуальными становятся парадигмы, акцентирующие внимание на качественной стороне, причинах и природе, закономерностях э- или инволюции, прогресса или регресса экономик, критериев последних и т. п. А это означает, в частности, изучение границ и пределов систем, обладающих конкретным системным качеством, их противоречий и т. п. материи, «запретной» для economics. Такие исследования и такое образование позволяют не бояться видеть новое, адекватно его оценивать (т. е. оценивать как новое качество, тип экономики, а не особую [странную] разновидность рынка) и, что особенно важно, не впадать в редукционизм.

8. Наконец, для economics, по большому счету, существуют только те экономические параметры, которые подлежат квантифи-

кации, могут быть количественно выражены. От всего остального — по сути дела, от главной экономической материи, требующей применения не столько количественного, сколько качественного системного анализа, эта теория просто уходит, объявляя вненаучным все то, что нельзя «строго» (т. е. при помощи сколь угодно далёкой от реалий, но математически выверенной модели) отобразить и верифицировать.

В результате сторонники исключительно математизированной (абсолютно доминирующей) ветви неоклассической теории оказываются в положении героя известного анекдота, который искал не там, где потерял, а там, где светло. Объектом исследования такой теории становятся только те проблемные поля, которые отражены в той или иной статистике, представлены в виде количественных данных. Между тем экономическая статистика объективно поставлена в условия, когда она должна и может отражать преимущественно те данные, которые нужны для оптимизации принятия решений в области функционирования тех или иных акторов современной экономики, основными из которых являются те или иные формы капитала и государства. В результате огромные пласты длительных, качественных изменений в социально-экономической жизни остаются вне сферы внимания и как бы «объективно» выпадают из сферы исследования…

* * *

А теперь несколько слов самокритики: классическая политическая экономия — это наука, которая ставит перед собой задачу объяснения природы и закономерностей возникновения, развития и смены социально-экономических систем.

Как таковая она оказывается мало эффективна в деле решения тех проблем, которые наиболее востребованы практикой бизнеса — проблем поиска наиболее эффективных решений в области продаж и покупок, получения и выдачи кредитов, осуществления разнообразных финансовых операций, игры на бирже, прогнозирования макроэкономических индикаторов на несколько месяцев (или, максимум, лет) вперёд…

Наша наука в основном бесполезна для осуществления исследований, направленных на поиск путей улучшения функционирования тех или иных фирм и государственных структур в кратко и среднесрочном периоде. И в этом смысле она мало полезна тем, кто

платит за экономические исследования, и тем, кто хочет получать деньги за экономические исследования в современном мире.

Такова огромная бочка дёгтя, в которой, на первый взгляд, тонет ложка политэкономического мёда.

Однако!

Классическая политическая экономия и, особенно, её современные разработки объективно необходимы всем тем, кто хочет понять и понимать:

- природу и стратегические закономерности э/инволюции, про/регресса современного глобального социально-экономического мироустройства и национальных социально-экономических систем. Мы были способны предсказать, и предсказали и грандиозный спад в экономиках экс-СССР в результате проведения политики «шоковой терапии», и мировой экономический кризис 2007–2009 гг.;
- экономические основы формирования интересов, качественно определённых ценностей и мотивов поведения больших социальных групп, причины и стратегии их действий, борьбы, сотрудничества и т. п.;
- потенциал и пределы существующих социально-экономических систем и возможные направления, сценарии, противоречия их трансформации;
- причины и природу качественных изменений в социально-экономической жизни — от масштабных реформ до социальных революций;
- противоречия взаимосвязи и взаимообусловленности изменений в технологиях, экономических и социальных отношениях, политике, идеологии и культуре;
- объективные социально-экономические детерминанты формирования и эволюции национальных экономических систем и противоречия глобализации…

Иными словами, наша наука нужна и «рядовому» гражданину (любому — рабочему и бизнесмену, государственному чиновнику и учителю), и профессиональному экономисту в той мере, в какой он (она) хочет не слепо плыть по течению, максимизируя количество денег в кошельке и надеясь, что ему кто-то правильно предскажет завтрашний курс доллара, а понимать закономерности существующего социально-экономического процесса, его прошлое и будущее, и сознательно строить свою жизненную стратегию.

Преподавание экономической теории:
к проблеме плюрализма (*вместо заключения*)

Даже предложенные выше весьма беглые заметки об ограниченности economics и потенциале классической политической экономии позволяют вновь, продолжая аргументы сотен известных учёных, тысяч мало (и просто не-) известных преподавателей, десятков тысяч студентов, сделать вывод: для успешного развития экономической теории вообще, а в эпохи перемен в особенности, должны быть характерны плюрализм, равноправие и диалог различных теоретических школ при доминировании междисциплинарного подхода. В эпоху перемен учёный (и его собрат-педагог), желающий оказаться, что называется, «на передовых рубежах», должен быть способен к критическому восприятию любых устоявшихся теорий, к сомнению в аксиомах, открыт к диалогу с новым, уметь видеть странное в обыденном, привычном мире (в эстетике существует очень точное понятие: «остранение»; как у Льюиса Кэрролла: «Чем дальше, тем страньше»[8]).

Едва ли не единственный путь к формированию такой способности и, более того, установки у исследователя — разностороннее, недогматическое образование, построенное по принципу постоянного сомнения, поиска точек взаимодействия различных парадигм, взаимной критики. Применительно к нашей теме данная установка может быть прокомментирована следующим образом.

Во-первых, опасным (в частности, с точки зрения угрозы утраты открытости и диалогичности теории) является характерное для современной ситуации в экономической науке и образовании доминирование (причём едва ли не абсолютное) economics как базовой, универсальной системы знаний и языка. Очень частыми в России стали параллели между необходимостью всеобщего знания «марксизма-ленинизма» (в нашем недавнем прошлом) и необходимостью всеобщего знания economics (в нашем настоящем) как основ любой научно-педагогической деятельности. Не знать economics нельзя, но не хуже ли знать только economics?

Между тем множество подходов лежит в стороне от mainstream, а иные и вообще не связаны с этой линией. Многообра-

[8] Акцент на этом слове-понятии «страньше» мы позаимствовали из блестящего выступления Д. Г. Плахотной на методологическом семинаре кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, запомнившегося нам ещё со студенческой скамьи.

зие теорий и их равноправие как принцип науки вообще мало кем подвергается сомнению. Тем более странно (опять же, с принципиальной точки зрения) характерное ныне для России (как, впрочем, и для большинства других стран) некритическое копирование американских стандартов экономического образования с абсолютным доминированием лишь одной из школ. Но надо ли нам воспроизводить этот уходящий в прошлое образец?

Во-вторых, принципиально важным является акцентирование междисциплинарного подхода и, соответственно, наиболее пристальное внимание к тем школам в области экономической теории, которые в наибольшей степени открыты в этом направлении, обращаются к предмету, лежащему на пересечении различных пластов жизни общества, не замыкаясь экономикой в узком смысле слова. A economics — это дисциплина, специально акцентирующая узко экономический подход. И если сегодня реальные курсы микро-, а особенно макроэкономики включают в дополнительных главах сведения из других дисциплин, то это не является органической частью mainstream как таковой, а представляет собой лишь уступку давлению обстоятельств.

Иными словами, необходимо признать, что предмет нашей теории и нашего образования вышел далеко за рамки описания абстрактных основ функционирования рыночной экономики, что является действительным (а не декларируемым во введении) предметом economics.

В-третьих, для открытости и диалогичности теоретических исследований и, соответственно, открытости и диалогичности учебного процесса необходимо использование различных методов и, что не менее важно, различных языков науки. Точно так же, как невозможно вести естественно-научные исследования на языке богословия (помните хрестоматийный пример из средневековой схоластики: «Треугольник ABC подобен треугольнику A'B'C' по велению божьему...»?), так же невозможно исследовать глобальную экономику периода генезиса информационного общества и качественных социальных трансформаций, используя только язык economics. Для таких исследований, для такого образования нужны выход за рамки одного языка и использование языков различных научных школ экономики и смежных дисциплин. В ещё большей степени сказанное касается необходимости «задействования» разных методов исследования, ибо метод не был и не может быть безразличен к пред-

мету и содержанию науки.

Наконец, важнейшей задачей учёных-экономистов России является творческое воспроизведение достижений отечественной теории в критическом сравнении с западными разработками. При этом под отечественной экономической мыслью мы подразумеваем не только работы российских экономистов до 1917 г., но и советскую политическую экономию, содержание которой в действительности не сводилось лишь к апологии «социализма»[9]. Впрочем, это особая материя, требующая специального исследования.

Итак, для научных исследований и образования в области экономики, адекватных «вызову» качественно изменяющегося глобального мира, необходимы подлинное равноправие и диалог научных школ, языков и методов. Без этого современный специалист, аналитик не сможет ни сформироваться, ни вести плодотворных исследований, особенно фундаментального свойства.

* * *

Сказанное выше — не более (но и не менее) чем система взаимосвязанных гипотез, которые в данном тексте не доказываются, а формулируются. Их обоснование представляет немалую теоретическую проблему. Более того, окончательно их можно будет доказать только тогда, когда изменятся, станут действительно демократическими, диалогичными отношения в науке (как сфере практики) и появится «социальный заказ», заинтересованность социума и его лидирующих сил в выявлении сущностных закономерностей социально-экономической организации мира XXI в.

А теперь пойдём дальше, сделав некоторые выводы.

Вывод первый: economics и лежащие в его основе политико-экономические теории отображают лишь часть реальной экономической жизни (преимущественно превратные формы функциониро-

[9] Отчасти это показано в последнем томе «Всемирной истории экономической мысли» (под ред. В. Н. Черковца и В. М. Радаева, 1997), в дискуссии о российской школе экономической мысли, проходившей на страницах журнала «Вопросы экономики», а также в монографии А. С. Шухова и М. П. Фрейдлина о советской экономико-математической школе (см.: Шухов А. С., Фрейдлин М. П. Математическая экономия в России (1885–1995). М.: Наука, 1996) и коллективной монографии о «зёрнах и плевелах» политической экономии социализма (см.: Политическая экономия социализма в экономической теории XXI века. М.: ТЕИС, 2003).

вания рыночной экономики в рамках постулатов общей теории равновесия) и неадекватны для исследования (не дают достаточных знаний в процессе образования) многих реальных и значимых социально-экономических процессов современной глобальной экономики; поэтому данному течению необходимо отвести подобающее ему место, включив в круг других школ экономической теории, но не представляя его единственно истинным и универсальным знанием.

Вывод второй: для учёного (и студента), стремящегося осмыслить современный социально-экономический строй в его качественной специфике, необходимо не только овладеть economics, но и критически, творчески освоить методологию и теорию различных политико-экономических школ. В противном случае научные разработки и практические рекомендации в недалёком будущем окажутся теоретически малоплодотворными и неадекватными запросам практики.

Вывод третий, особенно важный для автора этой статьи, отдавшего большую часть своей жизни преподавательской работе в МГУ имени М. В. Ломоносова: абсолютно необходимым условием дальнейшего прогресса нашей науки является существенная коррекция программ и учебных планов вузов в области экономической теории.

В данном случае мы, конечно же, не претендуем на то, чтобы предложить целостную систему рекомендаций в области организации учебного процесса и методики преподавания (эта тема вполне заслуживает особой разработки). Ограничимся лишь отдельными ремарками, касающимися только тех выводов, которые прямо вытекают из представленных выше рассуждений.

1. Если мы планируем подготовку студентов, которые не будут в будущем профессионально заниматься экономикой, то для них, по-видимому, значимость курсов, коротко излагающих азы economics (этакую своеобразную «арифметику» функционирования рынка), окажется столь велика, сколь много эти курсы будут связаны с пониманием некоторых экономических реальностей. Но им в большей мере будет полезно узнать нечто иное, а именно: что такое экономическая жизнь в разных обществах, как она влияет на человека, почему так или иначе устроены эта жизнь и наше поведение, почему одни люди готовы на все ради денег, а другие ориентированы на социо-гуманитарные ценности; почему в России социальная

защита развита минимально, а социальное неравенство высоко, а в Швеции или Финляндии высокая инновационность экономики достигается в рамках социал-демократической модели, когда топ-менеджер «Нокии» получает всего лишь в 10 раз больше рабочего, а не в 1000, как в российских нефтяных кланах; почему несколько сот семей владеют тысячами миллиардов долларов, а более миллиарда жителей Земли живёт в среднем на 70–100 центов в день; случаен ли был мировой экономический кризис 2008–2010 гг.; как и почему развивалась или оказывалась в кризисе отечественная экономика и каково её место в глобальной хозяйственной системе... Для ответа на эти вопросы нужен особый курс экономической теории, основы которого ориентированы, скорее, на политическую экономию, и лишь дополнены economics.

2. Во всех вузах, где студент для своей будущей профессиональной деятельности должен получить знания о рыночной экономике, преподавание economics как одной из дисциплин, дающих знания об основных механизмах функционирования рынка и лежащих на стыке политической экономии и прикладных экономических наук, безусловно, необходимо в развёрнутом виде. При этом для студентов экономических вузов следовало бы гораздо полнее, нежели в современных базовых учебниках, освещать методологические и теоретические основы economics (нынешний студент-экономист, научившись решать стандартные задачки, как правило, испытывает немалые трудности, когда его просят обосновать правомерность теории предельной полезности или факторов производства); указывать на все те практические и теоретические социально-экономические проблемы, которые лишь затрагиваются в базовом курсе, но анализируются на основе других теорий, поясняя, почему именно так обстоит дело; обязательно дополнить базовый курс основами не только нового, но и классического институционализма, экономики развития и экономической компаративистики и т. д.

В то же время для формирования студента-экономиста, способного осмыслить основные пласты глобальной экономики периода генезиса информационного общества и трансформации пост-«социалистического» мира, а также творчески и критически («отстраненно») анализировать сложные социально-экономические процессы современности (а тем более — развивать экономическую теорию и вести содержательный анализ новых, ранее неизвестных теории, эмпирических феноменов), необходимо полипарадигмаль-

ное преподавание экономической теории. Оно должно начинаться с классической политической экономии и заканчиваться постклассической политической экономией, и включать широкий набор курсов по методологии, истории экономической мысли и сравнительному анализу её основных современных течений.

В процессе преподавания экономической теории для решения этих задач можно предусмотреть следующие курсы (речь идёт о подготовке специалистов в области экономической теории и экономистов-аналитиков).

Во-первых, курс «Классическая политическая экономия», предусматривающий раскрытие многообразия и точек соприкосновения основных школ политической экономии в решении важнейших вопросов экономической жизни, начиная с предмета и метода, включая трактовку таких понятий, как товар и стоимость, деньги, капитал, собственность, воспроизводство и т. п. Такой курс (особенно семинары, ролевые игры, диспуты) помогает студентам понять азы различных подходов к исследованию экономической жизни, аргументы и обоснование различных научных школ, позволяет научить студентов критически воспринимать те или иные взгляды, вести полемику, самостоятельно формировать предпочтения и аргументировать свою позицию, обладая минимально необходимыми для этого знаниями.

Во-вторых, курс «Пост-классическая политическая экономия», посвящённый политико-экономическому исследованию современных черт рынка (все более тотального), денег (все более виртуальных), капитала («человеческого», «социального», а также фиктивного...), корпоративных структур, государства, глобализации и глобальных проблем, а также социальных, политических, экологических и культурных аспектов экономики, включая экономические основы социальной структуризации, проблемы взаимодействия экономики и технологических процессов.

В-третьих, курс «Введение в компаративистику (сравнительный анализ экономических систем)», дающий необходимый минимум знаний о реальном функционировании разнообразных экономических систем (развитых, развивающихся и т. п.) в условиях становления глобальной экономики. Основой для освоения этого курса послужат именно те знания, которые студент получит в процессе анализа различных политико-экономических подходов, разных трактовок экономических систем.

Продолжением данного курса может служить курс «Теория социально-экономических трансформаций», где также используется широкий спектр теоретических подходов (от марксизма и институционализма до традиционной микро и макроэкономики). Главное внимание в рамках этого курса уделяется генезису глобальной экономики и качественным изменениям экономической жизни в процессе генезиса информационного общества, а также проблемам эволюции отечественной экономики.

В-четвертых, для студентов-старшекурсников бакалавриата и студентов магистратуры может быть предложена система теоретических семинаров (методология экономической теории, соотношение и потенциал различных экономических теорий, глобальная экономика знаний). В рамках таких занятий студенты в значительной степени самостоятельно (но под руководством профессора), работая с источниками, статистическим материалом, ведя очные и заочные диалоги, готовя и защищая рефераты и коллективные проекты, смогут получить навык самостоятельной исследовательской творческой деятельности как будущие аналитики, консультанты, преподаватели.

На первый взгляд, такой учебный план (минимум два уровня economics и два — политической экономии, курс компаративистики и теории трансформаций, спецсеминары, итого около 8 часов в неделю на протяжении четырёх семестров) покажется перегруженным теорией и не соответствующим интересам студентов[10]. Действительно, в большинстве случаев современный студент стремится получить в первую очередь определённый объем прикладных знаний и навыков, которые он мог бы использовать для работы бухгалтером, менеджером низшего или среднего звена и т. п. Но жизнь меняется. В недалёком будущем наиболее престижными станут специальности аналитиков и консультантов, а для них требуется, прежде всего, способность к самостоятельному мышлению, критическому освоению информации, то есть все то, что можно получить лишь в рамках фундаментальной полипарадигмальной подготовки.

Есть и ещё одно, принципиальное соображение: образование есть фундаментальная общественная ценность (сфера формирования социально-ответственной Личности, Гражданина), а не од-

[10] Автором совместно с А. И. Колгановым подготовлены и учебные материалы по этим курсам (программы, учебники); их практическая апробация прошла на экономическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова.

на из сфер предоставления услуг на рынке, и потому содержание образования (в единстве обучения и воспитания) не должно редуцироваться к трендам рыночного спроса.

Итак, если мы хотим выпускать не только узких специалистов по прикладным дисциплинам, готовых воспроизвести лишь основы blackboard economy и имеющих узкопрофессиональные знания, но и молодое поколение экономистов, способных анализировать все многообразие социально-экономической жизни, критиковать и творчески развивать существующие концепции (то есть творцов новых знаний), понимающих экономические основы социальных, политических и идейных противоречий в современном мире, мы должны дать им представление не только об economics, но и обо всем комплексе современных социально-экономических теорий, о реальной сложности глобальной экономики на пороге нового тысячелетия. Иначе — новый догматизм. Иначе — умирание оригинальной отечественной социально-экономической теории и вчерашний день американской науки...

РАЗДЕЛ 1.
Методология имеет значение

Достославная политическая экономия: эволюция дисциплинарной формы организации[1]

Алиев Урак Жолмурзаевич,
д.э.н., профессор, член Высшего совета управления образовательной корпорации «Туран», вице-президент образовательной корпорации «Туран», академик Академии экономических наук Казахстана, действительный член Академии философии хозяйства

Ключевые слова: эволюция политической экономии, теория становления, концепция «теоретической экономии».

«Всякий, кто ищет утешения после потери любимого предмета, уже более чем наполовину утешен», – говорила когда-то Мария д'Арконвиль, французская писательница (1720-1805). Так вот, политэкономы, однажды (после распада СССР) потеряв свой «любимый предмет» – политическую экономию как науку, научную и учебную дисциплину и, соответственно, как наименование кафедры, теперь заново всерьёз занимаясь её поиском, почти «наполовину утешены»[2]. Это уже неплохо. Но насколько наши представления о любимом предмете – политической экономии и её предметной определённости адекватно сформированы и сформулированы как в нашей голове, так и печатных изданиях прошлого и современности? Ответ на этот стержневой вопрос предполагает самоосмысление политической экономии через призму её эволюции как дисципли-

[1] *Цитирование:* Алиев У.Ж. Достославная политическая экономия: эволюция дисциплинарной формы организации / В Гейц В.М., Тарасевич В.Н. Политическая экономия: прошлое, настоящее, будущее: монография. — К.: ЦУЛ, 2014. — 1056 с. С. 21-34.

[2] Хотя, к чести отдельных политэкономов, которые никогда, ни при каких обстоятельствах не теряли и не забывали свой предмет, – публикуя научные статьи, книги, защищая диссертации, издавая журналы, организуя различные научные форумы по проблемам политической (теоретической) экономии, создавая Международную политэкономическую ассоциацию (МПЭА).

нарной формы организации теоретико-экономического знания и, по возможности, самоутверждения в своей общепринятой либо какой-то иной дисциплинарной форме. Методологической основой самоосмысления и самоутверждения политической экономии как науки (научной дисциплины) выступает, как я полагаю, философская теория (принцип) становления любого объекта (предмета): абстрактные предпосылки становления объекта; действительные предпосылки становления объекта; сам процесс становления объекта; объект как ставшее явление на его (своих) собственных основах. Отсюда вытекает ряд производных вопросов:

1. Каковы абстрактные предпосылки становления политической экономии как науки на собственных основах?

2. Каковы действительные предпосылки становления политической экономии как науки на её собственных основах?

3. Каким образом происходил (и происходит) сам процесс становления политической экономии как науки на её собственных основах?

4. Какова общетеоретическая природа (картина) предполагаемой самоутверждаемой, а в идеале – самоутверждённой политической экономии как науки в качестве «ставшего объекта» (предмета) на своих собственных основах?

А. Абстрактные предпосылки становления политической экономии как науки на собственных основах. Классическим "прародителем" политической экономии является, безусловно, древнегреческий "Symposium Oeconomicus" (кратко "Экономика") Ксенофонта Афинского. Исходя из конкретно-исторических условий формирования науки экономики, в учениях древних греков в неявной форме обозначен её предмет – сфера (отношения) потребления. Следующим весьма важным этапом становления политической экономии является Chrematisticus ("Хрематистика") Аристотеля Стагирита – искусство накопления "капитала", "искусство наживать состояние", "искусство делать деньги" [6]. История, однако, распорядилась по-своему – хрематистика "поглотила" экономику содержательно, а экономика хрематистику – формально. Термин "хрематистика" не прижился, а "экономика" остался, но с содержанием преимущественно "хрематистики", т. е. "экономика" дала будущей науке свое имя – название, тогда как "хрематистика" – своё содержание. Следующим важным (хотя не очень замеченным) этапом становления политической экономии является так называемая "социальная фи-

зика" (теория общественных изменений) Ибн-Хальдуна (1332-1406 гг.)[3]. Он в основу своей научной концепции социальных изменений положил объективно обусловленную необходимость совместного добывания людьми средств к существованию, т. е. хозяйственную деятельность людей, которая проходит различные этапы: дикость (тавааххуш), примитивность (бидава), цивилизацию (хидара).

Определенную роль в становлении политической экономии сыграла камералистика, или камеральные науки (от позднелат. camera – казна) – свод административных, экономических, счетоводческих, финансовых, управленческих дисциплин, преподававшихся в XVII-XIX веках в западноевропейских университетах и отчасти в России.

Таковы вкратце истоки политической экономии, рассматриваемые в качестве абстрактных предпосылок её становления. Краткий резюме по этой части: подлинная роль «домостроя», «социальной физики» и отчасти «камералистики» в формировании теории экономики как с точки зрения её перспектив развития, так и в процессе её преподавания всё ещё недостаточно раскрыта и продемонстрирована.

Б. Действительные предпосылки становления политической экономии как науки на собственных основах. Этот этап формально связан с появлением самого термина "политическая экономия", имеющая почти четырёхсотлетнюю историю (Антуань Монкретьен, 1615 г.[4]).

А содержательно этот этап состоит из двух подэтапов (периодов) и направлений:

- первый связан с так называемой "меркантилистской" (торговой) школой т. е. "политэкономией обращения", предметом которой выступала сфера (отношения) обмена;

- второй связан с «физиократической школой», обращавшей свои взоры к сфере производства, хотя узкопонимаемой лишь аграрному производству.

Эти две «школы» являются, своего рода, переходным этапом от действительных предпосылок к самому процессу становления

[3] В XIX веке идею "социальной физики" обнародовал Л. А. Кетле в своей работе [7].

[4] Хотя по данным профессора Л. Д. Широкорада, термин «политическая экономия» впервые появился не в 1615 г., как принято считать, а в 1604 г.

политической экономии на своей собственной основе.

В. Сам процесс становления политической экономии как науки. Этот этап связан, безусловно, с классической (смитианской) буржуазной политэкономией. Далее, сама классическая школа разделилась на два направления:

- смитианско-рикардианская политэкономия как развитие «сущностных» («сильных» с позиции марксизма) сторон учения Смита, предметом которой являлась сфера (отношения) распределения доходов (Данная смитианско-рикардианская линия в политэкономии ставила своей задачей исследовать "внутренние невидимые связи" в экономических явлениях и процессах. Это направление позже стало именоваться "классической политической экономией", которая в большом почете среди экономистов теоретиков марксистского (ортодоксального, умеренного, неомарксистского) толка всего мира);

- смитианско-сэя-мальтусовская, т. е. так называемая "вульгарная" политэкономия как развитие «явленческих» («слабых» с позиции марксизма) сторон одного и того же учения Смита, которая ставила задачу изучать "внешне проявляющиеся связи" в экономических явлениях и процессах. Позже данное направление получило название "каталлактика", а затем – "экономикс".

Итак, несколько упрощая, можно сказать, что «Oeconomicus-Chrematisticus» Ксенофонта Аристотеля в синкретическо-эмбриональном виде вобрал в себя основы всей системы современного экономического знания, в том числе и теоретического, наряду с прикладными его компонентами. «Political economy» создала собственно теоретическую научную систему экономического знания в условиях набиравших силу в то время частнокапиталистических рыночных отношений и в последующем тенденции дифференциации науки как таковой и экономической науки в частности. Другими словами, «экономика» древности и средневековья есть синкретический (нерасчлененный), «политическая экономия» недавнего прошлого – собственно дисциплинарный (расчлененный), этапы развития того же экономического, точнее, теоретико-экономического знания. Они же (в разных вариациях) одновременно являлись когда-то и являются в настоящее время кое-где как по наименованию, так и по содержанию формами организации процесса воспроизводства экономического знания вообще, в том числе и организации образовательного процесса по экономическим спе-

циальностям в учебных заведениях.

И вот ещё. На сегодняшний день, когда еще налицо (явное и неявное) противостояние «западной политэкономии» (экономикс) и марксистской политэкономии, нельзя сказать, что третий этап – сам процесс становления политической экономии завершен. Иначе говоря, этот этап еще не перешел в заключительный, четвертый, этап теории становления объекта как ставшее явление, в данном случае – политической экономии как вполне ставшей на собственные основания науки. Последнее связано с рядом серьезных обстоятельств.

Дело в том, что на рубеже третьего тысячелетия в силу ряда факторов в стане этих наук, взятых как научная и учебная дисциплина, происходило нечто такое, что можно обозначить одним, на первый взгляд, грозным словом «кризис» – объективно обусловленное состояние любой науки по цепи «нормальная наука – аномалия в науке – кризис в науке – научная революция на основе новой парадигмы – нормальная наука» (по Т. Куну). Но все же есть ли веская причина для беспокойства нашему сообществу по перу и деятельности по поводу своего теоретико-экономического хозяйства?

Думается, есть. При этом повод особый, повод уникальный в своем роде. Дело в том, что современная мировая экономическая наука, несмотря на некоторые видимые успехи в отдельных её областях и ежегодное присуждение Нобелевской премии по экономике (кстати, стало традицией присуждать её психологам, а не экономистам), переживает не самое лучшие времена в своей долгой истории.

Речь идёт о том, что наша наука столкнулась с кризисом троякого рода:

а) кризис самого общественного, и прежде всего социально-экономического, материала, с которым имеют дело экономические науки в качестве своего объекта исследования. Этот *онтологический* (содержательный) кризис носит объектный, т. е. по отношению к самой экономической науке экзогенный, характер и связан, главным образом, с завершением эпохи господства «двухполярного мира», глобализацией общественных отношений и трансформационными процессами в постсоциалистических (постсоветских) странах;

б) кризис, связанный с познанием и теоретическим отображением социально-экономических процессов, осуществляемых экономическими науками, т. е. *гносеологический* (познавательный) кризис науки. Последний носит в известном смысле субъектный и –

по отношению к экономической науке – эндогенный характер. Он тесно связан с трудностями в описании, раскрытии, объяснении и фиксации изучаемого ею предмета, по сути, еще зыбкого, неопределенного, непредсказуемого в системе понятий и категорий научного знания;

в) кризис, связанный с выбором из трёх основных современных парадигмальных мейнстримов ценностей «западного мейнстрима» в качестве доминантной парадигмы в формировании «ценностей, стандартов и моделей» западной цивилизации и общественного сознания, т. е. *аксиологический* (ценностный) кризис. Другими словами, в этом случае речь идет о зыбкости самих ценностных основ современной системы мировой экономики вообще, системы экономического образования и знания в частности.

Эти кризисные явления получили отражение во множестве форм внешнего проявления. Перечислю ряд из них.

Во-первых, это массовое «бегство» от преподавания политэкономии в постсоциалистических (постсоветских) странах, безоглядная, по сути, научно необоснованная замена её другими курсами (экономиксом, экономической теорией, рыночной экономикой и т. д.); такая тенденция имеется даже во Франции, где традиционно тяготели к политической экономии.

Во-вторых, прекращение подготовки кадров высшей квалификации (кандидатов и докторов наук) по шифру (специальности) «политическая экономия».

В-третьих, ликвидация «политической экономии» в качестве образовательной специальности в ведущих университетах стран СНГ.

В-четвертых, крайнее разночтение и разновосприятие того же вездесущего «экономикса» как самими его представителями, так и представителями других направлений теоретической экономической мысли.

Так, на современном этапе «экономикс» воспринимается в одном случае как «просто политэкономия», в другом – «буржуазная политэкономия», в третьем – «экономическая наука», в четвертом – «экономическая теория», в пятом – «современная западная политэкономия», в шестом – «mainstream» (основное течение), в седьмом – просто «экономика», в восьмом – множество экономик и т. д. и т. п. Именно такое, предельно неоднозначное, расплывчатое, путаное толкование термина «экономикс» порождает, по моему мне-

нию, особую проблему, которую можно назвать «проблемой экономикс».

В-пятых, это – как своеобразная реакция на кризис в науке – появление в последнее время множества «новых экономик, в том числе тех же «экономикс», «экономическая теория», «общая экономическая теория», «институциональная экономика», «транзитная экономика», «эволюционная экономика», «поведенческая экономика», «экспериментальная экономика», «схематическая экономика», «информационная экономика», «сравнительная экономика» (компаративистика), «гиперэкономика», «фундаментальная экономика», «новая политическая экономия», «постэкономика» «физическая экономика» и т. д., и т. п.

В-шестых, реальная претензия ряда «новых» экономик (дисциплин) на роль базовой составляющей современной экономической науки; в одном случае – это экономическая теория, в другом – институциональная экономика, в третьем – общая экономическая теория, в четвертом – информационная экономика, в пятом – философия хозяйства и т. д. вместо той же политической экономии или того же экономикса.

В-седьмых, это неопределенность в том, «что же все-таки надо преподавать из теоретического арсенала научных дисциплин в качестве базовой учебной дисциплины теоретического цикла в учебных заведениях: политэкономию, экономикс, экономическую теорию или что-либо другую».

В-восьмых, это настоящий «разброд и шатание» в учебных планах, учебных программах, учебниках по теории экономики, которыми руководствуются вузы, факультеты, кафедры, т. е. отсутствие некоего минимального общеобязательного и унифицированного стандарта в преподавании этой дисциплины (по тематике, логике, структуре, содержанию, объему часов, учебной литературе и т. д.), в одном случае – для будущих специалистов по теории экономики (теоретиков-экономистов, бывших политэкономов), в другом – для экономических специальностей широкого профиля, в третьем – для неэкономических специальностей применительно к вузам, ссузам, школам (лицеям, гимназиям). Такая ситуация сильно тормозит формирование общего образовательного пространства с обязательной процедурой нострификации (взаимного признания) проходивших учебных дисциплин и курсов (кредитов), специальностей и дипломов.

В-девятых, это кадровая чехарда, т. е. по какой же научной специальности готовить специалистов высшей квалификации (кандидатов и докторов наук), по какой же образовательной специальности готовить специалистов типа бывших политэкономов – нынешних бакалавров, магистров, PhD, кто же в конце концов будет вести занятия по теории экономики, эту предполагаемую базовую теоретическую экономическую дисциплину; ведь в ряде стран СНГ (например, в Казахстане) в настоящее время вовсе перестали готовить теоретиков-экономистов по специальности «политическая экономия» («экономическая теория», «теоретическая экономика»). В результате ныне эту весьма сложную, фундаментальную научную и учебную дисциплину читают все, кому не лень, начиная от неэкономистов в худшем случае, а в лучшем – кончая экономистами-конкретниками. Впрочем, этот перечень форм проявлений кризиса в теоретической части экономической науки можно продолжать долго.

Каковы же пути выхода из сложившейся неопределенности в экономической науке вообще и теоретической её составляющей в частности? Что сегодня об этом думают и могут предлагать теоретико-экономическое научное сообщество и отдельные его представители?

Другими словами, какова же судьба политической экономии впредь? Настанет ли время, когда она приобретет статус «объекта (науки, научной дисциплины) как ставшего на собственные основания явление» (по примеру ряда фундаментальных наук, научной и учебной дисциплины гуманитарного, естественнонаучного и технического направления)?

Поиск ответа на поставленные вопросы можно найти во множестве изданий последнего времени, где исследователи поразному подходят к их решению. При этом одни (например, профессор Ю. М. Осипов) выдвигают «Философию хозяйства», а в её рамках «Теорию хозяйства» в качестве фундаментальной основы экономического знания, другие (например, профессор В. Н. Черковец, многие представители Международной политэкономической ассоциации) призывают восстановить политическую экономию в статусе науки и учебной дисциплины, третьи (не критически мыслящие) считают вполне достаточным оставить в «покое» ту же бесхребетную (в смысле беспредметную) «экономическую теорию».

В этом ряду не исключение и автор данной главы, который

выдвигает свою собственную концепцию по обсуждаемым вопросам. Не вдаваясь в дискуссию, тезисно изложу свою позицию[5].

Г. Политическая экономия как ставшая на своих собственных основаниях наука или будущее политической экономии. Прежде всего, укажу на глубинную причину вышеназванного кризиса, взятого как в онтологическом, так и в гносеологическом плане, – это размытость предмета-оригинала в реальности и «потеря» подлинного предмета-дефиниции многими научными дисциплинами экономического цикла, в данном случае – полная предметная неопределенность теоретической составляющей современной экономической науки (в разных её наименованиях: политэкономия, экономикс, экономическая теория). «Потеря» предмета реального в силу коренных трансформационных сдвигов и зыбкости в самом объекте исследования и предмета дефиниции – в силу его «несхваченности» и неадекватной сформулированности в научной системе теоретико-экономического знания.

Причём всё это происходит на фоне обилия дефиниций предмета каждой из перечисленных выше научных дисциплин.

Так, например, автором подсчитано (методом выделений «ключевых слов» в дефинициях) более 50-ти определений (и это далеко не полный перечень) их предмета.

Иначе говоря, мы столкнулись с фактом предметной неопределенности нашей науки.

Но вначале выясним такой важный вопрос, как вопрос об адекватном терминологическом обозначении (наименовании) теоретической составляющей современной экономической науки, затем об авторском подходе (концепции) решения вышеуказанных проблем.

Когда-то в журнале «Общество и экономика» в рубрике «Письмо в редакцию» была опубликована статья «К вопросу о терминологическом обозначении экономической теории». В ней автор в целом справедливо ставит вопрос о выборе адекватного наименования нашей науки. Внешне, казалось бы, все верно и просто, но вопрос нуждается в более серьезном анализе, так как некоторые наши коллеги, к сожалению, остаются в плену расхожего рассуждения как и упомянутый автор статьи, т. е. по принципу «а не все ли

[5] Заинтересованного читателя любезно отсылаю к своим монографиям [4, 2].

равно, как эта наука (научная дисциплина) назовется».

Почему речь должна идти о «терминологическом обозначении экономической теории», а не «базовой теоретической составляющей» нашей науки? Ведь «экономическая теория» уже есть термин, вошедший в качестве научной и образовательной специальности в некоторых постсоветских странах. А значит, автору, ставившему вопрос о «терминологическом обозначении» уже наличного термина, а именно «экономической теории» (что само по себе тавтологично) следовало бы раскрыть прежде всего смысловые недостатки самого этого термина (экономическая теория) или же серьезно обосновать его преимущества по сравнению с другими альтернативными терминами: экономикой, политической экономией, экономикс, теоретической экономикой и т. д. Вместо этого он весьма поверхностно объясняет свою позицию – оставить все же «экономическую теорию» и еще лучше – «общую экономическую теорию» в качестве наименования той же экономической теории. Эта упрощенность (хотя, еще раз подчеркну, вопрос об адекватном наименовании, названии, терминологическом обозначении базовой теоретической составляющей всей системы экономических наук, а не вовсе экономической теории, весьма важный и принципиальный) заключается в следующем.

Следует особо напомнить, что согласно «предметоведению», т. е. общей теории предмета в системе общедисциплинарной модели науки изменение названия прежней научной дисциплины (в данном случае замена названия «политическая экономия» «экономической теорией», а иногда и «экономикс») предполагает, прежде всего, научное обоснование самого этого нового названия науки путем определения её нового предмета или же уточнения прежнего предмета «новой» научной дисциплины. Одно из двух: либо предмет не меняется, тогда нет надобности «огород городить», то бишь изменять название прежней науки, изучавшей и изучающей этот же предмет; либо предмет меняется (видоизменяется), тогда надо фиксировать и формулировать этот «другой» предмет, который служит онтологическим основанием выбора другого, адекватного ему (новому предмету) наименования (названия, терминологического обозначения) науки (научной дисциплины), изучающей этот «иной» предмет.

Между тем вышеупомянутый автор заявляет, что «неправомерно употреблять вместо термина «экономическая теория»,

например, термин «теоретическая экономика». Его «аргумент»: нет надобности вводить различные термины для обозначения экономической теории и вызывать разнобой в её интерпретации [8]. Почему нельзя использовать указанный им термин «теоретическая экономика» вместо «экономической теории», нет у него аргументированного обоснования; автор пытается это «объяснить» лишь категорическим утверждением – «нет надобности вводить различные термины».

Но последнее его предостережение касается, прежде всего, самого защищаемого им же термина «экономическая теория», так как именно этот термин (точно так же и «общая экономическая теория») является в качестве наименования науки (научной дисциплины) самым молодым по сравнению со всеми другими терминами (политическая экономия, теоретическая экономика, экономикс), а значит, в последнюю очередь введенным в научный оборот, тем более, без всякого обоснования её ввода вместо прежней «политэкономии». Следовательно, как по логике вещей, так и по логике самого автора (Г. Шубладзе) нельзя было вводить именно этот термин – «экономическая теория» в качестве наименования научной и образовательной специальности, научной, учебной дисциплины, а также кафедр, причем, как ошибочно он считает, все они: экономика, политэкономия, экономикс, экономическая теория и т. д. якобы «имеют одинаковую смысловую нагрузку». Вместе с тем, сам вопрос: каким же именем собственным (термином, понятием, обозначением) следует назвать базовую теоретическую составляющую современной системы экономических наук и каковы её структура и содержание остается в силе. По существу вопроса выскажу следующее.

Когда мы оперируем понятием «теоретическая составляющая» экономической науки в целом, прежде всего следует иметь в виду наличие двух таких составляющих: базовая (фундаментальная, первичная), т. е. та, что лежит в основе, основании, и дополнительная (частная, вспомогательная, т. е. вторичная, третичная, вообще производная от первой) теоретическая составляющая. В данном же случае речь идет именно о первой теоретической составляющей – базовом теоретическом ядре системы экономических наук.

«Общая логика общего предмета» – общая логика хозяйственного развития человечества с древнейших времен до современности – предопределила и общую логику её теоретической ре-

флексии в виде различных дисциплинарных форм познания и организации научного знания о хозяйственной деятельности людей с различной степенью зрелости и выраженности. И они назывались, как было указано выше, в разное время по-разному, как-то: «экономика» (economicus), «политическая экономия» (political economy), «теоретическая экономия» (theoretical economy), «экономикс» (economics), «экономическая теория» (economic theory). И всё же есть основание считать, что три термина, а именно: «экономика», «политическая экономия», «теоретическая экономия» поистине являются ключевыми понятиями, лежащими в основе всей системы прошлого, современного и будущего экономического знания как такового, и в особенности теоретического его компонента.

Из них в последнее время все более употребительным и востребованным становится «теоретическая экономия» (или «теоретическая экономика»). Как термин (понятие) «Теоретическая экономия» (theoretical economy), появился более ста лет назад. Правда, до сих пор его авторство еще не выяснено, хотя им оперировали многие выдающиеся экономисты той эпохи – К. Шмидт, Дж. Б. Кларк, К. Менгер, В. П. Воронцов, В. Я. Железнов, М. И. Туган-Барановский, позже Й. А. Шумпетер, А. В. Чаянов, Е. А. Преображенский, С. И. Солнцев, Н. А. Вознесенский, многие современные исследователи (В. А. Гордеев, Г. П. Журавлева, П. С. Лемещенко, Н. Н. Мильчанов, Ю. М. Осипов, О. В. Прыкин, П. М. Титов и другие); появились множество монографий, журналов, учебников и учебных пособий, ряд диссертационных работ под таким же названием [10, 9, 11, 12, 3, 13, 1]. Впрочем, термин «теоретическая экономия» после издания русского перевода книги К. Менгера «Основание политической экономии» в 1901 г, где он им оперировал, стал широко используемым в научной литературе, хотя без достаточной мотивировки, не только в Западной Европе, но и в России и СССР вплоть до 40-годов годов XX века. Небезынтересно, что в составе экономического отделения Казахстанского института марксизма-ленинизма (КИМЛ, 1931 г.) была секция под названием «Теоретическая экономика и теория советского хозяйства».

Под «теоретической экономией» («теоретической экономикой») в настоящее время подразумеваются:

а) теоретическая экономия в общем и целом есть та же политическая экономия;

б) теоретическая экономия есть совокупность общетеорети-

ческих положений и утверждений, сложившихся за весь период существования экономической науки, начиная от древней «экономики» (домохозяйства) и завершая современностью;

в) теоретическая экономия есть синтез (хотя и становящийся) «общей экономики», «социальной экономи(к)и», каталлактики (экономикса) и в этом своем качестве выступает базовой общетеоретической составляющей современной системы экономических наук.

Я стою на позиции (в), и здесь (и в других своих ранних работах) теоретическая экономия представлена мною именно в этом смысле, хотя следует отметить, что она в таком качестве органически вбирает в себя отдельные элементы из первых двух позиций (а, б).

Для наглядности приведу структуру современной системы экономических наук, где основополагающее место занимает теоретическая её составляющая, в том числе как базовая, так и частная (рис. 1).

Как видно из рисунка, базовую теоретическую составляющую образует собственно «теоретическая экономика» (теоретическая экономия») в единстве трех общетеоретических экономических дисциплин: «общая экономика», «социальная экономия», «каталлактика» (экономикс), тогда как многие «новые» экономики – институциональная экономика (Инс.Э.), эволюционная экономика (Эв.Э.), экспериментальная экономика (Экс.Э.), транзитная экономика (Тр.Э.), информационная экономика (Инф.Э.), сравнительная экономика (Ср.Э.), поведенческая экономика (Пов.Э.) и другие, по моему мнению, являются частнотеоретическими экономическими дисциплинами.

На вопрос, что же происходит с достославной политической экономией, отвечаю: никуда бесследно она не исчезает, она разными своими теоретическими «прелестями» – фундаментальными положениями, гранями перевоплощается, превращается, модернизируется в одном случае – в «общую экономику» как науку об общей теории экономических систем, предметом которой выступают общеэкономические отношения (их девять), в другом случае – в «социальную экономию» как науку об общей теории собственности, предметом которой выступают социально-экономические отношения, в третьем случае – в «каталлактику» (экономикс) как науку об общей теории рыночного экономического поведения хозяйствую-

щих субъектов, предметом которой выступают рыночные экономические отношения. Все они в предметном синтезе и образуют формирующуюся ныне «теоретическую экономию», предметом которой является система экономических отношений людей в контексте «общее – особенное – единичное».

Рис. 1. **Место «теоретической экономики» в современной системе экономических наук**

От «теоретической экономии» постепенно «отпочковываются» частнотеоретические экономические дисциплины, как «дети от материнского лона», а «общеисторические» и «общеприкладные» экономические дисциплины, а также «конкретно-экономические» и «межпредметные» экономические дисциплины получают от нее по-

стоянную «теоретическую подпитку», как модусы от субстанции, в одном случае; и наоборот, она сама «заряжается» от них по принципу междисциплинарного взаимодействия – в другом.

«Теоретическая экономия» современности, очевидно, призвана воссоединить, синтезировать, а в будущем синергетизирвать теоретическую составляющую не только собственно экономического как такового, но и отчасти неэкономического знания через её предметную специфику в условиях усиливающейся другой тенденции современности – интеграции всего массива знания как такового, научного знания в частности о сущем (и где-то о должном) по принципу межзнаниевого, межнаучного и междисциплинарного взаимополагания, взаимодействия, взаимовлияния, взаимодополнения.

Возникает важный вопрос: почему именно «теоретическая экономия» (теоретическая экономика), а не «экономическая теория» выступает базовой синтетической теоретической дисциплиной?

Обоснование «теоретической экономии» в качестве базовой общетеоретической составляющей современной системы экономических наук мною строится на следующих аргументах:

во-первых, на неверном в свое время переводом самого термина «economics» на «экономическую теорию» («неверном» потому, что в английском языке есть отличное от «экономикс» – economics самостоятельное понятие «экономическая – теория» economic theory); если уж нет адекватного перевода «economics» в русском языке, то следовало бы его оставить в транслитерации русского языка – экономикс, а не вводя неверный его перевод –«экономическая теория»;

во-вторых, на расплывчатости, неопределенности, необоснованности предметного статуса самой «экономической теории» как по названию, так и по содержанию;

в-третьих, на отсутствии до сих пор какого-либо научного обоснования массовой замены «политэкономии» в качестве и дисциплины, и научной специальности, и образовательной специальности, и названия кафедры «экономической теорией»;

в-четвертых, на апелляции (аналогии) к другим системам наук, где теоретические составляющие этих наук имеют грамотно и по существу верно сформулированные наименования, как-то: теоретическая физика (а не физическая теория) теоретическая меха-

ника (а не механическая теория), теоретическая химия (а не химическая теория), теоретическая математика, теоретическая кристаллография, теоретическая география, теоретическая лингвистика, теоретическая социология, теоретическая археология, теоретическая медицина, теоретическое естествознание и т. д. и т. п., и, соответственно, учебники, кафедры, а порой и образовательные и научные специальности;

в-пятых, на том факте, что, когда речь идет об «экономической теории», люди, имеющие какое-либо серьезное отношение к науке, предполагают ту или иную отдельную, частную экономическую теорию, а не всю научную дисциплину и, тем более, науку в целом;

в-шестых, на факте наличия и функционирования в свое время «теоретической экономики» в Республике Казахстан (начиная с 1993 г. по рекомендации автора этой главы) и Российской Федерации (начиная с 1994 г.) в течение 6-7 лет (до 2001 г.) в качестве названия образовательной специальности вместо прежней «политической экономии», позже «экономической теории» которое фигурировало в «Перечне специальностей вузов» этих государств;

в-седьмых, на реальной практике преподавания «теоретической экономики» в ряде вузов Казахстана начиная с 1992 г по разработанной автором и изданной Министерством образования Республики Казахстан типовой учебной программы по данной дисциплине [5].

Итак, сформулирую главный вывод: вывод о необоснованности термина «экономическая теория» в различных статусах его использования: в качестве терминологического обозначения (наименования) науки, научной и учебной дисциплины, научной и образовательной специальности и кафедр. Он применим только и только относительно к определенным, отдельным, частным экономическим теориям, синтез которых и составляет «теоретическую экономию» как целостность. Отсюда логически вытекает другой немаловажный вывод: вывод о необходимости и оправданности придания «теоретической экономии» статуса и научной, и учебной дисциплины; и образовательной, и научной специальности; названия кафедр, одновременно заменив ею вездесущую «экономическую теорию».

Рассмотрение и принятие «теоретической экономии» в вышеуказанных статусах дают возможность упорядочить вопрос и о

том, что должны изучать студенты в области теории экономики. Здесь предлагаю следующий подход («рецепт»). Будущим экономистам-теоретикам (по бывшей специальности «Политэкономия», позже по специальности «Теоретическая экономика», в последнее время по «Экономической теории» согласно «Классификатору» образовательных специальностей) следует дать весь теоретический блок (как общий, так и частный) в наиболее развернутом виде для экономических специальностей широкого профиля – теоретическую экономию в нерасчлененном виде, т. е. в единстве общей экономики, социальной экономии, каталлактики (экономикс), а для неэкономических специальностей достаточно лишь одной «общей экономики». Такая дифференциация учебного курса «Теоретическая экономия» по трем уровням – базовому (для неэкономистов), продвинутому (для экономистов широкого профиля) и специализированному (для экономистов-теоретиков) предполагает разработку и использование соответствующего учебно-методического комплекса со всеми его атрибутами и требованиями. Подытожу основные положения параграфа.

1. Наша наука, её теоретический компонент в настоящее время переживают своеобразный системный кризис объективного и субъективного характера, который проявляется в самых различных формах.

2. Некоторые теоретико-экономические научные сообщества и отдельные его представители, реагируя на сложившееся неопределенное состояние в своем «хозяйстве», пытаются разработать новую, хотя труднореализуемую, но весьма перспективную, теоретическую парадигму предмета своей науки, основанной на синтезе различных теоретических «конструкций» (направлений, школ) и прежде всего марксистской политической экономии с её «трудостоимостной» концепцией и экономикс с его «полезностной» концепцией[6].

[6] К сторонникам возможности подобного синтеза относятся Бем-Баверк Е., Бернштейн Э., Вагнер А., Дмитриев В. К., Маршалл А., Туган-Барановский М. И., Железнов В. Я. и многие современные исследователи, хотя и есть противники такого синтеза. Но если учесть, что, как правило, сколь-нибудь серьезные открытия осуществляются на стыке различных (даже разнородных) наук, то синтез различных теорий внутри однородной (в данном случае, экономической) науки считаю еще более возможным. Такова генеральная тенденция развития научных теорий современности и будущего.

3. В современной системе экономических наук особое место занимает теоретический её блок, состоящий из двух компонентов: базового – собственно теоретической экономии, синтезирующей в себе три общетеоретические экономические дисциплины – «общую экономику», «социальную экономию» (политическую экономию), «каталлактику» (экономикс), и вспомогательного, вернее, «производного» – частнотеоретических научных (и учебных) дисциплин.

4. В силу несоответствия «экономической теории» как по наименованию, так и по предметной неопределенности требованиям и принципам общей дисциплинарной модели науки необходимо её заменить «теоретической экономией» в качестве научной и образовательной специальности, научной и учебной дисциплины, а также названия кафедр.

5. Процесс преподавания «теоретической экономии» следует дифференцировать в зависимости от характера специальностей обучающихся: в одном случае – будущим экономистам-теоретикам (бывшим политэкономам), в другом – экономистам широкого профиля, в третьем – неэкономистам, предварительно разработав учебные программы на этих трёх уровнях и написав по ним учебники и учебные пособия, что требует консолидации знаний и сил многих национальных, региональных и локальных теоретико-экономических научных и образовательных сообществ. Думаю, наступает новая эпоха интеграции и синергетизации деятельности всего теоретико-экономического научного сообщества современности.

Да, будет так!

Литература

1. «Теоретическая экономика». Научный электронный экономический журнал. ЯРГТУ, 2011-2013.
2. Алиев У.Ж. Предмет и метод теоретической экономии (основы предметоведения). – Астана: Изд. университет «ТуранАстана», 2012.
3. Алиев У.Ж. Предмет и структура теоретической экономики // Дисс. на соискание учёной степени доктора экономических наук. – Алматы, 2004.
4. Алиев У.Ж. Теоретическая экономика: общедисциплинарная модель. – Алматы: НИЦ «ҒҒылым», 2001, 2004 (переиздание).
5. Алиев У.Ж. Типовая учебная программа курса «Теоретическая экономика» для высших учебных заведений. – Алматы: РИК МО РК, 1996.

6. Аристотель. Никомахова этика. Политика. Сочинения: В 4-х томах. – Т. 4. – М.: Мысль, 1984. – С. 54-63; 150-159; 239-243; 375-644; 695-696; 718-722; 740-741.
7. Л.А. Кетле. Социальная система и законы, ею управляющие. – СПб., 1866.
8. Общество и экономика. – № 8. – 2000. – С. 189.
9. Стожко К.П., Шабатура Л.Н. Теоретическая экономика. Учебное пособие. – Екатеринбург: Изд. Урал. гос. проф.-пед ун-та, 1997.
10. Теоретическая экономика. Политэкономия. Учебник / Под ред. Г.П. Журавлевой и Н.Н. Мильчановой. – М.: ЮНИТИ, 1997.
11. Теоретическая экономика. Учебное пособие / Под ред. У.К. Шеденова. – Алматы–Актюбинск, 1997.
12. Теоретическая экономия: реальность, виртуальность и миротворчество / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. – М.: Эконом. факультет МГУ; ТЕИС, 2000.
13. Титов П.М. Общая теоретическая экономика. – М.: Изд. «Калан», 2011.

Адекватность диалектического метода действительной экономике[1]

Зяблюк Римма Трофимовна
д.э.н., профессор Московского гуманитарного университета

Ключевые слова: классическая политическая экономия, неоклассическая теория, институциональная теория, позитивизм, эмпирические методы, критерии истинности теории, процесс развития экономики, динамические модели, соотношение предмета и метода теории, диалектический метод, квантовая теория, объективная реальность и субъективное познание.

Экономика современных развитых стран воспринимается большинством учёных как смешанная. Строго говоря, она является таковой всегда и во всех странах — как на данный момент развитых, так и отстающих от них. В первом случае речь идёт о смешанной экономике рыночного типа. Здесь «смешаны» частные и общественные формы собственности и формы распределения совокупного продукта, рыночные и централизованно регулируемые формы координации экономической деятельности. Термин «смешанная экономика», введённый в научный оборот Самуэльсоном, весьма неудачен из-за его содержательной неопределённости. Кроме того, смешение часто понимается как искусственный выбор эффективных фрагментов экономики, субъективное интегрирование общества, что невозможно. Там не менее, этот термин акцентирует внимание на качественных изменениях в современной экономике. Изучающая её современная экономическая теория весьма разнородна. Однако истоки такого её состояния не связаны с разнородностью самой экономики. Исторически они ведут происхождение с пострикардианского периода. По сей день, экономическая теория представлена двумя основными направлениями — классической политической экономией и неоклассической теорией. Каждое из них включают довольно различные по многим параметрам учения и школы.

Классическая политическая экономия эволюционировала от теории У. Петти, школы физиократов, учения А. Смита и Д. Рикардо

[1] *Цитирование:* Зяблюк Р.Т. (2016). Адекватность диалектического метода действительной экономике // Вопросы политической экономии. № 4(8). С. 23-36.

к диалектическому (марксистско-ленинскому) этапу своего развития. Неоклассическая теория включает традиционную неоклассику в разных вариантах (в т. ч. экономикс) и теорию Дж. М. Кейнса, отрицающую ряд существенных традиционных положений. Тем не менее, их разнородность объединяют общие фундаментальные принципы. Ими являются определение созидающего начала, субстанции экономики (в классике — труд, в неоклассике — три фактора) и методология науки. Институционализм представлен весьма крупными и талантливыми учёными, однако в этой теории всё же не разработан самостоятельный исследовательский аппарат, а потому прослеживается эволюция либо к неоклассике, либо к классике.

Методология современной экономической теории фундаментально различны в неоклассическом и в классическом направлениях. Неоклассическая теория, включая современные школы и модели (мэйнстрим), основана главным образом на философии позитивистского направления. Обычно в качестве методов в неоклассической литературе называют метод абстракции, дедукцию, индукцию, математическое моделирование с акцентом на маржинализм, эксперименты, операционализм, включающий требование инструментальности (физической измеримости) параметров. Причём методологические проблемы считаются здесь не слишком значимыми для теоретических выводов. Известный методолог М. Блауг отмечает, что «Методология не очень почитается современными экономистами, которые... страдают “методофобией”. Печальным следствием этой распространённой “методофобии” стали посредственные методологические навыки большинства экономистов» [1, с. 53]. По многим аспектам предмета и метода предлагаются различные интерпретации, ведутся дискуссии. Тем не менее, по важнейшим аспектам неоклассической методологии существует единство подходов, оформляющее её суть. К ним относятся, во-первых, субъективная трактовка метода как набора разнообразных, искусственно придуманных приёмов исследования, никак не связанных с объективной действительностью; во-вторых, понимание предмета теории как выбора субъектами экономики рационального решения из множества альтернатив, а также окаймление предмета исключительно сферой обращения. Основополагающим в неоклассике является принцип методологического индивидуализма, согласно которому экономика в целом, т. е. макроэкономика выводится посред-

ством агрегирования рационального выбора индивида. Нетрудно видеть, что результатом методологии такого рода неизбежно возникает образ рыночной экономики, столь же «рациональный», «эффективный» и «социально справедливый», как и сконструированный посредством математических аксиом в исходном пункте теории «рациональный» индивид. В исходном пункте теории запрограммированы желаемые выводы о рыночной экономике.

Критерием истинности теории в неоклассике являются условие её проверяемости либо методом фальсифицируемости (опровержения), либо верифицируемости (подтверждения) посредством эмпирических данных. Оба критерия объединены в фальсификационизме К. Поппера, где предъявляются более строгие требования к эмпирическим тестам, требующие серию проверок, и кроме этого, сопоставления альтернативных теорий. Весьма близкий смысл к эмпирической проверяемости имеет идея операционализма, выдвинутая физиком Перси Бриджменом. В качестве универсального способа формирования теоретических понятий операционализм выдвигал требование физической измеряемости (инструментальности) величин. Определение понятий в терминах других абстрактных понятий, согласно этой идее, бессмысленно, поскольку это не верифицируемо опытным путём. Поэтому значимо лишь то понятие, которое можно определить в терминах операций опыта. Эта идея не всеми экономистами разделяется. Её критики доказывают, что операционально возможно лишь обозначить условия применимости теории. Тем не менее, в экономических работах операционализм теоретических понятий до сих пор выдвигается как требование к их научной достоверности. Принцип операционализма используют, в частности, в качестве критического аргумента против классической политической экономии, отвергая стоимость как неоперациональное понятие.

В неоклассической литературе справедливо критикуется эмпиризм как критерий истины. В частности, отмечается, что эмпирическая проверка может подтверждать не истинность или ложность теоретических выводов, а случайные, частные зависимости, либо их верность в определённых обстоятельствах. Подвести итог состоянию методологии современной неоклассической экономической теории можно словами М. Блауга «в послевоенной методологии не просматривается ничего похожего на всеобщий консенсус». Тем не менее, по его оценке, в экономической методологии прочно укоре-

нился тезис, который гласит, что «экономические исследования должны быть ограничены эмпирически проверяемыми положениями» [1, с. 56].

При общей приемлемости и необходимости отмеченных способов проверки теории они недостаточны и являются облегчённой формой проверки знаний. К той критике, которая приводится западными экономистами, добавим, что методология позитивизма не так безобидна, как может показаться на первый взгляд. Она таит в себе, на наш взгляд, немалую опасность, заключённую в фрагментарности исследовательского процесса и полученных знаний. Ведь сложную теорию, имеющую разветвлённую многоуровневую структуру, эмпирически проверить часто невозможно. Иногда для этого требуются века и тысячелетия практического опыта. Позитивистская методология не требует целостного системного отражения изучаемого объёма. Частичное же знание о нем чревато принципиальной недоказуемостью. К тому же достоверность эмпирических тестов, даже многократно повторенных, вызывает сомнения. В течение тысячелетий можно было, например, эмпирически подтверждать ложный вывод о вращении Солнца вокруг Земли. Если бы эмпирические факты были сами по себе столь очевидны, то зачем вообще нужна была бы наука? В этом случае можно было бы обойтись статистикой. Многие, если не подавляющее большинство, умозаключения недоступны эмпирической верификации. Истина же часто опровергается, если затрагивает интересы сильных мира сего. Бессистемное, фрагментарное, эмпирическое знание, убедительное на первый взгляд, но чреватое ложными выводами о реальности, представляет собой грозное изобретение против разума.

Для выражения отмеченных выше фундаментальных принципов неоклассической теории достаточен аппарат формальной логики и неопозитивистской философии. Но это неизбежно ограничивает объем доступного исследованию содержания экономики. Из двух взаимосвязанных сфер экономики — производства и обращения — исследуется лишь часть сферы обращения. Преобладающий же объем содержания экономики исключается из поля зрения науки. В результате основная идея и основной результат неоклассического направления — **теория общего рыночного равновесия — более представляет собой идеологическую доктрину**, нежели описание действительной рыночной экономики. Довольно точно это отметил Дж. К. Гэлбрейт. Он писал: «Если бы с предметом было

бы все в порядке, мы бы не страдали от стольких нерешённых и неожиданных проблем. ...Современная экономическая теория служит не пониманию и улучшению экономической системы, а **целям тех, кто обладает в этой системе властью**» (подчёркнуто нами — *Р. З.*) [3].

Формальная логика существует как самостоятельная и как элемент диалектической логики. Это не тождественные её состояния. Все правила умозаключений формальной логики сохраняются в диалектической логике, но в преобразованном виде. Тем не менее в современных науках оба метода познания существуют как самостоятельные и альтернативные. Методом классической политической экономии с середины XIX века является диалектический метод. Неоклассическая теория примерно с того же времени использует метод формальной логики, с акцентом на маржинализм, т. е. теорию дифференциальных исчислений. Формальная логика возникла в античном мире, а затем дополнялась и обогащалась. Она развивается по сию пору. В наше время современные цифровые технологии, используемые в информатике, робототехнике, автоматике и т. д., обязаны своим появлением формальной логике.

Познавательные возможности формальной логики самой по себе, несмотря на впечатляющие успехи цифровых технологий, **имеют довольно чёткий предел**. Они ограничиваются механическими взаимодействиями, где части изолированы, обособлены, абсолютны, определённым образом структурированы, постоянны, а целое является суммой частей. Этот метод познания вступает в жестокие противоречия с процессом развития мира, включая экономику. Функционирование экономической системы неизбежно ведёт к её развитию. Без него система рано или поздно гибнет. Метод неоклассики способен анализировать только готовые, застывшие экономические формы. Динамические модели мэйнстрима прослеживают изменения экономических параметров. Однако они рассматривают количественные изменения в пределах неизменного качества. Конечно, реальность такого уровня теория должна отображать, но этого недостаточно.

Динамические модели не в состоянии выразить качественные, сущностные преобразования экономики. Поэтому их отличия от статических моделей в действительности крайне незначительны для познания экономики, в том числе её функционирования.

Классическая политическая экономия в высшем пункте своего развития основывается на диалектической философии. Диалектический метод отнюдь не является искусственно изобретённым набором инструментов анализа, безразличным к содержанию изучаемого объекта. Именно таким образом понимается метод в неоклассике. Диалектическая логика представляет собой запечатлённые в виде правил, логических алгоритмов общие принципы строения и движения объективного мира. В античные времена философы, обобщившие накопленные опытом знания, поняли, что мир един. Тогда же догадались об атомном строении мира. И лишь в XIX веке, когда атом был сфотографирован, принцип единства мира стал неопровержимой истиной. Чуть ранее в начале XIX века немецкая философская мысль получила своеобразный слепок реального мира, содержащий богатую информацию об общих признаках и свойствах, составляющих суть единства многообразного мира. **Диалектическая логика,** разработанная Гегелем, и представляет своего рода «фотографию» всеобщих черт реального мира. Диалектическую логику известный советский философ Э. В. Ильенков, глубокий знаток диалектики, называл «…всеобщей схемой изменения любого естественно-природного и социально-исторического материала» [4]. Она **зафиксировала знание человечества об общих принципах, образующих единство многообразного мира**. Конечно, миропонимание постоянно расширяется, уточняется, изменяется, но диалектическое миропонимание все более подтверждает свою истинность. Это не отвергает, а предполагает её углубление и обогащение в процессе познания объективного мира.

Диалектический метод позволил классической политической экономии создать целостную, органически взаимосвязанную теоретическую систему капиталистической (рыночной) экономики, все элементы которой выведены из единого источника развития (двойственного труда) и объединены единым законом развития. Этого по сей день не удалось добиться никакой другой экономической теории. Сам по себе такой результат является достоверным доказательством истинности диалектики, включая её логику. Тем не менее она отвергается, ибо не отвечает принятым в мэйнстриме критериям, подвергается жестокой критике с позиций позитивизма и иных течений философской мысли. Однако помимо политической экономии диалектика получила подтверждение естественными науками, в частности физикой. Помимо отрицания диалектического

метода, в силу его сложности остаётся актуальной проблема его адаптации к исследованиям современной экономики.

Фундаментальным законом диалектики является закон раздвоения единого целого на противоположности (закон двойственности). Раздвоение происходит посредством распределения свойств целого по принципу исключения и дополняемости. Целое формируется как единство противоположностей. Противоположные стороны могут взаимодействовать, обеспечивая жизнедеятельность целого. Суть взаимодействия состоит во взаимопревращениях противоположных сторон друг в друга, в результате чего целое превращается в своё иное, т. е. создаёт формы для реализации заложенных в нем потенций. Закон двойственности служит основанием диалектики, из которого возникают все остальные принципы, формы и закономерности. На первый взгляд, неискушённому разуму это кажется мистикой. Но квантовая теория обнаружила корпускулярно-волновое строение кварка. Оказалось, что частицы, из которых состоит атом, — электроны, протоны, нейтроны и др. — имеют волновые свойства. **Двойственность волны-частицы присутствует в строении всего известного нам объективного мира.** По мнению английского физика Дэйва Хукса, озвученному им в докладе «Квантовая теория политической экономии», прочитанном 24 апреля 2006 г. в ЦЭМИ РАН, «Первое, что нужно сказать о квантовой теории — это то, что она до конца диалектическая теория». Как следует из доклада, ряд физиков разделяют такую интерпретацию.

Действительно, торжеством разума можно назвать теорию диалектики, созданную задолго до появления ускорителей, коллайдеров и т. п. Открытие двойственности товара—труда, товара — рабочей силы, капиталистического производства, капитала как отношения, всех его форм позволило создать органически целостную систему капиталистической экономики.

В двойственном строении капиталистической экономики действует противоречие частного и общественного труда. Двойственность труда кристаллизуется в двойственности товара — стоимости и полезности. Полезность (потребительная стоимость) несёт в себе информацию об индивидуальных свойствах товара, о разнородности товарного мира. Стоимость является всеобщим свойством товарного мира, родством всех товаров, их однородностью. Обладая стоимостью, всякий обособленный элемент системы содержит в себе связь с другими элементами и со всей системой. Так устроена так

называемая «невидимая рука» рынка, в основе которой лежит всесторонне раскрытое в политической экономии противоречие частного и общественного труда. Аналогичный смысл имеет двойственность волны-частицы в квантовой теории.

Противоречие в диалектике является моментом сущности целого и источником его развития. Формальная логика запрещает противоречия как ошибочное умозаключение. Острие яростной критики упомянутого выше К. Поппера направлено против диалектического противоречия. Он понимает противоречие только как способ ведения спора. Всё остальное, по Попперу, «шабаш ведьм», «слабоумие» и даже «безумие» [7]. В науке, утверждает Поппер, противоречия недопустимы. Действительно, этот вывод вытекает из первого закона формальной логики, автором которой является Аристотель. Здесь недопустимы противоречия в суждениях. Но за истекшие двадцать четыре столетия знания о мире человечества выросли. Теперь известно что, в объективном физическом мире двойственные пары обнаруживают свойства, называемые парадоксами. **Квантовая теория обнаружила множество парадоксов или противоречий объективного мира**. Одним из ключевых противоречий, открытых квантовой теорией, является противоречие локальных и нелокальных эффектов. Элементарные частицы существуют в двух своих состояниях таким образом, что локально они связаны с другими частицами и полями физическими взаимодействиями, а волновые свойства соединяют их не локально со всей Вселенной. В упомянутом докладе Д. Хукс подчеркнул, что **противоречие локальных и нелокальных эффектов составляет сущность квантовой теории**.

На аналогичном принципе независимо от квантовой физики и задолго до её возникновения построена диалектическая классическая политическая экономия. Локальному эффекту физического мира соответствует конкретный труд, полезность товара в мире капиталистической экономики. Нелокальный эффект корреспондируется со всеобщей связью субъектов экономики, воплощённой в абстрактном труде и стоимости товара. Это относится ко всем двойственным формам мира капитала. Посредством нелокальных эффектов, т. е. стоимости каждый элемент, явление, форма оказывается связанным со всей экономической системой. Диалектическое противоречие в качестве центрального пункта и источника развития предмета подтверждено также и естественной наукой.

Соответствие парадоксов квантовой физики противоречиям в экономике обнаруживается, например, в трудовой теории денег. Это интересно не только для достижения большей методологической обоснованности и ясности, но и в связи с мнениями таких известных экономистов, как Й. Шумпетер и М. Блауг, о слабости теории денег К. Маркса. Марксу, писал Шумпетер, «…не удалось подняться даже до рикардианского уровня» [8]. Истоки столь неожиданных суждений обнаруживаются в комментариях Блауга «Капитала» К. Маркса. Он пишет: «Главы 2 и 3 тома 1 содержат теорию денег. В этих главах не содержится ничего такого, чего нельзя было бы найти уже у Рикардо или у Милля» [2]. В действительности, теория денег содержится в главе 1 (параграф 3 «Форма стоимости») тома 1, где из взаимодействия стоимости и потребительной стоимости товара К. Маркс раскрыл сущность денег, что не удалось сделать его предшественникам. Исследование формы стоимости обнаруживает сущность денег, а в функциях денег (главы 2 и 3) реализуется их деятельность. По-видимому, уважаемые авторы в данном случае ориентировались только на оглавление.

Диалектический метод позволил проникнуть в сложнейший процесс превращения стоимости всего товарного мира в потребительную стоимость одного единственного товара — денег. Посредством переселения стоимости в денежную форму и последующего перехода денег в стоимость любого товара стоимость превращается в цену. В этой форме стоимость получает свободу перемещения в рыночном пространстве, выполняет в нем измерительные и регулирующие функции, оставаясь, по Смиту, «невидимой рукой». **В форме стоимости обнаруживается триадичная траектория взаимопревращений противоположных сторон труда, товара, а также товара и денег**. Исследование формы стоимости в I томе «Капитала» и кругооборота во II томе представляют безупречную диалектическую теорию экономических процессов. Формы стоимости до Маркса в экономической теории не существовало. И не могло существовать, так как во времена Смита диалектического метода ещё не существовало, а Д. Рикардо не был с ним знаком. Дж. С. Милль, как известно, является одним из создателей неопозитивизма. Он продолжил начатую Ф. Бэконом разработку индуктивного метода, составной части формальной логики. Не существует ни методологических, ни теоретических оснований причислять его, в отличие от его отца, к классической политической экономии, ориентируясь на

название его работы.

Стоимость может выразить себя только посредством денег и никак иначе. Но это неточное её выражение. И неточное измерение её величины. Более того, точное измерение попросту уничтожило бы стоимость, так как это не соответствует её сущности. **Квантовая теория обнаружила** эту загадочную, но объективную **связь объекта и измерителя**. Деньги являются всеобщим измерителем в рыночной экономике. Но это не точный измеритель. А. Маршалл считал их даже плохим измерителем. Заметим, что такое свойство денег выразительно подчёркивает несовершенство рыночной экономической системы, а также указывает на то, что в будущем необходимо появится более совершенная система выражения и измерения экономических результатов. Это будущее началось в XX веке. Современное поколение людей наблюдает его трудное, иногда трагическое становление.

Сущность денег несёт в себе противоречия, в которых реализуются и постоянно воспроизводятся противоречия капитализма, прежде всего фундаментальное противоречие труда и капитала. Неточность измерителей стоимости является необходимым моментом существования стоимости. Ведь при одном и том же уровне производительности труда, т. е. при неизменных параметрах её источника **стоимость непрерывно пульсирует**. Эта волновая пульсация вызвана фактом обособленности производителей и отсутствия регулятора между ними. Величину стоимости определяют средневзвешенные затраты труда. Однако вес непрерывно меняется, что невозможно подсчитать. В деньгах же количественно измеряется соотношение стоимости товара и стоимости денег. Поэтому величина стоимости товара никогда не выражается в абсолютных значениях затрат труда, и даже её динамика редко совпадает с динамикой цен. Отсюда закономерность колебания рыночных цен и закон их взаимоуничтожения в центре равновесия.

Внутреннее и внешнее противоречия денег имеет сходство со следствием из квантовой теории, согласно которому траектория движения частиц между двумя точками определяется как средневзвешенная комбинация большего числа траекторий, каждая из которых осуществляется с различной вероятностью. Но колебание волны-частицы тесно связано с вероятностью определённого местонахождения её в пространстве. Измерение частицы в квантовой теории не является внешним по отношению к этой частице.

Внешнее отношение измерителей к измеряемому объекту наблюдается только в механических устройствах. В неоклассической дихотомии номинальной и реальной экономики деньги не имеют внутренней связи с реальной экономикой. В постулате «деньги — это то, что ими считается» просматриваются представления древнеримских юристов о деньгах как внешней принудительной силе, как внешнем количестве.

Согласно квантовой физике, измеряющая система является составной частью квантового процесса. Это — так называемый «коллапс волновой функции». Знакомый каждому факт наблюдения за звёздами в какой-то степени иллюстрирует это противоречие физического мира. Мы прекрасно видим звезду на небе, но никогда её не видим. Мы видим звезду такой, каковой она была несколько световых лет назад, ибо столько времени её энергия в виде волн доходила до нас. Кроме того, воспринимается лишь отражение звезды нашим глазом, но не сама звезда. Но для отражения световой волны, излучаемой далёкой звездой, необходимо, чтобы молекулы радужной оболочки глаза поглотили часть энергии звезды. **В диалектической логике эта закономерность выражена понятием меры**, т. е. внутреннего количества. В отличие от внешнего количества, поверхностного, условного и безразличного к сущности предмета, мера выражает органическую связь количества и качества предмета. Мера предмета или процесса — это то, что рождается их сущностью. В классической теории денег, начало которой было положено У. Петти в «Трактате о деньгах» и блестяще завершённой К. Марксом, внутренняя связь стоимости и денег раскрыта всесторонне. В количественной же теории деньги по отношению к реальной экономике являются номиналом, содержание которого определяется их функциями в обращении. Помимо неудач в объяснении ценообразования косвенным аргументом о недостаточности неоклассической версии денег служат выводы квантовой физики о связи измеряемого и измерителя.

Элементы неопределённости в разной степени, с разной вероятностью и по разным причинам имеют место во всех экономических системах. Стоимость как всеобщая связь людей в экономике и деньги как мерило всего и вся канут в Лету. Внутренняя органическая связь элементов экономической системы является основой всякой системы, а соответствие количества качеству, т. е. мера экономических процессов, составляет необходимый элемент каждой си-

стемы. С преодолением рыночных связей неопределённость в экономике уменьшится, исчезнут периодические кризисы как способ её краткосрочного устранения, но абсолютная точность согласования всех процессов вряд ли возможна и в плановой экономике.

Таким образом, квантовая физика открыла диалектические взаимосвязи в физическом мире. Это повысило достоверность диалектического миропонимания. Развитие естественных наук расширяет теоретическую и экспериментальную базу данных, на основании которых подтверждается адекватность диалектической логики общим принципам, образующим единство многообразного мира. По этой причине диалектический метод является эффективным методом познания во всех науках, включая экономику. Он даёт чёткие ориентиры мышлению, предостерегающие его от ошибок. Это не означает, что в нем заключена абсолютная способность получить исчерпывающие знания об изучаемом объекте. **Диалектика выражает единство многообразного мира**. **Но свойства каждой отдельной материи в нем имеют не меньшую силу**. Законы экономики отличны от законов неживой материи или биологической материи. **Поэтому каждая из специальных наук применяет специфические частные методы исследования**. Так, политическая экономия, применяя диалектическую логику, ориентируется на историю предмета, а также использует данные опыта при получении абстрактного образа экономики, а также в процессе восхождения от абстрактного к конкретному. При этом сохраняется строгое требование встроенности суждений о внешних явлениях в диалектические связи, превращающие выводы, полученные из данных опыта, в органическую часть диалектической системы.

Принцип развития в диалектике осуществляется посредством непрерывного процесса возникновения форм из единой сущности. В этом процессе происходит жизнедеятельность сущности вплоть до постепенной абсолютной реализации заложенных в ней потенций. Процесс превращения стоимости, прибавочной стоимости, капитала, а также содержание превращенных экономических форм в отечественной литературе, включая советский период, нередко, по нашему убеждению, трактуется ограниченно. Содержание процесса превращения сущности в многообразные формы не ограничивается проблемой видимости поверхностных форм капитала.

Особую ценность для выяснения исследовательского потенциала диалектического метода имеет отображение в политической

экономии сферы обращения, включая конкуренцию. В исследовании процесса обращения капитала и его жизнедеятельности в целом высвечиваются новые, ранее «дремавшие» черты диалектического метода. Наибольшую значимость имеют, на наш взгляд, три аспекта диалектического метода, недостаточно адаптированные современными исследователями и по сей день. Первый аспект — развёртывание двойственной природы производства в процессе обращения. Второй аспект относится к наименее доступному для понимания способу взаимопревращения противоположностей друг в друга. Третий аспект касается принципа триадичности как одного из форм выражения диалектического метода, выражающего траекторию движения экономики. Основной тезис классической политической экономии состоит в том, что производство — основа и первопричина всего сущего в экономике. Оно обуславливает содержание, формы и механизм остальных сфер экономики. Обращение обуславливается производством в качестве активной формы движения результатов производства и формирования его предпосылок. Производство там присутствует как закон, созидающий всю систему обращения и регулирующий её функционированием. Согласно диалектическому методу, все предыдущее входит в последующее целиком, полностью, ничего не оставляя позади себя, но все более уплотняясь до «точки», подобно сверхплотной физической материи, не выпускающей энергию во вне. Тем самым достигается органическая целостность отображения изучаемого объекта. Формально-логический метод такой силой и способностью не обладает. Упомянутая «точка» и есть единый закон функционирования и развития капиталистической экономики. В неоклассических моделях рыночного равновесия точка равновесия характеризует одну из множества цен, а именно цену равенства спроса и предложения. Никакого иного содержания в этой теории равновесная цена не имеет. Между тем, в действительности за этой точкой равновесия располагается основополагающее пространство экономики, куда, по выражению Маркса, «вход воспрещён».

Процесс развития экономики как таковой запрограммирован в её двойственном строении как единства производительных сил и производственных отношений. В нем содержится сущность каждой экономической системы, принцип её существования посредством развёртывания необходимых форм и элементов, способ их функционирования, их непрерывное воспроизводство. В процес-

се воспроизводства сущность постепенно реализует заложенные в ней потенции. На этапе их абсолютной реализации происходят качественные изменения самой сущности, генерирование новой сущности, означающее историческое возникновение новой системы. В процессе обращения капитала развёртывается программа, заключённая в его сущности. В сфере обращения две стороны капиталистического производства — создание полезностей и создание стоимости, содержащей прибавочную стоимость — создают многообразные формы функционирования капитала. Каждая из этих форм воспроизводит двойственную структуру основания капиталистической системы. Двойственность не ограничивается трудом, товаром, как нередко представляли, отводя только стоимости роль экономического (производственного) отношения и выводя за эти рамки потребительную стоимость товара (полезность). **Все формы движения капитала имеют двойственное строение по той причине, что они создаются его двойственной сущностью**.

Две стороны имеют три функциональных формы капитала, возникающие в его кругообороте — денежный, производительный, товарный капитал. Содержание каждой из функциональных форм капитала раскрывается со стороны стоимости и со стороны его индивидуальных отличительных признаков, т. е. полезности (потребительной стоимости). Формы производительного капитала — основной и оборотный капитал — возникают из различия движения стоимости его составных элементов (непрерывное или с перерывами). Различия же в движении стоимости разных элементов определяются способом вхождения потребительной стоимости капитальных товаров в готовый продукт. В возникающих в результате этого новых формах капитала (основном и оборотном капитале) воспроизводится образующая их двойственность.

Это реальная жизнедеятельность двойственной сущности капитала во внешней сфере. Поэтому столь удалённые от неё формы основного и оборотного капитала являются превращенными формами постоянного и переменного капитала. Двойственную структуру имеют формы капитала и в завершающей обращение сфере конкуренции, раскрытой в третьем томе «Капитала». Торговый капитал; банковский капитал; капитал, функционирующий на фондовых биржах; капитал, применяющий невоспроизводимые ресурсы, — все эти формы капитала сферы конкуренции удерживают двойственную структуру производящей их единой причины. Раскрыва-

ется же органическая связь элементов экономической системы лишь диалектическим методом. К сожалению, довольно часто принцип двойственности ограничивался двойственностью труда, товара, формы стоимости и двумя сторонами производства, а его всеобщий характер упускался из вида.

Наиболее трудным для понимания моментом взаимодействия противоположных сторон единого целого является их взаимопревращение. Это не воспринималось всерьёз среди значительной части отечественных политэкономов. Здесь не помог даже авторитет В. И. Ленина, глубокого знатока диалектики, который в «Философских тетрадях» выделил именно взаимопревращения противоположностей в качестве сути диалектики. «*Диалектика* есть учение о том, как могут и как бывают (как становятся) *тождественными противоположности*, — при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, — почему ум человека не должен брать противоположности за мёртвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую» — отмечал В. И. Ленин [5]. Как ни парадоксально, но важнейшее положение диалектики о тождестве противоположностей, кроме как в «Капитале», до сих пор не адаптировано к экономическим исследованиям. Но ведь без этого невозможны качественные превращения экономических форм, следовательно, невозможно понять процесс функционирования экономики, не говоря уж о развитии.

Трудности восприятия тождества противоположностей, по-видимому, связаны с природой социального мира. В мире биологическом каждый человек наблюдает тождество противоположностей постоянно, поскольку это обеспечивает воспроизводство рода. Простейшей иллюстрацией здесь может быть известный каждому цикл, в котором тождественными оказываются столь непохожие друг на друга гусеница, куколка и бабочка, хотя это три состояния одной и той же жизни.

В политической экономии взаимопревращения противоположных сторон товара раскрыты в анализе взаимосвязей стоимости, денег и цены, а также процесса производства прибавочной стоимости. Стоимость товара превращается в потребительную стоимость денежного товара, т. е. в свою противоположность. В этой тождественности стоимость не исчезает, но сохраняется. Её сохранение осуществляется превращением посредством потребительной стоимости в иную форму. Деньги превращают стоимость в цену. Речь не

идёт о простом перемещении товара и денег в акте купли-продажи. Стоимость и потребительная стоимость товара в обмене оказываются в разных точках пространства и их траектории различны. Стоимость товара переселилась в потребительную стоимость денег, а полезность потреблённого покупателем товара превратилась в другие полезности. Она не исчезла, как не исчезла её родная стоимость. Обе стороны товара продолжают путь диалектических превращений. Центральным моментом превращений противоположностей друг в друга является взаимодействие постоянного и переменного капитала, итоговым результатом которого является создание прибавочной стоимости, и в конечном счёте, прибыли. В экономике, как и в физическом мире, действует закон сохранения энергии и бесконечного превращения её форм, в процессе чего происходит создание новой энергии. В рыночной экономике весьма существенны бесполезные затраты энергии (аналогично нагреву атмосферы в производстве электроэнергии) из-за отсутствия согласованности действий между производителями.

Довольно зримые очертания взаимопревращения противоположностей можно наблюдать в процессе кругооборота капитала. В исходном пункте кругооборота деньги превращает в денежный капитал их функция соединения разъединённых факторов производства. Для понимания сути капитала как движения весьма важна природа производительного капитала как **превращённой** формы денежного капитала, природа товарного капитала как **превращённой** формы производительного капитала; развитие содержания денежного капитала на третьей стадии как **превращённой** формы товарного капитала. Эта важнейшая черта диалектического метода часто ускользает из поля зрения экономистов. Смена трех форм есть **качественные превращения их друг в друга** в каждом из трех кругооборотов. Посредством таких качественных непрерывных превращений достигается истинная цель капитала — прибавочная стоимость, несмотря на то, что непосредственно во всех составных частях кругооборота она отсутствует и отличается от цели каждой формы кругооборота и каждой его фигуры. Процесс превращения форм капитала осуществляется превращением стоимости в различные потребительные стоимости. Стоимость содержательно однородна. Необходимую для капитала разнородность она приобретает, переселяясь в разнородные потребительные стоимости. Последние нельзя ассоциировать только с вещественным носителем, хотя

именно это навязывается непосредственному наблюдению. В совместном движении происходят превращения как стоимости так и полезности капитальных товаров. Превращения полезности товаров отнюдь не совпадают с их вещественным субстратом, что хорошо обнаруживается в понятиях основного и оборотного капиталов. В качественных превращениях форм капитала происходит его количественный рост.

В денежном капитале на третьей стадии все предыдущие качественные видоизменения предстают как простое количественное увеличение авансированной суммы денег. **Качественные превращения застыли в изменённом количестве**. **Сущность превратилась в простое некое однородное количество.** На этой видимости базируется отрицание сущности явлений в позитивизме и стоимости в неоклассической теории. Качественное отношение труда и капитала превратилось в количественное отношение авансированной и возросшей суммы денег. Такой загадочный характер функционирования рыночной экономики можно понять только на основе диалектического метода. Формальная логика может выразить количественные соотношения внешне однородных объектов. Их качественный переход в противоположные состояния, что выражает основную суть функционирования экономики, ей не под силу. Теория кругооборота капитала представляет такой уровень жизни капитала, где весьма доступно совпадение действительного движения капитала и следование познающей мысли этому движению. Именно по этой причине теория адекватно отобразила объективную реальность.

Нередко в работах советских экономистов присутствует мысль о III томе «Капитала» как теории превращённых форм. Некоторые авторы критиковали тезис о цене как превращённой форме стоимости, хотя цена в качестве формы стоимости воспринималась как азбучная истина. В философских трудах довольно глубоких исследователей диалектической логики иногда утверждалось, что теория заработной платы является категорией третьего тома, а в I томе она помещена по соображениям субъективного порядка для большей убедительности теории прибавочной стоимости. Но ведь любое нарушение логики является её уничтожением, разрушает теоретическую систему, а потому не допускается ни формальной, ни диалектической логикой. Среди сторонников классической политической экономии распространено мнение о превращённых формах

капиталистической экономики как формах видимости явлений, искажающих их сущность, представляющих её в ложном виде. Конечно, видимость является частью содержания этих форм, но не исчерпывающей и не доминирующей.

Взаимопревращения форм осуществляют диалектический процесс развития экономики, объективно обусловленный её двойственной структурой. Развитие всего сущего есть душа диалектики. Процесс непрерывных превращений — средство развития всего сущего в реальном мире. Субъективная логика воспроизводит качественные видоизменения. В объективной реальности видимость возникает неизбежно вследствие непрерывного усложнения экономических связей и отношений. Именно в этом объективная природа видимости в экономике. Возможно ли в будущем возникновение экономики с прозрачно ясными незамутнёнными отношениями, где сущность совпадает с формой без искажения, без видимости? Сомнительно. Ведь системы развиваются, все более усложняясь. Видимость связана не только с несправедливостью, которую, скажем, капиталисту желательно маскировать. Она не является чьим-то хитроумным изобретением. Объективность видимости состоит в сложности любой системы. Вряд ли от неё удастся избавиться, как нельзя избавиться от видимости вращения Солнца вокруг Земли.

Во внешней жизни капитала взаимопревращение противоположных сторон его двойственной природы формирует **триадичную траекторию движения капитала**. Она также возникает из производства, где не просто производится единый источник всех доходов в обществе, не просто создаются капитальные и потребительские товары, т. е. новая стоимость и новые полезности. Прежде всего, здесь воспроизводится сущность данной экономической системы, по отношению к чему все предыдущее является производным. Основным результатом накопления капитала является воспроизводство основного отношения системы. Средства производства и наёмные рабочие, как известно, воспроизводятся разъединёнными на противоположных полюсах экономики. Отсюда вытекает необходимость их соединения с целью производства прибавочной стоимости, что выполняет денежный капитал. Это исходный пункт движения капитала, начало его непрерывных превращений. Последние, аналогично упомянутой бабочке, последовательно проходят три фазы, на каждой из них последовательно принимают и

сбрасывают три формы, и каждая форма выполняет строго определённые функции. Последовательность в этом движении сочетается с одновременностью нахождения капитала во всех этих состояниях и формах, что достигается одновременностью трех форм (фигур) кругооборота. Тем самым ускоряется движение капитала, сокращается время пребывания его в обращения и увеличивается время созидания переменным (человеческим) капиталом прибавочной стоимости.

В описанной выше картине кругооборота капитала методологически значимым является возникновение **трёхмерного пространства движения капитала**. Этот аспект ускользал от внимания сторонников диалектического метода. Между тем он является необходимым следствием закона двойственности и характера взаимодействия противоположных сторон единого целого, в данном случае капитала. Именно по этой причине **кругооборот капитала имеет форму идеальной триадичной фигуры,** в которой он достигает **понятия промышленного капитала**. Капитал сформировал трёхмерное пространство своего движения, обладающее свойством развития в n-мерное (со множеством форм и связей) пространство, что необходимо для выполнения многообразных задач в этом движении, т. е. для непрерывного функционирования. Содержание трёхмерного пространства кругооборота капитала, повторимся, образуют три стадии в его движении; три формы капитала; три функции, которые выполняет каждая из них; три формы (фигуры) кругооборота, совершаемые каждой формой капитала. Эта триадичная траектория движения капитала отнюдь не является случайной. Здесь довольно легко угадывается некоторое подобие физическому пространству, где каждое тело измеряется тремя известными параметрами.

Принцип триадичности движения экономических явлений и форм недооценивают не только современные экономисты, но вначале также и К. Маркс. Это можно наблюдать на примере его работы над теорией кругооборота капитала в Экономических рукописях 1863–1864 гг. Качественные взаимосвязи в кругообороте Марксу, к тому времени уже мировой знаменитости (после выхода в свет I тома «Капитала»), удалось понять после ряда переработок. В первом самостоятельном варианте второго тома «Капитала» результатом первой стадии (Д…Т) является не производительный капитал, а товарный капитал как фактор производства. Получается два разных

товарных капитала: товарный капитал как предпосылка производства в форме факторов производства (Т) и товарный капитал как результат производства в виде массы товаров (Т со штрихом). Отсюда образуются не три фигуры кругооборота, а четыре. Вторую фигуру составляет кругооборот факторов производства: Т— ... —Т [6]. Автор много сил потратил на её анализ. Но она не дала никакой новой информации о движении капитала, оказалась пустой. Годы напряженных раздумий понадобились на проникновение в суть движения капитала в его простейшей одноактной форме. В результате была открыта истинная и рациональная форма его организации как трёхмерного пространства. По-видимому, ошибки возникли в связи с тем, что ранее Маркс подверг критике работу Прудона «Философия нищеты», показав формальность применяемых Прудоном триад. Но и сам попал в ловушку своей же критики. К гегелевским триадам он пришёл самостоятельно, не основываясь на хорошо известную ему диалектическую логику. Однако несколько лет ушло на подтверждение истинности принципа триадичности.

Макроэкономика выводится современной неоклассической теорией методом агрегирования закономерностей, показателей микроэкономики. Конечно, многие авторы хорошо понимают, что простым суммированием теряются важные аспекты общества. Прежде всего, теряются причинно-следственные, качественные взаимосвязи элементов экономики. А. Маршалл об этом писал, но иного способа кроме «совмещения по горизонтали» не предложил.

Принцип «методологического индивидуализма» и формально-логический метод (маржинализм) — ахиллесова пята неоклассической экономической теории. Экономику как целое, имеющее сложную систему взаимодействующих элементов, постоянно воспроизводящуюся в процессе функционирования и непрерывно развивающуюся можно в истинном виде отобразить только диалектическим методом.

Таким образом, формально-логический метод, взятый сам по себе, обладает познавательной способностью. Он может выразить количественные соотношения однородных явлений в экономике, но не способен отобразить качественные связи в экономике и их изменения, а потому достоверно описать функциональный механизм, выразить её эволюцию и развитие, в этом предел его познавательных возможностей. Диалектический метод, представляя собой общую схему устройства объективного мира, соответствует также и

основным чертам строения и развития экономики. В силу этого он является эффективным ориентиром и способом познания экономики. Созданная на его основе классическая теория капиталистической рыночной экономики сохраняет свою истинность до тех пор, пока существует эта система. Новые явления современного постоянно развивающегося мира могут быть раскрыты посредством диалектического метода, интегральным элементом которого является формальная логика.

Литература

1. Блауг М. Несложный урок экономической методологии // Tesis. Научный метод. СПб, 1994. Т. 2. Вып. 4.
2. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С. 249.
3. Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. М. Прогресс, 1976. С. 402.
4. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1984. С. 8–9.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 98.
6. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 49. 2-е изд. С. 234–300.
7. Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Культурная инициатива, 1992. Т. II. С. 39.
8. Шумпетер Й. Капитализм, социализм, демократия. М., 1995. С. 57.

Путь к интеграционному экономическому знанию: к вопросу о практичности методологии марксизма[1]

Карасева Людмила Аршавировна,
д.э.н., профессор, заведующая кафедрой экономической теории Института экономики и управления Тверского государственного университета

Ключевые слова: метод структурных уровней, дифференциации экономической науки, интеграционное экономическое знание, теория стимулов, институализация ценностного пространства.

И снова о методологии. О методологии К. Маркса, которая практична. Обращение к методологии обусловлено рядом обстоятельств.

Во-первых, серьёзностью проблем, которые испытывают сегодня экономические науки в теоретическом обосновании глубоких социально-экономических проблем современной хозяйственной системы. Ориентация исследователей часто на хозяйственные формы приводит к тому, что эмпирическое познание становится не началом пути к пониманию сути обнаруженных парадоксов и проблем хозяйственной жизни, а превращается в доминирующий путь её познания. В этом отношении весьма важным является замечание профессора Мамедова О. Ю.: «Политэкономия как социальная наука обречена, отталкиваясь от чувственного, восходить к сверхчувственному. С момента этого разграничения экономисты делятся на эмпириков, коим не суждено подняться выше чувственного, и политэкономов, которым открыто сверхчувственное» [4, с. 8]. При этом автор справедливо отмечает, что для Маркса неуловимое «общественное» имеет двойственное строение: как единство «чувственного» и «сверхчувственного» [4, с. 8]. Сошлёмся и на мнение Й. Шумпетера, совсем не являющегося последовательным сторонником учёного: «Взгляд Маркса, охватывая разом эти факты, проникал через случайную нерегулярность поверхностных явлений и устремлялся вглубь к грандиозной логике исторического процесса.

[1] *Цитирование:* Карасева Л.А. (2018). Путь к интеграционному экономическому знанию: к вопросу о практичности методологии марксизма // Вопросы политической экономии. № 4(16). С. 29-35.

Здесь страстность сочеталась с аналитическим прорывом» [11].

Абсолютизация современными исследователями эмпирического (собственно хозяйственного) или институционального аспектов анализа не столь безобидна, как может показаться. Можно в своих исследованиях договориться даже до того, что принятие хозяйствующими субъектами альтруистических решений «нисколько не противоречит исходной предпосылке экономики, которая гласит, что люди стремятся извлечь из своих действий максимально возможную выгоду, как бы они её для себя не определяли» [9].

Или, формулируя очередную институциональную ловушку и пытаясь найти выход из неё, исследователи-практики даже не пытаются выйти на понимание социально-экономической природы обнаруженных институциональных проблем.

Вторая причина обращения в очередной раз к методологии связана с тем, что на протяжении уже многих лет в теоретических исследованиях учёные допускают некоторую небрежность по отношению к методологии науки, забывая, что теория методологична, а метод теоретичен. Так, сегодня оживились дискуссии о возможности использования потенциала политэкономии и неоклассики. Чаще всего они ведутся в логике *противопоставления* объективного и субъективного подходов в исследовании ключевых экономических отношений. Но парадокс состоит в том, что критикуя, каждый из оппонентов исходит из своего основания, диктующего соответствующие критерии анализа. Однако суть критического отношения к иной позиции, по нашему мнению, должна состоять именно в том, чтобы, пытаясь встать на основания автора, усмотреть в их содержательном развертывании логические пробелы и противоречия, приводящие к иным выводам по обсуждаемым проблемам.

По нашему мнению, политэкономия и неоклассика относятся к разным основаниям, методам и уровням исследования хозяйственных отношений и их продуктивное сопоставление и использование возможно при исследовании механизма функционирования социально-экономических отношений. Поэтому ключевая исследовательская проблема состоит в ответе на вопрос, *как объективное переходит в субъективное, а субъективное становится объективным,* влияя и изменяя социально- экономическую сущность хозяйственной системы. Или иначе, состоит в исследовании, с одной стороны, субординированного опосредования отношений глубинного уровня в ходе реализации и выхода на поверхностные уровни хозяй-

ственной жизни, а с другой обратного воздействия хозяйственного поведения субъектов экономики, институциональных структур на базисные экономические отношения[2].

Обозначенное невозможно без применения метода структурных уровней, основы которого были заложены К. Марксом, о чем нам приходилось говорить на прошлом Форуме. В частности, мы отмечали, что структурно- функциональный подход, метод структурных уровней не были известны при жизни К. Маркса. Однако глубокое из- учение наследия великого учёного позволяет сделать вывод, что представление о структурных уровнях производственных отношений как в аспектах раз- вития, так и функционирования, является одним из важных методологических основ исследования капиталистических производственных отношений[3].

Так, стадии развития капитализма К. Марксом представлены уровнями развития производственных отношений от простой кооперации к мануфактуре и к капиталистической фабрике. При исследовании стадии крупной машинной индустрии учёным используются разнокачественные категории: прибыль, средняя прибыль, торговая прибыль, предпринимательский доход, ссудный процент, земельная рента, лежащие в границах одного уровня анализа. Однако развитие механизма функционирования производственных отношений капитализма представлено в «Капитале» К. Маркса через развёртывание прибыли по разным уровням: прибыль средняя прибыль торговая прибыль, предпринимательский доход, ссудный процент, земельная рента на третьем уровне.

Наше обращение в очередной раз к методологии структурных уровней носит не случайный характер. И не только потому, что развитие данного метода лежит в поле наших научных интересов. В частности, опираясь на данный метод, мы различили структуры экономической и хозяйственной систем. Нами были уточнены и предложены следующие уровни хозяйственной системы. Технико-экономический и социально-экономический образующие экономическую систему ядро хозяйственной системы, несущее её генетический код. Три хозяйственных подуровня организационно- экономический, институциональный и собственно-хозяйственный. Конечно же, можно вести полемику о выделении уровней, об их внутреннем

[2] См., например, [3].

[3] На это впервые обратил внимание профессор А. А. Сергеев в исследовании [7].

наполнении. Но такой подход, на наш взгляд, позволяет уйти от *аспектности исследования,* то есть позволяет максимально возможно учесть *аспекты проблем в их взаимосвязи и целостности.* Другими словами, уйти от третьей причины, заставляющей нас раз за разом в своих работах обращаться к методологии исследования и методу структурных уровней.

Речь идёт о том, что уже многие годы шёл и продолжает идти процесс дифференциации экономической науки. И это процесс закономерный. Но дифференциация наук неизбежно приводит к повсеместно применяемой (особенно в последние годы) аспектности исследований. Вместе с тем известно, что аспектный подход представляет собой концентрацию внимания на одной грани проблемы, например, по принципу актуальности. Но достаточен ли он в исследовании проблем хозяйственной системы, которые носят системный характер? Именно комплексность и сложность хозяйственных проблем современной экономики объективно требуют использования *интеграционного подхода* для преодоления аспектности их исследований и практического разрешения.

Ярчайшим примером однобокого аспектного решения проблем Пенсионного фонда является заявленная «реформа» по изменению пенсионного возраста. Идёт неутихающая публичная дискуссия, правда, на которую правительство практически не обращает внимания, а следовало бы. Дискуссия со всей очевидностью обнаружила, как справедливо заметила депутат Заксобрания Санкт-Петербурга, эксперт МЭФ Оксана Дмитриева, что «для этого нет ни демографических, ни социальных, ни экономических предпосылок» [6]. В рамках заявленной нами темы нет необходимости подробно останавливаться на развернувшейся полемике по предложениям правительства. Но важно подчеркнуть: эти предложения красноречиво свидетельствуют о том, что имеет место попытка решить сложную комплексную проблему на основе чисто финансового подхода без учёта сложившейся объективной структуры экономических интересов субъектов, вовлечённых в процесс функционирования и развития пенсионной системы РФ, без проработки и изучения всего комплекса проблем действующего её хозяйственного механизма. Безусловно, такой подход оправдан с точки зрения реализации экономических интересов крупного капитала, лоббирующихся через систему государственной власти. Но попытка провести реформу, противоречащую социальным и экономическим интересам боль-

шинства населения России, свидетельствует о том, что авторов концепции и представителей властных структур, её поддерживающих, не интересует действительная социальная и хозяйственная жизнь страны. Достаточно сослаться на данные Левада-Центра. Согласно проведённому опросу «об отрицательном отношении к повышению пенсионного возраста заявили 89% россиян (в том числе 70% настроены «резко отрицательно»)» [1]. Красноречивы и выводы по анализам групповых дискуссий. «Наибольшее беспокойство вызывают три возможных последствия пенсионной реформы: страх потерять здоровье и дееспособность до выхода на пенсию, страх потерять работу и остаться не у дел, а также страх общего падения уровня жизни в связи с предлагаемыми изменениями» [1].

Неизбежен интеграционный процесс научного знания, который объективен и не возможен без грамотной методологии. В противном случае так и не будут преодолеваться проблемы, которые кричат, но которые невозможно решать в аспектном подходе:

- Проблема социального заказчика: практически игнорирование потребителей экономических и социальных услуг (общества) в обсуждении перспектив будущего развития.
- Невозможность встроенности новых общественных моделей поддержки функционирования и развития общества в процессы институциализации.
- Приоритет управления денежными потоками в отрыве от экономического содержания.
- Негибкость и нечувствительность механизма хозяйственной системы к инновационным практикам.
- Близорукий прагматизм социально-экономического регулирования и бизнес-управления: ориентация на краткосрочный период и желание получить быструю отдачу и др.

Очевидно, что все перечисленные проблемы связаны с исследованием хозяйственного поведения субъектов экономики. Тем самым актуализируется субъектный подход в исследовании функционирования экономических отношений. Нам уже приходилось писать, что субъектный аспект исследования означает развёртывание и уточнение сущности экономических отношений через механизм её реализации, опосредованный действиями экономических субъектов, наделённых особым интересом социальной активности, что субъектно-поведенческое может быть и субъектно-объективным, и субъектно-субъективным. В рамках собственно хо-

зяйственного подуровня хозяйственной системы актуализируется субъективное восприятие хозяйствующими субъектами действующих организационно-экономических и институциональных норм и институтов, социально-экономических ролей, социально-экономических статусов.

На этой методологической основе появляется реальная возможность раскрыть механизмы взаимодействия экономических субъектов и внешней среды, процессов модификации, деформации, появления иррациональных и мнимых форм экономических отношений, избежать целого ряда методологических неточностей и ошибок[4] или ряда упрощённых представлений в «поведенческой экономике» и «экономической психологии». В частности, речь идёт о неоправданном упрощении механизма принятия решений хозяйствующими субъектами, состоящем в отождествлении хозяйственных и экономических интересов в отсутствие субординации факторов, влияющих на принятие хозяйственных решений субъектами экономики. Но, что методологически особенно важно, в не различении объективного механизма реализации экономических интересов, предопределённого социально-экономической природой хозяйственной системы, и субъективного процесса создания и конструирования набора разноуровневых норм, статусов, ролей, приведения их в систему, которая институционально влияет на реализацию хозяйственных интересов.

Ещё один немаловажный и значимый практический вопрос, связанный с механизмом функционирования экономических отношений и применением метода структурных уровней, это необходимость серьёзной разработки теории стимулов, которая способна пере- вести экономико-теоретические наработки в практическое русло. На это мы неоднократно обращали внимание. Но ещё более определённо и убедительно высказался по этому поводу д.э.н. В. П. Федоров [10]. «Именно стимулы, бесконечно продуцируемые экономическими агентами, проходя через «сито» свободной воли всех субъектов экономики, формируют заинтересованность в экономической активности… Законы в экономике не действуют без интереса. И узловым пунктом этого алгоритма являются стимулы» [10, с. 11-12]. Подчеркнём, деятельность всегда обусловлена стимулом, причём таким, который субъективно был осознан как соответ-

[4] См., например, анализ мифов и реалий модернизации по-российски, действительной и мнимой модернизации [1].

ствующий хозяйственному интересу субъекта деятельности.

В принятии решения хозяйствующими субъектами ключевую роль играет система профессиональных критериев, которая не может сводиться только к узкоспециальным. Безусловно, профильные критерии являются базовыми, основополагающими. Но столь же важно включение в систему разноуровневых критериев, отражающих реализацию экономических отношений, а также социокультурных и ценностных критериев. Такой подход опирается на методологическое и теоретическое наследие К. Маркса. Снова обратимся к Й. Шумпетеру: «Маркс не считал, что религия, философия, разные направления искусства, этические идеи и политические устремления могут быть сведены к экономическим мотивам и не имеют самостоятельного значения. Он лишь стремился вскрыть экономические условия, которые формируют неэкономические мотивы и которые обусловливают их взлёт и падение ...хотя идеи и ценности не были для него главным двигателем социального процесса, он не считал их пустым звуком... в его социальной машине они играют роль приводных ремней» [11, с. 383]. Вся проблема сводится к пониманию того, что вкладывать в со- держание «приводных ремней».

Включение в исследование ценностного пространства хозяйствующих субъектов принципиально с точки зрения его институциализации. Так, профессор Т. Н. Серегина, ссылаясь на теорию ценностей Т. Парсонса, обращает внимание, что учёный исходит из представления о ценностях как «о желательном, которое влияет на выбор модели поведения» [8, с. 49]. Но ещё более значимое положение содержится, по нашему мнению, в научном труде учёного «Система современных обществ», в котором Т. Парсонс подчёркивает: «Интеграция в общество его членов подразумевает наличие зоны взаимопроникновения между социальной и личностной системами. Однако отношение здесь в основном трёхстороннее, поскольку части культурной системы, так же как и части социальной структуры, интернализованы в личностях, но в то же время части культурной системы институционализированы в обществе» [5].

Это важно, во-первых, потому, что, если ценности получают формальную институализацию, становясь нормами, представленными соответствующими официальными документами, то они превращаются в инструмент влияния государства на принятия решений хозяйствующими субъектами. Во-вторых, если ценности официаль-

но не институализированы, но воспроизводятся снова и снова, они приобретают статус институтов, существенно влияющих на хозяйственное поведение, не совпадающее с официально заданными.

Сегодня имеет место несовпадения ценностной системы, предлагаемой государством, и реальной системы ценностей в нашем обществе. Причём речь идёт о производной системе ценностей. У большинства российских людей есть базовые ценностные представления об отношении к своей деятельности, к жизни, сформированные историческими, национальными, семейными и т. п. традициями. Но будучи поставленными в рамки предлагаемых официальных институциональных норм, не совпадающих с их ценностными представлениями, часто они вынуждены делать вид, что их выполняют, тем самым разрушая своё ценностное пространство и, часто, себя как личность. Но также разрушается ценностная система общества.

Предлагаемые правительством институциональные нормы не развёртывают субъектов экономики на содержание деятельности, не стимулируют их на прогрессивное развитие, а воспроизводят в качестве двигателя изменении успех любой ценой. Конечно же, это является следствием проявления разноуровневого экономического эгоизма имманентного рыночной экономике, но оно усиливается нацеленностью институтов на реализацию экономических интересов узкой группы, создавая в рамках неё условия воспроизводства алчности и потребительства невероятных размеров, снова и снова усиливая в обществе институциональное отчуждение, сея недоверие и ощущения несправедливости. Но тогда (сошлёмся ещё раз на Т. Парсонса) «общество может быть самодостаточным только в той мере, в какой оно может «полагаться» на то, что деяния его членов будут служить адекватным «вкладом» в его социальное функционирование Но если подавляющее большинство членов какого-то общества испытывает крайнее «отчуждение», то говорить об этом обществе как самодостаточном нельзя» [5].

Общество способно двигаться вперёд, если оно в состоянии достичь необходимой глубины понимания целей своего движения. Это необходимо для того, чтобы формировать стимулы движения вперёд, менять качество производства, совершенствовать социально-экономические отношения, осуществляя перемены ради человека и общества.

Литература

1. Волков Д. Надо плыть: общественное мнение о пенсионной реформе. URL: http://carnegie.ru/commentary/76874?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex. com (дата обращения: 21.07.18)
2. Карасёва Л.А. Экономико-теоретические основы модернизации экономики (к вопросу о действительной и мнимой модернизации) //Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. Т. 7. №3(126). С. 11-17.
3. Карасева Л.А., Зинатулин А.М., Топалян М.Р. Институционализация экономических интересов в социально-экономическом проектировании развития территорий //Проблемы развития территории. 2018. №1(93). С. 42-56.
4. Мамедов О.Ю. Эпоха квазитоварного фетишизма (200-летию со дня рождения Карла Маркса посвящается)// TERRA ECONOMICUS. 2018. – Том 16. № 2. С. 6-17.
5. Парсонс. Система современных обществ, монография. http://topuch.ru/parsons-t-p-18-sistema-sovremennih-obshestvper-s-angl-l-a-sedo/index3.html#pages (дата обращения 4.09.2018)
6. Поколение 90-х можно смело назвать пенсионными страдальцами/ https://www.business-gazeta.ru/article/388314 (дата обращения: 15.07.18)
7. Сергеев, А.А. Структура производственных отношений социализма / А. А. Сергеев. М., 1979. 240 с.
8. Серегина Н. Ценности современной цивилизации как основа трансформации / Проблемы конфигурации глобальной экономики XXI века: идея социально-экономического прогресса и возможные интерпретации. Сборник научных статей. Том первый. Краснодар, 2018. 440 с.
9. Уилан Ч. Голая Экономика. Разоблачение унылой науки /Чарльз Уилан; пер. с англ. О. Медведь; [науч. ред. Э. Кондукова]. М., 2017. 384 с.
10. Фёдоров В.П. Свобода воли и экономический закон: введение в общую теорию стимулов. //Вестник Тверского государственного университета. Серия Экономика и управление. 2018. №2. С. 7-15.
11. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия/ Й.А. Шумпетер. М.: Эксмо, 2008. 864 с.

Десять классических принципов политико-экономического анализа[1]

Мамедов Октай Юсуфович (1945-2019),
д.э.н., профессор, зав. кафедрой политической экономии и экономической политики Южного федерального университета

Ключевые слова: методология политико-экономического анализа; объективность экономических процессов; историческое и логическое, общее и особенное, конкретное и абстрактное; противоречивость системного подхода; примат производства, превращенность и овеществленность экономических отношений.

Чем дальше уходит эпоха господства политико-экономической теории, тем поверхностнее и примитивнее становится уровень методологической культуры экономического анализа. Это актуализирует возрождение фундаментальных классических предпосылок научно-экономического исследования применительно к новым реалиям общественного производства.

1. Принцип разграничения методологии и методики анализа

Методология — это внутринаучная, невидимая извне, стратегическая проблематика каждой науки, сфера её «самоанализа» и «самопознания», в некотором смысле сокровенный «дневник исследования», который ведётся данной отраслью научного знания для самой себя.

Методология науки — это своего рода упреждающие «интеллектуальные» инвестиции, эвристика, хотя и создаваемая, так сказать, «постфактум» — в результате уже проведённого исследования. Развитие методологии правомерно сравнить с опережающим развитием «производства средств интеллектуального производства», которое предшествует «производству средств теоретического потребления».

В широком смысле методология представляет собой систему

[1] *Цитирование:* Мамедов О.Ю. (2015). Десять классических принципов политико-экономического анализа // Вопросы политической экономии. № 1(1). С. 38-47.

мировоззренческих предпосылок анализа, это — «парение» в «абстракции» и постоянная попытка возврата к «конкретике», и одновременно — боязнь этой, чуждой теоретическому состоянию науки, конкретики.

Сущность научной экономической методологии — принципиальное признание объективности и познаваемости экономического мира и, вытекающее из этого, требование объяснения экономики из неё же самой, не прибегая к причинам внеэкономического характера — к политике (а, напротив, — выводя политику из экономики), к идеологии (а, напротив, — выводя идеологию из экономики), к враждебности или доброжелательности окружающего мира (а, напротив, — выводя эту доброжелательность или враждебность из экономики).

Методология экономической науки основывается на общегносеологической диалектике — сведении всех внешне многообразных причин возникновения, существования и развития данного экономического процесса к борьбе его же саморазличившихся противоположностей. В качестве самой яркой иллюстрации этого тезиса можно указать, например, на диалектичность противоположности «товар — деньги», возникшей в результате саморазвития «прототовара».

А это значит, что экономическая сущность изучаемого экономического процесса всегда представлена раздвоенностью, а не какой-либо одной его стороной (так, невозможно дать завершённую характеристику товару, не прибегая к его денежному выражению, и, наоборот, — нельзя охарактеризовать деньги, не включая категорию товара). Да и сам товар — вне его отношения к другому товару — также понять невозможно.

Гениальность марксовой формулы социальной сущности товарного обмена (ХтовА = YтовВ) состоит в том, что в ней удалось адекватно выразить эту социальную сущность: она не в величине «X», не в величине «Y», не в товаре «А» и не в обмениваемом на него товаре «В», а в этом, почти невидимом и обычно не замечаемом, знаке равенства, осязаемо представляющего величайшую загадку экономического устройства общественного производства и его «вечную проблему» — механизм установления количественного уравнивания разнородных величин качественно-неуравниваемых товаров. Мы употребляем выражение «вечная проблема» потому, что постоянно меняющиеся технические и социальные условия об-

щественного производства постоянно изменяют и «механизм» количественного сравнения качественно-разнородных товаров. Эта формула по своей универсальности и всеохватности экономического бытия не уступает физическим формулам природного бытия.

Следовательно, выявленная объективная логика саморазличенности изучаемого феномена (фрагмента реальности) и есть гносеологическое доказательство истинности познания сущности исследуемого процесса, — большего доказательства процесс познания предоставить не может.

Но здесь исследователя поджидает неустранимая сложность — истинную сущность можно только логически реконструировать, ибо, когда процесс только идёт к саморазличению, то он ещё «незрел» для научного анализа, а после, когда достиг ступени саморазличения и «раскололся» на противоположности, то это и маскирует его когда-то существовавшую единую сущность, которую теперь приходится умозрительно строить из логического «соединения» саморазличившихся противоположностей.

Следует строго различать понятия «метод», «методология», «методика» и «теория»:

метод — способ, принцип познания; в зависимости от уровня исследования принято различать общие и частные методы;

методология — совокупность общих, исходных, фундаментальных принципов исследования, обусловленных природой изучаемого объекта;

методика — совокупность частных приёмов исследования;

теория — совокупность относительно достоверных знаний, накопленных данной наукой на данный момент.

Особо следует сказать о соотношении методологии и теории: они взаимопроникают — методологические принципы, как правило, образуют составную часть теоретических положений, а новые теоретические положения, будучи результатом реализации методологических принципов, сами выступают в последующем анализе в статусе исходных методологических посылок познания.

У всех наук — и естественных, и социальных, и гуманитарных — один научный метод: метод материалистической диалектики. Этот метод является величайшим интеллектуальным достижением человечества, выдающимся результатом всей истории познания, начало которому положили древние греки.

Материализм в экономической науке означает признание

объективности возникновения, движения и развития общественного производства.

Диалектика в экономической науке есть характеристика движения экономического мира во всей противоречивости его внутренних и внешних случайных и необходимых связей.

Следовательно, метод материалистической диалектики характеризует такой подход к экономике, при котором обеспечивается адекватное — в рациональной форме — отражение её действительного (противоречивого) движения.

Методология — «философская часть» любой науки, своего рода сфера «самопознания» данной науки, та модель исследования, когда результат анализа во многом предопределён выбором его исходных принципов.

Состав фундаментальных принципов, образующих методологию экономической науки, не является, конечно же, постоянным — он изменяется с изменением исторических парадигм экономического мышления, по мере актуализации тех или иных направлений экономической теории, а также под воздействием объективных перемен в общественном производстве.

2. Принцип объективности экономических процессов

Признание объективного (т. е. независящего от воли и сознания участников экономических процессов, а также познающих эти процессы) характера общественно-производственных связей и форм — исходный и важнейший методологический принцип экономической науки; именно благодаря ему реализуется материалистический, а не идеалистический, подход к анализу производственной (экономической) сферы. Основной вопрос философии — первичность материи относительно сознания (мышления) — применительно к экономике выступает уже как проблема первичности экономического бытия относительно экономического сознания.

Поскольку эти понятия для экономической науки являются фундаментальными, кратко остановимся на их содержании.

Экономическое бытие означает не столько объективные материальные условия жизнедеятельности общества (на языке классической политической экономии — «уровень развития производительных сил»), сколько данные экономические отношения, образующие социальный базис такой жизнедеятельности.

Экономическое сознание есть отражение данного экономи-

ческого бытия в рациональной (научной) и иррациональной (религия и политика) формах.

В экономической науке понимание «объективности» гораздо сложнее, чем в других отраслях социального знания. Дело в том, что объектом всех социальных наук являются общественные действия и их общественные результаты. И, кажется, на первый взгляд, что эти общественные действия изначально субъективны, ибо люди действуют осознано (в соответствии с поставленной ими перед собой целью). Но именно такая напрашивающаяся трактовка общественных действий как субъективных решений и означает идеалистический подход.

Сложность и трудность познания объективной природы общественного (экономического) бытия явилась причиной того, что идеалистическое толкование общественных явлений, процессов и законов было самым длительным и сильным именно в экономической науке: если в естествознании учёные неизбежно должны были стоять (хотя бы стихийно) на материалистических позициях, даже если это был «метафизический материализм», то гуманитарные науки характеризовались безраздельным господством идеализма. Последний особенно проявлялся в трактовке экономической истории — она рассматривалась то как результат действий великих людей (точка зрения древнегреческого Солона), то как результат некоего «общественного договора» (Ж. Ж. Руссо), то как призыв к изменению сознания как единственного средства изменения общества (Сен-Симон).

Распространение принципа объективности («материалистической диалектики») не только на природные («диалектический материализм»), но и на общественные процессы («исторический материализм») заняло целую эпоху, но по-прежнему актуально в кризисные периоды экономики, реанимирующие самые диковинные представления о сущности и механизме экономических процессов. Впрочем, каждое отступление обществоведов от материалистических позиций приводит только к одному — объективная диалектика представала через извращенно отражающую её идеалистическую диалектику.

Итак, как же понимать природу объективного в экономической сфере?

Действия участников производства носят, конечно, субъективный характер, поскольку исходят из данной меры осознания

экономической реальности, но это не изменяет объективной природы тех экономических отношений, которые складываются в данном обществе в данный исторический период.

Объективность экономического движения обусловлена тем, что каждое поколение наследует только данный уровень развития производства и, следовательно, может осуществлять свою целенаправленную деятельность только в рамках имеющихся производственных предпосылок. Отсюда видно, что особенность объективного в экономической жизни в том, что здесь объективное существует «через» субъективное и «посредством» субъективного, — в выявлении объективной природы субъективных действий и состоит вся сложность, тонкость и искусство исследования экономических процессов.

Вместе с тем признание объективной природы экономических отношений не должно приводить к выводу о пассивности, безуспешности воздействия на них людей. Это — крайняя позиция (получившая название «экономический детерминизм»), которая ничего не имеет общего с диалектическим материализмом и чревата «экономическим фетишизмом».

Таким образом, идеализм в экономическом анализе состоит вовсе не в том, что признается существование идеальных побудительных мотивов общественно-производственной деятельности, а в том, что на этом останавливаются, не идут дальше, не выясняют — что же лежит в основе этих мотивов, какие объективные потребности экономики выражают «субъективные» интересы участников производства?

3. Принцип сочетания исторического и логического

Научное отражение действительного, реального движения общества может быть достигнуто в двух идеальных формах — или исторической, или логической.

«Историческое» — это прямое («зеркальное») воссоздание конкретного хода развития данного процесса (его зарождение, становление, развитие, изменение, неотъемлемо включающие все реально состоявшиеся отклонения, случайности, форс-мажорные обстоятельства и т. д.). Иными словами, это идеографический (описательный) уровень познания.

«Логическое» — это отражение данного исторического процесса в его абстрактной и теоретически-исправленной форме.

Из приведённых выше определений вытекает, что основой «логического» является «историческое», дающее материал для логического отражения и потому делающее возможным такое «исправленное» отражение. Без опоры на исторический материал логическое отражение невозможно и обречено выродиться в схоластику.

Однако и организация самого логического необходимо должна соответствовать историческому. Иными словами, логическое отражение не «произвольно» по отношению к историческому, а должно отражать последовательные ступени исторического развития данного процесса. Развёртывание логического должно придерживаться исторической последовательности — такова зависимость логического от исторического.

Сущность принципа сочетания исторического и логического великолепно выразил Ф. Энгельс: «С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые даёт сам действительный исторический процесс» [1, с. 497]. Под «исправленным» Энгельс в данном случае имеет в виду знание, очищенное от случайностей, зигзагов и т. д.

Не менее значимый аспект отмечает К. Маркс: «Ход абстрактного (логического — *О. М.*) мышления, восходящего от простого к сложному, соответствует действительному... историческому процессу» [2, с. 39]. Это значит, что реальное развитие всегда совершается как восхождение от простого к сложному, и потому «логическое» движение также должно представать соответствующим восхождением.

Разумеется, и «историческое», и «логическое» — сложноструктурированы: для исторического «единица» структурирования — реальные события, из последовательности которых и соткана историческая непрерывность; для логического такой структурной «единицей» выступает «экономическая категория», которая есть не что иное, как теоретическое выражение (абстракция), придающее логическую определённость данной сущностной характеристике экономических процессов. Это значит, что, оперируя экономическими категориями, следует всегда помнить их отражённую, логическую природу, не пытаясь приписать им самостоятельное и уж тем более активное начало.

Социальная сущность экономической категории всегда должна характеризоваться «субъектами» (сторонами данных экономических отношений) и «объектами» (материализованными результатами общественного производства, по поводу которого они складываются). Субъектно-объектная характеристика экономической категории и придаёт ей качественную определённость в общей системе экономических категорий.

По словам Маркса, исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. И если это удалось, и жизнь материала получила своё идеальное отражение, то может показаться, что перед нами априорная конструкция. В этом и заложена возможность отрыва (в рамках познания) категориального (логического) от исторического, далее перерастающего в схоластику. Подобную опасность всегда следует учитывать на всех ступенях экономического анализа.

В рамках экономической теории проблема соотношения исторического и логического приобрела своеобразное выражение как проблема соотношения исходного и основного элемента (отношения) данной экономической системы. Дело в том, что выделение исходного элемента отражает исторический подход в исследовании экономики. Исходный элемент — это такое экономическое отношение, которое в скрытом виде, «в зародыше» содержит существенные («системные») свойства всех элементов будущей, формирующейся экономической системы. Исходный элемент в дальнейшем, т. е. в уже сформированной системе, преобразуется в основной элемент, выражающий сущность данной системы.

Если обнаружение исходного элемента — результат исторического подхода к экономической системе, то выделение основного элемента — результат её логического исследования. При этом парадокс познания заключается в том, что выделение исходного элемента возможно только посредством ретроспективной реконструкции генезиса основного элемента, ибо только воссоздание реальной истории становления основного элемента позволяет определить исходный элемент.

4. Принцип диалектики общего и особенного

Любое экономическое исследование призвано выявить общее и особенное в изучаемом процессе. Действительно, ряд момен-

тов общественного производства присущ ему на всех ступенях развития (например, разделение труда, отношение собственности, необходимость простого воспроизводства); вместе с тем существуют и такие формы, которые свойственны только одной ступени общественного производства.

Выявление особенных моментов образует главную задачу исследования, поскольку общие моменты — именно потому, что они «общие» — не дают исторической характеристики. Более того, даже понять специфику действия общих моментов можно, только раскрыв особенные характеристики. В чем же здесь методологический аспект проблемы? В том, что при акценте на особенное между различными ступенями экономической истории образуется разрыв, теряется преемственность; при акценте же на общее теряется уже особенное, экономические формы предстают вечными, неизменными, неподвижными.

5. Принцип диалектики конкретного и абстрактного

Реализация в экономическом анализе принципа сочетания конкретного и абстрактного особенно важна потому, что объект экономической науки обнаруживается только посредством применения абстрактно-логического метода. Для лучшего уяснения сущности данного принципа следует остановиться на используемых терминах.

Понятие «конкретное» имеет два значения:

а) в онтологическом смысле «конкретное» — это сам предмет (процесс, явление) как реально существующее единство множества реально присущих этому единству свойств и связей;

б) в гносеологическом смысле «конкретное» — это полное, целостное отражение данного предмета в мышлении, в логически-рациональной форме, в идеальной форме (в сознании).

«Абстрактное» же — это одностороннее (отвлечённое от всего реального богатства конкретного) отражение в мышлении (сознании) данного предмета.

Исходя из этого, общий ход процесса экономического познания включает последовательное движение по трём ступеням:

исходный пункт («эмпирически-конкретное») — конкретное как созерцание и представление данного предмета в сознании, т. е. уровень его чувственноконкретного отражения, образующее обыденное знание о нем;

первая ступень познания («теоретически-абстрактное») — отражение отдельных, единичных существенных сторон изучаемого предмета посредством формирования соответствующих абстракций;

вторая ступень познания («теоретически-конкретное») — полное отражение конкретного посредством синтеза абстракций в единую систему («теорию»).

Характеризуя логику экономического познания в общеметодологическом аспекте, К. Маркс писал: «На первом пути полное представление (конкретного — *О. М.*) подверглось испарению путём превращения его в абстрактные определения, на втором пути — абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления» [2, с. 37]. Следовательно, метод восхождения от абстрактного к конкретному есть «способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно-конкретное» [2, с. 37–38]. Исходя из этого, выражение «восхождение от абстрактного к конкретному» верно постольку, поскольку подразумевается «по умолчанию» исходный пункт в виде «эмпирически-конкретного»); в противном случае неизбежна схоластика.

6. Принцип системного подхода

Наибольшую сложность представляет анализ «чисто» экономических форм, отношений и связей, которые вообще не даны в ощущениях («эмпирически»), а обнаруживаются только посредством абстрагирования от конкретики экономической реальности, подстановки на место «субъектобъектных» связей «субъект-субъектных» отношений.

Системный подход является одним из важнейших методологических принципов в любой отрасли социального знания и, подобно мере использования математики в экономической науке, выступает особым свидетельством реально достигнутого этой науки уровня развития. Словом, реализацию системного подхода можно считать объективным доказательством научности обосновываемой концепции.

Всякий объект экономического анализа есть сложный феномен, образуемый множеством составных частей («элементов»). Совокупность этих элементов может быть случайной, а может быть и упорядоченной (т. е. внутренне-организованной; такая упорядо-

ченная совокупность удостаивается высшего звания среди объектов научного познания — «система»).

Объект научного анализа всегда является системным образованием. Поэтому основными понятиями системного подхода являются — «система», «структура», «функция» и «элемент».

Общий алгоритм системного анализа включает движение по следующим ступеням:

— сначала происходит изучение и накопление информации для категориальной характеристики отдельных явлений, процессов и законов, ещё не рассматриваемых как составные части неведомой на данном этапе познания системы,

— затем в поле зрения исследователей входят взаимосвязи между отдельными явлениями процессами и законами, в результате чего:

а) обнаруживается структура данной упорядоченной совокупности,

б) определяются функции, выполняемые каждой составной частью рассматриваемой совокупности (эта ступень является решающей для реализации принципа системного подхода, поэтому он и получил название «структурно-функциональный» анализ).

в) формируется представление об объекте как о целостной системе,

г) система открывает критерии выделения её элементов.

Самостоятельность системного подхода в методологии научного анализа обеспечивается тем, что природа, качество, сущность любой системы не равнозначны механической сумме свойств составляющих её элементов.

Специфическую сложность в системном подходе представляет выделение «элемента» данной системы — каким критериям должна отвечать составная часть, чтобы иметь право выступить «элементом»? Отсюда, между прочим, следует, что не всякая «составная часть» может предстать «элементом» системы и невнимательность в этом пункте чревата лжепознанием.

«Элементом» должна называться та наиболее дробная часть совокупности, которая ещё характеризуется системными свойствами, объективно присущими данной упорядоченной совокупности. Иными словами, это предельный дробный уровень построения системы, за которым утрачивается системное свойство. Например, элементами рыночной системы являются самостоятельнохозяй-

ствующие субъекты; поэтому, анализируя современные холдинги, мы выходим на уровень отдельных фирм, которые также являются самостоятельно-хозяйствующими субъектами и в этом смысле сохраняют «признак рыночности». Но если мы вздумаем углубиться в структуру отдельных фирм и выйти уже на уровень составляющих их подразделений, то мы уже не обнаружим названный выше признак. Одновременно этот пример удачно показывает на динамику элемента, поскольку завтра данное подразделение отдельной фирмы может — в силу ряда обстоятельств — получить хозяйственную самостоятельность, и тогда оно войдёт в состав «элементов» рыночной системы. И, наоборот, фирма может утратить самостоятельность — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Реализация системного подхода объективно возможна только на определённом этапе научного познания — после изучения отдельных элементов. Поэтому любая авторская концепция есть развёрнутая система логических абстракций, степень научной системности которой определяется уровнем анализа её элементов.

В свете системного подхода предмет экономической науки представляет собой сложно-структурированный объект, элементами которого выступают следующие подсистемы: «подсистема экономических законов», «подсистема экономических противоречий», «подсистема экономических потребностей», «подсистема экономических интересов», «подсистема экономических объектов», «подсистема экономических субъектов», «подсистема экономических отношений».

7. Принцип противоречивости как источник самодвижения экономики

Научный подход в экономическом исследовании всегда исходит из того, что источник экономического движения заключён в противоречиях (их возникновении и разрешении), причём имеются в виду не внешние, а внутренние противоречия, обеспечивающие экономике её «самодвижение».

Экономические противоречия всегда имеют объективную природу, их нельзя сводить к ошибкам, недостаткам, т. е. к уровню сознания. Однако, строго говоря, источником движения (развития) являются, конечно, не сами противоречия, а их разрешение посредством борьбы между участниками производства.

Всякий социально-экономический процесс, его развитие

представляет собой бесконечную цепь непрерывно возникающих и разрешаемых противоречий.

8. Динамизм как методологический принцип

Экономический мир находится в постоянном изменении, развитии, преобразовании, т. е. в динамике. Следовательно, объект всякого научного анализа является динамичным. Неподвижное состояние, статика есть только момент в бесконечном процессе динамики. Вместе с тем основы динамического анализа, его предварительным условием выступает изучение явления в статике. Однако в экономике статика создаётся искусственно, путём абстрагирования, ибо экономические явления и процессы находятся в постоянной динамике. Это значит, что только динамичное рассмотрение способно адекватно отразить действительное движение объекта.

Особо следует выделить характерные черты динамики экономических законов, которую они претерпевают в рамках определённой экономической ступени: расширение сферы действия, новые формы реализации, усиление взаимодействия с другими законами, более полное отражение системности данного производства.

9. Принцип примата производства

Структура экономических отношений включает их дифференциацию по сферам производства, распределения, обмена и потребления.

Категория «производство» в экономической теории употребляется в двух смыслах: «собственно производство» (в этом узком смысле имеется в виду сфера непосредственного созидания материальных и духовных благ) и «общественное производство», охватывающее все названные сферы.

Какова же субординация названных сфер? Её правильное понимание во многом обеспечивает верность выводов экономического исследования.

Увы, — история экономической мысли свидетельствует о том, что адекватное сознание реальной иерархии экономических сфер шло в «обратном» действительности направлении: меркантилисты главной сферой считали обращение, физиократы — только аграрное хозяйство, Смит вышел на материальное производство, и только марксов анализ стоимости вынудил говорить о «производстве вообще».

В рамках экономики необходимо исходить из первичности («примата») собственно производства (и возникающих здесь экономических отношений) относительно других сфер общественного производства (и возникающих в них экономических отношений). Более того, следует признать — каковы сущность и характер экономических отношений в сфере непосредственного производства, таковы они и в других сферах. Поэтому экономические отношения, складывающиеся в сфере непосредственного производства, называют «первичными», тогда как отношения в сферах распределения, обмена и потребления — «вторичными» (или «производными»).

10. Принцип превращённости и овеществлённости экономических отношений

Известно, что сущность и явление, форма и содержание не совпадают, — в противном случае научное знание совпадало бы с обыденным, да и вообще не могло бы состояться в силу этого совпадения. Однако в том-то и состоит сложность познания, в том числе и экономики, что проявление содержания может происходить «на поверхности» в изменённых, искажённых, деформированных, превращённых и даже иррациональных формах, поскольку форма никогда прямо не отражает содержание.

Действительно, одно и то же содержание может быть представлено одновременным множеством — в различной мере выражающих его сущность — форм, лишь одна из которых адекватно отражает данное содержание. Поиск такой «содержательной формы» — самостоятельное направление в любом экономическом исследовании.

Примером превращённой формы может служить — в рамках экономической концепции марксизма — категория «ссудный процент» («чистое самовозрастание») стоимости. Научный анализ позволил выявить, что ссудный процент есть обособившаяся часть прибавочной стоимости, а последняя, в свою очередь, есть результат эксплуатации наёмного труда в сфере непосредственного производства. Таким образом, хотя на экономической поверхности ссудный процент принимает видимость осуществления «сверхъестественного» свойства денег к таинственному самовозрастанию, но на самом деле она является порождением капиталистической организации экономики:

«форма формы» — ссудный процент

«форма содержания» — прибыль
«содержание» — прибавочная стоимость

Особой самостоятельной проблемой в области экономического познания выступает учёт эффекта «овеществленности» экономических отношений. Эта проблема возникает в силу того, что общественная природа экономических отношений, в которой нет ни грана вещественного, придаёт этой «невещественной» природе настолько «невидимое» состояние, что экономисты — видимо, в порядке компенсации недостающей им возможности тактильного соприкосновения с «экономическим субстанцией» — больше других категорий обществоведов подвержены опасности «овеществления» экономических процессов. Например, на первый взгляд, отношение собственности есть отношение человека к вещи, хотя на самом деле это отношение одного человека к другому. О сущности экономических отношений много лет назад было удачно сказано, что это — отношение между людьми, прикрытое вещной оболочкой.

Тенденция к овеществлённой характеристике экономических процессов особенно усиливается в ситуации, когда не производители господствуют над продуктами своего труда, а, наоборот, — продукты труда господствуют над производителями, порождая тем самым эффект «отчуждения труда», а с ним и «товарный фетишизм» (денежный, валютный, золотой и т. д.).

Конечно, поиски материализованного (вещественного) носителя тех или иных экономических отношений необходимы и правомерны, тем более, что только нахождение такого носителя позволяет перейти от качественной к количественной характеристике экономических процессов. Но точно так же, как и в случае с мотивацией экономического поведения (когда требуется не останавливаться на этой мотивации, а идти к объективно-формирующим их условиям), при анализе овеществленных форм экономических отношений необходимо выходить на их качественную характеристику — на социальное содержание экономических процессов. Методология — особый интеллектуальный инструмент познания, отражающий объективную специфику изучаемого данной наукой фрагмента объективной реальности. Будучи рациональным обобщением реальной практики изучения экономических процессов и отношений, методология призвана уменьшить издержки единственно доступного эмпирического метода познания, известного как метод «проб и

ошибок». Однако — и в этом весь парадокс эвристического потенциала методологии — можно, как великолепно заметил Г. В. Плеханов, прийти, придерживаясь научной методологии, к неправильным выводам, и, наоборот, можно, придерживаясь антинаучной методологии, прийти к правильным выводам.

Знание методологии ещё не гарантирует научного уровня познания, зато незнание методологии, игнорирование её эвристического потенциала способно серьёзно затруднить и умножить муки познания.

Продолжение следует…

Литература

1. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 13.
2. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 46, ч. 1.

Авторские работы
по методологическим проблемам экономической науки

1. Мамедов О. Ю. Производственное отношение: политико-экономическая модель: Материалы к спецкурсу // Библиотека экономических спецкурсов. Ростов н/Д: Феникс, 1997.
2. Мамедов О. Ю. Политическая экономия. Ростов н/Д: Феникс, 1999 г.
3. Мамедов О. Ю. Смешанная экономика. Двухсекторная модель. Ростов н/Д: Феникс, 2001.
4. Мамедов О. Ю. «10 мин замедленного действия», или переживёт ли российская экономика свою модернизацию? // Terra Economicus. 2011. Т. 9. №2. С. 5–8.
5. Мамедов О. Ю. Главная надежда России — переход к современному мировоззрению! // Terra Economicus. 2011. Т. 9. №1. С. 113–117.
6. Мамедов О. Ю. Государство и экономика // Terra Economicus. 2011. Т. 9. № 3. С. 5–9.
7. Мамедов О. Ю. Губительная страсть, как неистовая любовь древнеримского государства к древнеримской экономике погубила эту самую экономику // Terra Economicus. 2009. Т. 7. №2. С. 104–116.
8. Мамедов О. Ю. Две судьбы: стоимость и собственность // Terra Economicus. 2006. Т. 4. № 4. С. 5–10.
9. Мамедов О. Ю. Две эпохи (от диктатуры политической экономии — к диктатуре экономической политики) // Terra Economicus. 2013. Т. 11. №1. С. 4–8.
10. Мамедов О. Ю. Идентичность российской экономики: испытание гло-

бализацией // Terra Economicus. 2010. Т. 8. №2. С. 85–94.
11. Мамедов О. Ю. Идеология? — Ребюрократизация! // Terra Economicus. 2004. Т. 2. № 4. С. 5–9.
12. Мамедов О. Ю. Как помочь обновлению отечественной экономической науки? // Terra Economicus. 2008. Т. 6. №2–2. С. 7–11.
13. Мамедов О. Ю. Какая экономическая модель необходима российской экономике? // Terra Economicus. 2012. Т. 10. №2. С. 4–8.
14. Мамедов О. Ю. Кризис, экономисты и… народ // Terra Economicus. 2008. Т. 6. № 3. С. 5–10.
15. Мамедов О. Ю. Лаплас бы вновь получил по заслугам // Terra Economicus. 2006. Т. 4. № 3. С. 5–6.
16. Мамедов О. Ю. Между псевдопрагматикой и лжетеорией (смутная пора отечественной экономической науки) // Горизонты экономики. 2012. № 2. С. 58.
17. Мамедов О. Ю. Между экономикой и политикой выбирайте… её! // Terra Economicus. 2005. Т. 3. № 4. С. 5–6.
18. Мамедов О. Ю. Миры, антимиры и миражи экономической науки // Terra Economicus. 2007. Т. 5. № 3. С. 5–8.
19. Мамедов О. Ю. Модернизация российской экономики может иметь только глобализационную направленность! // Terra Economicus. 2009. Т. 7. № 3. С. 5–9.
20. Мамедов О. Ю. Незваный эмпиризм — хуже схоластики! // Terra Economicus. 2003. Т. 1. № 3. С. 20–23.
21. Мамедов О. Ю. Нужна ли экономическая теория хозяйственной практике? // Terra Economicus. 2012. Т. 10. №4. С. 76–81.
22. Мамедов О. Ю. Опасайся «кессонной болезни»! // Terra Economicus. 2006. Т. 4. № 2. С. 5–7.
23. Мамедов О. Ю. От любви до ненависти — один шаг. А от ненависти до любви? // Terra Economicus. 2004. Т. 2. №3. С. 5–8.
24. Мамедов О. Ю. Покончить с реализацией устаревших мифов и догм // Мир перемен. 2013. №2. С. 41–43.
25. Мамедов О. Ю. Ребюрократизация — главный враг юного российского рынка // Terra Economicus. 2005. Т. 3. №1. С. 5–7.
26. Мамедов О. Ю. Регенерация экономической системы в России: специфика и тенденции // Terra Economicus. 2007. Т. 5. №1. С. 59–68.
27. Мамедов О. Ю. С чего начинается эффективная экономика // Terra Economicus. 2013. Т. 11. №3. С. 6–11.
28. Мамедов О. Ю. Самые сложные проблемы — внутринаучные! // Terra Economicus. 2007. Т. 5. №1. С. 5–8.
29. Мамедов О. Ю. Субститутная экономика (опыт контурного анализа) // Terra Economicus. 2005. Т. 3. №1. С. 34–42.
30. Мамедов О. Ю. Тайна инновационной экономики — в её инновационной организации! // Terra Economicus. 2009. Т. 7. №2. С. 5–8.
31. Мамедов О. Ю. Три императива цивилизованной экономики // Terra

Economicus. 2011. Т. 9. № 4. С. 5–8.
32. Мамедов О. Ю. Утомлённые экономикой (две стороны институционализма) // Terra Economicus. 2013. Т. 11. №2. С. 5–10.
33. Мамедов О. Ю. «Философизм» против «экономизма», или как «философия хозяйства» уже более ста лет пытается тягаться с «политической экономией», соблазняя малых мира сего // Terra Economicus. 2012. Т. 10. №3. С. 63–68.
34. Мамедов О. Ю. Экономика и экономисты (мучительные вопросы — смутные ответы) // Terra Economicus. 2010. Т. 8. №2. С. 5–9.
35. Мамедов О. Ю. Экономическая аксиология: поветрие в безветрие? (полемические заметки) // Terra Economicus. 2003. Т. 1. №4. С. 5–10.
36. Мамедов О. Ю. Экономическая теория нужна всем, кроме экономистов? // Terra conomicus. 2014. Т. 12. №3. С. 8–14.
37. Мамедов О. Ю. «Эвристические точки» диссертационного исследования // Экономические науки. 2005. №11. С. 83–90.

Политическая экономия и система современной экономической науки[1]

Сидорович Александр Владимирович,
д.э.н., профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, директор Казахстанского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова

Ключевые слова: политическая экономия, экономическая теория, социально- экономическая теория, неоклассическая теория, институционализм, неоинституционализм, новая политическая экономия.

Обсуждение проблемы политической экономии, её предмета и границ продолжается уже более четырёх столетий. Современные дискуссии на эту тему заставляют по-новому переосмыслить проблему политической экономии в свете её эволюции, широкого развития новой политической экономии, продолжающегося господства мейнстрима и все большего осознания необходимости отказа от догмы об одномерном понимании экономической теорией содержания экономики как особой сложной системы.

Особенности предмета социально-экономической политической экономии

Современная теоретическая экономическая наука представляет собой сложное переплетение различных на- правлений и школ. Это состояние экономической науки объясняется как объективными факторами, так и особенностями развития самой науки в единстве субъективного и объективного факторов. Усложнение общества, экономических связей и процессов объективно и неизбежно ведут к тому, что описание современной экономики становится значительно более сложным и многоплановым. Вместе с тем в социальных науках исключительно велика роль субъективных факторов. Все это приводит некоторых исследователей к выводу о том, что в современной экономической науке исчезает единый предмет и превращается в набор исследовательских программ, что утрачиваются

[1] *Цитирование:* Сидорович А.В. (2017). Политическая экономия и система современной экономической науки // Вопросы политической экономии. № 4(12). С. 100-109.

границы между различными направлениями науки. Особенно значительные изменения произошли и происходят с пониманием предмета политической экономии, её особенностей и границ.

За четырёхсотлетнюю историю под термином «политическая экономия» скрывалось большое разнообразие научных систем и школ, которые по-разному определяли её предмет и методы. Ситуация с определением содержания предмета политической экономии напоминает историю с вдовицей Квикли. К. Маркс, характеризуя субстанцию стоимости в первом томе «Капитала», отмечал, что «субстанция стоимости отличается тем от вдовицы Квикли, подружки Фальстафа (постоянный образ капиталиста у К. Маркса - А.С.), что неизвестно с какой стороны за неё приняться». Политическая экономия очень похожа на этот образ В. Шекспира. Её пытались и пытаются найти представители совершенно разных направлений экономической науки, назвавшие её именем свои произведения. Этот спи- сок объединяет представителей совершенно разных направлений и школ в экономической науке.

Под названием «политическая экономия» были представлены труды классика английской политической экономии Д. Риккардо («Начала политической экономии и налогового обложения», 1847 г.), Т. Мальтуса («Начала политической экономии», 1820 г.), труды представителей немецкой исторической школы Ф. Листа («Национальная система политической экономии», 1841 г.), основателя марджинализма К. Менгера («Основания политической экономии», 1871 г.), У. Джевонса («Теория политической экономии», 1871 г.) и других сторонников марджинализма и неоклассики. У. Джевонс новое название экономической теории «экономикс» объяснял не только стремлением к упрощению названия, но и тем, что экономическая наука должна называться по аналогии с естественными науками математике, физике и т. д. Авторы новой политической экономии также широко используют данное понятие, вкладывая в него совершенно иной смысл.

Что же объединяет эти все направления, почему все они использовали и используют до сих пор этот символ «по- литическая экономия»?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо отказаться от некоторых спорных представлений о содержании политической экономии. Прежде всего, от того, что политическая экономия по определению является наукой о производственных отношениях, что

иные трактовки политической экономии не научны и подлежат осуждению. Возникновение термина «политическая экономия», как известно, не было связано с анализом развитых производственных отношений, а с периодом меркантилизма. Труд А. Монкретьена «Трактат о политической экономии» был посвящён политике ведения хозяйства в масштабах всего государства. Жан Жак Руссо в работе «О политической экономии» в 1754 году, обосновывая концепцию общественного договора, термин «политическая экономия» также связывал «с управлением большой семьи, т. е. с государством». Традиция государственности, общественного подхода является общей для понимания предмета политической экономии на всех основных этапах развития науки. Это традиция не только меркантилизма и исторической школы, но и марксизма. Политическая экономия развивалась на протяжении длительного периода времени как система знаний об экономической структуре всего общества. Когда К. Маркс отмечал, что «конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества», то и здесь мы видим не индивидуалистический подход, а подход к общественной системе в целом.

Формирование классической английской, а затем марксистской политической экономии знаменовало создание политической экономии как науки о системах экономических отношений, которая в марксистском понимании предмета политической экономии, по словам В. И. Ленина, было «исследованием производственных отношений данного исторически определённого общества в их возникновении, развитии и упадке». Исследование системы социально-экономических отношений в их процессе воспроизводства, т. е. в единстве производства распределения обмена и потребления, даёт целостный политико-экономический анализ на экономику любой страны, любого общества. Разделяя воспроизводственный подход к предмету политэкономии, Рязанов В. Т. специально отмечает, что такой подход составляет часть «политэкономической традиции» и может служить базой для более широкого определения предмета политической экономии как науки. По его мнению, «предметом современной политической экономии выступает конкретно-исторический тип экономических отношений между хозяйствующими субъектами, которые возникают в процессе производства, обмена, распределения и потребления товаров (услуг) и реализуются в хозяйственной практике посредством формальных норм и не-

формальных правил». Как справедливо отмечает А. А. Пороховский «предмет политической экономии — это экономические отношения людей и их воспроизводственных связей». Системное воплощение воспроизводственных отношений социально-экономических отношений получило хрестоматийное отражение в трёх томах «Капитала» К. Маркса.

Развитие экономической науки во второй половине XIX века привело к возникновению нового направления науки выделилось и сформировалось неоклассическое направление, которое в настоящее время признается «мейнстримом» современной экономической науки. Это направление возникло не случайно. Оно возникло, во-первых, как результат противоречий в капиталистической системе XIX века. «Экономикс» сознательно уходит от противоречий между классами и социальными группами и содержательно сводит основную проблему к экономическому рациональному выбору асоциальных субъектов. Во-вторых, во второй половине XIX века ясно выделился круг проблем экономической науки, который не сводим к анализу социально-экономических производственных отношений. В силу этого ясно выявилась необходимость формирования такого направления экономической теории, которое ориентировано на решение практических проблем развития рыночно-капиталистических отношений, исследование поведения субъектов рыночных отношений и т. д.

Переход к новому направлению выразился не только в изменении названия науки. Изменение термина «политическая экономия» на «экономикс», совершенное Маршаллам, Маклеодом и Джевонсом во второй половине XIX века, завоевало полное признание лишь в начале XX века, и это означало провозглашение принципиально другого исходного пункта анализа экономики. Не экономические отношения, не большая семья людей под названием «государство», по выражению Ж. Ж. Руссо, а отдельные субъекты экономики, которые руководствуются принципом индивидуализма, осуществляя рациональный экономический выбор, исходный пункт этого направления. Последующее развитие науки, в т. ч. возвращение к термину «политическая экономия», во второй половине XX века основывалось и основывается на этой предпосылке. Принцип индивидуализма неоклассики в анализе экономики, получивший фундаментальное обоснование в трудах австрийской школы, особенно Людвига фон Мизеса и Ф. Хайека, является и основой новой

политической экономии, ставшей влиятельным фактором и даже направлением развития не только экономической, но и других социально-гуманитарных наук. Дальнейшее развитие экономической науки показало, что термин «политическая экономия» во второй половине XX века получил новую жизнь через распространение мейнстрима на другие направления социальных наук и в начале XXI века стал привычным для многих исследований и учебных программ США, Великобритании и других стран.

Таким образом, представление о том, что название «политическая экономия» жёстко привязано к анализу систем производственных отношений, а все «другие политические экономии» не существуют, не подтверждается историей экономической науки. Данный подход, в конечном счёте, противоречит признанию особой роли социально- экономического анализа общества как направления экономической науки. Социально-экономический анализ систем составляет суть классического политико-экономического подхода. Это социально-экономическая политическая экономия. Любое сведение дискуссий о предмете политической экономии к терминологическим разночтениям уводит от главной задачи социально-экономического направления исследовать типы экономических систем в их противоречиях и развитии. Имеется ещё одно последствие такого подхода затрудняется использование выводов других направлений экономической науки для обогащения социально-экономического анализа. Мы тем самым закрываем себе дорогу к реальному богатству марксистского подхода, который, если взять все три тома «Капитала» в единстве, исследовал целостную систему социально-экономических отношений общества, экономические формы реализации собственности во всем многообразии на различных уровнях от сущностных к её поверхностным формам.

О синтезе политической экономии и экономике

Исходя из того, что социально-экономический анализ экономических систем особое направление экономической науки, можно сделать вывод о возможности синтеза «политической экономии» и «экономикс». Идея возможности такого синтеза развивается в различных исследованиях. Делаются выводы, что «экономикс» относится к области поверхностных, фетишистских форм, что имеются две «политэкономии» и «экономикс» в этом смысле является политической экономией «второго сорта» [8, с. 8]. По-другому выгля-

дит эта проблема с позиции новой политической экономии. В рамках её, как считают сторонники нового подхода, происходит реальный синтез экономической науки и политики, т. е. различия политической экономии и экономике сливаются под названием «новая политическая экономия»[2].

Тезис положения о наличии двух «политэкономий» вызывает возражения не только в аспекте теории превращённых форм, но и, главное, на критериальном уровне выделения различных направлений экономической науки. Как отмечалось ранее, принципиальный характер отличий неоклассики от социально-экономической теории состоит в том, что не социально-экономические отношения людей, а принцип индивидуализма и рационального экономического выбора – основа неоклассики. На этой основе формируется некритическое восприятие реальности, создаётся идеологизированный образ мира. Как отмечает Д. Родрик, «неприятности происходят, когда экономисты начинают считать одну из моделей единственно верной». В результате на веру принимается неизменность исходных постулатов, происходит уход от реального анализа развития системы и возникает синдром «варвар всегда неправ» (Д. Родрик), кто против рынка тот коррумпированный политик, лоббист и т. д.[3]

Формой разрешения противоречий между политико-экономическим и неоклассическим анализом экономики явилось становление и развитие институционального направления. Бурное развитие неоинституционального направления в XX веке привело к пересмотру принципа полной рациональности выбора и косвенно-

[2] «По данным Военного ведомства, представленным незадолго до Февральской революции в Совет министров, наши «окончательные потери» убитыми, умершими от ран и болезней, инвалидами, пропавшими без вести и взятыми в плен определялись с начала войны по декабрь 1916 года в 5,5 млн. человек. По сведениям, официально сообщённым российскому Красному Кресту неприятелем, к зиме 1916/17 годов в Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции состояло 2,2 млн. военнопленных … Вычтя это число из общей суммы, получим 3,3 млн. российских потерь только до Февральской революции» (Потери и состояние российской армии во время Первой мировой войны, источник [22]).

[3] «Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадёжной» [8, с. 11].

му признанию необходимости единства экономических и более широких социальных подходов.

Институционализм хотя и развивается на базе мейнстрима, однако отличается от него важным и существенным принципом. Постулат об ограниченной рациональности главный отличительный принцип институционализма. Историческая заслуга институционализма состоит в том, что его возникновение и развитие положило конец мифу о мейнстриме как единственно верном учении в рамках самой неоклассической парадигмы. Это позволяет трактовать его как особое направление современной экономической науки.

Социально-экономическая теория, неоклассика и институциональная теория на критериальном уровне качественно отличны друг от друга. Социально-экономическое направление не может быть интегрировано в «экономикс» на этом уровне. Нельзя отождествлять синтез направлений и использование выводов одного из них для исследований иного направления. Социально-экономическое направление должно более активно использовать для своего развития выводы неоклассики, институционализма и новой политической экономии. В этом один из важных ресурсов для более широкого распространения данного направления в современной науке.

Социально-экономическая политическая экономия и новая политическая экономия

Особенностью социально-гуманитарных и социально-экономических исследований в конце XX начале XXI века является все более тесная связь экономики и других социальных наук. В новой экономике XXI века с более широким использованием постиндустриальных технологий выходят социально-гуманитарные факторы, развитие человека, формы коммуникации. Возникают новые концепции, которые претендуют на роль синтетических. Общепризнано, что понять и смоделировать процессы в экономике в настоящее время невозможно без учёта политических, психологических, социальных факторов. И наоборот, экономика проникает все более широко и глубоко в теоретические исследования и практические методы в других областях политологии, социологии, психологии и др. Итогом этих процессов стало укрепление и развитие «новой политической экономии» в различных вариантах и направлениях. Формируется база для взаимного обогащения различных направле-

ний экономической теории.

По мнению профессора Бляхмана Л. С., неоклассическая теория соответствовала эпохе индустриального капитализма и именно она закрепила принцип рыночного индивидуализма. Новой индустриализации соответствует «новая политическая экономия», которая как «междисциплинарная экономическая наука» считает экономику не автономной и самодостаточной, а лишь подсистемой общества, использует не только экономические, но и социологические, политологические, психологические, правовые методы исследования (не только для субъективного) поведения участников экономических отношений».[4] Согласно данному подходу, новая политэкономия соединяет всё выводы и идеи Маркса, Кейнса, Шумпетера, неолибералов и институционалистов и т. д., создавая, таким образом, новое направление теории.[5] Данный подход тесно смыкается с признанием особой роли социокультурных факторов в развитии современной экономики [6, с. 625-656; 14]. Такое представление о новой политической экономике лишь в общей форме характеризует новую взаимосвязь экономики и общественных наук. Наиболее последовательно потенциал новой политической экономии проявляет себя в политологии. Исследователь новой политической экономии А. Либман отмечает: «Наиболее успешным проектом в обла-

[4] Иозеф А. Шумпетер более полувека назад писал: «границы большинства наук непрерывно сдвигались, и бесполезно определять их исходя из предмета и метода. В особенности это относится к экономической науке, не являющейся (в отличие от, например, акустики) строгой наукой, а скорее представляющей собой совокупность плохо упорядоченных и пересекающихся между собой областей знания (сродни медицине). Поэтому мы будем приводить определения экономической науки, данные другими авторами прежде всего для того, чтобы подчеркнуть их поразительную неадекватность, но сами не станем придерживаться ни одного из них [7].

[5] «Новый термин» («Экономикс» А.С.), введённый в оборот Маклеодом и Маршаллами, получил одобрительную оценку во втором издании «Теории политической экономии» Джевонса благодаря своему благозвучию и наукообразию (поскольку он [в англоязычном написании eco- nomics] аналогичен «математике», «этике» и «эстетике» [соответственно mathematics, ethics and aesthetics]; последняя из опубликованных Джевонсом работ называлась «Principles of Economics» («Принципы экономической науки»). Хотя Кэннан утверждал, что А. Маршалл (изданием «Принципов экономической науки» в 1890 г.) положил начало широкому изданию книги; полная замена терминов завершилась не раньше начала 1920-х годов [21].

сти политико-экономических исследований в современных социальных науках можно считать политическую экономику (political economics) или новую политическую экономию (new political economy). Если упрощать, то суть данного подхода составляет исследование политической сферы (как в вопросах экономической политики, так и в областях, не связанных с последней) с использованием допущений теории рационального выбора и экономических методов, как правило, на основе математического моделирования...» [19, с. 90].

Связь экономической науки с политикой имеет глубокие исторические корни. Первые систематические труды в области политической экономии были вызваны практическими потребностями государственной политики меркантилистов. Свидетельство этого выход в свет труда Антуана де Монкретьена «Трактат о политической экономии», который ввёл термин «политическая экономия» в экономическую и политическую науку. Другой пример также относится к эпохе меркантилизма знаменитая работа Вильяма Пепи «Политическая арифметика» явилась первым основательным исследованием, которое соединяло принципы государственной политики с выводами политической экономии и применением математики. Тесная связь политики государства с выводами экономической науки прослеживается на все более поздних этапах развития общества. Отражением этого явились острые дискуссии в истории классической политической экономии и в современной экономической науке по проблемам соотношений объективного научного знания об экономике и путях применения её выводов к управлению общественными процессами о политической экономии как науке или искусстве [17, с. 16].

Формирование и развитие новой политической экономии происходит на базе «мейнстрима».[6] На основании этого даже делается вывод о том, что она входит в число ведущих его направлений [10, с. 86]. С. А. Афонцев при этом особо подчёркивает тесную связь новой политической экономии с теорией общественного выбора, которая определяет ключевые особенности политико-экономического подхода, определяющие характер разрабатывае-

[6] «Наличие наций, государств и вероисповеданий, общественного сотрудничества при разделении труда различимо только в деятельности конкретных индивидов. Ещё никто не познал нацию, не познал входящих в неё индивидов» [11].

мых на их основе аналитических схем [6, с. 699-701].

Глубокая вера в незыблемость принципа рационального выбора пронизывает исследования всех основных направлений современной новой политической экономии. Вершиной про- возглашения принципа рациональности является позиция одного из ведущих представителей новой политической экономии (фактически основателя экономического империализма) Гзри Беккера, который определил данный принцип как универсальный для всех общественных наук. В своей нобелевской лекции в 1992 году он подчеркнул: «Модель рационального выбора обеспечивает наиболее перспективную основу, имеющеюся в нашем распоряжении для унифицированного подхода представителей общественных наук к изучению социального мира». Имеются и противоположные оценки роли экономической науки в развитии новой политической экономии. Академик В. М. Полтерович отмечает, что «рассматривая основные инструменты аншлюса экономического империализма, нетрудно убедиться в том, что они практически не содержат ничего собственно экономического... «Экономический империализм» не более чем фантом» [18].

Какова реальная роль и место новой политической экономии в системе современной экономической науки? Можно ли её считать новым направлением экономической науки? Для ответа на эти вопросы, на наш взгляд, важно оценить соотношение новой политэкономии с социально-экономической теорией и неоклассикой. Здесь не так все просто. Новая политическая экономия, развиваясь на базе теории общественного выбора, представлена рядом направлений, таких как теория конституционного выбора, теория политической ренты, теория эндогенной экономической политики, теория политического делового цикла. В рамках экономического империализма, как составной части новой политической экономии, развитие таких направлений, как теория человеческого капитала, экономический анализ преступности, теория дискриминации, экономический анализ семьи и других, выявило результаты, которые широко используются и в социально-экономическом анализе, и всеми представителями неоклассики. Особенно тесной является связь новой политической экономии с институциональным анализом.

Анализ использования выводов новой политической экономии показывает, что она, опираясь на основные положения неоклассики, рассматривая отношения субъектов в различных сфе-

рах **в** рамках рыночного взаимодействия, наталкивается на ряд существенных ограничений со стороны других сфер общественной жизни, что приводит к выводам, которые имеют важное значение для углублённого понимания социально-экономических отношений.

При этом некоторые выводы значительно обогащают выводы как социально-экономического анализа, так и мейнстрима. Это, на наш взгляд, связано с тем, что в отличие от институционализма, новая по- литическая экономия охватывает область взаимодействия субъектов экономики как в экономике, так и в общественной сфере, включая социальную, политическую, юридическую и другие области человеческих отношений. Тем самым новая политическая экономия неизбежно сталкивается с необходимостью учитывать процессы, происходящие в социальной сфере и реагировать на них путём развития направлений и методов. Не случайно И. Маклин пишет: «Экономическая наука раньше называлась политической экономией. В некоторых гордящихся своей преданностью традициям университетах она так называется до сих пор. Если бы студентов, изучающих политическую и экономическую науку, снова обучали бы как политэкономов, от этого выиграли бы обе дисциплины. Возможно, они смогли бы внести вклад в общий объём полезных знаний» [5, с. 9].

Анализ направлений, основанных на теории общественного выбора, показывает, что само по себе рыночное поведение производителей и потребителей, демократическая структура принятия решений не обеспечивают принятия справедливых решений и не гарантируют социальную справедливость. Парадокс голосования Кондорсе, теорема невозможности Эрроу, например, доказывают невозможность принятия решений, которые учитывают действительные предпочтения общества, что для принятия согласованных и непротиворечивых решений необходимо вмешательство внешней силы. Аналогичные процессы происходят в сфере экономических отношений в условиях развития конкуренции. Важное значение для понимания процессов принятия экономических решений имеет теория эндогенной политики, которая фиксирует зависимость принимаемых политических решений от структуры экономических интересов. Фактически в этом случае в рамках новой политической экономии получает подтверждение неразрывная связь экономических и политических решений, что свойственно любой социально-

экономической системе.

Ещё более явно возможности применения принципов новой политической экономики в социально-экономическом анализе показывает их использование в области социологии. Например, социологи, используя принципы новой политической экономии, вынуждены заметить, что мир отношений не исчерпывается рыночными отношениями, а имеется другая сфера «всеобъемлющего социального порядка, солидарности и самоценных форм объединения и сплочённости людей. Эта сфера не является спонтанным результатом рыночной деятельности или других форм стратегического взаимодействия» [5, с. 9]. Отмечается, что эти сферы не только функционируют иначе, чем экономические отношения рационального выбора, «жизнеспособность экономики зависит от того, насколько эти параметры ограничиваются и регулируются внеэкономической сферой действий и мотивации» [3]. Примеры содержательного анализа но- вой политической экономии можно продолжить. Однако общий вывод очевиден. Новая политическая экономия неизбежно ориентирует на необходимость более широкого включения в экономический анализ социальных процессов, и в этом смысле она является важным источником социально-экономических обобщений. Вторгаясь в сферу общественной жизни, теория рационального выбора в рамках новой политической экономии вынуждена сталкиваться с неразрешимыми противоречиями мейнстрима, которые не могут быть разрешены без системного экономического анализа, т. е. без социально-экономической теории.

Таким образом, основная структура современной экономической теории такова, что её основные направления неизбежно поразному характеризуют экономику. Традиции социально- экономической политической экономии - анализ общественной системы в целом - неизбежно реализуются на всех этапах развития экономической науки. Только социально-экономические направления (политическая экономия социально-экономических отношений) своим главным научным результатом и целью исследования имеют выявление содержания и особенностей экономической системы страны [9, с. 28]. В этом состоит его огромная значимость для политической практики. Выработка экономического и политического курса, следовательно, определение реалистичной экономической политики предполагает ответ на принципиальные вопросы, во-первых, о том, что представляет собой экономическая система, которая воспроиз-

водится в данной стране, во-вторых, каковы особенности взаимосвязи основных элементов данной системы с учётом естественных, исторических и цивилизационных факторов развития. В-третьих, каковы особенности неформальных и формальных институтов данной страны, через которые осуществляется управление данным обществом. Без ответа на эти вопросы, а также учёта этапа развития страны нельзя в принципе выработать государственную экономическую политику. Мейнстрим, институциональный анализ, новая политическая экономия не могут сами без целостного социально-экономического анализа систем дать ответ на вопрос о тенденциях развития экономики, её противоречиях в эволюции. Политическая экономия социально-экономического развития систем составляет основное ядро всех направлений экономической теории и других экономических наук.

Литература

1. Автономов В. Абстракция мать порядка? // Вопросы экономики. 2013, №4.
2. Ананьин О. Экономика: наука и/или искусство// Вопросы экономики. 2007, №11.
3. Аузан А., Келимбетов К. Социокультурная формула экономической модернизации// Вопросы экономики. 2012, №5. С. 37-44.
4. Афонцев С. От исследований к рекомендациям: политико-экономический алгоритм// Журнал новой экономической ассоциации. 2017, № 3.
5. Бляхман Л.С. Новая индустриализация: сущность, политико-экономические предпосылки и сопровождение // Проблемы современной экономики. 2013, № 4(48).
6. Дж. И. Альт, А. Алезина. Политическая экономия: общие проблемы. Политическая наука: новые направления. Глава 28. / Под ред. Гудин Р. и Клингеманн Х.-Д. М.: «Вече», 1999.
7. Иозеф А. Шумпетер. История экономического анализа, Т. 1, Санкт-Петербург, 2001. С. 12.
8. Ленин В.И. Седьмой экстренный съезд РКП (6), 6-8 марта 1918 г. // Полн. собр. соч. Т. 36.
9. Либман А. Направления и перспективы развития политико-экономических исследований// Вопросы экономики. 2008, №1.
10. Любинин А. Две политэкономии: социально-экономического развития и процессов хозяйствования// Российский экономический журнал. 2012, №1.
11. Людвиг фон Мизес. Человеческая деятельность/ Трактат по экономической теории. М.: Экономика, 2000. С. 12.

12. Мизес Л. Человеческая деятельность/ Трактат по экономической теории. М.: Экономика, 2000.
13. Панорама экономической мысли конца XX века в2-х т. Под ред. Д. Гринуэй, М. Блини, И. Стюарт. Санкт-Петербург, 2002. 668 с.
14. Панорама экономической мысли конца XX века. Под ред. Д. Гринуэй, М. Блини, И. Стюарт: в 2-х т. Пер. с англ. под ред. В.С. Автономова, С.А. Афонцева. СПб: Экономическая школа, 2002. 668 с.
15. Политическая наука: новые направления/ Под ред. Гудин Р. и Клингеманн Х.-Д. М.: «Вече», 1999.
16. Полтерович В. Становление общего социального анализа// Общественные науки и современность. 2011, №2.
17. Пороховский А.А. Политическая экономия в XXI веке: системный подход к решению проблем современной экономики // Вопросы политической экономии. 2016, №4.
18. Родрик д. Экономика решает: сила и слабость «мрачной науки». М.: Издательство Института Гайдара, 2016. 230 с.
19. Рязанов В.Т. Политическая экономия: из прошлого в будущее// Горизонты экономики. 2012, №2.
20. Шумпетер Й. История экономического анализа Т. 1. СПб, 2001.
21. Экономическая теория. / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА-М, 2004. 683 с.
22. http://ss69100.livejournal.com/2858909.html

РАЗДЕЛ 2.
«Капитал» в XXI веке

«Капитал» К. Маркса в исторической ретроспективе[1]

Васина Людмила Леонидовна,
к.э.н., гл. специалист Российского государственного архива социально-политической истории, руководитель группы по подготовке международного Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (МЭГА)

Ключевые слова: «Капитал» Маркса, русские переводы «Капитала», стоимость, теория стоимости Маркса, теория прибавочной стоимости Маркса, «Капитал» на языках народов СССР, «Капитал» на языках народов мира, «Капитал» в международном издании МЭГА.

14 сентября 1867 г. в Гамбурге в издательстве Отто Мейснера тиражом в 1000 экземпляров вышел первый том «Капитала» - главного экономического труда Маркса, который и сегодня, спустя 150лет, остаётся предметом научных дискуссий. Несмотря на многие попытки опровергнуть или «подправить» марксизм, «тень Маркса, - как однажды заметил Р. Я. Левита, - маячит перед каждым крупным мыслителем вплоть до наших дней» [13, с. 40].

Маркс назвал свою книгу «самым страшным снарядом, который когда-либо был пущен в голову буржуа (в том числе и земельных собственников)» [26, с. 453]. Он раскрыл механизм присвоения капиталом неоплаченного труда рабочего, т. е. процесс капиталистической эксплуатации. Маркс дал угнетённому классу осознание его положения в обществе и обосновал неизбежность революционной смены капитализма обществом, построенном на альтернативе частной собственности.

Однако «Капитал» - уникальное произведение экономической классики не только с точки зрения системного научного анализа капиталистической экономики и новаторских выводов этого ис-

[1] *Цитирование:* Васина Л.Л. (2017). «Капитал» К. Маркса в исторической ретроспективе // Вопросы политической экономии. № 3(11). С. 79-91.

следования, но и как единое художественное целое. Последнее имело для Маркса принципиальное значение, он оттачивал буквально каждое слово. В книге, написанной выразительным, образным, афористичным языком, использовано около 750 литературных и документальных источников на 6 языках. Теоретические выводы иллюстрируются художественными образами из произведений Шекспира, Данте, Сервантеса, Горация, Гёте, Гомера, Бальзака, Мильтона, Шиллера, Софокла, Виргилия, Томаса Мора и многих др. А ещё Маркс ссылается на Библию, английские романы, популярные баллады, песни, мифы, пословицы. Не удивительно, что в опросе, проведённом в 2009 г. американским еженедельником «Newsweek», Маркс занял 30-е место среди наиболее выдающихся писателей в истории человечества, опередив на 20 позиций Шекспира и на 11 позиций - Библию.

150-летие «Капитала» совпало со 100-летием Великой Октябрьской социалистической революции. Само совпадение этих юбилейных дат знаменательно. Через Русскую революцию «Капитал» оказал столь значительное влияние на развитие всемирной истории, что в 2013 г., по представлению Международного Фонда К. Маркса и Ф. Энгельса (МФМЭ), одним из учредителей и членов которого является и Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), решением ЮНЕСКО первый том «Капитала» был включён в список печатных изданий всемирного значения.

«Капитал» в России. 1872-1917

Взаимосвязь двух юбилейных дат связана и с тем, что наибольший интерес с момента своего появления «Капитал» вызвал именно в России. Русский перевод первого тома, вышедший в Петербурге в издательстве Николая Петровича Полякова (1843-1905) ровно 145 лет назад, 27 марта (8 апреля) 1872 г., тиражом 3000 экземпляров, был первым переводом «Капитала» на иностранный язык. Поляков, по свидетельству В. В. Берви-Флеровского (1829-1918), «был человеком идеи и печатал исключительно произведения, ценные по своему содержанию, но встречавшие на пути своём большие цензурные препятствия» [35, с. 262]. «Капитал» повлиял на развитие экономических идей в России конца XIX века, оказал в целом большое влияние на историческое развитие страны в XX веке.

Сегодня «Капитал» переведён почти на 70 языков народов мира. Передать все богатство содержания «Капитала» по сей день остаётся сложнейшей задачей для любого переводчика, требующей от него не только филологической подготовки, но и знания предмета. Историческая заслуга первого перевода I тома на русский язык принадлежит выпускникам физико-математического и химического факультетов Петербургского университета Герману Александровичу Лопатину, (1845-1918) и Николаю Николаевичу Любавину (1845-1918), а также их другу Николаю Францевичу Даниельсону (1844-1918), являвшемуся инициатором и организатором перевода, а также посредником между переводчиками и издателем. Когда 4 августа 1868 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось объявление о предстоящем выпуске I тома «Капитала» Маркса, будущим переводчикам было на тот момент 23-24 года.

Первая попытка перевода «Капитала» на русский язык принадлежала, как известно, М.А. Бакунину (1814-1876), проживавшему с 1862 г. в эмиграции в Швейцарии. Летом 1869 г., узнав, что Бакунин испытывает острую материальную нужду, Любавин попросил Даниельсона, долгое время безуспешно занимавшегося поиском переводчика, предложить Бакунину сделать русский перевод «Капитала». На предложение Даниельсона, пообещавшего заплатить за перевод 1200 руб., Бакунин сразу же согласился и попросил выплатить ему деньги вперёд. От имени издателя Даниельсон переслал Бакунину через Любавина аванс в 300 руб., составлявший четверть гонорара. Перевод, по словам самого Бакунина, оказался для него гораздо труднее, чем он предполагал [10, с. 259]. До конца декабря 1869 г. Бакунин переслал Люба вину около двух печатных листов перевода первой главы книги и прервал работу.[2] Перевод Бакунина оказался, по оценке Даниельсона, столь «плох», что воспользоваться им «так и не пришлось» [8, с. 38]. «Между тем, - подчёркивал Даниельсон, - именно первая глава, наиболее трудная для понимания, требовала наибольшей точности, наибольшей ясности» [8, с. 38]. Однако поклонники Бакунина до сих пор не могут поверить в то, что Бакунин, свободно владевший европейскими языками, знаток

[2] Формальным поводом послужил приезд к Бакунину около 20 января 1870 г. Сергея Нечаева (1847-1882), который убедил Бакунина отказаться от продолжения работы над переводом и посвятить себя полностью революционной пропаганде ввиду близкой революции в России, которую Нечаев ожидал весной 1870 г.

гегелевских текстов и, несомненно, талантливый литератор, не справился с переводом «Капитала».[3] Помимо содержательных теоретических разногласий с Марксом, которые могли повлиять на работу, неудаче способствовало роковое стечение обстоятельств, в том числе личного характера, рассмотрение которых выходит за рамки данной статьи.

Автограф рукописи Бакунина находился у издателя Полякова, по крайней мере, до его смерти в 1905 г. Записная книжка Полякова, приобретённая Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса через букинистический магазин в Ленинграде в 1925 г., но опубликованная только в 1975 г., содержала списки наиболее важных изданий, вышедших или подготовлявшихся к печати, но не увидевших свет. Среди них в раз- деле «III. Рукописи» имеется запись: «57. Бакунин. Начало перевода соч[инения] К. Маркса «Капитал»» [9, с. 127, 136]. К сожалению, дальнейшая судьба рукописи неизвестна, по-видимому, она была безвозвратно утрачена.

Свои услуги по переводу предлагал сторонник Бакунина Н. И. Жуковский. Однако Даниельсон, не желая больше иметь дело с людьми из окружения Бакунина, решил обратиться к Лопатину, бежавшему в конце 1869 г. из ссылки и нелегально перебравшегося за границу в Париж, а в конце июне 1870 г. перебравшегося в Лондон [33, с. 100-105]. «Он ещё ничем не заявлял себя в то время как переводчик, - вспоминал Даниельсон, - но выбор остановился на нем как на человеке, очень строго относящемся к работе, которую ему приходилось брать на себя. А он с своей стороны взялся за перевод, рассчитывая в трудных случаях на помощь Маркса, с которым он по-

[3] История с переводом и невозвращённым Бакуниным авансом получила по инициативе Маркса огласку на Гаагском конгрессе I Интернационала в сентябре 1872 г. и послужила основанием для обвинения Бакунина в мошенничестве при обосновании его исключения из Интернационала. Это решение Гаагского конгресса сторонники Бакунина рассматривали как месть Маркса за то, что Бакунин забыл поблагодарить за присланный ему с дарственной надписью автора экземпляр I тома «Капитала» [38, p. 260-262]. Современные поклонники Бакунина считают историю с переводом «Капитала» не заслуживающей того внимания, которое привлёк к ней Маркс. Российские почитатели Бакунина разделяют точку зрения о несправедливости обвинения Бакунина на Гаагском конгрессе, якобы сфабрикованного Марксом [29, с. 211, 306]. Несостоятельность объяснения исключения Бакунина из Интернационала лишь на основании такого мотива, как «невозвращение 300 рублей аванса», давно показал Д.Б. Рязанов [30, с. 394-395].

знакомился, и с которым у него установились вскоре очень близкие и сердечные отношения» [8, с. 39].

Начав работу над переводом «Капитала» около 19 августа 1870 г., Лопатин уже в ноябре того же года вернулся нелегально в Россию для организации по- бега из ссылки Н. Г. Чернышевского. Лопатин заложил основы для дальнейшей работы, предложив на русском языке соответствующие научные понятия и термины, которыми в дальнейшем смогли воспользоваться Даниельсон и Любавин, завершившие перевод первого тома на русский язык. Введённая первыми переводчиками, прежде всего Лопатиным, терминология в значительной степени сохраняется в экономической науке до сих пор. При переводе немецкого «Wert» (value) переводчики «Капитала» использовали термин «стоимость». Соответственно, терминологический ряд, связанный с термином «Wert», был выражен терминами «меновая стоимость», «потребительная стоимость» и «прибавочная стоимость».

«Когда готовый экземпляр «Капитала» на русском языке дошёл до него из Петербурга, -вспоминал друг Маркса немецкий рабочий Ф. Лесснер, -то это событие как важное знамение времени превратилось для Маркса, его семьи и его друзей в настоящее торжество» [6, с. 331]. Маркс, изучавший с 1869 г. русский язык, написал, что перевод сделан *«мастерски»,* при этом отметив «прекрасно переплетённый экземпляр» [27, с. 402]. Между тем известное издание 1872 г. имеет обычный бумажный переплёт. Есть основания предполагать, что Поляков послал Марксу специально переплетённый подарочный «веленевый» экземпляр русского перевода. В упомянутой выше записной книжке Полякова имеется запись «Маркс. Капитал. Т. 1-ый. Спб., 1872. Ед[инственный] веленевый экз[емпляр]» [9, с. 137]. Можно предположить, что именно такой экземпляр был послан Марксу. Судьба этого экземпляра, к сожалению, неизвестна.

Всего в России и СССР за 145 лет было выполнено ***три*** принципиально различающихся перевода первого тома - это перевод Г. А. Лопатина, Н. Н. Любавина и Н. Ф. Даниельсона, вышедший тремя изданиями (1872, 2-е и 3-е изд. 1898), перевод Е. А. Гурвич и Л. М. Зака под редакцией П. Струве (выдержавший пять изданий: 1898, 1899, 1906, 1907, 1918-дважды литография 3-го изд.1907 г.) и, наконец, перевод В. Базарова и И. И. Скворцова-Степанова под редакцией А. Богданова (1-е изд. 1909). Однако, если считать последующие после 1917 г. редакции перевода Скворцова-Степанова, не-

которые из которым могут быть приравнены к новым переводам, то можно считать, что фактически с 1872 по 2017 г. было сделано ***девять*** переводов и редакций перевода I тома.

Важной особенностью первого русского перевода был тот факт, что в нем непосредственно в текст были внесены добавления к подстрочным примечаниям, которые возникли у Маркса в процессе работы над корректурами первого тома и были опубликованы в конце первого немецкого издания. Часть из этих добавлений была учтена в последующих изданиях «Капитала», но от некоторых из них Маркс впоследствии отказался. К их числу относилось критическое замечание Маркса в адрес А. И. Герцена и так называемого «русского» коммунизма», которое не вошло в последующие издания I тома [16, с. 486-487].[4]

К началу 1890-х гг. первое издание Полякова стало библиографической редкостью и продавалось у букинистов за огромные в тогдашней России деньги - по 40-50 руб. Любопытно свидетельство Сталина о том, как в 1898 г. рабочие в Тифлисе собрали по 5 коп. с около сотни человек и, набрав 25 рублей, взяли «Капитал» у букиниста в аренду на прочтение на две недели и переписали его [32, с. 12-13]. Именно этот переписанный от руки «Капитал» был, по свидетельству Е. Ярославского, единственным экземпляром в рабочих кружках Тбилиси [7, с. 273; 33, с. 139-140]. «Мы зубрили «Капитал», конспектировали, спорили, друг друга проверяли. В этом была наша сила. Это нам очень помогло», - вспоминал Сталин в одной из бесед с экономистами по поводу макета учебника политической экономии в январе 1941 г. [34, с. 17].

Между тем к началу 1890-х гг. вышли в свет 2-е (1872), а после смерти Маркса 3-е (1883) и 4-е (1890) немецкие издания I тома в редакции Энгельса. Заняться вторым изданием I тома, в котором были бы учтены все изменения в тексте I тома, сделанные в этих изданиях, Даниельсон смог только после завершения работы над переводами второго и третьего томов «Капитала», вышедшими соответственно в 1885 и 1896 гг.

После того как в 1898 г. были сняты цензурные ограничения на обращение «Капитала» в России, вышли из печати независимо

[4] Маркс прокомментировал это место в своём «Письме в редакцию «Отечественных Записок»» [25, с. 116]. Энгельс процитировал данное примечание в незначительном сокращении в «Послесловии к работе «О социальном вопросе в России» [37, с. 448].

друг от друга сразу три издания I тома. Во-первых, в 1898 г. Даниельсон выпустил второе, а через полгода - третье издания I тома. Фактически это был новый перевод, поскольку в его основе лежало 4-е издание тома I в редакции Энгельса.

Во-вторых, издателем Н. С. Аскархановым был выпущен перевод I тома под редакцией доктора математики В. Д. Любимова, который на деле оказался плагиатом второго издания Даниельсона. Аскарханов полагал, что отсутствие имени переводчика на титульном листе не вызовет ничьих претензий, но он ошибся. Даниельсон возбудил уголовное дело, предъявив Аскарханову иск в 16 165 руб. Факт плагиата был признан в судебном порядке в апреле 1905 г. после более чем пятилетнего судебного разбирательства по иску Даниельсона. Экспертами на суде выступали друг Даниельсона литературный критик, публицист и переводчик Максим А. Антонович и Пётр Б. Струве. Процесс освещался в газетах. Тогда-то и стало известно публично имя Даниельсона как переводчика «Капитала» [31, с. 29-30]. Имена остальных переводчиков оставались публике неизвестными.

В-третьих, осенью 1898 г. был опубликован перевод первого тома «Капитала», подготовленный осенью 1896 г. членами социал-демократического движения в Минске Е. А. Гурвич и Л. М. Зак и вышедший в редакции Петра Струве сначала двумя отдельными выпусками, а год спустя отдельной книгой тиражом 5000 экз. [17, 18]. Редакция Струве главным образом сводилась к замене термина «стоимость», употреблённого переводчиками, на «ценность». Безусловно, это была не чисто техническая замена одного термина на другой. За этим стояло свойственное «легальным марксистам» стремление соединить трудовую теорию стоимости Маркса с теорией предельной полезности австрийской школы.

Издание Струве со временем стало библиографической редкостью. Экземпляр издания 1899 г. находился в фонде архивного хранения библиотеки Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ныне - Центр социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки России). Издание Струве использовалось в издательской работе ИМЛ при подготовке изданий «Капитала». Оно анализировалось и в исследовательской литературе [31, с. 30-35]. Утверждения о недоступности и даже намеренном сокрытии издания Струве от советского читателя, высказывающиеся, в частности, в переведённой на русский язык рабо-

те научного сотрудника Гамбургского института мировой экономики Йоахима Цвайнерта «История экономической мысли в России в 1805-1905 гг.» [36, с. 224-225] и заимствованные В. И. Чеховским, опубликовавшим в конце 2015 г. новое издание русского перевода первого тома [24, с. 10-11], не соответствуют действительности.

Для российских марксистов неудовлетворительность использованного Струве термина «ценность» в переводе первого тома «Капитала», наряду с серьёзными недостатками перевода Даниельсоном II и III томов, поставили вопрос о необходимости нового перевода. Сделать это удалось только в годы первой русской революции 1905-1907 гг. Новый перевод трех томов «Капитала» был подготовлен под руководством соратника Ленина, большевика И. И. Скворцова-Степанова (наст. имя И. И. Скворцов, литературный псевдоним И. Степанов), считавшегося в РСДРП знатоком экономической теории Маркса. Новый перевод I тома, приуроченный к 40-летию выхода в свет первого немецкого издания, был сделан в основном В. Базаровым (литературный псевдоним В. А. Руднева) при участии Скворцова-Степанова, который, по-видимому, занимался и редактированием. Общую редакцию, согласно надписи на титульном листе, осуществил А. Богданов, хотя документально установить его роль в качестве редакторов этого издания трех томов «Капитала» не представляется возможным [31, с. 41]. Отличительной особенностью этого издания, вышедшего в 1909 г. тиражом 6000 экз. [19], стало возвращение к терминологии первого русского перевода, в частности, к терминам «стоимость», «потребительная стоимость» и «прибавочная стоимость». Данное издание трех томов послужило отправным пунктом для новых редакций русских переводов «Капитала», осуществлённых уже после Октябрьской революции 1917 года.

Альтернативные переводы первого тома «Капитала» были отражением острого идейного противостояния по вопросам перспектив экономического развития России в XIX и начале XX века. «Капитал» во многом определил содержание теоретических дискуссий конца 1860-х-1870-х и 1890-х гг., эхо которых прослеживается сегодня. В частности, в последние годы инициирована дискуссия вокруг использования в русских переводах «Капитала» терминов «стоимость» и «ценность», причём термин «ценность» используется для далеко идущих интерпретаций теории стоимости Маркса во внеисторическом контексте, за пределами товарного производства,

в рамках которого она, по Марксу, только и имеет смысл.

В 1872-1917 гг. было издано около 75 000 экземпляров «Капитала»: Том I издавался 10 раз общим тиражом около 42 000 экземпляров, Том II издавался 3 раза общим тиражом 14 330 экз. Том III выдержал два издания тиражом 19 020 экземпляров.

«Капитал» в СССР. 1917-1991

После революции, с организацией в январе 1921 г. Института К. Маркса и Ф. Энгельса под руководством Д. Б. Рязанова, издание «Капитала», как и наследия Маркса и Энгельса в целом, было поставлено на качественно новый профессиональный уровень. По мере создания документальной базы для издания «Капитала» русский перевод «Капитала» неоднократно перепроверялся и совершенствовался на протяжении всего советского периода под углом зрения именно научного уровня изданий. Принципиально новыми были редакции перевода первого тома, осуществлённые в 1920, 1933-1934, 1937 и 1960 годах. Каждое из них отражало своё время.

Неподготовленный читатель 1920-х годов нуждался в более популярном изложении теории Маркса. С 1920 по 1936 г. первый том издавался на основе так называемого «Народного издания» «Капитала» под редакцией К. Каутского. Текст издания Каутского базировался на втором издании первого тома «Капитала» 1872 г. и на французском издании. Вышло восемь изданий I тома в этой редакции общим тиражом более 700 ООО экземпляров.

При подготовке издания «Капитала» в первом издании Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языке оригинала - Marx-Engels-Gesamtausgabe (MEGA), выходившем в 1927-1935 гг., - была проведена уникальная работа по выявлению всех разночтений между различными прижизненными изданиями «Капитала». Эта работа выявила недостатки использования Каутским французского издания. В результате в 1932 г. ИМЭЛ выпустил немецкое издание первого тома вновь на основе 4-го издания в редакции Энгельса, а в конце 1933 - начале 1934 г. опубликовал на той же основе новое русское издание I тома (на титульных листах стояла дата «1934», поэтому данное издание считается изданием 1934 г.). Редакторами этого перевода были А. Леонтьев[5] и Б. Раскин.

[5] Псевдоним будущего известного советского экономиста Льва А. Леонтьева (1901-1974), который в 1930-х г. работал в Институте Маркса-Энгельса-Ленина. Под его редакцией в 1932-1933 и 1935 гг. была опубликована на

Издание 1934 г. стало отправным пунктом для последующих публикаций I тома «Капитала» на русском языке. Прежде всего, нового издания I тома в XVII-м томе первого издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, подготовленного к печати известным в 1920-1930-е гг. экономистом А. Ф. Коном (1897-1941). Том вышел в свет в августе 1937 г. и тут же был переиздан Партиздатом в виде специально оформленного издания, приуроченного к 70-летию выхода в свет первого тома «Капитала» Маркса. В конце 1937 г. издание I тома было выпущено «Партиздатом» повторно уже без юбилейного оформления тиражом в 200 ООО экземпляров. В 1949 г. текст XVII-го тома Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса с предисловием ИМЭЛ, датированным 1937 годом, был переиздан вновь в виде отдельного издания I тома, которое без изменений печаталось в 1950, 1951, 1952, 1953 и 1955 годах.

Издание трёх томов «Капитала» в томах XXIII-XXV второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, вышедших в начале 1960-х годов, вобрало весь опыт предшествующих изданий «Капитала». Это издание «Капитала» неоднократно пере издавалось «Политиздатом» вплоть до конца 1980-х гг. Последним советским изданием «Капитала» стала публикация трех томов в 1987-1988 гг. в составе томов VII-IX «Избранных сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса в девяти томах».

В СССР с 1917 по 1991 г. вышло около 10 миллионов экземпляров трех томов «Капитала» на 25 языках. Помимо русского, «Капитал» был переведён на 14 языков народов СССР: азербайджанский, армянский, белорусский, грузинский, казахский, латышский, литовский, молдавский, туркменский, узбекский, уйгурский, украинский, финский (в 1933 г. для народа Карельской АССР), эстонский. Не известны переводы «Капитала» на киргизский и таджикский языки. Переводы на языки народов СССР делались как с немецкого оригинала, так и с русского языка. Это зависело от исторического, экономического и культурного развития того или иного народа, уровня развития экономической мысли и наличия соответствующей терминологии, наличия опытных переводчиков и опыта переводов работ Маркса и Энгельса на соответствующий язык. Например, все переводы «Капитала» на грузинский язык делались с немецкого подлинника. Многовековая традиция переводческого

русском языке «Глава о деньгах» Экономической рукописи 1857-1858 гг. («Грундриссе») [12, 1].

дела существовала и в Армении. Наличие в армянском языке соответствующей социально-политической лексики способствовало переводу трех томов «Капитала» на армянский язык уже в 1931-1937 гг. Перевод был выполнен видным армянским экономистом и филологом Тадеосом Авдалбегяном (1885-1937). Почти сразу после завершения им работы по переводу 111 тома он был арестован и вскоре расстрелян [15]. Тома I и 11 этого перевода вышли из печати в 1933 и 1936 гг. Том 111 в двух частях был опубликован уже в 1947-1949 гг. [14, с. 370-379], естественно, без упоминания имени переводчика. В 1954 г. был издан новый перевод I тома на армянском языке, сделанный В. Потеяном с русского издания. Эта практика перевода, однако, не получила в Армении продолжения.

Особые трудности представляли переводы «Капитала» на языки народов Средней Азии. В 1920-е гг. во всех среднеазиатских республиках началась работа по созданию общественно-политической, философской, экономической и юридической терминологии, которая продолжалась вплоть до конца 1980-х гг. Для перевода

«Капитала», например, на узбекский язык, был разработан специальный терминологический словарь I и II томов, поскольку над переводами работали параллельно несколько переводчиков и редакторов. Семь переводчиков участвовали в подготовке двух версий перевода I тома на уйгурский язык, которые были опубликованы в 1958 г., каждый тиражом 3000 экз. [14, с. 379-386].

До конца 1950-х при подготовке переводов «Капитала» на национальные языки использовалось издание «Капитала» в томах XVII-XIX первого русского издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, некоторые переводы (белорусский и языки народов Средней Азии) делались непосредственно с русского языка. После выхода томов XXIII-XXV второго русского издания при переводе и подготовке национальных изданий стало использоваться это издание.

Издательство «Издательство иностранной литературы» (с 1963 г. «Прогресс») за период с 1929 по 1990 г. опубликовало переводы «Капитала» на китайском (не полностью, 1929), немецком (1932-1934), английском (1954-1986), финском (1957-1980), французском (1965-1986), хинди (1965-1988), итальянском (1980), вьетнамском (1984-1988), арабском (1985-1990), бенгальском (1988-1989), испанском (1 том, 1990) языках.

На протяжении всей истории советских изданий в результа-

те большой текстологической работы - проверки текстов по всем прижизненным изданиям «Капитала», сопоставления их с рукописями, особенно 2-й и 3-й книг, проверки источников, фактического материала и т. д. - было выявлено и исправлено значительное число ошибок разного рода, неточностей в текстах всех томов «Капитала». Подход к текстам и научному аппарату постепенно приближался к стандартам издания МЭГА, и в определённом смысле 2-е издание Сочинений, наряду с Marx-Engels-Werke в ГДР, подготовили базу и кадры для работы над новым изданием МЭГА, начатым в конце 1960-х гг. московским и берлинским ИМЛ. С 1990 г. эта работа ведётся под эгидой МФМЭ, Секретариат которого находится сегодня в Берлинско-Бранденбургской академии наук. К настоящему времени издано 66 из запланированных 114 томов издания.

Издание «Капитала» в МЭГА

В 2012 г. во Втором отделе издания МЭГА была завершена публикация всего экономического наследия Маркса, связанного с «Капиталом». На протяжении 37 лет (1975-2012) издано 15 томов, или 23 книги с текстами всех относящихся к «Капиталу» экономических рукописей Маркса и Энгельса, а также четырёх прижизненных изданий, первых французского и английского изданий I тома и 17 книг научно-справочного аппарата, всего 40 книг [3]. Постепенно этот огромный теоретический материал начинает входить в научный оборот. В настоящее время ведётся работа по дигитализации томов МЭГА, с тем, чтобы они были доступны исследователям во всем мире.

Однако экономическое наследие Маркса не исчерпывается рукописями, непосредственно связанными с работой над «Капиталом». Обширный пласт малоизученных материалов содержат так называемые эксцерптные (от англ. «excerpt») тетради Маркса, т. е. выписки, конспекты, заметки и др. подобного рода материалы, публикуемые в четвёртом отделе издания МЭГА. В конце мая 2017 г. вышел в свет очередной том четвёртого отдела МЭГА (IV/14), в котором впервые опубликован цикл выписок, газетных вырезок и заметок Маркса по экономическому кризису 1857-1858 гг. [41]. Опубликованные тетради документируют собирание и изучение Марксом материалов о развитии кризиса в экономике и финансовой сфере различных стран - Франции, Италии, Испании, Великобритании, Германии, Австрии, США, а также в Китае, Индии, Египте, Австра-

лии и Бразилии. Документальной базой для исследования были для Маркса прежде всего публикации в текущей английской периодике, прежде еженедельнике «Economist», газетах «The Morning Star», «The Manchester Gardian», «The Times» и др. Анализ собранных эмпирических данных позволил Марксу сделать вывод о том, что экономический кризис 1857-1858 гг. стал первым в истории мировым экономическим кризисом.

Издание экономических рукописей и эксцерптных тетрадей в МЭГА расширяет горизонты понимания теории Маркса, показывает экономическую теорию Маркса как открытую, незавершённую систему. Главный методологический подход к наследию Маркса в издании МЭГА заключается в рассмотрении его в историческом и интеллектуальном контексте того времени, а также в непрерывном развитии. Работа Маркса над «Капиталом» продолжалась вплоть до конца его жизни; последняя рукопись, относящаяся к проблематике II тома, датируется весной 1881 г. В последнее десятилетие жизни Маркс, как известно, интенсивно занимался изучением естествознания (математикой, химией, геологией), анализом различных аспектов экономического развития различных стран, в том числе США и России. И если выписки Маркса по естествознанию, геологии, минералогии и агрохимии опубликованы [42, 40], то значительное число материалов, связанных с экономическими штудиями Маркса с конца 1850-х до начала 1880-х годов остаётся пока неизданным.

Новое русское издание трех томов «Капитала» на основе издания МЭГА предусматривалось в третьем русском издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, но этим планам не суждено было осуществиться. К 1990 г. был сделан полный перевод на русский язык текста французского издания «Капитала», однако подготовить его к изданию тоже не удалось.

«Капитал» в современной России. 1991-2017

В постсоветской России к 2000 г. печатные издания «Капитала» стали малодоступны. Учитывая этот фактор, в новое издание трех томов «Капитала» на русском языке, выпущенное издательством ЭКСМО в 2011 г. [22], были включены в качестве приложений к каждому тому наиболее важные фрагменты из соответствующих черновых рукописей первой, второй и третьей книг «Капитала», также сегодня малодоступных для читателя. В приложения ко вто-

рому и третьему томам вошли наиболее значимые для русского читателя критические статьи, посвящённые проблематике этих томов (М. И. Туган-Барановского, Н. Бернштейна, А. А. Богданова, Н. Д. Кондратьева, Л. фон Борткевича, В. И. Маевского, К. В. Сорвина и др.). Издание неоднократно перепечатывалось в 2011-2016 гг., с 2014 г. издательским домом «Манн, Иванов и Фебер». В данном издании впервые в тексте второго тома была исправлена ошибка, не замеченная Энгельсом в первом немецком издании (1885) и воспроизводившаяся абсолютно во всех изданиях второго тома «Капитала» в мире. Так, во фрагменте в конце главы 13 «Время производства» вместо «оборотного» капитала стояло «основного» капитала.[6] Эту ошибку установил немецкий исследователь Ульрих Шюнемайер (Schunemeier) [39, S. 126-127], но, к сожалению, не заметили японские коллеги, подготовившие том II в издании МЭГА.

Практика постсоветских изданий обозначила проблему, связанную, по-видимому, с отсутствием в российских издательствах института научных редакторов, обеспечивающих полноценную научную экспертизу выпускаемой печатной продукции. Представляется, что подход к публикации «Капитала» с точки зрения коммерческого успеха или альтернативности советским изданиям приводит к обманчивым сенсациям и досадным недоразумениям.

В 2013 г. в Санкт-Петербурге вышел так называемый «малый «Капитал»» - первый том в редакции Германа Преображенского [23]. Книга только что переиздана вновь. Из текста первого тома исключены предисловия и послесловия Маркса и Энгельса, все ссылки на экономическую литературу XVIII-XIX вв., исторические документы, парламентские отчёты, художественные произведения, имена, не имеющие с точки зрения редактора значения для современного читателя. Столь вольное обращение с текстом имеет своей целью, по замыслу редактора, показать Маркса как аналитика. И читателя предупреждают, что «текст данного издания не предназначен для научной работы» [23, с. 20], вряд ли такой подход способствует верному пониманию «Капитала». Данное издание в значительной степени искажает характер книги, что в отношении такого

[6] «Цикл оборота, рассмотренный нами раньше, дан продолжительностью жизни основного капитала, авансированного на процесс производства. Так как этот цикл охватывает больший или меньший ряд лет, то он охватывает также ряд годовых, или же ряд повторяющихся в течение года оборотов оборотного [выделено мною -ЛВ.] капитала» [22, т. 2, с. 309; ep. 21, с. 278].

классического произведения, как «Капитал», вряд ли оправдано.

В конце 2015 г. вышла упомянутая выше новая редакция перевода В. Я. Чеховского, отличительной чертой которой стало возвращение к термину «ценность». Вопрос, как уже отмечалось, выходит за рамки чисто лингвистической проблемы, а непосредственно связан с пониманием теории стоимости Маркса [5, с. 154]. Анализ «новой редакции» дал дополнительные аргументы к возражениям против попыток Чеховского навязать русскоязычному читателю заимствованную у Струве и весьма неумело применённую им терминологию. В опубликованных рецензиях показан непрофессиональный характер «новой редакции», являющейся к тому же явным плагиатом текста советского издания I тома [2, 4]. Дополнительные соображения в пользу использования термина «стоимость» содержит статья Сергея и Елены Мареевых [28].

Однако, похоже, все аргументы оппонентов ничуть не поколебали уверенности Чеховского в правильности его позиции. Более того, он получил поддержку некоторых участников дискуссии, главным образом философов. Так, например, П. Н. Кондрашов [11] полагает, что Чеховский «открыл» у Маркса два закона («стоимости» и «ценности») и, соответственно, две теории, а именно «теории трудовой стоимости» для капитализма и «теории трудовой ценности» для коммунистического общества. Рецензент при этом предлагает «осмыслить» данное «научное открытие» «не только экономически, но и философски, и социологически» [11, 216]. Автора «открытия» и его сторонников при этом абсолютно не смущает абсурдность «открытия» у Маркса некой новой теории только на основе альтернативных переводов термина

«Wert» на русский язык. Не настораживает и тот факт, что до подобной интерпретации теории стоимости не додумался за 150 лет ни один из критиков Маркса, среди которых было немало крупных экономистов-теоретиков.

При этом рецензент в весьма пренебрежительной манере отзывается о подготовителях издания «Капитала» во втором издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Не имея ни малейшего представления об этой сложной и ответственной работе, требующей не только знания основных европейских языков, но и умения работать с рукописями Маркса, Кондрашов называет этих людей «толковниками», «толмачами», якобы предпочитавшими переводить некоторые термины и понятия Маркса, в том числе «стоимость»,

так, как это было «выгоднее власти» [11, 213-214]. Привнесение подобных, не имеющих под собой ни малейшего реального основания идеологических мотивов в анализ переводов «Капитала» и других работ Маркса, является приметой времени, но вряд ли продуктивно в научном споре.

Таким образом, издание «Капитала» и сегодня остаётся полем острых (но, к сожалению, скорее псевдонаучных) дебатов, в которых принципиальное значение имеет содержательное понимание теории Маркса. Ситуация вокруг изданий «Капитала» сегодня и уровень полемики заставляют сожалеть о ликвидации курса марксистской политической экономии в системе высшего и, особенно, экономического образования в России, а также спецсеминара по «Капиталу», который до 1991г. существовал на экономических факультетах в Московском и Ленинградском государственном университетах.

Литература

1. Архив Маркса и Энгельса. Под ред. В. Адоратского. Т. IV. М.: Партиздат ЦК ВКП (6), 1935.
2. Бузгалин А., Васина Л. Претенциозная игра в новации (о неудавшейся попытке нового перевода ряда терминов «Капитала»)// Свободная мысль 2017, №2. С. 206-217.
3. Васина Л.Л. О завершении публикации экономического наследия Карла Маркса в издании МЭГА (Marx-Engels-Gesamtausgabe) // Вопросы политической экономии. №2/2015. С. 145-149.
4. Васина Л.Л. По поводу одной неудачной редакции русского перевода первого тома «Капитала» Карла Маркса// Вопросы политической экономии. 2016. № 2. С. 119-130.
5. Васина Л.Л. «Ценность» versus «стоимость» - «за» и «против» // Альтернативы. 2015. № 2 (87). С. 122-154.
6. Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Ч. 1. 3-е доп. изд. М., 1988.
7. Гугушвили П.Г. Карл Маркс в грузинской публицистике и общественности до 1898 года. Тбилиси, 1963.
8. [Даниельсон Н.Ф.] Объяснительная заметка [к публикации:] Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса к Николаю-ону // Минувшие годы. Журнал, посвящённый истории и литературе. С.-Петербург. 1908. №1. С. 38-40.
9. Каталог личной библиотеки Н.П. Полякова/ Публикация М.Д. Дворкиной // Книга. Сб. XXXI. М.: «Книга», 1975. С. 127-140.
10. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967.
11. Кондрашов П.Н. Нелепость, ставшая привычкой // Свободная мысль. 2016. № 5 (1659). С. 203-217.

12. К пятидесятилетию смерти К. Маркса. 1883-1933. М., 1933.
13. Левита Р.Я. История экономических учений. Учебное пособие. Полный курс в кратком изложении. М.: ИНФРА-М., 2001.
14. Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса. История публикации и изучения в СССР. М.: Из-во политической литературы, 1969.
15. Маркосян, А. Тадеос Авдалбегян. Страницы жизни и деятельности. Ереван, 2007.
16. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. С.-Петербург: Н.П. Поляков, 1872.
17. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Пер. с 4-го нем. изд., пров. Ф. Энгельсом, под ред. П. Струве. Т. 1. Вып. 1-2. СПб.: О.Н. Попова, 1898.
18. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Пер. с 4-го нем. изд., пров. Ф. Энгельсом, под ред. П. Струве. Т. 1. Кн. 1. СПб.: О.Н. Попова, 1899.
19. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Полный пер. с 5-го, пров. Ф. Энгельсом, нем. изд., под ред. В. Базарова и И. Степанова. Т. 1. Кн. 1. М.: Московское книгоиздательство, 1909.
20. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т. 23. М.: Государственное из-во политической литературы, 1960.
21. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. М.: Государственное из-во политической литературы, 1961.
22. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Науч. ред.: О.И. Ананьин, Л.Л. Васина, П.Н. Клюкин. Т. I. [Введ. О.И. Ананьина; предисл. Л.Л. Васиной, В.С. Афанасьева.] Т. II. [Предисл. Л.Л. Васиной, В.С. Афанасьева; послесл. В.И. Маевского.] Т. III. [Предисл. Л.Л. Васиной; послесл. П.Н. Клюкина, К.В. Сорвина.] М.: Эксмо, 2011.
23. Маркс К. Капитал. Т. 1. Предисловие А.И. Огаркова. Составление, подготовка текста Г.Н. Преображенского. С.-Петербург: Изд. группа Лениздат, Команда А, 2013, 2017.
24. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 / Под ред. В. Я. Чеховского. М.: РОССПЭН, 2015.
25. Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных Записок»»// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. М.: Государственное из-во политической литературы, 1961. С. 116-121.
26. Маркс К. - И. Ф. Беккеру, 17 апреля 1867 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 31. М.: Из-во политической литературы, 1963. С. 453.
27. Маркс К. - Н.Ф. Даниельсону, 28 мая 1872 //К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 33. М.: Из-во политической литературы, 1964. С. 402-403.
28. Мареев С.Н., Мареева Е.Е. О переводах «Wert» в «Капитале» К. Маркса (реплика в споре)// Вестник Московской международной высшей школы бизнеса МИРБИС. 2016. № 4 (8). С. 43-45.

29. Пирумова, Н.М. Социальная доктрина М.И. Бакунина. Отв. ред. И.Д. Ковальченко. 2-е изд. М.: LENAND, 2017.
30. Рязанов Д. Анархистский товар под флагом марксизма // Рязанов Д. Очерки по истории марксизма. 2-е доп. изд. Т. 1. М.-л., 1928. С. 321-408.
31. Саралиева З.Х. «Капитал» К. Маркса и рабочее движение России (1895-1917 гг.). М.: «Мысль», 1975.
32. «Сталин о "Кратком курсе истории ВКП(б)"». Стенограмма выступления Сталина на совещании пропагандистов Москвы и Ленинграда. 1 октября 1938 г. Публ. Н.Н. Маслова// Исторический архив. 1994. №5. С. 5-29.
33. Уроева. Книга, живущая в веках. 2-е, доп. изд. М.: «Мысль», 1972.
34. «Учебник должен пользоваться непререкаемым авторитетом». Беседы И.В. Сталина с учёными-экономистами. 1941, 1950, 1952. Публ. подг. В.Г. Бухерт // Исторический архив. 2012. № 5. С. 3-31.
35. Флеровский, Н. Три политические системы: Николай 1, Александр 11 и Александр 111. Воспоминания. Берлин, 1897.
36. Цвайнерт й. История экономической мысли в России. 1805-1905 /Пер.с нем. Л. И. Цедилина; под науч. ред. В. С. Автономова. Гос. ун.т-Высшая школа экономики. - М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.
37. Энгельс Ф. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России»// К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 22. М.: Из-во политической литературы, 1962. С. 438-453.
38. Guillaume, J. L'lnternationale. Documents et Souvenirs. (1864-1878). T. 1. Paris, 1905.
39. Korrigendum zu MEGA2 11/13 // Marx Engels Jahrbuch 2008. Berlin 2009. S. 126/127.
40. Marx, K. Exzerpte und Notizen zur Geologie, Mineralogie und Agrikulturchemie. Hrsg. von Marx-Engels-Stiftung, Amsterdam // MEGA2 Bd. IV/26. Berlin: Akademie-Verlag, 2011.
41. Marx, K. Exzerpte, Zeitungsausschnitte und Notizen zur Weltwirtschaftskrise (Krisenhefte). November 1857 bis Februar 1858. Hrsg. Von der lnternationalen Marx-Engels- Forschung (Amsterdam) // MEGA2 Bd. IV/14. Berlin, Boston: De Gruyter Akademie Forschung, 2017.
42. Marx, K. Naturwissenschaftliche Exzerpte und Notizen. Mitte 1877 bis Anfang 1883. Hrsg. von Marx-Engels-Stiftung, Amsterdam // MEGA2 Bd. IV/31. Berlin: Akademie-Verlag, 1999.

Межотраслевой ценовой диспаритет в свете теории цены производства Маркса[1]

Гайсин Рафкат Сахиевич,
д.э.н., профессор

Ключевые слова: стоимость, диспаритет цен, цена производства, цена эффективного конкурентного равновесия, рыночная конъюнктура, равновесие, спрос, предложение, рента, конкуренция.

Межотраслевой механизм ценообразования в условиях совершенной конкуренции

Межотраслевые стоимостные соотношения имеют такую особенность как диспаритет цен между сельским хозяйством и промышленностью. Анализ фактических данных по соотношению цен в указанных отраслях показывает, что такой диспаритет не является результатом краткосрочных отклонений цен от состояния конкурентного эффективного равновесия. Диспаритет проявляется как устойчивое состояние, как характерная закономерность долгосрочной экономической конъюнктуры. Так, например, за 1910–1995 гг. в США цены на ресурсы, реализуемые фермерам, повысились почти в 15 раз, а на сельхозпродукцию — только в 6,5 раза [6]. Индекс паритета между ценами на промышленные ресурсы и на продукцию фермеров изменился за рассматриваемый период в 2,3 раза (в пользу промышленности). Если бы не было той огромной финансовой поддержки, которую оказывает государство фермерам, нарастание диспаритета цен было бы ещё более значительным. Удельный вес затрат на приобретаемые фермерами ресурсы в структуре себестоимости всей сельскохозяйственной продукции достиг 75–85%. Такой высокий удельный вес в затратах, приобретаемых фермерами промышленных средств производства, свидетельствует о существенном их влиянии на динамику реальных цен на сельскохозяйственную продукцию.

В России в условиях гиперинфляции и высоких темпов инфляции издержек в 1990–1996 гг. произошло резкое увеличение

[1] *Цитирование:* Гайсин Р.С. (2016). Межотраслевой ценовой диспаритет в свете теории цены производства Маркса // Вопросы политической экономии. № 2(6). С. 36-48.

разрыва между ценами сельхозтоваропризводителей и ценами на покупаемую ими продукцию. При росте в этот период цен на сельскохозяйственную продукцию в 1776 раз, цены на приобретаемые сельскохозяйственными предприятиями промышленные товары повысились в 7256 раз, вследствие этого индекс паритета цен понизился с 1,0 до 0,24, то есть разрыв в ценах увеличился в 4 раза [9, с. 39]. Начиная с 1993 г., годовые темпы роста цен замедляются, наблюдается тенденция к некоторому повышению годовых индексов паритета.

В качестве причин диспаритета цен обычно называют монополизм предприятий второй и третьей сфер АПК по отношению к сельскому хозяйству [4]. Это существенная причина диспаритета, но не главная. Следует искать причины диспаритета не только на поверхности рыночных явлений и процессов, но и на глубинно сущностном стоимостном уровне. Эти причины скрыты за внешними рыночными явлениями. Для их выявления требуется раскрытие сущности происходящих процессов на основе использования методологии классической и неоклассической экономических теорий. Выявление причин диспаритета на сущностном уровне позволит раскрыть полную картину возникновения межотраслевых стоимостных диспропорций и факторов их определяющих, тем самым, раскрыть комплекс особых причин отсутствия паритета цен в российской экономике и научно обосновать механизмы регулирования агропродовольственного рынка с целью устранения или нейтрализации последствий диспаритета цен между сельским хозяйством и промышленностью.

Классическая экономическая теория в её марксистском развитии в синтезе с некоторыми положениями неоклассической теории позволяет дать ответ на важнейшие вопросы, связанные с межотраслевой конкуренцией и её влиянием на состояние межотраслевого равновесия, в том числе на межотраслевое стоимостное и ценовое равновесие. В этом отношении может оказаться продуктивным использование теории цены производства и средней (межотраслевой) нормы прибыли в синтезе с теорией эффективного конкурентного равновесия (теорией Парето-эффективности) в качестве методологической основы для исследования сущности межотраслевых механизмов формирования стоимости и цен на различных этапах развития сельского хозяйства и циклах долгосрочной конъюнктуры агропродовольственного рынка.

Для того чтобы успешно провести исследование реального процесса формирования межотраслевых стоимостных и ценовых пропорций необходимо с использованием указанной методологии проанализировать этот процесс в условиях совершенной конкуренции, то есть в абстрактном виде, освобождённом от целого ряда второстепенных черт, затрудняющих раскрытие сущности. Это позволит рассмотреть механизм формирования межотраслевого рыночного равновесия, абстрагировавшись от многих явлений, скрывающих, затушёвывающих сущность.

Абстрактная идеальная картина сбалансированности экономической конъюнктуры характеризуется состоянием полного равновесия во всех отраслях и в экономике в целом между общественными потребностями и производственными возможностями, производством и потреблением, предложением и спросом. В таких условиях уровень рыночных равновесных цен, при которых уравновешиваются указанные противоположные стороны конъюнктуры во всех сферах экономики совпадает с уровнем цен эффективного конкурентного равновесия (по Марксу — со стоимостью, вернее даже с ценой производства). Это идеальный вариант, который характеризуется равенством предельного дохода и предельных издержек. В этой ситуации цены эффективного конкурентного равновесия обеспечивают, выражаясь категориями неоклассической экономической теории, получение нормальной прибыли. Эта абстрактная картина может быть реальностью только в условиях чистой, совершенной конкуренции.

Маркс также исследует межотраслевой механизм ценообразования в его «чистом» виде. Он показывает, что при сбалансированной пропорциональной экономической конъюнктуре рыночное ценообразование, обмен товаров осуществляются в соответствии с ценой производства (цена производства[2] является формой стоимости). Межотраслевая конкуренция в условиях свободного рынка в конечном счёте приводит к тому, что реализуется принцип: на рав-

[2] Цена производства товара равна издержкам производства плюс средняя прибыль [5, глава 9]. По теории Д. Рикардо это не что иное, как естественная цена, которая является основой рыночных цен. По терминологии неоклассической теории — это цена конкурентного эффективного равновесия, при которой обеспечивается равенство предельных издержек и предельного дохода и формируется нормальная прибыль (которая во многом идентична средней прибыли К. Маркса).

новеликие капиталы в разных отраслях в среднем обеспечивается получение равной прибыли. Это явление К. Маркс характеризует как действие закона средней нормы прибыли. Эта исходная предпосылка позволяет, в свою очередь, реализовать принцип равенства в среднем отраслей и предприятий по сформированным условиям воспроизводства, принцип равновыгодности вложения капитала в любую отрасль. Такая равновыгодность обеспечивается вследствие того, что межотраслевая конкуренция ведёт к стихийно-рыночному межотраслевому переливу капиталов из отраслей с низкой нормой прибыли в отрасли с высокой нормой прибыли. У всех отраслей (и у промышленности, и у сельского хозяйства, и у строительства...) вследствие такой межотраслевой конкурентной борьбы за норму прибыли выравниваются (как в «сообщающихся сосудах») исходные предпосылки для реализации условий воспроизводства, выравниваются индивидуальные отраслевые нормы прибыли в среднюю норму прибыли. Законы стоимости, цены производства и средней нормы прибыли обеспечивают эквивалентный межотраслевой обмен, соответственно, и межотраслевой паритет цен. В соответствии с марксистской теорией цены производства, если в какой-либо отрасли будет иметь отклонение рыночных равновесных цен от цен эффективного конкурентного равновесия (от цены производства) в сторону их заниженности, то произойдёт отток капитала и ресурсов из этой отрасли в отрасли, где обеспечивается получение более высокой нормы прибыли, получение экономической прибыли (сверхприбыли). В этом проявляется действие закона межотраслевой конкуренции, ведущего к выравниванию отраслевых норм, прибыли в среднюю норму прибыли.

Маркс рассматривает указанную идеальную модель межотраслевого равновесия как абстрактную. Он показывает, что в реальной действительности рыночный конкурентный механизм не может устранить устойчивые длительные отклонения от состояния межотраслевой пропорциональности и равновесия между отраслями. Представители неоклассической теории считают, что эта модель эффективного конкурентного равновесия отраслей вполне отражает реальную отраслевую и межотраслевую ценовую конъюнктуру. По их мнению, реальные отклонения рыночных равновесных цен от цен эффективного конкурентного равновесия носят кратковременный характер. При этом отклонения по отраслям в сторону повышения и понижения взаимно компенсируются и в среднем межотрас-

левая конкуренция обеспечивает межотраслевой паритет в ценах и доходах. То есть устойчивого и длительного отклонения (устойчивого диспаритета цен и доходов) по мнению сторонников этой теории не должно быть. Рынок, считают они, все быстро поправляет и обеспечивает в среднем по каждой отрасли эффективное конкурентное равновесие и паритет цен. Последствия монопольного вмешательства в этот механизм, барьеры на пути конкуренции должны устраняться антимонопольными мерами.

Таким образом, цена производства (цена эффективного конкурентного равновесия), формируемая как результат межотраслевой совершенной конкуренции, позволяет реализовать следующие принципы:

- равная прибыль на равновеликие капиталы (закон средней нормы прибыли);
- межотраслевой паритет цен;
- равновесие спроса и предложения в условиях равенства предельного дохода предельным издержкам производства.

Завышенность рыночных цен в сельском хозяйстве в XIX веке по отношению к цене производства (к цене эффективного конкурентного равновесия)

Реальная картина сбалансированности конъюнктуры агропродовольственного рынка проанализирована К. Марксом на примере отраслевой конъюнктуры и межотраслевой конкуренции, имевших место в середине XIX в. в странах с развитой рыночной экономикой. В своей теории абсолютной земельной ренты он на материалах сельского хозяйства показывает, что рыночные цены в этой отрасли устойчиво и длительно отклоняются от цены производства (от цены эффективного конкурентного равновесия), при этом они проявляют тенденцию к формированию на завышенном уровне. Он показывает, что такая устойчивая повышенная конъюнктура в сельском хозяйстве складывается благодаря тому, что в условиях низкого уровня насыщенности потребностей в продукции отрасли и растущих доходах населения общественные потребности в ней растут очень быстро, устойчиво опережая рост производственных возможностей, соответственно, и спрос быстро растёт, устойчиво опережая рост предложения. При этом предложение в рассматриваемый период растёт медленно, что обусловлено ограниченностью, искусственной невоспроизводимостью и монополи-

зацией сельскохозяйственной земли как объекта владения и пользования. Используя современную терминологию, эту ситуацию можно охарактеризовать как устойчивую конъюнктуру с высокоэластичным и быстроповышающемся спросом на продовольствие при медленно растущем его предложении. В настоящее время в развитых странах картина иная, потребности в продовольствии насыщены, поэтому спрос неэластичен и по ценам, и по доходам. В связи с этим спрос не растёт или растёт очень медленно, медленнее по сравнению с возможностями быстрого роста предложения. Это существенное отличие имеет принципиальное значение при раскрытии особенностей конъюнктуры агропродовольственного рынка, при выявлении объективных причин возникновения диспаритета цен между сельским хозяйством и промышленностью, а также при выборе форм и методов государственного регулирования аграрного сектора экономики.

Маркс, анализируя сложившуюся конъюнктуру, показывает, что рыночные цены формируются на уровне стоимости, а стоимость превышает уровень цены производства. То есть быстро растущий спрос уравновешивается с предложением при таком уровне рыночных равновесных цен, который превышает уровень цен эффективного конкурентного равновесия. Получаемая при этом сверхприбыль (прибыль сверх средней нормы прибыли) в силу её устойчивости и особых экономических отношений между собственниками и пользователями специфического средства производства — земли — превращается в земельную ренту, присваиваемую землевладельцами, которую Маркс назвал абсолютной рентой. Рыночная равновесная цена (не цена эффективного конкурентного равновесия) в сельском хозяйстве в этот период времени (в XIX в.) равнялась цене производства плюс абсолютная рента. То есть имел место диспаритет цен: рыночные равновесные цены на сельскохозяйственную продукцию формировались на завышенном уровне по сравнению с ценами эффективного конкурентного равновесия, а значит и по сравнению с равновесными ценами в промышленности. Из этого следует, что ценовой диспаритет был противоположным современному диспаритету.

Маркс доказывает, что такое завышение рыночных цен по сравнению с ценой производства не означает нарушение действия закона трудовой стоимости. Он аргументирует этот вывод тем, что стоимость в сельском хозяйстве того периода времени формирова-

лась на уровне выше цены производства, а рыночные цены хотя и были выше цены производства, но при этом не превышали величину стоимости.

Понимание причин формирования стоимости в сельском хозяйстве на таком завышенном уровне даёт новое более развитое понимание сущности закона трудовой стоимости, обоснованное К. Марксом в третьем томе «Капитала». Он показал, что формирование стоимости происходит не только в производстве, но и в обмене, что стоимость выражает не только затраты труда на товар, но и выявляемую через рынок общественную потребность в нем, изменение структуры общественных потребностей по отношению к структуре общественного производств. «Общественная потребность… вот что, — пишет К. Маркс в третьем томе «Капитала», — определяет здесь долю всего общественного рабочего времени, которая приходится на различные особые сферы производства» [5, ч. 2, с. 692]. Общественная потребность определяет количественную границу общественно необходимого рабочего времени. Эта граница не всегда совпадает с фактически затраченным на данную группу товаров (или на данный товар) рабочим временем. Состояние равновесия или неравновесия между потребностями и производственными возможностями общества определяет ценность (стоимость) экономического блага. Стоимость, как и цена, выражает не абсолютные, а соотносительные величины [2], [5, ч. 2]. Такая трактовка стоимости (меновой ценности) позволила Марксу дать глубокий анализ межотраслевого конкурентного механизма как в сущностном, так и функциональном аспектах. К. Маркс в своей более развитой трактовке закона трудовой стоимости связывает формирование и движение стоимости продукта земледелия не только с изменениями в затратах общественного труда, но и с быстрым ростом потребностей общества при ограниченности роста производственных возможностей. По мере быстрого роста потребностей в продуктах земледелия, опережающего рост производительности труда, общество оценивает земледельческий труд (в качестве общественно необходимого) более высоко, что обуславливает формирование стоимости его продуктов на завышенном уровне — на уровне выше цены производства. Излишек стоимости (рыночных равновесных цен) над ценой производства (над ценой эффективного конкурентного равновесия, см. рис. 1 *а*) означает, что общество признает в качестве общественно необходимых дополнительные затраты труда на единицу продук-

та (дополнительную добавленную стоимость). Эта добавочная стоимость имеет функциональное экономическое предназначение — обеспечить после её реинвестиции ускорение роста производства и предложения продукции отрасли до уровня общественных потребностей. Такое насыщение общественных потребностей в продукции сельского хозяйства ведёт в конечном счёте к снижению величины общественно-необходимого труда для производства единицы продукции. Это, в свою очередь, будет означать снижение стоимости (а значит и рыночных равновесных цен) до уровня цены производства (до уровня цен эффективного конкурентного равновесия).

В связи с тем, что экономическая прибыль (сверхприбыль), принимающая форму абсолютной земельной ренты, присваивалась земельными собственниками (в виде завышенной на её величину арендной платы) и не использовалась по своему функциональному экономическому предназначению — на увеличение объёма производства и предложения продукции сельского хозяйства до уровня общественных потребностей, К. Маркс, а также американский исследователь XIX в. Генри Джордж показали, что это не соответствует общественному предназначению этой части стоимости, это противоречит интересам общества, и это противоречие должно быть устранено [3], [5, ч. 2]. «Плоды» завышенной конъюнктуры в виде абсолютной земельной ренты изымались земельными собственниками у производителей через механизм арендной платы. Земельная собственность приносила землевладельцам наряду с размером нормальной арендной платы ренту — абсолютную земельную ренту, которая в значительной своей части использовалась не производительно. И К. Маркс, и Г. Джордж предложили аккумулировать эту ренту в бюджете государства и реинвестировать её в экономику для увеличения производства с целью удовлетворения общественных потребностей. Отличие этих подходов состояло в политических и экономических механизмах изъятия ренты. Следует отметить, что в соответствии с предназначением этой земельной ренты её следовало реинвестировать не вообще в экономику, а в сельское хозяйство с целью повышения отдачи земли как главного средства производства отрасли. Это позволило бы «подтянуть» медленно растущее производство в сельском хозяйстве до уровня быстро растущих общественных потребностей (поднять предложение продукции до уровня спроса). Такие реинвестиции способствовали бы ускорению перехода сельского хозяйства развитых стран от доиндустриального к ин-

дустриальному технологическому укладу. Изъятие земельными собственниками абсолютной ренты из сельского хозяйства было одной из основных причин, сдерживающих процесс индустриализации отрасли. Как известно, индустриальная революция охватила сельское хозяйство развитых стран на полтора века позже.

P_0 — цена конкурентного эффективного равновесия, по Марксу — цена производства;
$P_1, P_2, P_3, ..., P_i$ — рыночные равновесные цены; S — предложение, D — спрос;
T — период времени; AB — линия перехода от повышательной части волны к понижательной (от первого ко второму периоду);
— тренд рыночного равновесия при $P_i > P_0$; $P_i < P_0$;
— тренд конкурентного эффективного равновесия при $P_0 = MC$

Рис. 1. **Долгосрочные волны рыночной конъюнктуры на агропродовольственном рынке:**

а) этап ненасыщенного рынка, XVIII в. – начало XX в.;

б) этап насыщенного рынка, с 20-х гг. XX в.[3]

Источник: составлено автором (данные гипотетические)

Суть происходящих процессов формирования рыночных равновесных цен в XIX в. на аграрном рынке развитых стран можно проиллюстрировать, используя основные положения неоклассической теории конкурентного рыночного равновесия и такие её категории, как спрос, предложение, предельные издержки, предельная полезность, предельный доход, экономическая рента и др. Общественные потребности в сельскохозяйственной продукции росли быстрее производственных возможностей общества и превышали их, что выражалось на рынке в более быстром росте спроса по срав-

[3] *Примечание.* По линии тренда пересекаются и уравновешиваются линии спроса (D) и предложения (S).

При более детальном исследовании агропродовольственного рынка развитых стран в периоде насыщенного рынка (б) автор выделяет 2 этапа: неполного и полного насыщения [1].

нению с предложением. На графике (рис. 1 *а*) эта закономерность проявляется в том, что кривая спроса (*D*) смещается в тренде по дуге вправо в большей степени, чем кривая предложения (*S*). Более быстрый рост спроса по сравнению с предложением на данном этапе был обусловлен высокой эластичностью спроса по доходам в условиях низкой насыщенности потребностей общества в сельскохозяйственной продукции (в продовольствии). Предложение же сельскохозяйственной продукции по ценам имеет относительно низкую эластичность (в кратко и среднесрочном периодах).

Если бы кривая спроса (*D*) изменялась, смещалась бы в горизонтальном тренде вправо в той же степени, что и кривая предложения (*S*), то рыночное равновесие формировалось бы как конкурентное эффективное равновесие при сохранении равновесных цен на уровне цены конкурентного эффективного равновесия (P_0), то есть на уровне цены производства. На рис. 1 *а* — это тренд по горизонтальной линии в условиях, когда равновесная цена (P_0) равняется предельному доходу (*MR*), а предельный доход равняется предельным издержкам (*MC*). Разница между P_i и P представляет собой по трактовке неоклассической теории экономическую ренту, которая носит временный характер. По Марксу эта часть прибавочной стоимости носит устойчивый характер, и она присваивается в виде абсолютной земельной ренты землевладельцами.

Высокие темпы роста эластичного спроса, опережающие рост предложения, обуславливали на рассматриваемом этапе, как видно из рис. 1 *а*, устойчивую тенденцию рыночного равновесия к отклонению от состояния конкурентного эффективного равновесия, тенденцию к формированию высокой рыночной конъюнктуры. На рынке сельскохозяйственной продукции устанавливалось в определённом смысле монопольное равновесие, при котором рыночные равновесные цены формировались на более высоком уровне по сравнению с ценами конкурентного эффективного равновесия.

Неценовые факторы, обуславливающие медленный рост предложения по сравнению с ростом спроса в начальный период рассматриваемого этапа (на рис. 1 *а* это период до пунктирной линии *AB*) связаны с ограниченностью и неэластичностью предложения (в кратко и среднесрочном периодах) некоторых ресурсов в сельском хозяйстве. Речь идёт, в первую очередь, о таком специфическом ресурсе, как земля. Этим предопределяется медленный рост предложения сельскохозяйственной продукции по отношению к

росту спроса. Другая группа неценовых факторов предложения связана с низкой отдачей труда и других ресурсов по сравнению с промышленностью. Последнее во многом связано (по теории Маркса) с отставанием в тот период сельского хозяйства от промышленности, с низким уровнем технического и органического строения капитала в отрасли, что при прочих равных условиях обуславливает формирование затрат труда и других издержек (стоимости) на более высоком уровне по сравнению с ценами производства.

Классическая и неоклассическая трактовки проблемы роста цен и стоимости

В традиционных затратных трактовках стоимости показывается, что научно-технический прогресс ведёт к повышению производительности общественного труда и соответственно — к понижению стоимости и цены единицы продукции. Однако в реальной действительности не всегда подтверждается такая динамика. В течение отдельных периодов XIX–XX вв. наблюдалась картина роста цен (не обязательно инфляционного) при росте производительности труда. Противники трудовой теории стоимости представляют это как главный «тупик» трудовой теории стоимости. Однако понимание стоимости в рамках выдвинутой выше концепции соотносительной равновесной стоимости позволяет выделить факторы, соотношение и динамика которых разнонаправленно действуют на величину стоимости: ресурсы труда в обществе с учётом производительности труда; объём и структура потребностей.

Экономический рост, углубляющееся общественное разделение труда ведут к росту объёмов и разнообразия потребностей, к динамичному изменению их структуры. Общественные потребности в какой-то группе товаров или отдельном виде товара могут расти быстрее, чем производственные возможности. Это ведёт к возрастанию необходимого обществу рабочего времени для производства больших групп товаров, опережающему рост количества и качества затрачиваемого труда, рост производительности конкретного труда. «Труд, затрачиваемый на воспроизводство товаров, необходимых для удовлетворения потребностей, может — как подчёркивает А. А. Борейко, — не совпадать с трудом, который присваивается через обмен» [8, с. 187–188]. Результатом может стать рост стоимости товаров.

Подобную динамику цены и стоимости К. Маркс представил

в третьем томе «Капитала» на примере производства земледельческой продукции. Сокращается количество занятых, растёт производительность их труда, а следовательно, исходя из традиционной трактовки стоимости, должна снижаться стоимость единицы сельскохозяйственной продукции. Но в это же время растёт неземледельческое население, растут общественные потребности в продовольствии, причём быстрее производственных возможностей. Вследствие этого возрастает масса необходимого обществу труда и возрастает быстрее, чем фактический затрачиваемый труд, то есть растут стоимость и рента. Стоимость земледельческого продукта, заключает Маркс, «зависит от массы и производительности неземледельческого населения» [5, ч. 2, с. 694]. Но это явление «не представляет специфической особенности земледелия и его продуктов», — замечает далее Маркс [5, ч. 2, с. 693]. В рассматриваемой ситуации возрастает величина общественного труда, выделяемого для производства продукта данной отрасли, так как быстро растёт потребность в данном товаре. Следовательно, возрастает его общественная стоимость.

Эта трактовка проблемы не противоречит, а дополняет и углубляет истолкование той же проблемы неоклассиками. В частности, неоклассики решают проблему длительного роста цен, опираясь на закон возрастающих вменённых издержек, закон понижающейся доходности факторов. Но действие названных законов в условиях роста производительности труда связано с ростом объёмов и разнообразия потребностей общества, которое вызывает возрастание вменённых издержек на большие группы продуктов, вызванное переходом на новые, инновационные производства. Закон понижающейся доходности факторов на примере земледелия является прямой конкретизацией положения о росте стоимости сельхозпродуктов.

Рыночные подходы к теории стоимости, получившие развитие в неоклассической концепции, впервые встречаются в классической теории земельной ренты у Д. Рикардо. Теория дифференциальной ренты построена на предельных категориях. Средние затраты на худших землях, лежащие в основе рыночной стоимости сельскохозяйственного продукта, в неоклассической теории отождествляются с предельными издержками производства. Д. Рикардо объясняет динамику земельной ренты и рост цен в земледелии именно через рост предельных затрат, через понижающуюся доходность

факторов производства в связи с переходом к худшим землям.

К. Маркс, развивая идеи Д. Рикардо, связывает движение стоимости — в частности, стоимости продукта земледелия — с потребностями общества. По мере быстрого роста потребностей в продуктах земледелия, опережающего рост производительности труда, общество оценивает земледельческий труд (в качестве общественно необходимого) более высоко, что обуславливает рост стоимости его продуктов. Это создаёт излишек стоимости в продуктах земледелия. Таким образом, К. Маркс приходит к идее абсолютной земельной ренты. Но указанные выводы К. Маркса вытекают из анализа долгосрочной экономической конъюнктуры, сложившейся в XIX в. Но в XX в. картина меняется. Об этом речь пойдёт ниже.

На основе проведённого анализа процесса формирования равновесия на агропродовольственном рынке можно подчеркнуть, что проблема так называемого диспаритета цен между сельским хозяйством и промышленностью имела места и в XIX в. Но суть и особенности этого диспаритета состоят в том, что рыночные равновесные цены на сельскохозяйственную продукцию формировались на более высоком уровне по сравнению с ценой эффективного конкурентного равновесия, а значит, и с рыночными равновесными ценами на промышленную продукцию и услуги. Межотраслевая конкуренция не могла быстро привести к понижению рыночных равновесных цен до уровня цены производства (до уровня цен эффективного конкурентного равновесия) в связи с монопольной занятостью природно-ограниченных сельскохозяйственных земель, являющихся объектами частной собственности. Это было барьером на пути межотраслевого перелива капиталов, который должен был происходить вследствие межотраслевой конкуренции и должен был бы привести к выравниванию норм прибыли в сельском хозяйстве и промышленности. Этот барьер сдерживал, замедлял такой перелив капитала.

Вместе с тем, как видно из рис. 1 *а*, в долгосрочной перспективе в заключительном периоде рассматриваемого первого этапа развития агропродовольственного рынка (после пунктирной линии *AB*) динамика конъюнктуры меняется — начинается её понижательная волна, размер абсолютной ренты уменьшается и начинает приближаться к нулю. Происходит это вследствие того, что на понижательной части волны коренным изменяется соотношение между динамикой спроса и предложения. Рост производства и предло-

жения сельскохозяйственной продукции начинает ускоряться вследствие постепенного преодоления указанных выше межотраслевых барьеров на пути перетока капиталов в сельское хозяйство. Предложение сельскохозяйственной продукции со временем в долгосрочном периоде становится эластичным. Ускоряется развитие сельского хозяйства в тех странах, где «шлюз» для вливания капиталов и инноваций в сельское хозяйство открывается быстрее. Эластичность спроса падает, эластичность предложения повышается. Вследствие этого во втором периоде первого этапа быстрее начинает расти предложение по сравнению со спросом, кривая спроса (*D*) смещается в тренде по дуге вправо в меньшей степени, чем кривая предложения (*S*). Поэтому тенденция к росту рыночных равновесных цен сменяется тенденцией к их понижению, о чем свидетельствует выпуклая понижательная тенденция линии тренда точек фактического рыночного равновесия после пунктирной линии *AB*.

Заниженность рыночных цен в сельском хозяйстве в XX в. по отношению к цене производства (цене эффективного конкурентного равновесия)

На следующем этапе конъюнктура агропродовольственного рынка кардинально меняется (см. рис. 1 *б*). Равновесные рыночные цены отклоняются от цены эффективного конкурентного равновесия (от цены производства) и проявляют тенденцию к устойчивому их формированию на заниженном уровне. Такой вариант формирования рыночного равновесия в сельском хозяйстве стран с развитой рыночной экономикой становится характерным на новом этапе агропродовольственной экономики, который начинается примерно с 20-х гг. XX в. На данном этапе аграрный сектор экономики охватывают длительные затяжные мировые аграрные кризисы перепроизводства.

Маркс в своей теории ренты абсолютизирует ситуацию, характерную для условий XIX в. (рис. 1 *а*), когда рост спроса на продукцию и на землю устойчиво превышал рост предложения, уровень насыщенности рынка продовольствием был низок, цены на сельскохозяйственную продукцию и продовольствие формировались на более высоком уровне по сравнению с рыночными ценами, характерными для состояния эффективного конкурентного равновесия (по сравнению с ценами производства).

Практика дальнейшей исторической эволюции агропродовольственного рынка показала, что устойчивость получаемой в

сельском хозяйстве экономической прибыли является относительной. Производственные возможности (производительность труда) в сельском хозяйстве индустриально развитых государств начинают расти быстрее, чем потребности общества в продукции этой отрасли. В связи с этим имеет место обратная тенденция: снижается стоимость сельскохозяйственной продукции, уменьшается (или даже исчезает) излишек стоимости в продуктах земледелия — источник абсолютной ренты. Рассматриваемая экономическая (абсолютная) рента имеет место только в течение повышенной волны рыночной конъюнктуры на этапе ненасыщенного рынка. С её прохождением она исчезает, рыночные равновесные цены падают ниже уровня цены эффективного конкурентного равновесия. По мере развития аграрного сектора экономики степень насыщения потребностей общества в продовольствии повышается. Вследствие этого существенно понижается эластичность спроса на него и замедляется его рост. Рост предложения же продовольствия, наоборот, ускоряется. На рис. 1 *б* это иллюстрируется большим опережающим смещением вправо кривой предложения по сравнению с кривой спроса. Вследствие этого точка рыночного равновесия соответственно и рыночные равновесные цены (P_i) смещаются по дуге вниз и формируются на более низком уровне по сравнению с ценой эффективного конкурентного равновесия (P_0). Обусловлено это тем, что межотраслевая конкуренция, преодолевая барьеры, постепенно наращивает прилив капиталов в сельское хозяйство и соответственно обеспечивает ускорение процессов индустриализации сельского хозяйства и повышение отдачи земли. Межотраслевой конкурентный механизм приводит, в конечном счёте к тому, что рост производственных возможностей (рост уровня предложения) общества со временем выравнивается с ростом общественных потребностей (с ростом уровня спроса) в сельскохозяйственной продукции. Вступление в XX в. развитых стран в стадию насыщенного агропродовольственного рынка ведёт к формированию неблагоприятной для сельского хозяйства конъюнктуры, когда наблюдается относительно устойчивая тенденция к опережающему росту предложения над ростом спроса на продукцию данной отрасли. Спрос относительно неэластичен, периодически отстаёт от роста предложения и «неотзывчив» на рыночные сигналы и рыночное регулирование. Возникает ситуация устойчивого относительного перепроизводства. Кейнс впервые доказал, что на определённом этапе развития рыночной экономики рост спроса начинает отставать от роста предложения. Предложение (производство) начинает превышать спрос, возникают кризисы перепроиз-

водства (особенно наглядно это стало проявляться с 20-х гг. прошлого века). Перепроизводство носило относительный характер — относительно платёжеспособных, а не абсолютных потребностей. В отличие от промышленности в сельском хозяйстве такое перепроизводство в силу ряда специфических причин носит длительный, устойчивый характер [1, с. 53–79]. Такое относительное перепроизводство имеет место и в России [1, с. 103-127].

Устойчивое относительное перепроизводство обуславливает тенденцию к падению стоимости (цен) сельскохозяйственной продукции по отношению к ценам конкурентного эффективного равновесия, соответственно, и к стоимости (ценам) промышленной продукции. Межотраслевой ценовой паритет нарушается и складывается в новых условиях не в пользу сельского хозяйства. В связи с этим в этот период на передний план выдвигается проблема диспаритета цен между сельским хозяйством и промышленностью, проблема низкого и понижающегося уровня доходности сельскохозяйственного производства. Цены стали формироваться на уровне ниже цены конкурентного эффективного равновесия. В промышленности рыночный механизм обеспечивает, при прочих равных условиях, формирование рыночных равновесных цен в среднем на уровне цены конкурентного эффективного равновесия (когда $P_0 = MC$). Из-за такой разницы в механизмах формирования рыночных равновесных цен возникает проблема межотраслевого диспаритета цен, которая в ряде случаев усугубляется монополизмом со стороны покупателей сельскохозяйственного сырья и поставщиков селу промышленной продукции и услуг.

О формировании длительного устойчивого диспаритета цен свидетельствуют многочисленные статистические данные, в том числе и по развитым странам, которые приведены в начале данного исследования. То, что господдержка не устранила полностью диспаритет в темпах роста цен не означает, что доходность сельского хозяйства США существенно понизилась за рассматриваемые 1910-1995 гг. Следует учитывать также и то, что значительная часть потерь доходов от понижения относительных цен была скомпенсирована ростом доходов вследствие повышения отдачи ресурсов в условиях научно-технического прогресса в сельском хозяйстве в течение XX в. По темпам роста производительности сельское хозяйство США превосходит промышленность. Во второй половине рассматриваемого периода (1948–1996 гг.) в аграрном секторе производительность ежегодно увеличивалась на 1,89%, а в промышленности — на 1,3%. В начале XXI в. прирост производительности сель-

ского хозяйства США составлял 2 и более процентов в год. Прирост производства происходил только за счёт роста отдачи используемых факторов производства [7].

В России диспаритет цен продолжал нарастать и в посткризисный период восстановительного роста сельского хозяйства, хотя и меньшими темпами. С 2001 по 2013 г. цены на ресурсы приобретаемыми сельскими производителями выросли в 3,7 раза, на сельскохозяйственную продукцию — в 2,8 раза. По отдельным видам промышленных товаров и услуг, приобретённых сельскохозяйственными организациями, темпы роста цен были значительно выше. Так, по удобрениям азотным (минеральным, химическим) цены за 13 лет увеличились в 14 раз, по тракторам — в 9,5 раза, что значительно выше индекса цен на основные виды сельскохозяйственной продукции [10].

Нарастание диспаритета цен между сельским хозяйством и промышленностью означает, что рыночный механизм даёт сбои. Это проявляется в том, что принципы Парето эффективного конкурентного равновесия постоянно нарушаются, рынок оказывается не в состоянии обеспечить своевременный быстрый возврат к состоянию устойчивого конкурентного эффективного равновесия, отсутствуют достаточные условия для эффективного действия межотраслевой конкуренции, для нормальной «работы» рыночного механизма. В сельском хозяйстве такие сбои рыночного механизма и нарушения вследствие этого конкурентного равновесия проявляются в более острой форме. Неравновесие долгосрочной конъюнктуры здесь носит более устойчивый, длительный, затяжной характер из-за нарушения принципов совершенного рынка на межотраслевом уровне. Причина устойчивости неравновесия конъюнктуры, причина заниженности цен обусловлены тем, что в агропродовольственной сфере законы рынка совершенной конкуренции имеют определённую специфику проявления. Рыночный механизм в этой сфере в отличие от других отраслей экономики не в состоянии в связи с наличием определённых отраслевых и межотраслевых барьеров быстро и гибко устранять несоответствие между динамикой спроса и предложения, обеспечивать на рынке и в отрасли конкурентное эффективное равновесие.

Таким образом, в XX в. на новом этапе эволюции агропродовольственного рынка характерным явлением становятся устойчивые затяжные, характерные только для аграрной сферы экономики кризисы перепроизводства, которые обусловлены особенностями формирования агропродовольственной рыночной конъюнктуры в

условиях высокого уровня насыщения потребностей в продовольствии. В этом проявляется несостоятельность, «изъян» рыночного механизма регулирования конкурентного равновесия в сельском хозяйстве на указанном этапе развития конъюнктуры рынка. Наблюдается устойчивая тенденция формирования рыночных равновесных цен ниже уровня цены производства (цены эффективного конкурентного равновесия). Опережающий рост цен на промышленные товары по сравнению с ценами на сельскохозяйственную продукцию означает особую специфику формирования и динамики спроса и предложения на агропродовольственном рынке по сравнению с другими рынками.

Литература

1. Гайсин Р. С. Рыночное равновесие в аграрном секторе экономики. М.: Издательство РГАУ-МСХА имени К. А. Тимирязева, 2014. 142 с.
2. Гайсин Р. С., Светлов Н. М. Стоимость и ценность: пути синтеза классической и неоклассической теорий // Философия хозяйства. №4. 2014.
3. Джордж Г. Избранные речи и статьи. М., 1906. 120 с.
4. Диспаритет цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. Пути преодоления диспаритета цен. 2015. http://studopedia.net/14_140281_disparitet-tsen-na-selskohozyaystvennuyu-i-promishlennuyuproduktsiyu-puti-preodoleniya-dispariteta-tsen.htm
5. Маркс К. Капитал. Т. 3. ч. 1, 2. Соч. Т. 25. Ч. 1, 2.
6. Овчинников О. Г. Государственное регулирование аграрного сектора экономики США. М.: ООО «ДеЛи», 1999.
7. Производительность сельского хозяйства США. 2015. http://www.pressarchive.ru/biki/1998/09/08/313367.html
8. Современная экономическая теория: проблемы разработки и преподавания / Под ред. К. А. Хубиева. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2002.
9. Состояние и перспективы развития рыночных отношений в агропромышленном комплексе России // Международная научно-практическая конференция «Рыночные отношения в АПК России: современное состояние и перспективы». М., 1997.
10. Цены. Росстат. Официальная статистика. 2015. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs

Метод «Капитала» и метод экономикс[1]

Мареев Сергей Николаевич (1941-2019),
д.филос.н., профессор, г.н.с. Научного центра им. Р. А. Белоусова Московской международной высшей школы бизнеса «МИРБИС» (Институт)

Ключевые слова: «Капитал», метод, конкретный историзм, философия науки, позитивизм, эволюционизм, эмпиризм, экономикс.

Дэниел Хаусман в предисловии к антологии «Философия экономики», посвящённом в основном методологии, пишет: «Я считаю, что очень многое можно узнать об экономической методологии, изучая, что думали о ней гиганты мысли вроде Джона Стюарта Милля или Карла Маркса. Тот, кто хочет всерьёз разобраться в методологии экономической науки, должен разобраться сначала в её истории» [1, с. 10]. С этим нельзя не согласиться. Но в дальнейшем Д. Хаусман даже не вспоминает имя «гиганта мысли» Маркса, а излагает в основном ту традицию в методологии, которая связана с именами Д. Юма, И. Канта, У. Уэвелла, Д. С. Милля, а также Дюгема, Маха, Пуанкаре, а потом ещё Карла Поппера и тех, кто вокруг него. Эта традиция получила название «философия науки», которое идёт в основном от Уильяма Уэвелла, написавшего «Историю индуктивных наук» и «Философию индуктивных наук». Интересна оценка его творчества автором предисловия к русскому изданию «Истории индуктивных наук»: «Уэвелль вообще не глубокий и плохой философ; такова же и его философия, проводимая в истории индуктивных наук. Она состоит из устарелых и избитых идей английского предания...» [2, с. X]. Одним из указанных «английских преданий» является *эмпиризм* Локка, обнаруживший свою несостоятельность в том же столетии, в каком он возник. Сенсуализм Локка породил скептицизм Д. Юма, а Юм, как известно, разбудил от «догматического сна» И. Канта, которому, как указано в упоминаемом нами предисловии, пытается следовать Уэвелл, но «с изменениями и переделками, в которых потерялись вся глубина и весь критицизм великого немецкого мыслителя» [2, с. XLVI].

[1] *Цитирование:* Мареев С.Н. (2015). Метод «Капитала» и метод экономикс // Вопросы политической экономии. № 4(4). С. 24-36.

О критицизме здесь нужно сказать особо, поскольку в «философии науки» не подвергается критическому анализу сама познавательная способность, т. е. мышление. Что касается Уэвелла, то вместо того, чтобы подняться от Локка к Канту, он опускает Канта до уровня Локка. «Уэвелль, — как пишет автор предисловия, — обратил чистую монету Канта в низкопробную и хотел применить её к старым формам английской давней философии предания и поддержать ею то, что навеки убила философия Канта» [2, с. XLVI]. Имя автора этих суровых слов, к сожалению, неизвестно, но хочется сказать: были же талантливые люди на Руси! Не то, что нынешнее племя... Я имею в виду В. Поруса, который до сих пор гордится своей причастностью к этой, как он её называет, «великой философии»... Но, прежде чем разобраться в том, кого, или что, «убил» Кант, внесём ещё некоторые исторические уточнения.

Джон Стюарт Милль, которого однозначно причисляют к «философии науки», в своей книге об Огюсте Конте определяет его как основоположника «философии науки». Но мы знаем, что Огюст Конт был основоположником *позитивизма.* И традиция, связанная с понятием «философия науки», действительно прочно связана с позитивизмом, о чём сторонники «философии науки» чаще всего стыдливо умалчивают. Но можно ли отделить одно от другого? И что же имел в виду под «философией науки» Милль?

Милль хочет объяснить, «что именно разумеем мы под философией науки, как различной от самой науки» [3, с. 46]. О том же, что он «разумеет», Милль пишет следующее: «Философия науки есть... не что иное, как та же самая наука, но рассматриваемая не в её результатах или в установленных ею истинах, но в тех процессах, какими пользуется человеческий ум для их достижения, в тех признаках, по каким он размещает их по их отношениям и методическим расположениям для достижения большей ясности понятия и большего непосредственного удобства: одним словом, это логика науки» [3, с. 46-47]. Человек, знакомый с историей постановки этого вопроса, мог бы сказать, что здесь нет ничего специфического. О логике науки, или методе науки, шла речь уже давно, в Новое время, по крайней мере, уже у Ф. Бэкона и Р. Декарта. Как раз к Бэкону относит начало «философии науки» «Краткая философская энциклопедия», вышедшая в 2005 г. в издательстве Routledge. Кроме Бэкона, здесь называют Декарта, Локка, Лейбница и некоторые другие имена, а Конт, Уэвелл, Гершель вообще не упоминаются [4, с. 942]. Ко-

нечно, в этом можно усмотреть антипозитивистскую трактовку «философии науки», но сам термин идёт всё-таки от позитивистов.

Ф. Бэкон не был позитивистом. Но предмет его основных забот — *метод науки.* И то же самое можно сказать о Канте, который «убил» английский эмпиризм. Главный вопрос, который стоял перед Кантом, *как возможна теоретическая наука.* И это опять-таки вопрос о методе. Кант дал начало иной традиции, которую принято называть *немецкой классической философией*, к которой затем примкнул и Маркс. А значит, решая методологические вопросы, нам никак не обойти вопрос о различии в методологии двух «гигантов мысли» — Дж. Ст. Милля и Карла Маркса. Так в чем же собственно разница между Марксом и Миллем в вопросе о методологии вообще и методе экономической науки в частности?

Различие их методологических подходов обозначено уже в том замечании, которое делает Маркс в «Теориях прибавочной стоимости» в адрес Милля Старшего, отца Джона Стюарта Милля: «К чему он стремится — это *формальная логическая* последовательность. С него *поэтому* начинается разложение рикардианской школы» [4, с. 63]. Рикардо обнаружил основное противоречие капиталистического способа производства, которое покоится на законе стоимости: все товары продаются по стоимости. И вместе с тем откуда-то получается прибавка к затраченной сумме в виде прибыли, что явным образом противоречит закону стоимости. Купил по стоимости, продал по стоимости и… получил *прибавочную* стоимость.

Вся рикардианская школа, начиная с Джемса Милля, стремилась к тому, чтобы это противоречие «разрешить». И «разрешение» этого противоречия они видели в *формальной логической последовательности*. Но именно эта последовательность позволила Рикардо обнаружить противоречие капитала. И Маркс отмечает его *научную честность*, доходящую до цинизма, когда тот признает факт *эксплуатации*, присвоения чужого труда. Иначе говоря, именно «формальная логическая последовательность» позволяет обнаружить противоречие капитала, и всякое противоречие вообще.

Что касается сына Джемса Милля, то, как ни странно, именно филантропия помешала Джону Стюарту Миллю быть научно честным. Джон хотел более справедливого распределения произведённого. Но распределять можно только то, что произведено. И прибыль капиталиста по законам капитала не может перераспределяться. Вернее, она перераспределяется, но перераспределяется в

пользу земельного собственника в виде земельной ренты и в пользу банкира в виде процента. Но никак не в пользу наёмного труда. И Маркс пишет уже о Джоне: «Как неумны, следовательно... Дж. Ст. Милль и другие, которые считают буржуазные формы производства абсолютными, а буржуазные формы распределения относительными, историческими и потому преходящими» [4, с. 81]. Если бы Джон строго следовал логике капитала, а не логике своего собственного чувства, то он и вывел бы из капиталистического производства капиталистическое распределение. Когда хочешь заниматься наукой, чувства следует оставить дома, для жены. А здесь надо, чтобы «душа была тверда».

В своё время Эвальд Васильевич Ильенков высказал мысль о том, что современное естествознание в своей методологии дошло только до Канта. Имелось в виду то, что физика обнаружила такие противоречия, объективность которых трудно не признать. Но она ещё не дошла до адекватных форм разрешения этих противоречий, т. е. до того «третьего», которое опосредствует противоположности, позволяя им переходить друг в друга. Потому философская методология, с которой имели дело и физики, и экономисты, просто «запрещала» противоречие. В физике, как и в экономической науке, царил все тот же позитивизм. А нужен был Гегель с его диалектикой. Но Гегелем «философы науки» и сейчас пугают учёных людей, как Плюшкин пугал свою ключницу чертями.

Только на своём излёте «философия науки» дошла до Канта. Она сделала это в лице Имре Лакатоса, который, как и Кант, не считал противоречие простым недоразумением. Но и Лакатос не смог сделать энергичного рывка в сторону Гегеля, который впервые трактовал диалектику как *имманентный* метод разрешения возникающих в процессе познания противоречий. Речь идёт о том, что способ разрешения противоречия надо найти не в голове, а в самом содержании, в самой объективной реальности. Понятно, что это можно сделать только при помощи головы, но она для этого должна быть соответствующим образом подготовлена. Т. е. она должна быть сориентирована на познание *объективной* реальности, а не на познание собственных психологических состояний. Но именно психологизмом оказалась дополнена логика в экономической науке, в особенности в связи с «маржиналистской революцией», которая сделала субъективные предпочтения и состояния покупателя и потребителя необходимым элементом теории стоимости, именуемой

теперь «ценностью».

Джон Стюарт Милль был верным последователем Конта и даже, как известно, собирал деньги для учителя, чтобы учёное сообщество помогло Конту завершить его грандиозное дело. А вопрос стоял о реформировании всего здания науки. Но отбросив всю прежнюю «метафизику», Конт отбросил вместе с ней и всякий научный метод, в том числе не только диалектику, но даже самую элементарную логику.

Он, как потом скажет Энгельс о Фейербахе, вместе с грязной водой выплеснул ребёнка. У Конта остался один только «чистый» опыт. Но опыт — это не метод, а то, к чему метод должен быть применён.

Милль, в свою очередь, имея в опыте конкретный предмет, осознал, что наука без метода невозможна. И он создаёт труд, не менее грандиозный, чем его «Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии». Это был труд под названием «Система логики силлогистической и индуктивной». Вся система Милля имела серьёзные недостатки, критический разбор которых здесь по условиям жанра невозможен. Впрочем, один из них, на который, в первую очередь, указывает Маркс, мы отметили. Он имеет отношение к его пониманию метода науки. Но Милль отличался от всех последующих экономистов тем, что сознавал саму необходимость для науки научного метода. И он же заложил основы того метода, который, с лёгкой руки Энгельс, получит название *всеиндуктивизма.*

«Всеиндуктивизм» означал, что индукция является всеобщим и единственным методом науки. А *дедукция,* как считал Милль, это всего лишь сокращённая форма для индукции. Но тут возникает ряд непреодолимых трудностей. Во-первых, метод такой науки, как математика, явно дедуктивный. А «книга природы», как заметил великий Галилей, написана языком математики. И ни одна математическая теория не выведена индуктивно. Во-вторых, никакая индукция не может ничего доказать или подтвердить *окончательно.* И, в-третьих, сам принцип индукции невозможно доказать при помощи индукции. «Никакая индукция на свете никогда не помогла бы нам уяснить себе *процесс* индукции» [6, т. 20, с. 542]

Конечно, Милль со своей «индукцией» не был так прост, как кажется. Те «индуктивные методы», о которых идёт речь у Милля, называют также «методами установления причинных связей». Речь,

следовательно, идёт о *причинности.* И здесь стоит вспомнить знаменитого Френсиса Бэкона, которого тоже иногда считают «всеиндуктивистом», но который полагал, что индукция хороша, если она соединяется с практикой и экспериментом. Именно практика и эксперимент являются теми методами, которые позволяют устанавливать *причинную* связь. А это не индукция и не дедукция в формальном смысле слова. «Вся вакханалия с индукцией, — писал Энгельс, — идёт от англичан — Уэвель, inductive sciences, охватывающие чисто математические науки, и таким образом была выдумана противоположность индукции и дедукции. Старая и новая логика не знает об этом ничего» [6, т. 20, с. 542]

Имеется в виду, — против чего возражает Энгельс, — что всякое умозаключение *или* индукция, *или* дедукция. Но существует, как замечает там же Энгельс, масса умозаключений, которые не то и не другое. Энгельс приводит в качестве примера вновь открытую эволюционную теорию. «...Вся классификация организмов благодаря успехам теории развития отнята у индукции и сведена к дедукции“, к учению о происхождении — какой-нибудь вид буквально *дедуцируется* из другого путём установления его происхождения, — а доказать теорию развития при помощи одной только индукции невозможно, так как она целиком антииндуктивна“» [6, т. 20, с. 542].

Энгельс берет здесь «дедукцию» в кавычки, потому что это не та дедукция, примером которой является умозаключение: все люди смертны, Сократ — человек, следовательно, Сократ смертен. В теории развития один вид «дедуцируется» из другого тем, что отслеживается его *реальное происхождение.* Это иногда называют *содержательной дедукцией,* в противоположность *формальной дедукции*, примером которой является приведённый выше силлогизм. И точно так же, как в эволюционной теории Дарвина отслеживается происхождение одного вида из другого, Маркс отслеживает происхождение капитала из товара. Он называет товар «куколкой», из которой появляется «бабочка»-капитал. Маркс называет этот метод *восхождением от абстрактного к конкретному.* Но вопреки всем домыслам «восхождение» вовсе не специфично для Маркса и его «Капитала». Это нормальный, с точки зрения сути дела, метод. И ему следует всякий, кто стремится к истине, к выражению *сути дела.*

Но позитивизм сознательно отказался от категории*, сущно-*

сти, т. е. сути дела. Он признает только *явление*, то, что дано в опыте. Но что является? Если сущности нет, то и являться нечему. А потому и категория явления в данном случае бессмысленна. Остаётся голый факт. Но и с самим фактом в позитивизме возникают проблемы: а что есть факт, и как отличить факт от не-факта. А потому о «протокольных предложениях» Карнапа, которыми в 60-е гг. прошлого века пичкали нас, студентов философского факультета МГУ, помним только мы, пока ещё не вымерли. И в результате «философия науки» оказалась в двух тупиках — тупике эмпиризма и тупике формализма: все «запротоколировать» и все формализовать не получилось.

Энгельс «убил» индукцию за полвека раньше, чем это сделал Карл Поппер, который, как известно, отказался от «догмы эмпиризма» и от индукции. В противоположность эмпиризму, он придумал свой «критический рационализм». Но Поппер тем самым «убил» и позитивизм, и «философию науки» в том виде, в каком она существовала предыдущую сотню лет. Поппер не случайно явился также основоположником и ныне модной «эволюционной эпистемологии». Он попытался эволюционно объяснить происхождение человеческого познания. Мол, это в принципе такой же способ приспособления к окружающей среде, как шуба северного медведя, приспособленная к суровому климату заполярья. И вышло у Поппера, что «от амёбы до Эйнштейна один шаг».

Но в том-то и дело, что от амёбы не только до Эйнштейна, но и до северного медведя не один шаг. Тут в развитии была целая серия *революционных* переворотов. Революция — появление нервной системы. Революция — появление пищеварительной системы. Революция — появление полового размножения. А появление человека — не просто революция в истории жизни на Земле, но это уже революция космического масштаба. Впрочем, применительно к этим масштабам эволюционизм модифицировался в «глобальный эволюционизм».

Все указанные «революции», буквально — *перевороты,* эволюционизм не принимает. И здесь коренное отличие эволюционной теории развития от диалектической, что отмечал в своё время будущий председатель Совета народных комиссаров Ульянов-Ленин. «Две основные… концепции развития… суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, *и* развитие как единство противоположностей… При первой концепции движения остаётся в

тени *с а м о* движение, его *д в и г а т е л ь н а я* сила, его источник, его мотив... При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание *источника «с а м о»* движения. Первая концепция мертва, бледна, суха. Вторая — жизненна. *Т о л ь к о* вторая даёт ключ к «самодвижению» всего сущего; только она даёт ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», «к уничтожению старого и возникновению нового»» [7, т. 29, с. 317].

Как бы банально это ни звучало, но все это остаётся верным и сейчас. Даже жизненная неудача Торстена Веблена, основоположника так называемого *институционализма,* была связана с его эволюционизмом. Веблен считал, что «институты» меняются эволюционно, хотя их меняют именно *люди*. И в этом уже отличие не просто диалектической концепции развития от эволюционной, но и своеобразие *исторической* концепции общественного развития. Ещё итальянец Джамбатиста Вико заявил, что в природе все делается само собой, а историю делают люди.

Веблен страстно бичевал современное ему потребительское американское общество, паразитический класс финансистов и юристов. Но к чему все человеческие страсти, если в истории действуют законы эволюции, и весна не придёт раньше зимы, как бы страстно вы этого ни хотели. В этом коренной порок и эволюционизма, и институционализма. Если обобщить, то получается, что вся методология «философии науки» и, соответственно, «философии экономики» страдает двумя, мягко говоря, недостатками. Это *метафизика* в смысле антидиалектики и её *принципиальный антиисторизм.*

Выражение «принципиальный антиисторизм» употребляет основоположник марксистской психологии Лев Семёнович Выготский. Рассматривая современные ему психологические учения, он констатирует: «Эти учения обнаруживают одну общую точку, присущую почти всем теориям мышления и речи: глубочайший и принципиальный антиисторизм. Все они колеблются между полюсами чистого натурализма и чистого спиритуализма. Все они одинаково рассматривают мышление и речь вне истории мышления и речи» [8, т. 2, с. 360].

Выготский считается психологом. Но по части методологии у него можно почерпнуть больше, чем во многих книгах по методологии экономической науки. Историзм же диалектического метода означает не только то, что всякая общественная форма исторически

преходяща, но и то, что всякая историческая форма становится *через деятельность преследующих свои цели людей* и так же через деятельность людей уходит с исторической арены.

К так понятой идее историзма близко подходит «буржуазный Маркс», как называли Макса Вебера. «Вебер полагает, — пишет о нем Хаусман, — что, как бы сильно теоретики ни были заинтересованы в закономерностях, люди хотят понимать конкретные события, отдельно взятые и во всех подробностях, вместо того чтобы, как в естественных науках, воспринимать отдельные явления как случай общей закономерности. Я считаю, что это отличие лишь смещает акцент объяснения и не требует поиска отдельного вида объяснений» [1, с. 31]. «Отдельным видом объяснения» у Маркса является *историческое* объяснение происхождения капитала в главе о «первоначальном накоплении». Здесь никак не обойтись без понимания «конкретных событий», потому что именно через эти конкретные события происходил, и мог происходить, процесс первоначального накопления капитала. Но в данном случае описание этого процесса выступает как способ разрешения того противоречия, которое Маркс формулирует следующим образом: «Мы видели, как деньги превращаются в капитал, как капитал производит прибавочную стоимость и как за счёт прибавочной стоимости увеличивается капитал. Между тем накопление капитала предполагает прибавочную стоимость, прибавочная стоимость — капиталистическое производство, а это последнее — наличие значительных масс капитала и рабочей силы в руках товаропроизводителей. Таким образом, все это движение вращается, по-видимому, в порочном кругу, из которого мы не можем выбраться иначе, как предположив, что капиталистическому накоплению предшествовало накопление первоначальное“ (”previous accumulation” по А. Смиту), — накопление, являющееся не результатом капиталистического способа производства, а его исходным пунктом» [9, т. 1, с. 725].

Тут хочется отметить проницательность Смита, который раньше Маркса различил капиталистическое накопление и *первоначальное* накопление. Это к тому, что не стоит считать себя «умнее» Смита, как это делает Хаусман: «Адам Смит описывает капиталистическую систему более расплывчато, чем я, а современные теоретики, наоборот, формулируют её определение гораздо точней и подробней. Но основные черты остаются неизменными» [1, с. 36-37].

Возможно, здесь переводчики что-то намудрили, поскольку

”

непонятно, почему «наоборот». Но весьма сомнительно, что «современные теоретики» сумели адекватно конкретизировать Смита, потому что как раз Маркс осознал истинное значение идеи «первоначального накопления». «Современные теоретики» даже марксистского толка Марксову главу о первоначальном накоплении считают в лучшем случае архитектурным излишеством. А это не только не так, но и совсем не так. «Экономисты, — писал Маркс, — объясняют нам, как совершается производство при указанных отношениях; но у них остаётся невыясненным, каким образом производятся сами эти отношения, т. е. то историческое движение, которое их порождает» [6, т. 13, с. 129]. И здесь перед нами важнейший пункт методологии Маркса, который Э. В. Ильенков назвал *конкретным историзмом* [10, с. 289].

Почему-то никто не заметил, что Маркс в главе о первоначальном накоплении решает *логическую* проблему *историческим* способом. «Круг», о котором пишет Маркс, есть *логический круг*, который в логике так и называют «кругом», иногда «порочным кругом». Но в диалектике то же самое называется «органической системой». Это когда следствие является своей собственной причиной: капитал все время воспроизводит предпосылки своего собственного существования. Но проблема все равно остаётся. Это проблема, как *войти* в этот «круг». А войти в него можно только *исторически.* В этом и состоит *единство (тождество)* логического и исторического. Это тождество логики и уникального исторического факта.

Обычно единство логического и исторического сводят к абстрактному тождеству, когда логика просто повторяет историю. Но это только предпосылка конкретного единства логики и истории, конкретного историзма. Вместе с тем, это и есть пример того диалектического, а не формально логического, разрешения противоречия: надо найти реальную форму *осуществления,* а потому и *разрешения* противоречия. Противоречие тем самым не устраняется, не исчезает, а конкретизируется его формальное выражение, оно устраняется как формальное противоречие.

Вскрыть противоречие — это значит вскрыть *сущность* данного явления. Позитивизм не признает никаких противоречий и никаких сущностей. Но сущностью является прежде всего *причина* и *основание.* Для повседневной капиталистической практики это знать не обязательно. Здесь надо просто знать, на какую «кнопку» нажать. Даже ребёнок прекрасно пользуется всякими «гаджетами»:

он знает, на какую кнопку жать для желаемого эффекта. Что происходит внутри даже учёные люди не знают, если они не специалисты в электронике и компьютерной технике. Но вот ситуация: нажимаешь «кнопку», а нужного эффекта нет, сокращаешь «персонал» — как «доктор» прописал — а прибыль не повышается. И тут уже требуется *понимание* внутренних процессов в экономике. Когда «гаджет» сломался, нужно знать что внутри. И когда экономика «сломалась», нужно, как выражается Хаусман, «заглянуть под капот». А «поломка» экономики — это экономический *кризис*. И вот тут позитивистская методология, вернее отсутствие таковой, не «работает».

Хаусман ссылается на известное эссе Милтона Фридмана «Методология позитивной экономической науки», которое «было написано с целью доказать, что экономическая теория прекрасно удовлетворяет стандартам позитивистов» [1, с. 49]. И далее у него интересное и парадоксальное положение: «В течение нескольких десятилетий после своей публикации эссе Фридмана оставалось главной работой по методологии экономической науки. Хотя почти все написанные в ответ на него многочисленные отзывы были критическими… в этой области эссе Фридмана оставалось самой влиятельной работой XX века» [1, с. 49–50].

Позитивизм в науке неискореним не потому, что он силен теоретически, а потому, что он *практически* силен. Позитивной наукой Огюст Конт назвал науку, которая может дать позитивный практический эффект. Сказал Фридман: надо «накачивать» экономику деньгами, и это дало положительный экономический эффект. Опровергнуть *теоретически* это невозможно. И как тут не вспомнить Маркса: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолированного от практики, есть чисто *схоластический* вопрос» [6, т. 42, с. 261].

Никакой теории у Фридмана, собственно, и нет. «Позитивная наука, — пишет он, — имеет своей конечной целью выдвижение теории“ или гипотезы“, которая даёт правильные и значимые (то есть не являющиеся трюизмами) предсказания относительно ещё не наблюдавшихся явлений. Такая теория представляет собой в общих чертах сложное сочетание двух элементов. В одной своей ча-

сти это язык“, с помощью которого разрабатываются систематические и организованные способы аргументации“ В другой же части это набор содержательных гипотез, вычленяющих существенные черты сложной реальности» [1, с. 181].

Во-первых, Фридман здесь по существу отождествляет «гипотезу» и «теорию». Но это разные вещи: гипотеза — только предположение, теория — её обоснование при помощи построения *системы* понятий, которая показывает *всеобщность* и *необходимость* именно такого отношения вещей. Мы можем выдвинуть гипотезу, что «накачка» экономики деньгами должна дать положительный эффект. И это подтверждается и, может быть, даже не раз. Но это не доказывает того, что так будет *всякий раз.* Тут опять надо вспомнить байку Рассела про «белых лебедей». Необходимость и всеобщность объективной связи доказывается путём построения системы необходимых отношений понятий. А такая система не может быть построена эмпирическим и индуктивным путём. Здесь нужна *дедукция.* Но не формальная, а *содержательная.*

Во-вторых, Фридман пишет о «наборе содержательных гипотез, вычленяющих существенные черты сложной реальности». Но тут опять же нужно знать, что́ «существенно», а что́ «несущественно». И что означает «содержательная гипотеза».

«Философия науки» так и не смогла показать разницу между эмпирическим обобщением и собственно научной *теорией.* И, соответственно, она не смогла показать *переход* от первого ко второму. Поппер предложил начинать сразу с гипотезы, которая непосредственно ни из какого эмпирического опыта не следует. А затем попытаться подтвердить её рядом фактических положений. Но это та же индукция, только наоборот. И тогда Поппер предложил свою «фальсификацию», т. е. опровержение путём приведения контрдоводов. Поппер предложил свою «демаркацию»: научными надо считать те положения, которые в принципе опровержимы. Но тогда получается парадоксальная вещь: если какое-то положение в принципе опровержимо, то оно когда-нибудь и будет опровергнуто, т. е. станет *ложным*. Но это значит, что оно с самого начала было ложным?!

Вопрос о происхождении самих гипотез остался у Поппера по сути нерешённым. Ссылки на «интуицию» тоже вопроса не решают. Но понятно должно быть, по крайней мере, то, что определённые «интуиции» посещают мышление людей в определённых

исторических обстоятельствах. Говорят, что «интуиция» закона всемирного тяготения явилась в голове Ньютона в результате падения ему на голову яблока в саду. Но независимо от того, миф ли это, надо заметить, что если бы на голову питекантропа упал даже камень с неба, этого закона он бы не открыл. Чтобы нечто открыть, «голова» должна быть некоторым образом подготовлена. А если говорить более определённо, то открытие закона всемирного тяготения было *подготовлено всей предшествующей историей науки и практики*. Аристотель не сделал этого открытия, не потому, что был «глупее» Ньютона, а потому что, скажем, ещё не было огнестрельного оружия и той техники, которая требовала точной механики.

Опять же решающими оказываются *история* и *практика.* И к тому, что Маркс клал в основу методологии науки *сознательно*, «философы науки» подошли боком, задом и непонятно как, просто потому, что их к этому вынуждали обстоятельства. Д. Уэйд Хэндс в статье «Поппер и Лакатос в экономической методологии» пишет: «Вообще вопрос отношений между историей науки и философией науки не разрешён и продолжает вызывать споры, но в последнее время экономисты с большим интересом стали относиться к тем методологическим предложениям, которые учитывают реальную историю их науки» [1, с. 238].

То, что экономисты с бóльшим интересом стали относиться к истории их науки, не может не радовать. Но сказать, что вопрос о соотношении истории науки с собственно самой наукой не разрешён совершенно и до сих пор, это все-таки серьёзное прегрешение перед истиной. Если автор имеет в виду неудачную попытку Лакатоса ввести в методологию науки историю, то это случилось с Лакатосом только потому, что он недостаточно последовательно попытался провести идею историзма. И, возможно, что это случилось с Лакатосом потому, что он побоялся обвинений в «марксизме». А ведь Маркс-то решил эту проблему в своём «Капитале». И можно ли это игнорировать?

«И Тулмин, и Кун, и Лакатос, да и Поппер, — пишет В. Н. Порус, — шли к истории науки» [11]. Шли, шли, но не дошли. Иными словами, «философия науки» шла к истории науки. И это весьма характерное признание, в особенности это «да и Поппер», потому что Поппер, если вспомнить его «Нищету историцизма», можно сказать, был «рыцарем антиисторизма»: история для него сплошное недоразумение. Дело в том, что существует связь, о чем мало кто задумывался, между известными работами Поппера «От-

крытое общество и его враги» и «Нищета историцизма», с одной стороны, и его работой «Логика и рост научного знания» и другими работами этого цикла — с другой. Ведь «историцизмом» Поппер называет историзм Маркса и Гегеля. А в работе «Логика и рост научного знания» он не может объяснить *происхождение* новой теории, потому что такое объяснение может быть только *историческим*. И к истории науки невозможно было двигаться не преодолевая антиисторизма Поппера. Но ни Тулмин, ни Кун, ни Лакатос его не преодолевали. Поэтому им и не удалось соединить логику и историю. Как выразился сам Лакатос, «реальная история науки часто представляет собой карикатуру её рациональной реконструкции, рациональные реконструкции часто являются карикатурами реальной истории, а некоторые изложения истории науки являются карикатурами и на её реальную историю, и на её рациональные реконструкции» [12].

Если Поппер превратил историю в карикатуру, хотя это карикатура скорее на себя, чем на историю, то после этого можно было говорить о рациональной истории науки только после того, как истории вообще будет возвращено её доброе имя. Но дело в том, что вместе с историей мы вступаем в область *идеологии*, а здесь всякая рациональность вообще кончается. Всяческие рациональные доводы тут оказываются бессильными. И об этом свидетельствует тот факт, что единственная работа, специально написанная у нас против Поппера, «Анти-Поппер» А. В. Бузгалина [13], в принципе во всем верная, не произвела особого впечатления на публику: в стране победившего либерализма любое выступление против него будет голосом, как выразился один философский шутник, выпивающего в пустыне. Но это не значит, что не нужно разбираться с Поппером.

Реальная история науки показывает неразрывную связь преемственности и новации, о чем писал в своё время Э. В. Ильенков. «Весь... процесс движения познания в целом реально протекает как процесс развития от абстрактного выражения объективной истины к все более конкретному её выражению. Процесс в целом выглядит как процесс постоянной конкретизации“ знания, процесс, в котором плавные, эволюционные периоды сменяются время от времени периодами революционных переворотов, подобных открытиям Коперника, Маркса, Эйнштейна. Но эти революционные перевороты, периоды решительной ломки старых понятий, где, как кажется на первый взгляд, прерывается всякая нить преемственности и разви-

тия, сами суть естественные и необходимые формы, в которых осуществляется как раз преемственность процесса движения к все более и более конкретной истине» [10, с. 233].

Это Ильенков писал тогда, когда о Т. Куне с его «научными революциями» мы ещё вообще и не слышали. И по сути Ильенков опровергал Куна, Лакатоса и др., не зная их ни в лицо, ни даже по имени. Он с самого начала понимал, что движение ко все более конкретной истине есть *историческое* движение. «Наука, — пишет Ильенков, — должна начинать с того, с чего начинает реальная история. Логическое развитие теоретических определений должно непосредственно выражать конкретно-исторический процесс становления и развития предмета. Логическая дедукция“ и есть не что иное, как общественно-теоретическое выражение процесса реального исторического становления исследуемой конкретности. Это — фундаментальный принцип диалектики как логики» [10, с. 277].

Мы сказали, что наука так или иначе отражает практику своего времени. Мы говорим, что экономическая наука Адама Смита — это экономическая теория капитала *мануфактурного* периода. Мануфактурное разделение труда позволило Смиту впервые оценить экономическое значение разделения труда. Экономическое учение Давида Рикардо — это экономическая теория капитала *машинного* периода. Излагая это учение студентам приходится объяснять, что такое машинное производство и Первая промышленная революция. Мы говорим (Маркс говорит), что родоначальник английской политической экономии — это Уильям Петти, потому что он впервые заложил основы трудовой теории стоимости. И это тоже было отражением современной ему практики. «Если кто-нибудь, — пишет Петти, — может добыть из перуанской почвы и доставить в Лондон одну унцию серебра в то же самое время, в течение которого он в состоянии произвести один бушель хлеба, то первая представляет собою естественную цену другого» [15].

Речь идёт о «перуанских рудниках», о серебре, которое действительно попадало на лондонский рынок и действительно обменивалось на хлеб. Определение стоимости Уильямом Петти есть просто некоторое описание существовавшей в то время практики, когда действительно необходимо было сопоставлять соответствующие трудовые затраты. И люди не перестанут считать издержки, прежде всего трудовые, до тех пор, пока такая практика не прекратится. Потому, когда говорят, что теория предельной полезности «опровергла» трудовую теорию стоимости, то это примерно такое

же утверждение, как то, что теория атомного ядра опровергла практику езды на автомобиле с бензиновым двигателем.

Вот что такое история науки. Это та же наука, только развёрнутая в историческом времени. И это, разумеется, верно и в отношении экономической науки. «Философы науки» побоялись исторического релятивизма. Они желали *абсолютного* метода и, в наказание, получили такой вопиющий методологический релятивизм, от которого они теперь отмахиваются как от наваждения.

Во всем перечне имён, перечисляемых в «Философии экономики», отсутствует имя Пола Фейерабенда, который «убил» не только позитивизм, но и всю «философию науки», заявив, что никакого универсального метода науки не существует и не может быть, что каждый учёный сам создаёт себе собственный метод, которым ему, по условиям его собственной науки и конкретной проблемы, удобно пользоваться. Здесь также проявилось то, что метод должен быть *имманентен* своему предмету. Но тогда мы заранее должны знать свой предмет, т. е. до применения всякого метода. И тогда перед нами ситуация кантовской «Критики чистого разума», когда Кант, согласно ироническому замечанию Гегеля, хотел научить мыслить до всякого реального мышления, подобно тому, как учить человека плавать, не залезая в воду.

«Философы науки» хотели построить некий универсальный метод для *всякой* науки. Но история показала, что это утопия. Фейерабенд рассматривает историю «философии науки» как «*деградацию* в процессе её перехода от Маха к Венскому кружку, а затем к Попперу и его последователям» [16]. Из этого он делает вывод о том, что метод науки — дело *произвола* каждого отдельного учёного: как именно тот добьётся своего позитивного результата, только его дело. Сюда же Фейерабендом добавляются соображения идеологического характера, идущие ещё от Ницше, о том, что наука «репрессивна» и нивелирует человеческую личность. В постмодернизме по этому поводу, надо сказать, появились ещё более хлёсткие ярлыки, на которых написаны такие слова, как «логоцентризм» и даже «фаллоцентризм». Иначе говоря, Фейерабенд ударился в другую крайность, переходя от метафизического абсолютизма позитивистов в методологический *релятивизм*.

Преодоление указанных крайностей, а вернее снятие этой противоположности, мы находим, как уже было сказано, у Выготского, который, в свою очередь, за методологический абсолютизм критиковал «диамат». Советские «диаматчики» понимали методоло-

гическую роль диалектики так, что категории диалектики могут прилагаться к *любому* материалу. Выготский возражал «диаматчикам»: «*Непосредственное* приложение теории *диалектического материализма* к вопросам естествознания, и в частности к группе наук биологических или к психологии, *невозможно*, как *невозможно непосредственно* приложить её к истории и социологии» [8, т. 1, с. 419]. Чтобы «приложить» диалектический метод к определённому материалу, должна быть учтена, прежде всего, специфика этого материала, т. е. специфическая область той или иной науки. «Диалектический метод вовсе не един, — отмечал Выготский, — в биологии, истории, психологии. Нужна методология, т. е. система посредствующих, конкретных, применимых к масштабу данной науки понятий» [8, т. 1, с. 419].

Основную причину психологического кризиса Выготский видит как раз в том, что психология не смогла выработать *своего собственного* метода, что она пыталась заимствовать его у биологии, физиологии высшей нервной деятельности и т. д. Но эта собственная методология, согласно Выготскому, должна быть тождественна *общей психологии*. «Кто пытается, — пишет Выготский, — перескочить через эту проблему, перепрыгнуть через методологию, чтобы сразу строить ту или иную частную психологическую науку, тот неизбежно, желая сесть на коня, перепрыгивает через него... Нельзя сейчас, исходя из принципов универсальных, равно приложимых к физике и к психологии, не конкретизировав их в методологии, прямо подойти к частному психологическому исследованию: вот почему этих психологов упрекают в том, что они знают одно сказуемое, равно применимое ко всему миру» [8, т. 1, с. 418].

Всё это один к одному верно и по отношению к экономической науке. И Выготский тут не случайно обращается к «Капиталу» Маркса. «Капитал» и есть та *общая экономическая теория*, которая выработана на основе диалектического и исторического метода, и которая, в свою очередь, является *методом* для частных экономических дисциплин и для решения также *социальных* проблем. «Для создания таких опосредующих теорий — методологий, общих наук — пишет Выготский, — надо вскрыть *сущность* данной области явлений, законов их изменения, качественную и количественную характеристику, их причинность, создать свойственные им категории и понятия, одним словом, создать *свой* "Капитал"» [8, т. 1, с. 20].

Как отмечает Выготский, такая общая теория-методология в психологии «ещё и сегодня не создана» [8, т. 1, с. 375]. Понятно, что

это было сказано восемьдесят лет назад, и за это время стараниями самого Выготского и его последователей кое-что все-таки в этом направлении сделано. Но и тогда, и теперь «Капитал», как общая теория-методология, существовал и существует. И в этом огромное преимущество экономической науки, политической экономии по сравнению с другими дисциплинами и по сравнению с «экономикс», где такой теории-методологии нет. И это следует непременно использовать. Но, как я убедился, «Капитал» даже в экономических вузах студенты не изучают.

Литература

1. Философия экономики. Антология под редакцией Дэниела Хаусмана. Издательство Института Гайдара. Москва, 2012.
2. Уэвелль У. История индуктивных наук от древнейшего и до настоящего времени. В 3 т. Т. 1 СПб.: Русская книжная торговля, 1867. С. X.
3. Милль Дж. Ст. Огюст Конт и позитивизм. М.: URSS, 2011. С. 46.
4. The routledge encyclopedia of philosophy edited by Edward Craig. London and NewYork, 2005, p. 942.
5. Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Ч. III / К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 26. М.: Издательство политической литературы, 1964. С. 63.
6. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. М.: Издательство политической литературы, 1964.
7. Ленин В. И. Философские тетради / Собр. соч. 5-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1969. Т. 29. С. 317.
8. Выготский Л. С. Мышление и речь. Собр. соч. в 6-ти т. Т. 2, М.: Педагогика, 1982.
9. Маркс К. Капитал. Т. 1, М., 1963. С. 725.
10. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., РОССПЭН, 1997. С. 289.
11. Порус В. Н. Рациональность. Наука. Культура. М.: Университет Российской академии образования, 2002. С. 184.
12. Лакатос И. История науки и её рациональные реконструкции. Структура и развитие науки. Сборник переводов / под ред. Б. Ф. Грязнова, В. Н. Садовского. М.: Прогресс, М., 1978. С. 265.
13. Бузгалин А. В. Анти-Поппер: социальное освобождение и его друзья. М.: URSS, 2003.
14. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом познании. М.: РОССПЭН, 1997. С. 233.
15. Петти В. Экономические и статистические работы. М.: Соцэкгиз, 1940, С. 40.
16. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. М.: АСТ, 2010, С. 14.

«Капитал» К. Маркса и современный капитализм: возможности и преимущества политэкономии постмарксистского синтеза[1]

Рязанов Виктор Тимофеевич (1949-2020),
д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета

Ключевые слова: Маркс, «Капитал», политическая экономия, современный капитализм, научный синтез, политэкономия постмарксистского синтеза, кейнсианство (посткейнсианство), институционализм, мир-системный анализ.

История создания «Капитала» и его современное значение

В сентябре 1867 г. в Гамбурге вышел из печати первый том «Капитала» К. Маркса. С его выходом завершился исторически важный этап не только в научных изысканиях автора, но и в придании завершённой формы в становлении классической школы политической экономии. К. Маркс продолжил и активизировал систематическое исследование природы и закономерностей развития капиталистического способа производства с момента вынужденного переезда из Европы в Лондон в 1849 г. Для этого он не только выполнил огромную по объёму работу по изучению накопившейся к этому периоду научной литературы, но и одновременно немало времени посвятил анализу фактического материала и документов, раскрывающих особенности развития капиталистической системы хозяйства на примере Англии. Такая масштабная подготовительная работа позволила в 1857 г. приступить к написанию обобщающего фундаментального экономического произведения, которое, по замыслу автора, призвано было объяснить экономическую природу и диалектику развития капиталистического способа производства, так же как и раскрыть его исторические границы.

Согласно первоначальному плану предполагалось, что исследование будет состоять из шести книг, в которых последователь-

[1] *Цитирование:* Рязанов В.Т. (2017). «Капитал» К. Маркса и современный капитализм: возможности и преимущества политэкономии постмарксистского синтеза // Вопросы политической экономии. № 4(12). С. 10-29.

но анализировался капиталистический способ производства через раскрытие сущности капитала, земельной собственности, наёмного труда, государства, международной торговли и мирового рынка. Реализуя этот план, К. Маркс в 1857-1859 гг. подготовил рукопись объёмом почти в 50 печатных листов под названием «Очерки критики политической экономии (черновик)», которые впоследствии стали обозначаться в качестве первоначального варианта «Капитала». В этой рукописи уже содержались основные элементы его теории прибавочной стоимости. На её основе в 1859 г. была издана работа «К критике политической экономии», в которой объектом изучения стали товар и деньги. Далее должен был быть опубликован её второй выпуск, посвящённый анализу сущности капитала.

Однако Маркс отказался от его публикации, изменив первоначальный план издания всего сочинения. В новой версии он предполагал подготовку четырёх книг, три из которых носили теоретический характер, а четвертая часть предназначалась для обзора истории экономических учений. Именно этот план в дальнейшем и стал основой для работы над «Капиталом». Важно отметить, что в 1861-1863 гг. был написан новый текст, который в первой версии представлял собой все четыре книги будущего произведения. Собственно, это и был черновой вариант всех томов «Капитала».

Этот текст под названием «Экономическая рукопись 1861-1863 гг.» в полном объёме публиковался на русском языке с 1973 по 1980 г. Его значение не только в подготовленном черновом варианте всего исследования. Не менее существенным является тот факт, что в нем нашло наиболее полное авторское видение задуманного политэкономического проекта в его целостности. На это тем более стоит обратить внимание, поскольку замысел Маркса заключался в том, чтобы завершить работу над всеми тремя томами и издать их одновременно. При этом по плану первые два тома включали три теоретические книги, а третий том посвящался истории экономических теорий. Об этом он не раз писал Ф. Энгельсу, объясняя, в частности, причины задержки в подготовке рукописи [12, с. 111-112]. Интересно и то, что в процессе работы над ней Маркс отказался от первоначального варианта на- звания, который был таким: «К критике политической экономии. Т.П.». В результате появилась окончательная версия готовящегося к изданию произведения как уже самостоятельного с названием «Капитал. Критика политической экономии» [13, с. 527].

Необходимость последующей доработки всей черновой рукописи, учитывая её огромный объём и занятость Маркса, привела к тому, что было принято решение, по совету Ф. Энгельса, подготовить окончательный текст первого тома и в первую очередь его издать. Доработка для печати первой книги «Капитала» велась Марксом в течение всего 1866 года и была закончена в конце марта 1867 года. Она носила характер тщательного и содержательного редактирования её предшествующего варианта и в таком виде была опубликована в качестве первого тома «Капитала». В письме к Ф. Энгельсу самым лучшим в этом томе Маркс посчитал раскрытие двойственного характера труда и исследование прибавочной стоимости независимо от её особых форм (прибыли, процента, земельной ренты и т. п.) [14, с. 277].

Осуществить весь задуманный проект издания «Капитала» К. Марксу в силу разных причин не удалось. Второй и третий тома «Капитала» готовил к печати Ф. Энгельс, используя отработанные фрагменты и черновики, которые были опубликованы в 1885 и 1894 годах соответственно. Что касается четвёртого тома, то он первый раз под редакцией К. Каутского был опубликован в 1905-1910 гг., а затем в 1954-1961 гг. был издан на русском языке под названием «Теории прибавочной стоимости».

Представленная краткая история написания К. Марксом «Капитала» позволяет сделать важное заключение о том, что готовившийся фундаментальный труд необходимо рассматривать во всей целостности его замысла даже с учётом авторской незавершённости всего плана. То, что первый его том, как подчёркивал Ф. Энгельс, в значительной мере является «законченным целым» и «самостоятельным произведением», этим не отменяется важность последующих частей этого произведения для полноты раскрытия всего задуманного содержания масштабного и всестороннего исследования. Ведь его «конечной целью», по определению Маркса, «является открытие экономического закона движения современного общества» [15, с. 10], что предполагает не только выявление природы капиталистического общества, но и изучение особенностей его функционирования и обоснование исторических перспектив.

Хотя следует отметить, что в марксоведении существует мнение, согласно которому теория Маркса не тождественна теория марксизма. Последняя трактуется в качестве различных интерпретаций его идей, которые получили своё первоначальное отражение

в деятельности Ф. Энгельса [22]. Причём такого рода интерпретации нередко рассматриваются как противоречащие позиции самого Маркса, особенно это относится к его философским взглядам. Вообще, следует специально подчеркнуть философское осмысление экономической жизни капиталистического общества на основе использования философии Гегеля, которое сделало «Капитал» не просто фундаментальным экономическим произведением, но и крупным философским исследованием. В связи с этим вполне уместной представляется характеристика, предложенная Ф. Лассалем, утверждавшим, что Маркс был «Гегелем, который стал экономистом, Рикардо, который стал социалистом».

В экономической науке также присутствуют дискуссии относительно экономического наследия Маркса, начиная от объяснения причин, почему Маркс фактически прекратил работу над завершением своего произведения, и заканчивая вопросом о том, насколько его третий том противоречит первому тому «Капитала». Ещё в большей степени споры касаются трактовок отдельных положений и утверждений, присутствующих в разных томах «Капитала».

Вместе с тем самым существенным и принципиальным является вопрос о том, насколько главное экономическое произведение Маркса в целом применимо для содержательной и точной характеристики современного капитализма. Стоит подчеркнуть, что его выдающуюся роль для экономической науки трудно опровергнуть, обращаясь к объективным фактам. Даже многие представители неоклассической школы признают научный вклад основателя марксизма с точки зрения истории экономической науки, но отвергают его значение в исследовании современной экономики.[2]

При всем пристрастном неприятии неоклассической ортодоксией научного наследия Маркса для современного этапа тем не менее оно не стало препятствием в продолжение освоения и разработки экономической теории. Об этом свидетельствует, к примеру, появление различных версий постмарксизма. Значит, Маркс не только присутствует в истории экономической мысли, но и сегодня

[2] Как пишет О. Ананьин: ««Мейнстрим» признает Маркса только в качестве персонажа учебников истории экономической мысли, где за ним закрепилась отдельная глава и почётное место в тройке, пятёрке или десятке крупнейших экономистов прошлого - по вкусу авторов учебников. Предполагается, что для современного экономиста знание Маркса — это вопрос эрудиции, но не профессии» [2, с. 75].

содержит в себе методологический и аналитический потенциал, полезный для исследовательской практики. Не говоря уже о его признанной роли как социального критика капиталистического способа производства.

В связи с этим нельзя не согласиться с С. Кувелакисом, который указывает на то, что возникающие в определённые периоды представления о «кризисе марксизма» — это не то же самое, что «смерть марксизма», так же как «кризис в физике» не закрывает саму эту науку. Следует считаться с тем обстоятельством, что пока существует капитализм, марксистский анализ с его критической нацеленностью сохраняет своё значение. И после каждой «смерти» неизменно следует «возвращение» марксизма [36, p. 24]. Особенно это относится к той части, которая касается исследования природы и причин циклического развития и экономических кризисов при капитализме с акцентированным вниманием к социальной проблематике. Не случайно, что именно в такие периоды резко возрастает интерес к самому К. Марксу и его научному наследию.

Безусловно, пытаться непосредственно перенести теоретический анализ, выполненный Марксом в «Капитале», с соответствующими выводами на современный капитализм было бы наивно. С выхода первого тома этого произведения прошло уже 150 лет, которые характеризовались крупными изменениями в системе капиталистического хозяйства. Капитализм XXI в. нельзя приравнять к капитализму середины XIX в., хотя по своей базовой природе он остался таким же. Новизна в капиталистической системе хозяйства, а она связана в первую очередь с её монополистической трансформацией и особенностями мирохозяйственного устройства, закономерно требует существенной корректировки Марксовой концепции капитализма, а в каких-то случаях - отказа от устаревших положений. Во всяком случае, понятно, что главным объектом современного политэкономического анализа становится монополистический капитализм в его историческом развитии и с особенностями в разных странах, который в последние десятилетия совершил переход от государственно-монополистического капитализма (ГМК-1) к глобальномонополистическому капитализму (ГМК-2) [23, с. 13-26, 273-282].

Другое обстоятельство не менее существенно. Речь идёт о том, что прошедший период отличался масштабным развитием экономической науки в самых разных направлениях, добившись нема-

лых результатов и достижений. Поэтому современная версия марксизма не может не реагировать на все те изменения, которые произошли и происходят в различных звеньях мировой экономической мысли, прежде всего связанные с появлением неортодоксальных научных школ и течений, позиционирующих себя в качестве альтернативы современной неоклассике.

Закономерно возникает вопрос: продолжать отстаивать положение о самодостаточности научного наследия Маркса или попытаться найти пути его сближения и интеграции с современными течениями критической научной мысли? Если относиться к нему как к Священному писанию, настаивая на незыблемости его теоретических постулатов, то тогда его только можно комментировать и проповедовать. Вряд ли такой подход перспективен. Более плодотворным представляется другой подход. Он исходит из того, что для непосредственного развития самой марксистской теории важна возможность установления и поддержания диалога, также как и практического взаимодействия с новыми научными течениями неортодоксального толка. Если придерживаться такой позиции, то не может не привлекать внимания выдвигаемая идея создания системного теоретического знания (единой науки), которое интегрировало всю совокупность накопленных неортодоксальных теоретических разработок во взаимоувязанное целое. Такая теоретическая перспектива, как утверждает представитель неортодоксальной политической экономии Ф. О'Хара, нацелена на то, чтобы «выявить тенденции к сближению между направлениями и показать, насколько это сближение важно для разработки альтернативного набора принципов, которыми должны руководствоваться исследователи и политики» [21, с. 38].

В силу многих причин такую цель реализовать непросто. Не исключая её в перспективе и решая ближайшие задачи, вполне оправданным следует считать выдвижение идеи синтеза как возможного сценария в расширении взаимодействия совместимых по своим позициям теорий. Она уже давно обсуждается в среде экономистов, и в её реализации высказываются разные предложения, хотя и не всеми учёными разделяется. В самом общем виде задача такого синтеза заключается в обеспечении соединения всего лучшего, что представлено в классической (марксистской) политэкономии с современными её вариациями и дополнительными звеньями. Его можно трактовать как вариант «постмарксистского синтеза», кото-

рый вполне резонно определить в качестве начального этапа в разработке *«новой марксистской политической экономии»*.

Насколько идея такого синтеза полезна для развития самой марксистской экономической теории, а сам он является органичным?

Возможность политэкономии постмарксистского синтеза и его органичность

Дело в том, что сам по себе такой подход не является неким придуманным проектом, а отражает реально происходящие процессы в сфере научного знания, включая сферу экономики. В подтверждение приведём несколько примеров. Так, по мнению М. Вайцмана, в экономической науке новые теории появляются вследствие соединения нескольких ранее известных идей или как результат новой формулировки последних, что даёт заметное увеличение числа теорий с темпом, который превышает темп экспоненциального роста [8, с. 15]. В свою очередь, М. Алле даже утверждал, что условием прогресса экономической науки выступает «необходимость синтеза и безоговорочное подчинение урокам опыта» [1, с. 49]. При этом синтез ему виделся не только между отдельными частями экономической науки, но и с другими социальными науками (историей, социологией).

Вообще, настоящий синтез научных направлений предполагает, что его результатом становится появление нового направления, которое не представляет собой всего лишь улучшенный вариант одного из двух. Конечно, добиться его по многим причинам чрезвычайно сложно. Чаще всего речь может идти о дополнении и коррекции тех или иных положений базовой научной школы. Поэтому в этом случае больше основания говорить об использовании междисциплинарной интеграции, которая характеризуется более плотным и непосредственным взаимодействием научных школ. Этим она отличается от дискурса как более простой коммуникации между ними с её нацеленностью на диалог совместимых в научном плане позиций в интересах обновления и улучшения теоретического знания. Интеграция характеризуется тем, что она происходит на определённой теоретической платформе и своим конечным результатом имеет её качественное обновление. Именно в таком более простом варианте обратимся к анализу возможности реализации курса на проведение постмарксистского синтеза.

Насколько и как идея синтеза (интеграции) может быть реализована в целях развития и создания новой марксистской экономической теории и её последующего использования в исследовании современного капитализма?

По существу, эта идея предполагает развитие теории марксизма за счёт подключения теоретического и аналитического ресурса других научных школ, что определяет, как важно понять природу и содержательную сторону такого возможного взаимодействии и интеграции. Для иллюстрации данной проблемы полезно сослаться на характеристику неоклассического синтеза. Известно, что одним из его вдохновителей был П. Самуэльсон. Такой синтез выступал как форма компромисса неоклассики и неокейнсианства, который был нацелен на соединение микроэкономики с макроэкономикой и предполагал тождественность достижения максимизации прибыли на микроуровне с максимизацией общественного благосостояния на макроуровне. Его основой стало разграничение неравновесия, которое может возникать в краткосрочном периоде, и восстановление равновесия в долгосрочной перспективе, которое в конечном счёте проявляется в движении к равновесным ценам и равновесным доходам как результате действия конкуренции.

В хозяйственной практике неоклассический синтез в своей общей версии сохранял опору на механизм рыночного саморегулирования, по сути дела абстрагируясь от проблемы монополистического доминирования и подавления свободной конкуренции, хотя и не исключал их влияния, так же, как и учитывал государственную подстройку макроэкономических процессов. При этом идея неоклассического синтеза базировалась на общей и согласованной позиции о том, что обе школы признают возможность совершенства рационального выбора и эффективность рынков в фазе экономического подъёма. При наступлении же рецессии допустимо активное использование государством кредитно-денежных рычагов и других мер при проведении антициклической политики для восстановления рынка и его последующего функционирования в самодостаточном режиме.

Тем самым неоклассический синтез был выстроен так, что в нем неоклассика, главная область которой микроэкономика, была дополнена макроэкономикой, разработанной кейнсианской школой, что и определило содержание указанной модели теоретического синтеза. Она, с одной стороны, предполагала расширение объек-

та изучения, представляя капиталистическое хозяйство в единстве его двух уровней - микроэкономического и макроэкономического, с другой - нацеливалась на согласованное использование теоретического ресурса неоклассической и (нео)кейнсианской научных школ в его изучении.

К вопросу о том, насколько такой синтез оказался органичным, ещё обратимся. Пока же выясним, что собой может представлять теоретическая модель постмарксистского синтеза. Иначе говоря, что и как должно сочетаться. Как представляется, в её реализации также следует идти от объекта изучения, на основе которого формируется соответствующее проблемное поле для теоретического анализа и требуется использование дополнительных аналитических инструментов. В данном случае имеется в виду то, как этот объект трактовался Марксом и что собой могут представлять направления расширения проблемного поля, которое его отражают.

Известно, что в его экономической теории, наиболее разработанной в «Капитале», в качестве объекта выбран был капитализм свободной конкуренции. В черновых набросках к «Капиталу» Маркс, анализируя роль «конкуренции без ограничений» как основную предпосылку у Рикардо, соглашался с ним и подчёркивал, что «это действительно имеет место» [16, с. 34]. Затем уже в самом «Капитале» положение о свободной конкуренции он дополнил его усилением, которое означало следующее: «При свободной конкуренции имманентные законы капиталистического производства действуют в отношении отдельного капиталиста как внешний принудительный закон» [17, с. 280]. Им неоднократно указывалось, что, как законы капитализма, так и поведение самих участников производства есть реакция на «внешнее принуждение конкуренции». Именно благодаря совершенной конкуренции обеспечивается действие принципа выравнивания норм прибыли как рыночного регулятора, на основе которого происходит образование примерно равной прибыли на равновеликий капитал, характеризующее работу идеального механизма капиталистического хозяйствования.

Иначе говоря, свободная конкуренция рассматривалась в качестве важнейшей предпосылки осуществимости самих капиталистических производственных отношений в их наиболее совершенном варианте. Собственно признание действия механизма конкуренции без ограничений равнозначно выбору в качестве объекта исследования идеальной конструкции капиталистического хозяй-

ства, которую сам Маркс обозначал как «чистый капитализм». Характерно, что Энгельс в предисловии к третьему тому «Капитала» специально отмечал: «Без равной нормы прибыли капиталистическое производство было бы прямо невозможно» [18, с. 19]. Однако по мере его развития оказалось, что такой способ производства возможен и на других основаниях.

При этом отметим, что определение совершенной конкуренции в качестве исходной предпосылки может показаться теоретическим упрощением. Но в момент зарождения капитализма её использование было оправданным, поскольку исторически он изначально выдвигался как альтернатива господству «феодальных монополий». Пусть в её реализации существовали практические препятствия, но этим не отменяется возможность применения такой теоретической предпосылки. Ведь согласно методологическому подходу Маркса, «в теории предполагается, что законы капиталистического способа производства развиваются в чистом виде. В действительности же всегда имеется налицо лишь некоторое приближение; но приближение это тем больше, чем полнее развит капиталистический способ производства, чем полнее устранены чуждые ему остатки прежних экономических укладов» [19, с. 191-192].

Если исходить из модели «чистого капитализма», то тогда понятны и причины, по которым Маркс абстрагировался от наличия докапиталистических укладов и от роли мирового хозяйства. В одном случае предполагалось, что способность капитала поглощать иные формы хозяйствования и его экспансионистская природа устранят все мешающие ему барьеры и, в частности, разрушат мелкотоварный крестьянский уклад. В другом - для теоретического обоснования выбрана была Англия, поскольку на тот период она представляла наиболее зрелую форму капиталистического производства, но она исследовалась вне привязки к мировому хозяйству.

По поводу предложенных абстракций Маркс писал: «Для того, чтобы предмет нашего исследования был в его чистом виде, без мешающих побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство закрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства» [20, с. 594, сноска].

Важно подчеркнуть, что для Маркса выбор «чистой» модели капитализма был необходим для того, чтобы раскрыть его природу и объяснить внутренние противоречия «без мешающих побочных

обстоятельств». Однако в процессе последующего утверждения данного способа производства, не говоря уже о современном периоде, в его устройстве произошли крупные и принципиальные изменения. То, что можно было считать «побочными обстоятельствами» превратилось в реальную и значимую трансформацию капиталистического хозяйства. Капитализм стал монополистическим, при котором доминирование монополий привело к подавлению свободной конкуренции, но и одновременно структура капиталистического производства не упростилась, а ещё более усложнилась с сохранением в ней некапиталистических хозяйственных единиц.

О такой возможности в конце XIX века утверждали русские народники (В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон и др.), разрабатывая теорию многоукладного хозяйства. [19, с. 22-48]. На примере России они доказывали, что возникновение модели смешанной экономики не является аномалией в развитии, а как раз выступает нормой в системе капиталистического хозяйства. В начале XX века она была дополнена созданной А. В. Чаяновым теорией устойчивости крестьянского хозяйства при капитализме [29]. Она получила в дальнейшем подтверждение в разработке концепции «моральной экономики», раскрывающей особенности сохранения крестьянского уклада в современной системе мирового капитализма [38]. Более того, возможность возникновения некапиталистических форм хозяйства даже в условиях зрелого капитализма нашло подтверждение в наличии «эксполярных форм хозяйства», которые не ограничиваются аграрным трудом, но способны проникнуть и в другие сферы трудовой деятельности [31].

В ещё большей степени современный монополистический капитализм нельзя в полной мере понять, если не учитывать его мирохозяйственное устройство. Следует подчеркнуть, что капитализм изначально формировался как «капитализм колоний» и впоследствии закрепился в виде центрпериферического устройства, при котором капитал центра получает значительную часть своих сверхприбылей за счёт эксплуатации периферии. Об этом писала Р. Люксембург уже в начале XX века, утверждая, что «капиталистическое накопление для своего движения нуждается в некапиталистических общественных формах, как в окружающей его среде: оно прогрессирует в постоянном обмене веществ с этими формациями и может существовать лишь до тех пор, пока оно находит эту среду» [10, с. 258].

Следовательно, в силу отмеченных обстоятельств, которые можно ещё и дополнить, современная система капиталистического хозяйства как объект политэкономического исследования требует дополнений и уточнений. Именно здесь возникает та зона, которая становится основой для подключения новых теоретических разработок и аналитических инструментов. Поэтому главное на- правление постмарксистского синтеза предполагает соединение и сочетание классической (идеальной) версии капитализма свободной конкуренции и современного монополистического капитализма периода глобализации (ГМК-2), который, как реально функционирующий и во взаимосвязи с национальными системами хозяйства, должен стать объектом теоретического анализа.

Насколько в этой конструкции синтеза идеальная версия капиталистического способа производства, разработанная Марксом, и современная модель монополистического капитализма периода глобализации внутренне сопряжены и не отвергают друг друга? Иначе говоря, насколько такой синтез органичен?

Такой вопрос уместен, учитывая ситуацию с неоклассическим синтезом, при котором само соединение микро- и макроэкономики, как оказалось, не столько помогает, сколько отдаляет теоретический анализ от реальной экономики, усиливая его абстрактность и практическую ограниченность. Не случайно само разделение экономики на «микро» и «макро» нередко трактуется как пример «шизофренического раздвоения».

В случае с теоретической моделью постмарксистского синтеза ситуация иная. Его органичность выражается в том, что природа капитализма как системы экономических отношений попрежнему раскрывает характер эксплуатации, наличие внутренних и внешних противоречий, объясняет неизбежность негативных последствий (безработицу, социальное расслоение, разрушение природы и т. п.). Все это в равной, хотя в каких-то сферах в ещё больше и где-то меньшей степени, присуще «двум» капитализмам. И в своём идеале и в своей реальности как ГМК-2 — это не два противоположных объекта, а единый объект, не застывший и окаменевший в неизменном образе, а находящийся в исторически непрерываемом развитии и трансформации. Как в идеале, так и в современной версии ему в равной степени присущи исторические границы в развитии и финальная фаза.

Какие преимущества содержатся в модели постмарксистско-

го синтеза?

Прежде всего она позволяет уточнить и дополнить методологическое ядро, сложившееся в классическом варианте марксистской политической экономии, что чрезвычайно полезно для понимания современного капитализма. Во-первых, теория стоимости в современных условиях должна быть переформатирована сточки зрения действия мирового (глобального) закона стоимости. Такой вариант предложен, в частности, египетским экономистом и политологом С. Амином, который трактует процесс трансформации закона стоимости с расширением его действия на глобальное экономическое пространство. Им обосновывается выделение трех стадий в трансформации стоимости, которые происходили в процессе развития капиталистического способа производства. Это: 1) образование «цены производства» при становлении капитализма; 2) их трансформация в «рыночные цены», понимаемые как олигополистические цены современного капитализма; и 3) «глобализированные цены», т. е. цены, возникающие в формирующейся глобальной империалистической системе [34, p. 12].

Как считает С. Амин, действие закона всемирной (глобальной) стоимости позволяет объяснить природу современных (глобальных) рыночных цен, благодаря установлению которых НК получают возможность присваивать империалистическую (монополистическую) ренту как сверхдоход и господствовать на рынках.

Во-вторых, соответственно, теория прибавочной стоимости также должна претерпеть коррекцию. Если Маркс свою задачу видел в том, чтобы объяснить само её возникновение в рамках стоимостных отношений, т. е. на основе возмездности и эквивалентности в рыночных сделках, то в условиях монополизма и центр-периферического строения мирового капиталистического хозяйства эта теория должна быть дополнена неэквивалентными отношениями. Как пример изучения природы новой неэквивалентности в обмене **в** условиях современного капитализма можно назвать концепцию «экономического излишка», как она разрабатывалась американскими марксистами П. Бараном и П. Суизи [35, p. 12]. В их обосновании он возникает как следствие господства монополий на рынках за счёт эксплуатации периферии как внутри капиталистических стран, так и особенно в мировом хозяйстве.

Означает ли это, что процесс производства прибавочной стоимости на основе эксплуатации наёмного труда перестаёт дей-

ствовать?

Напротив, он по-прежнему объясняет природу капиталистического производства, раскрывая отношения эксплуатации наёмного труда, которая не ограничивается национально-государственными рамками, а распространяется на все мировое хозяйство, выступая как система всеобщей (глобальной) эксплуатации труда, а ныне и природной среды. Если Марксу было важно исследовать прибавочную стоимость, как он писал, «независимо от особых форм», в которых она выступает. То для современного капитализма процесс производства прибавочной стоимости уже нельзя отрывать от её конкретных форм, имея в виду те новые возможности получения сверхприбылей, которые появились с учётом мировой системы капитализма и роли финансовых технологий в образовании спекулятивных доходов.

В-третьих, реально функционирующая система капиталистического хозяйствования, которая основывается на преобладании монопольных производителей и монопольной конкуренции, своим результатом имеет подрыв действия механизма усреднения нормы прибыли, что определяет более сложное и противоречивое соотношение неравновесия и равновесия в экономике. В этих условиях в системе динамического неравновесия равновесие выступает лишь один из его возможных, но краткосрочных моментов. Соответственно, возникают новые зоны диспропорций, которые отражают изменённый характер соотношения реального и финансового секторов хозяйства и выявляют дополнительные внутренние и внешние ограничения в развитии с обновлённой характеристикой причин цикличности и экономических кризисов.

Вполне понятно, что приведёнными новыми чертами, которыми отличается современный капитализм, не исчерпываются его особенности. Развивающийся состав производительных сил в условиях произошедших научно-технических революционных изменений и вызревание новой их волны, с одной стороны, ведёт к возникновению новой комбинации факторов производства, расширяя потенциал экономики. С другой - предопределяет неизбежность продолжения трансформации системы капиталистических экономических отношений и механизма хозяйствования, которая сопровождается появлением дополнительных ограничений роста, отражая растущую непредсказуемость, высокие риски и усиливающуюся противоречивость. Что же касается процесса капиталистического произ-

водства товаров, то он дополнился формированием обособленного рынка денег, создавшим огромные возможности для спекулятивных операций и масштабных прибылей. К этому следует добавить появление рынка симулякров, который приводит к разрастанию иррациональности и виртуальности в хозяйственной деятельности, подавляя реальные ценности и мотивы к труду. И таких примеров новизны в природе современного капитализма возникло немало, без анализа которых нельзя представить его полноценную характеристику.

Это означает, что в рамках реализации идеи постмарксистского синтеза сам методологический подход к современному капитализму и теоретические оценки закономерностей его развития обогащаются за счёт внесённых корректировок и дополнений. Можно утверждать, что опора на постмарксистский синтез, образуя мостик между прошлым и настоящим, помогает формированию новой марксистской политэкономии как развивающейся научной системы знания с работающим аналитическим и прогностическим аппаратом.

Состав теоретической модели постмарксистского синтеза

Предварительно отметим, что идея синтеза имеет сторонников среди российских политэкономов [7, с. 394-397; 25, с. 27-31], также как и его критиков [30; 27]. Правда, не всегда достаточно чётко раскрываются цели и содержание такого синтеза. Во многом близкая позиция развивается, когда выдвигается идея современной трансформации классической политической экономии в постклассическую [5, с. 117-126; 29].

Что же касается модели такого синтеза, то лучше всего её предварить обсуждением ответа на вопрос о том, что объединяет марксистский подход с разными неортодоксальными течениями в экономической науке? В связи с этим можно выделить по крайней мере три признака, которые характеризуют их совпадающие теоретические и практические позиции.

Во-первых, все эти течения признают значение классической политэкономии в качестве своего непосредственного истока и начала. Поэтому они позиционируют себя как альтернативные неоклассической ортодоксальной школы, отвергая её претензию на научную монополию и признавая важность плюралистичности и

антидогматичности в сфере научного знания. С этим связан поиск новых ресурсов в развитии экономической науки, преодолевающий её кризис и восстанавливающий авторитет для хозяйственной практики и для проведения успешной экономической политики.

Во-вторых, их объединяет стремление опереться на диалектический метод в исследованиях. Во всяком случае, для них характерно отстаивание приоритетности выявления причинно-следственных связей в экономике и преимущественное внимание к качественной стороне хозяйственной деятельности с отказом от абсолютизации использования количественных методов.

В-третьих, большинство из них также критично настроены относительно сформировавшейся неолиберальной модели капитализма, особенно имея в виду нынешний вариант доминирования спекулятивно-финансового капитала и экспансию глобализма. Поэтому практическая направленность теоретических изысканий отражается в выработке разного рода проектов глубокого реформирования сложившейся системы капиталистического хозяйства, отвергая идеализацию рыночного механизма и нацеливаясь на усиление социально-экологической ориентации развития производства, на защиту интересов основной части населения современного капиталистического общества.

В построении модели теоретического синтеза следующим этапом становится выбор его базового (исходного) звена с соответствующим обозначением. Как ранее отмечалось, таким исходным звеном с полным правом может выступать экономическая теория Маркса и в первую очередь его «Капитал», а саму модель синтеза в таком случае логично назвать политэкономией «постмарксистского синтеза» как основы разработки новой марксистской политической экономии. Предлагаемая близкая версия в виде модели «постклассического синтеза», на наш взгляд, менее удачна, хотя и возможна, но все же имеет определённые недостатки. Дело в том, что экономическая теория Маркса — это действительно завершённая и зрелая версия в развитии классической традиции в экономической науке, что вполне заслуженно может претендовать на статус базовой теоретической платформы.

Другим обстоятельством, подкрепляющим данное предложение, является отличие одной из принципиальных установок классической школы Смита - Рикардо. Хорошо известно, что они были сторонниками либеральной версии рыночной экономики, идеали-

зируя потенциал рыночной самоорганизации. Это важное обстоятельство, и надо прямо сказать, что с этой стороны экономисты-классики ближе к неоклассической школе, а не к её оппонентам.

Обратимся теперь к вопросу о возможном составе современной политэкономической школы постмарксистского синтеза. Ещё раз подчеркнём, что в его формировании должно присутствовать наличие совместимости в теоретико-методологической сфере, что и позволяет дополнять или даже выстраивать новую теоретическую систему. Важно избежать эклектичности в соединении научных идей, чтобы сложились основания для реализации такого свойства в научном взаимодействии, как комплиментарность. Для этого такое соединение должно выступать в качестве реальной потребности в развитии научного познания с учётом появления новых обстоятельств.

Дополнительными предпосылками, влияющими на включение в процесс собирания участников синтеза, является реакция, с одной стороны, на потребность в расширении проблемного поля, которая отражает возникновение новых явлений в исследуемой общественно-экономической системы. С другой - потребность привлечения менее освоенных или новых аналитических инструментов, которые возникают по мере совершенствования самого научного аппарата.

Если теперь с учётом отмеченных предпосылок выстраивать модель синтеза в форме интеграции, то в таком случае её базовая (исходная) теоретическая платформа должна опираться на марксистскую версию классической политэкономии, дополненную и расширенную за счёт привлечения в первую очередь теоретических разработок неортодоксальных научных школ.

Первым таким дополняющим ресурсом можно считать кейнсианскую экономическую теорию и её современную посткейнсианскую версию. В связи с этим определённый вопрос возникает по поводу попыток её включения в так называемый неоклассический синтез.

Опыт применения неоклассического синтеза последовательные представители кейнсианства признают в принципе негативным. Как считает Р. Скидельски, его нельзя считать интеллектуально безупречным: «Он не смог упорядочить отношения между микро- и макроэкономикой. Отсутствовала логика перехода от оп-

тимизирующего поведения индивидов, предполагаемого в сфере микроэкономики, к его вредным макроэкономическим последствиям, которые оправдывали теорию антициклической политики» [28, с. 134]. Тем самым соединение неоклассической школы с кейнсианством резонно оценить как пример неорганичного синтеза. Тем более что современная версия в развитии неоклассической школы фактически пошла по пути отказа от идеи неоклассического синтеза, беря на вооружение решение задачи подстраивания, а по существу - растворения макроэкономики в пространстве микроэкономического анализа.

Вот почему более обоснованным можно считать возможность подключения научного аппарата кейнсианской школы в качестве составного звена в политэкономию постмарксистского синтеза. Причём в данном случае важно опереться на её развитие в современной посткейнсианской версии. Как доказывает А. Эйхнер, решение задачи выработки новой версии кейнсианства обеспечивается подключением к теории эффективного спроса Кейнса, динамических моделей роста Р. Харрода и Дж. Неймана, теории производства В. Леонтьева, теории стоимости П. Сраффы и модели распределения и цен М. Калецкого [32, с. 351]. В подтверждение возможности такого синтеза американский экономист ссылается на работу Дж. Робинсон, которая смогла их обобщить в виде согласованной модели, усилив кейнсианский краткосрочный анализ исследованием долгосрочных факторов накопления капитала [37]. В её исследовании важную роль играют такие факторы как циклические колебания, условия формирования потенциала потребления и влияние на накопление капитала, движение цен и заработной платы и т. п. Причём в поддержании долгосрочного экономического роста выделялась особая роль повышения реальной заработной платы в той же степени, с какой растёт производство на душу населения. Стоит также отметить, что признанный лидер посткейнсианства поддерживала идею синтеза с теорией марксизма, обосновывая возможность подключения к нему современного аналитического аппарата.

Представляет интерес ещё и такое соображение А. Эйхнера. Он считает, что наличие связи теории Кейнса с классической политэкономической традицией даёт основание называть рассматриваемое направление не посткейнсианским, а постклассическим синтезом [32, с. 41]. Близость марксизма и кейнсианства особенно представлена в совпадении их позиций по поводу признания нали-

чия внутренних причин неизбежности наступления кризисов при капитализме, так же как и в отказе от идеализации рыночного механизма саморегулирования. При этом Кейнс развил обоснование неравновесия, присущего капиталистическому способу производства, связав его с рынком труда, которому органично присущ избыток рабочей силы. Самое принципиальное отличие между Марксом и Кейнсом заключается в трактовке последствий кризисноциклического развития капиталистической экономики. Для Маркса их непреодолимость обусловливает неизбежность обострения противоречий, что предопределяет вывод об исторической бесперспективности капиталистической системы хозяйства. Что же касается Кейнса, то его теоретическая платформа и свод практических рекомендаций в отличие от Маркса были направлены на защиту капитализма, но с ориентацией на его глубокое реформирование.

Другим важным аналитическим ресурсом для политэкономии постмарксистского синтеза, представленным уже в посткейнсианстве, является критическая разработка роли финансового капитала в развитии современного капитализма. Дело в том, что классическая политэкономия в качестве главного объекта выделяла сферу промышленного производства, поскольку именно она играла определяющую роль в создании общественного богатства, что обусловило недооценку значимости финансовой деятельности. Вторичная роль финансов применительно к ранней стадии про- мышленного капитализма имела основания. Для Маркса она подкреплялась тем обстоятельством, что в его подходе все формы прибыли рассматривались как превращённые формы прибавочной стоимости, которые создаются трудом наёмных рабочих в сфере производства и безвозмездно присваиваются разными отрядами предпринимательского класса. Для капитализма после Маркса значение финансов претерпевает принципиальное изменение. Вначале оно выражалось во встроенности финансов в воспроизводственный процесс с возрастающей ролью в его обслуживании. Затем происходило последовательное переподчинении производства финансовыми институтами, к которым в процессе слияния промышленного и финансового капитала перешли основные властные рычаги и контроль за производственными активами. Такое изменение характера взаимодействия промышленного и финансового капитала в начале XX века было зафиксировано в экономической науке в трудах Р. Гильфердинга, В. И. Ленина, К. Каутского, а затем получило продолжение в трудах

посткейнсианцев (Х. Мински и др.).

Уже такого рода изменения предопределяют необходимость пристального изучения места и роли финансовой сферы в переустройстве капиталистического хозяйства. Однако на этом оно не остановилось. К концу XX в. финансовая сфера приобрела качество самодостаточности с возможностью получать сверхвысокие доходы за счёт использования финансовых технологий на всем глобальном экономическом пространстве и вне непосредственной связи с производственной деятельностью. Это означает, что монополистический капитализм в варианте финансового капитализма выдвигается в качестве центрального объекта политэкономии постмарксистского синтеза на современном эта- пе. Это, в свою очередь, предполагает по-новому изучение влияния происходящих изменений на ключевые экономические категории, такие как деньги, капитал, прибавочная стоимость (прибыль) и др. Ещё более важно значение исследования финансовой сферы с учётом её во многом определяющей роли в наступлении кризисов в экономике современного глобального капитализма.

Наряду с кейнсианством (посткейнсианством) в состав политэкономии постмарксистского синтеза могут претендовать определённые наработки, полученные другими близкими к марксизму по своим теоретическим установкам научными школами. В качестве примера следует выделить школу институциональной экономики и школу мир-системного анализа.

Теория институционализма полезна тем, что она продолжила традицию исследования роли «особенного» в экономике, заложенную историческими школами в Европе (Германии, России и др.) [24]. В этом качестве эта теория дополнила классическую школу политэкономии с её главным вниманием к общим закономерностям экономического развития и одновременно выступала в качестве альтернативы неоклассике и апологии рыночного саморегулирования. Поэтому та часть институционализма, которая сохранила приверженность своим изначальным методологическим позициям, может стать полноправным участником постмарксистского синтеза. Благодаря анализу взаимосвязи формальных институтов (организаций, норм, правил и т. д.) с неформальными институтами (традициями, обычаями, особенностями менталитета и т. п.), которые формируются в каждой стране и имеют свою специфику, обеспечивается учёт национального своеобразия в экономических отношениях и

хозяйственном устройстве.

Важным преимуществом в их исследовании является использование соответствующего аналитического аппарата - транзакционных издержек, имущественных прав, контрактов и т. д. На этой основе появляется возможность расширить границы экономические анализа, дополнив их новыми и практически важными проблемными полями.

Ещё одно достоинство институционализма заключается в том, что анализ капиталистического способа производства дополняется более детальным исследованием самих субъектов и субъективной стороны хозяйственной деятельности. Это позволило, во-первых, раскрыть недостатки в трактовке рациональности в экономическом поведении хозяйствующих агентов, вместо которой была выдвинута гипотеза «ограниченной рациональности». Во-вторых, рассматривать экономические отношения в тесной взаимосвязи с их юридическими формами, посредством которых они и осуществляются. Тем самым конкретно-исторический способ производства и его национальные модели приобретают дополнительные и завершённые характеристики.

Что касается традиций и обычаев, то они не менее существенны в раскрытии природы экономических отношений, характеризуя особенности менталитета и экономического поведения индивидов. Изучение норм и правил позволяет сделать ещё один шаг в сторону сближения самой теории с реальностью хозяйственной жизни, для понимания которой существенное значение приобретает складывающаяся в каждой стране их система. Этим преодолевается узость сугубо экономического подхода, а сама хозяйственная система предстаёт открытой научной системой, в которой непосредственно взаимодействуют объективные и субъективные отношения, экономические и неэкономические факторы (социальные, правовые, религиозные и т. д.). Отсюда не случайным представляется выдвижение идеи разработки «институциональной политической экономии» [4], которая имеет своих сторонников [9; 6].

Целесообразность подключения школы мир-системного анализа в состав постмарксистского синтеза определяется тем, что проведенные её представителями (Ф. Бродель, И. Валлерстайн, Дж. Арриги, С. Амин и др.) исследования особенностей и форм эксплуатации «центром» капитализма своих разноплановых периферийных зон раскрывает принципиально важный срез в развитии

капиталистического способа производства, который должен учитываться в анализе современного капитализма. Ведь для ГМК-2 возможность получения высоких прибылей во многом определяется ролью мирохозяйственных отношений. В свою очередь, само экономическое благополучие развитых капиталистических стран и снятие остроты внутренних социальных противоречий обусловлены использованием в этих целях получаемых доходов и преимуществ с периферии мирового хозяйства.

Кроме того, мир-системный подход полезен ещё и с точки зрения анализа места и роли национальных экономик в глобально сформировавшемся капитализме, особенно имея в виду то, как страны периферийных зон встраиваются **в** структуру глобального капитализма и функционируют в системе мирового капитализма. Тем более что соотношение глобального и национального в экономическом развитии требуют глубокого переосмысления с учётом кризиса глобализма, с особой остротой проявившегося в мировом кризисе 2008-2009 гг.

Таким образом, ядро разрабатываемой модели политэкономии постмарксистского синтеза можно представить в первом приближении в виде такой формулы: *марксистская экономическая теория + кейнсианство (посткейнсианство) + институционализм + мирсистемный анализ+ …*

Вполне понятно, что указанные её звенья не исчерпывают всего предполагаемого состава. Не меньшее значение для предлагаемого синтеза имеют собственно марксистские разработки, возникшие в более поздние периоды, и в первую очередь представленные в теории империализма (Р. Гильфердинг, В. И. Ленин, Р. Люксембург и др.). Также для понимания возможности и перспектив посткапиталистического развития должен приниматься во внимание опыт социалистического переустройства, накопленный в XX веке в СССР и в других странах. Ещё один непременный ресурс — это научный потенциал школы радикальной политэкономии и других направлений критической научной школы. Кроме того, достижения исторической школы с особым акцентом на изучении национального среза экономических отношений, использование философско-хозяйственного и социологического методов в экономике - все это примеры полезности для дальнейшей разработки новой марксистской политической экономии.

Одним из результатов курса на постмарксистский синтез

становится определённая корректировка и дополнение в определении предмета современной политической экономии. В таком новом качестве её предметом выступает *конкретно-исторический тип социально-экономических отношений между хозяйствующими субъектами в общественном воспроизводстве товаров и услуг, которые опосредуются финансовой деятельностью и реализуются в хозяйственной практике через формальные нормы и неформальные правила.*

Предложенный вариант предмета современной политической экономии развивает классическую (материально-производственную) традицию с её трактовкой как науки об экономических отношениях, возникающих в процессе воспроизводства благ, и вместе с тем вносит в него новые характеристики, отражающие существенные изменения в социально-хозяйственном устройстве современного капитализма как развивающегося явления. Речь идёт о следующих новых элементах в определении предмета данной науки.

Прежде всего в этом определении воспроизводство материальных благ, характеризующее вещественное содержание богатства, дополняется учётом воспроизводства услуг, которые отражают возрастающую значимость духовных (нематериальных) благ в самой трактовке богатства. Такое дополнение соответствует одной из разрабатывавшейся К. Марксом линии в раскрытии природы общественного процесса производства. В соответствии с ней богатство не должно сводиться сугубо к вещественному содержанию. Фактически сам человек в многообразии своих качеств и его жизнь - становиться конечным результатом экономической деятельности.

При этом сами экономические отношения, возникающие между хозяйствующими субъектами, одновременно выступают как социальные отношения, поскольку в процессе воспроизводства товаров и услуг создаётся общественное богатство, производство и распределение которого раскрывает противоречивость интересов разных социальных групп, указывающую на возникновение отношений равенства-неравенства, справедливости-несправедливости, эксплуатации-неэксплуатации. На их основе формируется социально-классовая структура общества и создаются социальные предпосылки, влияющие на характер экономического развития.

Ещё один новый элемент, который должен быть внесён в характеристику предмета современной политэкономии, касается

уточнения её объекта. Как уже ранее отмечалось, не только сфера реального производства, но и финансовая деятельность становится важной областью формирования соответствующего типа экономических отношений и потому должна входить в круг проблем, непосредственно исследуемых политической экономией.

Наконец, отметим целесообразность включения в предмет политэкономической дисциплины норм и правил (обычаев) с соответствующим аналитическим аппаратом (трансакционными издержками, имущественными правами, контрактами и т. д.).

В такой уточнённой версии политическая экономия приобретает новое качество в исследовании современного капитализма. Что касается дальнейшей разработки модели политэкономии постмарксистского синтеза, то её можно определить трояким образом. Во-первых, она предполагает расширение проблемного поля, что позволяет экономическое пространство дополнить более детальной его сегментацией, раскрывающей гетерогенность в отличие от гомогенности, фиксируемой в универсальности и однородности его составных частей.

Во-вторых, она нацелена на обогащение аналитического аппарата и методологического потенциала за счёт привлечения усовершенствованных исследовательских приёмов других научных школ, которые появились и близки по своим главным характеристикам и целям классической политэкономической традиции.

В-третьих, она ориентирована на учёт практических рекомендаций и многообразие вариантов в выборе альтернативных путей общественно-экономического развития и переустройства общества, которые присутствуют и выдвигаются разными направлениями неортодоксальных экономических взглядов.

Заключительные замечания: значение политэкономии постмарксистского синтеза в изучении современного капитализма

В завершении остановимся на вопросе о том, что даёт идея постмарксистского синтеза для экономической науки. Серьёзным её результатом становится преодоление теоретической самодостаточности (закрытости) классического марксизма, которая особенно ярко проявилась в догматизме марксизма в советской обществоведческой практике. Чем это все закончилось для советской политической экономии, хорошо известно. Поэтому её современный облик

должен характеризоваться открытостью и диалогичностью, воспринимающей новые идеи.

Обогащение политэкономической марксистской традиции научными идеями неортодоксальных направлений экономической мысли устраняет социально-классовую одномерность, дополняя её новыми смыслами и характеристиками. Ведь сама экономика представляет собой многомерную и многогранную реальность. Даже система социально-экономических противоречий капитализма, которая занимает центральное место в классическом марксизме, не сводится только к противоречиям между трудом и капиталом. Она значительно богаче по своему составу и изменчива, рождая новые острые формы своего проявления по мере развития капитализма, которые должны изучаться.

Реализация курса на создание политэкономии постмарксистского синтеза с выходом на новую марксистскую политическую экономию синтетического типа потенциально обладает не менее существенным преимуществом, связанным с потребностью в усилении её ориентации на решение практических задач. Дело в том, что «Капитал» Маркса, будучи образцом критического анализа противоречивой природы капитализма, главное внимание уделял обоснованию его исторических границ и неизбежной в ближайшей перспективе смены новым способом производства. К. Маркс и его последователи, скорее всего, недооценили потенциал и возможности приспособления капиталистической системы хозяйства к изменяющимся внутренним и внешним условиям. Не исключено, что противоречивый и болезненный процесс становления капитализма был раньше срока определён в качестве наступления его заката, когда он ещё не завершил своего исторического восхождения и не исчерпал всего своего ресурса.

В силу указанных причин экономическая теория марксизма нередко оказывалась самоустранённой от обсуждения и разрешения возникающих проблем и ограничений в развитии, которые можно обеспечить в рамках сложившейся системы капиталистического хозяйства. Особенно это касается использования марксистской теории общественного воспроизводства, важнейшим звеном которой выступает теория кризисов. Обоснованность этой теории многократно подтверждалась в истории экономического развития капитализма, и самые последние события в этой сфере подкрепляют данный вывод [25].

Вместе с тем теоретическую модель кризиса, базовые основы которой были созданы К. Марксом, следует дополнить соответствующей разработкой антикризисной политики. В этом случае раскрытие объективных причин наступления кризисов при капитализме может вполне послужить хорошей основой для обоснования более эффективных антикризисных мер, которые обладают существенными преимуществами в сравнении с применяемыми правительствами разных стран либерально- монетаристскими методами с их нацеленностью на защиту интересов правящего класса. Тем самым появляется возможность дать содержательную оценку аналогичных мер, выдвигаемых различными научными школами, и увязать её с экономическими интересами противоборствующих классов. При таком подходе разработка своей альтернативной программы антикризисных мер с её стремлением минимизировать неблагоприятные последствия для социального большинства и в первую очередь для работников наёмного труда, страдающих от кризисных потрясений, становится важным ресурсом в экономической и социально-политической борьбе за глубокое реформирование современного капиталистического общества, одновременно способствуя повышению привлекательности самого политэкономического подхода с его ориентацией на достижение практической пользы.

В заключении сошлюсь на Ф. Энгельса, который в одном из своих последних писем напомнил о принципиальном положении, касающемся всего творчества Маркса. Все его миропонимание, подчёркивалось в письме, - «это не доктрина, а метод. Оно даёт не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования» [33, с. 352]. И этим методом важно творчески и с пользой воспользоваться для переосмысления как теории современного капитализма, так и особенностей его хозяйственной практики. Ведь тот, кто сидит на коленях Маркса, ходить не научится. Тот, кто способен встать на его плечи, тому открываются новые горизонты и пути в неизведанное!

Литература

1. Алле М. Экономика как наука. М., 1995.
2. Ананьин О. Карл Маркс и его «Капитал»: из девятнадцатого в двадцать первый век //Вопросы экономики. 2007. № 9.

3. Бузгалин А.В., Колганов А.И. [Пост]классическая политическая экономия: потенциал решения проблем социально-экономической политики //Вопросы политической экономии. 2016. № 2.
4. Буайе Р., Бруссо Э., Кайе А., Фавро О. К созданию институциональной политической экономии// Экономическая социология. 2008. Том 9. № 3. С. 17-24 (www. ecsoc.msses.ru).
5. Воейков М.И. Политическая экономия: очерки и этюды. СПб., 2014.
6. Гриценко А.А. Институциональная политическая экономия: предмет, методология, содержание. Lambert Academic Publishing, 2014.
7. Дзарасов С.С. К новому курсу политической экономии //В кн.: Теория капитала и экономического роста /Под ред. С.С. Дзарасова. М., 2004.
8. Курц Х.Д. Куда идёт история экономических учений: медленно двигается в никуда?// Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2008. Вып. 3.
9. Лемещенко П.С. Политэкономия институциональных изменений, или методология исследования переходного периода // Вопросы политической экономии. 2015. №2.
10. Люксембург Р. Накопление капитала. Т. 1-2. М.-Л., 1934. С. 258.
11. Любинин А. Снова к проблеме генезиса и предметного содержания «экономике»// Российский экономический журнал. 2016. №2.
12. Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу 31 июля 1866 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 31.
13. Маркс К. Письмо Л. Кугельману 28 декабря 1862 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 30.
14. Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу 24 августа 1867 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 31.
15. Маркс К. Капитал. Т.1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т.46. Ч.1. С.34.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е Т.23. С.280.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е Т. 25, Ч.1. С.19.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е Т. 25, Ч.1. С.191-192.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е Т. 23. С.594
21. О'Хара Ф. Современные принципы неортодоксальной политической экономии// Вопросы экономики. 2009. № 12.
22. Рокмор Т. Маркс после марксизма: Философия Карла Маркса. М., 2011.
23. Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его по- следствий для мирового хозяйства и России. М., 2016.
24. Рязанов В.Т. Особенное и всеобщее в политической экономии// Экономист. 2012. № 7. С.65-75.
25. Рязанов В.Т. Политическая экономия и её аналитические возможности: проверка теоретической модели кризисов// Вопросы политической экономии. 2015. №2.
26. Рязанов В.Т. Политическая экономия: из прошлого в будущее (часть 2) // Проблемы современной экономики. 2012. № 3
27. Рязанов В.Т. Политическая экономия особенного: начала русской ис-

следовательской традиции// Российский экономический журнал. 2011. №5. С.22-48.
28. Скидельски Р. Кейнс. Возвращение мастера. М., 2011.
29. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избр. труды. М., 1989.
30. Черковец В. О предмете общей экономической теории и её соотношении с политической экономией// Российский экономический журнал. 2014. №2.
31. Шанин Т. Формы хозяйства вне систем// Вопросы философии, 1990. № 8. С. 109-115.
32. Эйхнер А. Почему экономике ещё не наука?// В кн.: Теория капитала и экономического роста /Под ред. С.С. Дзарасова. М., 2004.
33. Энгельс Ф. Письмо В.Зомбарту 11 марта 1895 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.39.
34. Amin S. The law of worldwide value. Monthly Review Press. N.Y, 2010. P. 12.
35. Baran P.A., Sweezy P.M. Monopoly Capital. NY, Monthly Review Press, 1966.
36. Kouvelakis S. The Crises of Marxism and the Transformation of Capitalism // Critical Companion contemporary Marxism / Ed. Ьу J.Bidet and S.Kouvelakis. Leiden- Boston, 2008
37. Roblnson J. The Accumulation of Capital. London,1956.
38. Scott J. C. Moral Economy of the Peasant. Rebellion and subsistence in Southeast Asia. New Haven; L., 1976.

«Капитал» К. Маркса как методологическая и теоретическая основа современной политической экономии[1]

Черковец Виктор Никитич (1924-2018),
д.э.н., профессор, г.н.с. кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Ключевые слова: политическая экономия, «Капитал», Россия, диалектико-материалистическое понимание истории.

1. Диалектика-материалистическое понимание истории как основной метод марксистской политической экономии

Нельзя путать учебники по историческому материализму, выходившие в СССР и других социалистических странах, с принципиально важным направлением социальной философии, открытым К. Марксом как результат применения материалистической диалектики к истории развития общества. Ф. Энгельс был совершенно прав, относя материалистическое понимание истории, наряду с теорией прибавочной стоимости, обосновавшей в 1-м томе «Капитала» основной экономический закон капитализма, к одному из двух величайших открытий Маркса. В дальнейшей разработке исторического материализма огромная заслуга принадлежит Г. В. Плеханову, с которым по многим вопросам теории марксизма и тактики социал-демократии вёл полемику В. И. Ленин, давший вместе с тем после кончины Г. В. Плеханова высочайшую оценку его деятельности в области марксистской философии, в разъяснении принципов материалистического понимания истории, т. е. научного исторического материализма: «... всё, написанное Плехановым по философии ... это лучшее во всей международной литературе марксиз-

[1] Статья подготовлена на основе доклада на Международной научной конференции, посвящённой 150-летию выхода 1-го тома «Капитала» К. Маркса «"КАПИТАЛ"-XXI: ФИЛОСОФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ», 20 мая 2017 г., философский факультет имени М.В. Ломоносова.

Цитирование: Черковец В.Н. (2017). «Капитал» К. Маркса как методологическая и теоретическая основа современной политической экономии // Вопросы политической экономии. № 4(11). С. 92-102.

ма» [1, т. 42, с. 290] В годы «перестройки» и её логического продолжения в реставрации капитализма в СССР ряд известных советских философов стал, как известно, подвергать критике не только термин, но и содержание исторического материализма. Но в таком случае рушатся корневые основы «Капитала», и, следуя такой позиции, теряется смысл актуализации роли его научного методологического и теоретического потенциала в современных условиях, в т. ч. в России, а дата 150-летия его 1-го тома воспринималась бы как предлог для похоронного звона. Но программа конференции нацеливает нас на другой, более оптимистический лад: на использование метода «Капитала» для анализа общественных процессов в XXI веке. Я ограничиваюсь рамками предмета «Капитала», как его определяет в предисловии к первому изданию Первого тома сам автор: «капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена». «Капитал» - не только социально-философское произведение, а и величайший труд в области политической экономии, подвергший научной критике созданную до него классическую и «вульгарную», как он её называл, политическую экономию. В трёх томах «Капитала» представлена способом восхождения от абстрактного к конкретному, начиная в исходном пункте с анализа товара как всеобщей формы продуктов труда, *целостная система* капиталистических производственных отношений с адекватными ей экономическими законами, охватывающая процессы производства, обмена, распределения и потребления в их органическом единстве и с выходом на феноменологический, практика-эмпирический уровень их проявлений в превращённых формах.

2. Связь логики «Капитала» с историей социально-экономического развития и современность

За 150 лет, прошедших со времени выхода в свет Первого тома «Капитала», за 132 года - Второго и за 121 год - Третьего тома в капитализме как общественно-экономической системе произошли, конечно, определённые немалые изменения. С конца XIX в. она находится на высшей, монополистической стадии своего развития. Несмотря на более чем столетнее её пребывание в состоянии общего кризиса, начавшегося с первой мировой войной и Октябрьской революцией 1917 г., капитализм продолжает не только существовать на Земле, развивать свои производительные силы, но и стремится опутывать своими глобализационными сетями всю мировую

экономику. Но, изменяясь, он продолжает оставаться капитализмом, сохраняя свои фундаментальные основы как *«капитализм вообще»:* товарно-денежные отношения, капитал и наёмный труд, производство прибавочной стоимости как источник накопления капитала, относительное, а временами и местами и абсолютное обнищание граждан, живущих исключительно за счёт своего труда, периодические экономические кризисы перепроизводства товаров и т. д. Анатомия капитализма, вскрытая «Капиталом» на его генетическом уровне, не устарела, она продолжает обеспечивать его функционирование и вместе с тем продуцировать его старые болезни и возбуждать новые. Этим и определяется сохранение гносеологической ценности «Капитала» для понимания того, что такое современный капитализм в своих существенных чертах («старый», «новый», «посткапитализм», «постиндустриальное общество», «новый социализм», «конвергенция капитализма и социализма» и т. п.).

Одной из таких ценностей является *метод единства логического и исторического,* открытый Гегелем и применённый К. Марксом в структурном построении системы категорий в Первом и Третьем томах «Капитала». Некоторые философы и экономисты не воспринимают диалектики этого единства, противополагая логический подход историческому по принципу «или-или». Между тем в структуре зрелого организма воспроизводится в «завёрнутом» виде закономерная линия его генезиса. Теоретическое познание отражает это путём «очищения» от случайностей мыслительным скальпелем стержневой линии исторического процесса. В логической структуре трёх томов «Капитала» можно заметить *двоякое «исправление»* этого процесса. В Первом томе лежащая в основе всей капиталистической системы формула «товар -деньги - капитал» отражает как предысторию промышленного капитала (капиталистического способа производства), так и ежедневную историю его рождения, воспроизведения в сложившемся капитализме. На пути этого анализа выясняется как история происхождения денег на почве разрешения противоречий обмена товарами на рынке (развитие меновой стоимости, необходимость появления всеобщего эквивалента), так и логическая необходимость исторического появления на рынке особого товара рабочая сила для постоянного разрешения противоречий всеобщей формулы капитала в условиях сложившегося капитализма. Второй вид «исправления» истории применён в Третьем томе, где показано не происхождение «допотопных» форм капитала - купече-

ского, ростовщического, первоначальной собственности на землю и земельной ренты как предшественников промышленного капитала, а раскрывается история *преобразования, обособления и подчинения* этих форм промышленному капиталу, их превращения в торговый капитал, ссудный капитал, капиталистическую земельную собственность и земельную ренту как превращённую форму части прибавочной стоимости. В программе конференции ставится вопрос о «новом качестве товара, денег, капитала» и не затронут вопрос о «новом качестве» второй группы упомянутых выше категорий. Но, бесспорно, и он заслуживает внимания. Что касается первых трёх категорий, то по ним уже имеются определённые суждения в связи с анализом особенностей состояния так называемого «позднего капитализма». В статье А. В. Бузгалина и А. И. Колганова ««Капитал» К. Маркса и современная система капиталистических производственных отношений: опыт восхождения от абстрактного к конкретному» [2] авторы приходят к выводу об изменении в позднем капитализме самой *«природы»* товара, денег и капитала. Об этом говорится уже в аннотации к статье. Иную природу *товара* они видят в «подрыве товарного производства», *денег* - в том, что они перестают быть всеобщим эквивалентом, а *капитала* - в превращении в капитал чуть ли не всех сфер жизни общества, что, естественно, означало бы усиление капитала как господствующей силы буржуазного общества. Авторы, однако, не видят, что изменение природы, т. е. *сущности,* товара означало бы его прямое отрицание как стоимости, создаваемой абстрактным трудом в материальном производстве, денег - как высшей формы меновой стоимости, а капитала - как основного производственного отношения капитализма, т. е. *перерождения его в иную экономическую систему,* не основанную на производстве прибавочной стоимости. Но подобное самоотрицание означало бы, что «поздний капитализм» по факту, оцениваемому по марксистским критериям, - *уже* не капитализм, а нечто иное - некая посткапиталистическая система, сохранившая лишь прежнее название. Вместе с тем изменяется природа *не* товара, а экономическая форма *продукта* производства, который *перестаёт быть товаром* или уже *не-товар.* То же самое и деньги. Изменяется *не природа денег* как особого товара, выполняющего роль всеобщего эквивалента, а постепенно утрачивается функция всеобщего эквивалента, а вместе с ним всеобщая и денежная форма меновой стоимости. Эквивалентная форма стоимости *перестаёт быть деньгами,* или уже не

деньги в точном политэкономическом смысле. Роль особенных эквивалентов в меновых отношениях начинают выполнять не отдельные реальные товары, а различные суррогаты в качестве их *заместителей*. Изменяется *не природа, сущность* капитала как стоимости, возрастающей за счёт прибавочной стоимости, создаваемой трудом наёмных работников, а появляются новые, *превращённые формы извлечения прибыли путём перераспределения в конечном счёте прибавочной стоимости,* её присвоения в не производящих её сферах деятельности, фиктивным капиталом (ценные бумаги: векселя, акции, облигации, их деривативы). Об изменении «природы» капитала можно говорить лишь в том иносказательном смысле, что всё более усиливается его паразитический характер, увеличивается социальное расслоение, растут фетишизм денег, жажда безудержного обогащения и на этой почве деморализация общества. Современный («поздний») капитализм остался монополистическим капитализмом и капитализмом вообще. Кроме «Капитала» не было и нет другого политэкономического произведения, способного раскрыть его сущность («природу», «анатомию и физиологию»). Неоклассика, неоклассический синтез не способны этого сделать в силу своего *экзотерического* подхода. «Капитал» соединяет экзотерический подход с *эзотерическим.*

3. «Капитал» и политическая экономия в широком смысле (три аспекта). О политической экономии социализма. Виноваты ли экономисты в трагедии практического социализма и распада СССР в конце XX века?

В соответствии с определением предмета «Капитала», данным К. Марксом, Ф. Энгельс характеризовал «Капитал» и все домарксовы теоретические разработки в области экономики капитализма как политическую экономию *в узком смысле слова.* Но метод исторического материализма позволял говорить о возможности создания политической экономии докапиталистических и (в порядке научного предвидения) посткапиталистического способа производства - *политической экономии в широком смысле.* Такое понятие политической экономии стало традиционным в марксисткой, в т. ч. советской литературе, причём распространяющимся не только на все известные истории способы производства (экономические системы) *в историческом времени* (первый, исходный аспект), но и на

существующие *рядом* в современном мировом *пространстве* (второй аспект). Несомненно, пространственный аспект указанного понятия чрезвычайно актуален для изучения реально существующей мозаичной социально-экономической структуры современного мира и, как и первый аспект, отражает *онтологический* подход. Важность его очевидна для учёта в социальной и экономической политике и в связи с постановкой вопроса о ренессансе политической экономии как научной и учебной дисциплины. Вместе с тем автором доклада предлагается и третий аспект, разрабатываемый путём сравнительного анализа в целях идентификации различных как марксистских, так и немарксистских (мейнстрим) направлений современной *общей экономической теории как частей мировой (политической экономии в широком смысле>>* (включая и её «вульгарную» ветвь, по терминологии Маркса), имеющей в той или иной степени так или иначе дело с *социально-экономическими и хозяйственно-институциональными отношениями (гносеологический подход)*.

Хотя «Капитал» посвящён анализу «природы» капиталистической системы и доказывает её историческую ограниченность, алгоритм логического построения её категорий методом восхождения от абстрактного к конкретному применим и к другим способам производства, в т. ч. и к отрицающей капитализм системе социалистических производственных отношений, являющейся предметом политической экономии социализма. Речь идёт прежде всего о научной гипотезе, опирающейся на объективные тенденции, формирующиеся самим развитием процесса реального обобществления производительных сил на основе крупного машинного производства внутри самого капитализма. На его высшей стадии, хотя товарное производство ещё «по-прежнему царит», «подрыв» его и адекватного ему механизма рыночного регулирования экономики усиливается и, напротив, развивается элемент планомерной организации производства. С точки зрения принципов «Капитала» появляются признаки пока ещё неполной, частичной замены исходного пункта (или исходного отношения) капиталистической системы. Планомерность как исходный пункт социалистической системы «выталкивается» самим капитализмом из своих недр сначала на уровень корпораций, затем на межкорпорационные, а теперь и транснационально-корпорационные отношения, становится элементом экономической деятельности государства. Этот процесс завуалированного

частичного самоотрицания капитализма с поразительной точностью замечен в знаменитом афоризме В. И. Ленина: «Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие его,* есть та ступенька исторической лестницы, между которой и ...социализмом *никаких промежуточных ступеней нет».* [1, т. 34, с. 193].

Практика переходного периода от капитализма к социализму в СССР и других социалистических странах сохраняла товарное производство в силу многоукладности экономики, что признавалось классическим марксизмом априори и теоретически, но отрицалось им для фазы сложившегося социализма. Однако и под аншлагом «построение социализма в основном», зафиксированным в Конституции СССР в 1936 г., товарно-денежные отношения продолжали функционировать в плановой экономике. Именно И. Сталин в «Экономических проблемах социализма в СССР» (1952) поддержал формулу, высказанную на известной экономической дискуссии 1951 г., о сохранении товарного производства и действия закона стоимости в условиях общественной собственности на средства производства и планомерно организованной экономики при социализме, не указывая при этом на то, что речь идёт об «остаточных» явлениях переходного периода. Вместе с тем он признал, что товарное производство при социализме - «особого рода», основные средства производства являются товарами лишь «по форме», а не «по существу», а закон стоимости действует в подчинённом виде, не являясь регулятором народного хозяйства, уступив эту роль «закону планомерного, пропорционального развития». Иными словами, товарно-денежные отношения, по Сталину объективно существующий элемент социалистической плановой экономики и их надо эффективно использовать в интересах общества. Причиной их сохранения он назвал существование колхозно-кооперативной собственности и выступил против продажи основных средств производства колхозам, что усилило бы их товарный характер. После смерти Сталина дискуссия среди экономистов, в т. ч. политэкономов, развернулась в сторону как усиления, так и ослабления роли товарно-денежных отношений вообще при социализме, вплоть до отстаивания концепции «рыночного социализма» по примеру югославской экономической модели (в сторону которой стали поворачиваться реформы в европейских социалистических странах) и, напротив, полного отрицания товарного производства и закона стоимости - по классиче-

ской модели марксизма. Появилось и направление, представленное двухтомным университетским «Курсом политической экономии» под ред. Н. А. Цаголова (1963, 1970, 1973/74 гг.) и в изданиях его сторонников, с идеей диалектического сочетания планомерности и товарности экономики социализма на данном этапе с признанием планомерности как первичного начала экономической системы и специфического противоречия между двумя формами организации производства. Крайним выражением первой концепции рыночного социализма явилась версия трактовки социализма как особой исторической формы («рода», «вида») товарного производства (Я. А. Кронрод «Законы политической экономии социализма», 1966, и др.), введения товарного производства в общеисторические основы производства вообще (последний советский официальный учебник «Политическая экономия» под ред. В. А. Медведева, 1988). По сути, эти версии явились теоретической (и идеологической) базой политики так называемой «перестройки» организации и управления советской экономикой, неизбежно приведшей под руководством лидеров КПСС и государства к переходу от плановой к рыночной экономике, а затем к распаду СССР и реставрации капитализма в России. Учитывая эту печальную и вместе с тем поучительную историю, вряд ли справедливо со стороны некоторых известных философов обвинять *всю* советскую политическую экономию в «кардинальной ошибке», приведшей к гибели социализма в СССР. Такой ошибкой, говорят, «явилось изображение социалистической экономики *только* в качестве разновидности, очередной стадии *товарного* производства». Верно, конечно, то, что «это глубоко порочная точка зрения» (Отечественные записки 2017 №2, «Советская Россия» 19.01.2017). От подобного рода «ошибок» в своих рядах не убереглась, к сожалению, и советская социальная философия.

4. Методологический и теоретический ресурс первого тома «Капитала» в анализе экономической системы современной России и определении путей её дальнейшего движения. Против новейших искажений фундаментальных понятий политической экономии

1) Здесь я ограничиваюсь Первым томом, юбилею которого посвящён доклад, хотя для указанных изысканий актуален научный потенциал не в меньшей мере Второго и Третьего томов. К тому же одна и та же методология используется во всех томах, но именно в

Первом томе решается центральный вопрос для политической экономии, поставленный ещё её классиками и фундаментально, хотя и не без противоречий, решённый А. Смитом в его знаменитом «Исследовании о природе и причинах богатства народов» (1776). Продолжая традицию А. Смита, К. Маркс принимает в качестве *исходного пункта* исследования элементарную *форму богатства* буржуазного общества - *товар*. «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, является «огромным скоплением товаров, а отдельный товар - его элементарной формой. Наше исследование начинается поэтому анализом товара» [7, с. 41]. Отсюда следуют актуальные выводы для понимания не только логики структуры экономической системы встраивающейся в капитализм России (к чему обычно привлекается внимание в учебной и научной литературе), но «природы» и критериев *национального богатства,* его действительных источников и сферы создания, факторов роста, повышения эффективности его производства, распределения и использования в интересах всего общества, его членов и регионального развития.

Товар, по Смиту и Марксу, - полезный для потребления вещественный продукт, *создаваемый трудом в материальном производстве для обмена.* При этом

а) остаются в стороне от предмета исследования *естественные богатства, дарованные природой,* тем более что они могут быть по-разному использованы, так что у страны, бедной природными ресурсами, может оказаться более высокий уровень национального богатства и благосостояния населения, чем у страны с более высокими запасами *потенциальных естественных производительных сил.* Приведённые в действие трудом в качестве предметов труда (полезные ископаемые) и средств труда (в виде используемой энергии, элементов инфраструктуры и др.), они становятся важнейшим фактором индивидуальной и общественной производительности труда. Есть определённые философские и экономические смыслы в том, чтобы разделять богатство страны, произведённое трудом – *«общественное богатство»* и данное природой, географической средой. Уровень цивилизационного прогресса всего человечества и его отдельных сообществ определяется со всей очевидностью не тем, к происхождению чего они не имеют никакого отношения. Завоёванная территория с богатыми природными ресурсами сама по себе увеличивает, конечно, национальное богатство завоевателя, но

ничего не прибавляет к его общественному богатству. Созданное же трудом населения завоёванных земель умножает общественное богатство страны-завоевателя. Вот почему все классики политической экономии, включая К. Маркса, не смешивают два вида национального богатства и, определяя его *стоимость,* имеют в виду количество затраченного на его производство труда в общественном измерении. Другое дело, что имеется также смысл для определённой характеристики экономической мощи страны использовать *интегральное понятие национального богатства,* объединяющее общественное и естественное богатство, включая разведанные и условно оценённые полезные ископаемые. Но такая «интеграция» не должна вуалировать действительно созданное людьми используемое национальное и в то же время преувеличивать национальное богатство за счёт «предполагаемых» естественных производительных сил. Интенсивно используемые для экспорта богатые природные ресурсы, как выгодный источник наполнения госбюджета и роста прибыли соответствующих корпораций, могут и притормозить развитие производства новых технологий и машиностроения, отраслей социальной сферы, что и наблюдается в России. Так что «борьба за понятия», по словам В. Белинского, «дело святое, и горе тем, кто за них не боролся». Этот афоризм обращён и на следующий пункт.

б) Отталкиваясь и вместе с тем критикуя за непоследовательность трудовую теорию стоимости А. Смита, К. Маркс поддержал, уточнил и развил его концепцию производительного и непроизводительного труда, согласно которой *производи- тельным* является только труд, занятый в *производстве товаров* (для Смита это производство вообще), а его результат зависит от *производительности труда и численности занятого в их производстве населения страны,* каковые и являются *(причинами богатства народов».* Эта концепция органично связана со смитовским пониманием трудовой природы стоимости как основы цены с точки зрения условий простого некапиталистического товарно-рыночного хозяйства. Смит не довёл свой анализ до выяснения того, как влияет обстановка капиталистических отношений, новые социальные факторы на понятие производительного труда, связанное с присвоением прибавочной стоимости, прибыли в её многообразных формах. Суждения на эту тему мы находим у Маркса в «Капитале» и «Теориях прибавочной стоимости». Заслуга же Смита состоит в том, что дал исходные определения труда, создающего национальный доход страны, за

счёт которого растёт и её *реальное* национальное богатство. Тем самым Смит чётко и резко назвал в своё время те слои населения, которые непосредственно не участвуют в его приращении, хотя ряд из них осуществляет *полезную для общества неэкономическую деятельность в сфере услуг.* Прилагая учение Смита в этой части к нашим российским дням, мы можем обратить внимание на огромную массу труда, который не имеет не только прямого, но и косвенного отношения к реальному экономическому росту, тщательней разобраться в том, что скрывается за опережающим ростом сферы услуг, дифференцировать её отрасли, выяснить, что означает более быстрый рост доли, например, финансовой деятельности и косвенно измеряемых услуг финансового посредничества по сравнению с общим темпом роста ВВП, ростом сельского хозяйства, отраслей обрабатывающей промышленности. Создаётся иллюзорная картина, искажающая роль действительных и фиктивных факторов, лишающая руководство страны объективной информации о реальном экономическом росте. *С точки зрения специфики капиталистического производства, в котором создаётся не только стоимость, но и прибавочная стоимость* (по Марксу) понятие производительного труда связывается нет с трудом вообще, а с *трудом рабочих, приносящих «прибыль своему хозяину» (Смит) и создающих возможность накопления и увеличения капитала.* Трактовка «производительного труда» как труда, производящего «товар», соответствует гораздо более элементарной точке зрения, чем определение производительного как труда, производящего капитал». Сложная иерархическая структура превращённых форм, в которых выступает система капиталистических производственных отношений, отражённых в третьем томе «Капитала», «поднимает» по «вертикали» вверх и распространяет категорию производительного труда по «горизонтали» - за границы сферы непосредственно материального производства. В силу этого само понятие производительного труда претерпевает ряд *превращений* в русле использования марксистской методологии в. теории. Производительным в экономической системе капитализма объективно характеризуется труд, приносящий собственнику капитала прибыль как таковую и в её различных хозяйственно-эмпирических формах: промышленную и торговую прибыль, банковский процент, предпринимательский доход, земельную ренту и др. Суть такого подхода выражена в «Теориях прибавочной стоимости» следующим образом: «Производительный и непроизводитель-

ный труд здесь различаются всегда *со стороны владельца денег, капиталиста,* а не со стороны *работника»* [7, с. 127]. Нет оснований думать, что этот подход уже устарел для анализа современного капитализма, вт. ч. в России, в т. ч. для понимания сути *социально-экономической* политики класса новых собственников главных ресурсов страны, определяющих конъюнктуру *рынка труда.* Но такой подход может противоречить общенациональным интересам. Некоторый компромисс должно искать *социальное государство.*

в) Одной из главных проблем стратегии экономического развития России является задача повышения производительности индивидуального и общественного труда. В Первом томе «Капитала», на всех ступенях восхождения от абстрактного к конкретному при логическом развёртывании системы категорий капиталистических производственных отношений начиная с анализа двойственного характера труда, создающего товар, влияния на величину стоимости товара к созданию относительной прибавочной стоимости, определению стоимости товара рабочая сила, уровня заработной платы наёмного рабочего и далее к накоплению капитала и его расширенному воспроизводству с действием всеобщего закона капиталистического накопления, проявляющемуся в абсолютном и относительном обнищании работников наёмного труда, - всюду возникает ключевой вопрос о производительной силе труда и его производительности, их роли в развитии капиталистического способа производства. Феномены производительной силы труда и производительности труда, которые как правило в литературе отождествляются, взаимосвязаны и вместе с тем различаются как потенция и её реализация, что имеет не только теоретическое, но и практическое значение, в т. ч. и особенно для решения проблем повышения эффективности общенационального производства и ускорения экономического роста, подъёма уровня и улучшения качества жизни населения. России. Производительность труда представляется как функция рабочей силы, результат использования способности работника к труду, его трудовой профессиональной компетентности, расходования его умственной и физической энергии. Все эти качества формируют трудовой потенциал (ресурс) работника, или производительную силу его труда. Если последняя — это возможность, то производительность труда - действительность, выражаемая в продукции, производимой в единицу рабочего времени. В «Капитале» мы встречаем перечень факторов, определяющих уро-

вень и рост производительной силы труда: «Производительная сила труда определяется многосложными обстоятельствами, между прочим, средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью её технологического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства и, наконец, природными условиями» [1, с. 46]. Во всех этих «обстоятельствах» (даже хотя и медленнее в природных условиях), являющихся непосредственными факторами производительной силы труда, происходят определённые изменения, связанные с научно-техническим прогрессом. Однако все они как таковые сохраняют силу и на современном этапе инновационного экономического развития, на всех континентах, у всех стран и народов. Все современные и ожидаемые инновации. вписываются в эту «вечнозелёную» модель факторов, разработанную полстолетия тому назад в бессмертном труде. Образовательная, здравоохранительная, научная виды деятельности, а также деятельность в области культуры в узком смысле, не имея по своей специфической природе отделённых от деятельности вещественных результатов, воздействуют на все эти непосредственные факторы и, являясь первичными факторами, опосредованно через них - на уровень и рост производительности труда в материальном производстве. Подобная схема сложных функций с возможными уточнениями определяет (может определять) логистику планового регулирования потоков инвестиций, указывая ориентиры и маршруты их движения. Организуя этот поток, российское государство, если оно хочет быть *социальным,* обязано поставить мощный заслон, начисто исключающий *абсолютное обнищание, снижение реальной заработной платы своих граждан, и не допускать роста их относительного обнищания,* насколько это возможно при олигархическом капитализме.

2) Неувядающая актуальность «Капитала» несомненна и в связи с очевидной потребностью возрождения политической экономии как общетеоретической экономической науки, вытесненной из «мейнстримского клуба», и восстановления её статуса как учебной дисциплины в университетах. И здесь нельзя не затронуть вопрос о новейших искажениях фундаментальных понятий политической экономии не только со стороны представителей неоклассического направления, но и ревизионистского «реформирования» некоторыми формальными сторонниками марксистской экономической теории капитализма и социализма. В частности, весьма рас-

пространённым стало методологически, по нашему мнению, ошибочное смешение понятий экономического строя переходного периода к социализму и сложившейся (теоретически) целостной системы, завершившей переходный период. Из того же круга обществоведов, в том числе экономистов, идут призывы к созданию не только новой теории социализма, но и новой, немарксистской теории капитализма. Их авторы подталкивают к отказу от фундаментальных категорий трудовой стоимости и прибавочной стоимости, а значит, и от признания противоречия между трудом и капиталом. В экономическую теорию современного капитализма и даже в «обновлённую» экономическую теорию социализма вводятся такие искажающие суть капитала мифологизированные понятия, как «человеческий капитал», «социальный капитал», «культурный капитал», «интеллектуальный капитал». Сознательно или бессознательно этими метафорическими понятиями прокламируется якобы гуманистическая сущность современного капитала в отличие от «прежнего» с отказом от *общего родового определения капитала.* Такого определения мы не найдём ни в современных научных трудах, ни в учебниках «Экономикс». Вместо общей характеристики капитала предлагаются описания особенностей его форм, типов, частей, например: вещественный (физический) капитал, финансовый (денежный) капитал, человеческий капитал, капитальный запас, основной и оборотный капитал и т. д. Или вместо общего определения капитала даётся перечень элементов вещественного капитала или его элементов, например, «оборудование, дома, промышленные здания», с указанием на то, что они являются результатом инвестиций и приносят доходы. За такого рода поверхностными дефинициями стоят вопросы происхождения, характера, источника доходов и роста капитала, но они не обсуждаются и ответы на них не даются. То же можно сказать и в адрес современного открытия - «человеческого капитала», который подразумевает известную ещё домарксовым классикам политической экономии рабочую силу как товар, приобретающую при капитализме (К. Маркс) форму «переменного капитала». Такой подход представляет собой настоящую спекуляцию, превращая наёмного рабочего в капиталиста, если он сам инвестирует свои средства в «самого себя, оплачивая образование и приобретение квалификации». Теоретики неоклассического синтеза в восторге от открытия такой формы фетишизации отношений между наёмным трудом и капиталом и не замечают того, что они

фактически дезавуируют исходную для неоклассической теории «триединую формулу капитала» Ж. Б. Сэя, в которой капитал, земля и труд разделены как факторы производства, превращая рабочую силу в капитал не для капиталиста, а для самого работника. Но на такие «тонкости» представители неоклассики давно не обращают внимания, создавая вульгарную базу для так называемого «партнёрства» между классами наёмных работников и собственников капитала. По сути, такого же рода и понятия «социального» и «культурного» капитала, внедряющие в сознание людей мифы об изменении природы капитала, о его мессианской нацеленности на обеспечение социальной справедливости и «культуртрегерство». Такого рода перекосы лишний раз подтверждают *необходимость восстановления преподавания классической политической экономии в университетах страны и интенсивного исследования на основе её методологии новых экономических отношений, возникших и развивающихся как в России, так и во всем мире.*

Литература

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч.5-е изд. М.
2. Бузгалин А.В., Колганов А.И. «Капитал» К. Маркса и современная система капиталистических производственных отношений: опыт восхождения от абстрактного к конкретному// Вестник Московского университета, серия Экономики, №2, 2016.
3. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.
4. Цаголов Н.А. Курс политической экономии. М., 1963.
5. Кронрод Я.А. Законы политической экономии социализма. М., 1966.
6. Медведев В.А. Политическая экономия. М., 1988.
7. Маркс К. Капитал, т 1. М.: Госполитиздат, 1949.

РАЗДЕЛ 3.
Политэкономия в контексте

Рыночный фундаментализм и новая волна вульгаризации в экономической науке[1]

Воейков Михаил Илларионович,
д.э.н., профессор, заведующий сектором политической экономии Института экономики РАН

Ключевые слова: вульгарная политическая экономия, рыночный фетишизм, экономический империализм, экономическая рациональность, финансы и деньги, человеческий капитал, рынок труда.

О вульгарной политической экономии много говорили у нас в советский период. Сегодня перестали говорить о политэкономии вообще. И вместо политэкономии сегодня в нашем университетском преподавании стала господствовать западная экономическая теория (неоклассика, мейнстрим и прочее), которая во многих случаях есть не что иное, как вульгарная политическая экономия. Эта экономическая теория весьма подходит к идеологии рыночного общества, где становится господствующей специфическая идеология коммерциализации, торгашества, которая пронизывает все поры и щели общества. На место ценностей гуманизма и человечности, справедливости и солидарности, доброты и милосердия приходят ценности экономической выгоды, наживы и барыша.

Но может ли общество с господством идеологии наживы и барыша, т. е. рыночной идеологии, считаться здоровым, нормальным человеческим обществом? Может ли страна с такой идеологией перейти на стратегию инновационного развития? Какая экономическая теория пригодна для перехода России на нормальный путь развития? Западная экономическая мысль, так называемый «мейнстрим», которая повсеместно преподаётся в наших вузах, есть довольно стройное и последовательное отражение именно рыночной

[1] *Цитирование:* Воейков М.И. (2015). Рыночный фундаментализм и новая волна вульгаризации в экономической науке // Вопросы политической экономии. № 1(1). С. 24-37.

идеологии, плотно пропитанной вульгаризмами. Сможет ли эта экономическая теория помочь стране перейти на путь инновационного развития, а впоследствии превратиться в «общество знаний»? Вот в чем суть вопроса и вот что нужно обсуждать. Итак, рассмотрим несколько сюжетов из области вульгарной политической экономии.

1. Рыночная фетишизация

В первом томе «Капитала» К. Маркса в первой главе есть превосходный 4-й параграф «Товарный фетишизм и его тайна», где речь идёт о фетишизации, обожествлении товаров и товарного мира. В советское время некоторые глубокие философы выделяли этот параграф и придавали ему исключительно важное значение. Но в то время на студенчество этот параграф не производил сильного впечатления, ибо советская жизнь, а жизнь студентов тем более, была далека от фетишизации именно товарного мира. В советской экономике и жизни товар не был господствующей категорией. Нам товарный мир казался подорванным, гниющим и уходящим. Правда, и в реальности товаров было немного. Но сегодня этот гниющий товарный мир пришёл, все заполнил и поглотил. И сегодня этот 4-й параграф первой главы «Капитала» оказался чрезвычайно актуальным. Только теперь этих глубоких философов уже нет.

Так что же такого интересного написал Маркс в 4-м параграфе. Вот его текст: «Стол остаётся деревом — обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он делается товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь. Он не только стоит на земле всеми своими четырьмя ножками, но становится перед лицом всех других товаров на голову, и эта его деревянная башка порождает причуды, в которых гораздо более удивительного, чем если бы стол пустился по собственному почину танцевать... Следовательно, таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы» [6, с. 81-82]. Иными словами, люди оценивают других людей и отношения между людьми, т. е. человеческие отношения, через товары, вещи. Чем у человека больше вещей — тем он лучше, значительнее. О нем пишут в газетах, показывают по TV, говорят и стараются быть в курсе даже его личной жиз-

ни. Товарный мир, вещи определяют качество человека и качество человеческих отношений. Соответственно экономическая наука все больше и больше начинает изучать не отношения между людьми, а отношения (функциональные связи) между вещами. Современная западная экономическая теория даже самого человека готова рассматривать как вещь. Например, в теории человеческого капитала.

В советское время нас учили и мы говорили, что существовавшая тогда марксистская политическая экономия хорошая и правильная, а буржуазная — плохая и неправильная. Думающий студент и молодой преподаватель в 1960–1970-е гг. с этой формулой в целом соглашался, но все же у него оставалось некоторое недоверие. Ведь не может вся западная экономическая наука целиком и полностью быть плохой и буржуазной. Что-нибудь и на Западе есть хорошее или должно быть хорошим. Но в целом резкого неприятия формулы о буржуазной политической экономии как плохой и вульгарной не было. Ибо некоторые умные советские критики «буржуазной экономической мысли» приводили достаточно фактов и аргументов, показывающих сомнительную ценность многих утверждений «буржуазной политической экономии». Например, И. Г. Блюмин ещё в 1959 г. писал, что теория общего равновесия, которая является «важнейшим устоем традиционной буржуазной апологетики», как писали в отечественной литературе 40 лет назад, или «особо уважаемым направлением в иерархии приоритетов экономического сообщества», как пишется ныне, уже «неприменима ни к капитализму свободной конкуренции, ни к монополистическому капитализму» [2, с. 80].[2] Хотя, честно говоря, теория общего равновесия, если воспринимать её как абстрактную, теоретическую модель, вполне удобоварима и даже полезна для самого общего представления о рыночной экономике. Ведь принцип равновесия — это основной принцип функционирования рынка. Другой вопрос, как этот общий принцип осуществляется на деле и что можно из него выжать для хозяйственной практике. Тут, конечно, широкое поле для критических упражнений. Но, удивительное дело, сегодня эти слова советского критика «буржуазной политической экономии» воспроизводит один из самых популярных исследователей западной экономи-

[2] Причём Блюмин это писал в самый расцвет теории общего равновесия, который «пришёлся, — как указывает известный американский экономист Тодд Сэндлер, — на 50–60-е гг., затем её новизна стала постепенно убывать, а с ней и влияние этого анализа на экономическую науку» [17].

ческой мысли, Марк Блауг. Он пишет буквально следующее: «Можно усомниться в том, что теория общего равновесия внесла большой вклад в расширение прогнозных возможностей современной экономической теории… Теория общего равновесия, в отличие от моделей общего равновесия, является в лучшем случае разновидностью решения головоломок, созданных нами самими", и время, потраченное на её освоение, — это время, потерянное для изучения эмпирических методов экономической теории» [1, с. 361]. И в то же время некоторые советские умные критики отмечали и некоторые достижения буржуазной политической экономии. Тот же И. Г. Блюмин писал: «Было бы неправильно полагать, что кризис буржуазной политической экономии означает полный застой и отсутствие какого-либо продвижения во всех областях буржуазной экономической науки» [2, с. 58]. В общем-то так думали многие советские учёные экономисты, хотя так писали далеко не все.

Хотя в советский период критиковали почти всех западных экономистов, но не всех их аттестовывали как вульгарных. Многих из них даже переводили на русский язык и издавали. Например, Дж. Гэлбрейта, Д. Кейнса, А. Маршалла, Г. Мюрдаля, А. Пигу, Дж. Робинсон, Г. Хаберлера и др.

Сейчас многое изменилось. В постсоветское время стали как-то стесняться называть многие дурные построения западной экономической мысли — вульгарными. Наоборот, вошло в моду щеголять именно самыми неказистыми положениями этих западных мыслителей. Тем более, что среди них оказалось много лауреатов Нобелевской премии по экономике. И в этой связи возникает естественный вопрос: есть ли в действительности вульгарные направления в современной экономической мысли или все направления хороши и здоровы? В конце концов, все ли творения нобелевских лауреатов надо изучать в наших вузах?

Теперь поясним, что понимается под вульгарным направлением экономической мысли. Тут я ничего нового и оригинального придумать не могу и, стало быть, воспроизведу то, что под вульгарным в экономической науке понималось всегда. Это неглубокое, поверхностное объяснение наблюдаемых экономических явлений, когда видимость его принимается за сущность. Процитируем на этот счёт К. Маркса: «Вульгарная экономия толчётся лишь в области внешних кажущихся зависимостей, все снова и снова пережёвывает материал, давно уже разработанный научной политической эконо-

мией, с целью дать приемлемое для буржуазии толкование, так сказать, наиболее грубых явлений экономической жизни и приспособить их к домашнему обиходу буржуа. В остальном она ограничивается тем, что педантски систематизирует затасканные и самодовольные представления буржуазных деятелей производства о их собственном мире как лучшем из миров и объявляет эти представления вечными истинами» [6, с. 91]. Лучше и не скажешь. Хотя эти слова написаны 140 лет назад, но звучат они очень современно.

В советское время это было как бы общее место для соответствующей литературы. Хотя некоторые критики «буржуазной политической экономии» старались и к этому месту подходить диалектически. Так, И. Г. Блюмин, наиболее глубокий и тонкий из аналитиков этого рода, писал: «Маркс видел одно из отличий вульгарной политической экономии от классической в том, что первая отказывается от изучения внутренней сущности явлений и ограничивается рассмотрением внешних зависимостей в том виде, в каком они выступают на поверхности. Однако детальное изучение этих внешних зависимостей, выступающих на поверхности, также может представлять интерес, например изучение влияния спроса на колебания цен. Такого рода наблюдения могут пригодиться, в частности, для изучения экономической конъюнктуры» [2, с. 59]. Это, конечно, верно. Но в данном случае нас интересует сущность явлений, а не проявление их внешних форм. И вообще, что можно понять в зависимостях внешних форм, если не понята сущность явлений? Поэтому, вышеприведённое утверждение И. Г. Блюмина имеет ограниченную ценность. Увлечение внешними формами привело сегодня к очень странным процессам в экономической науке, что дало повод говорить о кризисе экономической теории.

Но вернёмся к вульгарной политической экономии. К вульгарным положениям экономической теории можно отнести многие вещи, которые во времена Маркса и после широко ходили и ходят в экономической литературе: цена как функция полезности товара, заработная плата как цена предельной производительности, рынок труда, факторы производства, прибыль как оплата труда предпринимателя и т. д., и т. п. В общем, весь комплекс этих понятий, который ныне запечатлён в знаменитом учебнике «Экономикс». Но с ним уже хорошо поработали советские и некоторые современные российские учёные. Так, например, профессор МГУ В. Н. Черковец пишет: «Методология «экономикс» не ориентирует на специальное

изучение экономических законов на уровне сущности явлений, отношений между сущностями, как и вообще не пытается различать сущность и явление, ограничиваясь плоскостью внешних экономических форм и их функциональных зависимостей» [24]. Всё это есть классическое определение вульгарной политической экономии. Вот, учить этому студентов в наших вузах не стесняются, а назвать «экономикс» своим именем стесняются.

Сегодня ситуация усложнилась. Мощность инструментария современной экономической науки развилась настолько, что готова сжевать все подряд, все стороны человеческой деятельности, не исключая даже физиологии. Современная экономическая теория (мейнстрим) все подряд превращает в товар: брак, семью, здоровье, культуру, образование, счастье, доверие, солидарность и т. д., и т. п. Наверно, полагая, что тем самым наука проникает в глубинный смысл этих явлений. Верней, она об этом даже и не задумывается, ограничиваясь переворачиванием и рассматриванием поверхностных форм. Ещё раз процитируем «Капитал» Маркса о лицах, обменивающихся продуктами: «В глазах последних их собственное общественное движение принимает форму движения вещей, под контролем которого они находятся, вместо того чтобы его контролировать» [6, с. 85].

Современный фетишизм товарной формы, отрывая её от экономического содержания, переносится и вовсе на бессодержательные формы. Действительно, если «экономикс» ограничивается анализом внешних функциональных зависимостей товарного мира, то появляется желание перенести этот анализ зависимостей и на явления нетоварного мира. Если для современной экономической теории суть экономического явления не представляется важной, то, естественно, богатый и мощно разработанный инструментарий экономической науки соблазнительно приложить куда угодно. Тем самым товарный фетишизм распространяется и на нетоварный мир.

Всё это хорошо видно на примере так называемого «экономического империализма».

2. «Экономический империализм»

Кратко говоря, под «экономическим империализмом» можно понимать распространение экономического принципа, экономизма, экономической рациональности на процессы, явления и предметы, которые никак не относятся к экономике, распростране-

ние основных понятий современной экономической теории (редкость, издержки, предпочтения и др.) на любые формы человеческой жизни, а её главные принципы (оптимизации и равновесия) на все социальные явления.

Фрэнсис Фукуяма пишет в этой связи: «Двое наиболее плодовитых и наиболее известных на сегодняшний день экономиста-неоклассика — Гэри Беккер из университета Чикаго и Джеймс Бьюкенен из университета Джорджа Мейсона (оба нобелевские лауреаты) — всю свою карьеру занимались тем, что расширяли применение экономических методов на такие, обычно считающиеся неэкономическими, феномены, как политика, администрирование, расизм, семья и рождаемость» [21, с. 38]. И тут же Фукуяма приводит мнение Гэри Беккера, который считает, что экономику не следует понимать как привязанную к определённому предмету изучения (в частности, деньгам или богатству), а как метод, применимый ко многим аспектам человеческого поведения.[3] Однако этого добиться везде невозможно. Тот же Фукуяма считает, что неоклассический подход справедлив только на 80 процентов. Он указывает на главного экономиста Адама Смита и пишет, что «ему никогда не пришло бы в голову сказать, что экономическая деятельность может быть сведена к рациональной максимизации полезности» [21, с. 39]. И это верно.

Остроумно по этому поводу заметил Ноам Хомский: «В наше время, чтобы слова звучали серьёзно, необходимо в каждой фразе употреблять слово “капитал”, — хотя именно это как раз и является несерьёзным. Вот почему я говорю о человеческом капитале“. Это является частью нашей больной идеологии» [22]. Действительно, ныне слово «капитал» приставляют к чему угодно и как угодно. И получается: человеческий капитал, социальный капитал, культурный капитал, интеллектуальный капитал, душевный капитал и т. д., и т. п. Конечно, использовать это слово («капитал») как прилагательное, как художественный образ никому не возбраняется. Ради Бога! Например, ведь в широкой литературе используют такие словосочетания, как кладбище паровозов, кладбище автомобилей, кладбище идей и т. д. Но каждый просвещённый читатель хорошо понимает, что есть одно нормальное кладбище в точном значение этого слова, а все остальное не более, чем красоты литературного

[3] См. [26].

стиля. Научное использование таких понятий недопустимо. То же и капитал. Применять его как научную категорию, как научный термин со строгим смыслом в самых разнообразных сочетаниях будет означать размазывание, затирание научного значения этого понятия. Понять и научно объяснить что-либо будет уже невозможно. Это не развитие и углубление науки, а, по сути, её ликвидация.

Вообще говоря, наука тогда добивается успеха, когда для новых явлений и процессов вырабатывает новые понятия и термины. Распространять же старые понятия и термины, прилично отражающие уже устоявшиеся и хорошо изученные явления, на новые области подобно тому, что разбавлять старое, доброе вино водой. Так, если в ожидании двух гостей вы запаслись бутылкой хорошего вина, а неожиданно к вам пришло четыре гостя, то будет очень опрометчивым добавить в бутылку ещё столько же воды. Конечно, напитка будет больше, на каждого гостя придётся установленная вами ранее норма жидкости, и дилетанты, видимо, ничего не заметят. Но качество продукта резко снизится. Более того, хорошее вино как вино будет уничтожено. Так же и с научными понятиями и терминами. Наука должна не растягивать уже хорошо работающие понятия на необозримые новые сферы, а наоборот, детализировать, уточнять, дробить старые понятия вслед за большей детализацией научно изучаемого процесса.

Например, Г. Беккер пишет: «Исходным пунктом моего анализа является предположение, что при решении вопросов, заключать ли брак, иметь ли детей, развестись или нет, мужчины и женщины пытаются максимизировать полезность, сравнивая выгоды и издержки» [8]. Конечно, при заключении или расторжении брака люди сравнивают «полезности», но не в голове, а в сердце. В данном вопросе полностью отсутствует равнодушный экономический подсчёт затрат и результатов. Тут господствуют вдохновение и эмоции, а не холодный рассудок. В противном случае любое человеческое шевеление пальцем или поворот носа можно рассматривать как тщательно рассчитанное экономическое мероприятие, а все науки, касающиеся человеческой деятельности и даже физиологии, как разделы «единой экономической науки». Очевидно, что такой подход нобелевского лауреата является полнейшим абсурдом.

Естественно, что и образование Г. Беккер не обошёл своим вниманием. Последнее он рассматривает как обычное коммерческое мероприятие. «Родителям, — пишет Г. Беккер, — выгоднее фи-

нансировать образование своих детей, так как это принесёт больший доход, чем проценты по сбережениям. Они могут косвенным образом обеспечить свою старость, инвестируя средства в детей, а затем, в старости, сократив наследство» (там же). Получается, дети — как счёт в банке. Первоначально можно вложить побольше, а потом сэкономить, «сократив наследство». Остаётся неясным, куда девать сэкономленное наследство, ведь на том свете, вроде, деньги не нужны?

В современной отечественной литературе уже приводится ряд критических аргументов против использования понятия «человеческий капитал». Так, например, в исследовании о человеческом потенциале указывается, что понятие «человеческий капитал» очень неопределённое. При этом ставится резонный вопрос о его конкретной наполняемости — «является ли капиталом сам человек, или он лишь выступает в роли материального носителя нематериального экономического блага?». Хороший вопрос. Действительно, человек без этого капитала все же остаётся человеком или превращается в пустую оболочку?

3. Экономическая рациональность

Известный принцип экономизма гласит: «Каждый субъект движим исключительно своим эгоистическим интересом». В соответствии с этим неоклассические экономисты утверждают, что все нормальные люди — это по природе разумные, рациональные существа, ведущие себя исключительно эгоистически. Они стремятся увеличить своё материальное благополучие при минимизировании всякого рода затрат. То есть экономический человек ведёт себя или должен вести исключительно рационально. Так, наёмный работник стремится к максимуму оплаты труда и к минимуму трудовых усилий. Предел мечтаний для него: получение сверхвысокой зарплаты при ничего не делании. И такое поведение нельзя рассматривать с точки зрения принципа экономизма или рациональности как ненормальное, как морально несостоятельное.

Экономизм вообще вытесняет мораль и нравственность, выводит их за пределы рассмотрения. Если мораль и нравственность не дают прибыли, «навара», то они и не нужны, бесполезны. Так, один русский интеллектуал писал в конце горбачёвской перестройки: «Все, что эффективно, то нравственно, и наоборот: все неэффективное — безнравственно». По этой логике, совершенно правиль-

ной с точки зрения принципа экономизма, получается, что порнобизнес или наркобизнес как самые экономически эффективные виды коммерческой деятельности одновременно и самые нравственные. А высокая духовная культура (театр, классическая литература, симфоническая музыка, музеи), фундаментальная наука, наконец, благотворительность и милосердие — самые безнравственные виды человеческой деятельности. Но это так, к слову.

Есть ещё важный момент. Эгоистический или экономический человек действует исключительно в своих собственных интересах, преследует прежде всего свой личный интерес. И это очень важно и нужно. Ибо только он сам лучше других видит и понимает свой собственный интерес. Он сам лучше всех остальных может его удовлетворить. И если все будут действовать исходя из своих эгоистических интересов, то общество будет развиваться наилучшим образом.

Принцип экономической рациональности в общем и целом признается всеми авторами в экономической теории как основополагающий принцип понимания рыночной экономики. Даже те авторы, которые стремятся обнаружить «слабость» этого принципа, вынуждены признавать его правоту хотя бы в общей постановке вопроса. Так, лауреат Нобелевской премии 1972 г. Кеннет Дж. Эрроу пишет: «Безусловно, не существует общего принципа, который препятствовал бы созданию экономической теории, основанной на гипотезе, отличной от гипотезы рациональности. Действительно, существуют определённые условия, которые должны быть заложены в фундамент приемлемого теоретического анализа экономики. Прежде всего в их число должна входить теория рыночных взаимодействий, соответствующая концепции расчистки рынка в неоклассической теории общего равновесия» [25]. Вместе с тем он утверждает, что «гипотеза о рациональности сама по себе слаба». Что она «в принципе не является обязательной для экономической теории». В обосновании этого вывода Эрроу указывает, что на экономику влияют обычно всякого рода «индивидуальные характеристики». Он рассматривает пример сбережений. В литературе по этому предмету обычно предполагается однородность экономических субъектов. «Между тем, — пишет Эрроу, — результаты неоднократно проведённых исследований говорят о том, что сбережения не пропорциональны доходу, из чего следует, что важную роль играет фактор распределения дохода». И делается такой вывод: «В целом, по мере со-

вершенствования данных, становится все труднее найти простую, основанную на рациональности модель, которая объясняла бы имеющиеся данные о сбережениях, богатстве и наследовании».

Можно привести и другой пример. Так, Ф. Найт в своей классической работе «Риск, неопределённость и прибыль» ставит вопрос о том, «насколько человеческое поведение по самой своей природе допускает научную интерпретацию»? Этот вопрос в конце концов сводится к возможности существования экономической науки. Ибо последняя занимается, изучает только и исключительно поведение людей в экономической сфере. Ничем другим экономическая наука не занимается. Если дать отрицательный ответ на этот вопрос, то, стало быть, нет оснований для существования экономической науки. Примерно такой отрицательный ответ и даёт Найт: «В данном пункте я остаюсь в очень большой мере приверженцем иррационализма» [9, с. 59]. То есть экономическая наука существовать не может. Очень странное заявление. Ведь мы знаем, что экономическая наука существует уже не одну сотню лет. И какие-то общие закономерности экономического поведения людей она вывела. И только потому, что человек ведёт себя в общем и целом экономически рационально.

На экономическое поведение человека влияет масса самых разнообразных и противоречивых факторов и причин. Все люди разные и ведут себя по-разному. Но в экономической теории мы абстрагируемся от многих случайных, временных, поверхностных причин и факторов. Мы берём явление в чистом виде. И чтобы понять устройство рыночного механизма, мы должны представить человека в виде бездушного автомата, механизма, эгоистически преследующего в каждом конкретном случае свою собственную выгоду. То есть человек как счётная машина без конца соизмеряет свои затраты (времени, денег, сил, нервов и т. п.) с полученным результатом. Человек в экономике ведёт себя предельно рационально.

Другое дело, что в реальной жизни это случается далеко не всегда. Но как общее правило люди ведут себя в экономике именно так. Эрроу просто смешивает абстрактную модель поведения человека с тем, что бывает в жизни.

Рациональность и есть принцип экономизма. То есть соизмерение затрат и результатов и максимальное превышение результата над затратами. Так, если человек покупает бутылку французского вина за 400 рублей, то он ожидает, что она будет по крайней

мере в два раза лучше, чем бутылка вина за 200 рублей. И вот идеал для экономического подхода будет состоять в том, чтобы можно было подсчитать, как-то измерить получаемое удовольствие от вина. Соизмеримость всего и вся — высший идеал экономизма. В этом суть и соль неоклассики. И в этом же суть так называемого экономического империализма.

Конечно, если подсчёт затрат оказывается чрезмерным или очень трудным, то лучше его не производить, а то можно и запутаться. В этом случае, как остроумно заметил Ф. Найт, самое рациональное быть нерациональным. «Очевидно, что, когда взвешивание и оценивание обходятся дороже, чем они того заслуживают, самое рациональное — быть нерациональным» [9, с. 72]. Так, в случае определения полезности (эффективности) какого-либо социального аспекта или следствия экономической деятельности, эта процедура может оказаться настолько трудоёмкой (а порой и вовсе неосуществимой), что от неё придётся просто отказаться. В результате будет невозможно экономическим путём определить целесообразность данного мероприятия.

4. О кризисе экономической теории

В последнее время много стали говорить о так называемом кризисе экономической теории.[4] Действительно, тут есть вопрос. М. Блауг приводит многочисленные высказывания западных учёных, которые с разных сторон характеризуют этот кризис. Например, высказывания такого рода: «Основной проблемой современной экономической теории является то, что её предпосылки о человеческом поведении всецело произвольны, буквально взяты с потолка» или вот такое «сейчас существуют целые направления абстрактной экономической теории, не имеющие связи с конкретными фактами и почти не отличимые от чистой математики» [1, с. 357-358]. Далее, сам М. Блауг пишет, что «эмпирические исследования, которые не оценивают конкурирующие объяснения, вскоре вырождаются в разновидность бездумного инструментализма, и мы не перегнём палку, сказав, что именно это свойственно большей части эмпирических исследований в современной экономической теории». И наконец, такой его итоговый вывод: «Основания для скептицизма в отношении основного течения экономической мысли достаточно

[4] См. [23].

убедительны»[1, с. 363, 371]. Российский исследователь основных тенденций в новейшей западной экономической теории А. Г. Худокормов, проделав тщательный анализ разных аспектов кризиса западной экономической теории, делает такой осторожный вывод: «Иными словами, диагноз кризиса современной западной теории возник не на пустом месте» [23, с. 97].

Итак, в чем же главная причина этого кризиса? На мой взгляд, причина состоит в том, что экономика ведущих западных стран довольно заметно уходит от чисто рыночного регулирования. Рынок перестаёт играть доминирующую роль в этих обществах. Большие сферы жизни цивилизованных стран Запада выводятся из-под рыночного воздействия (образование, здравоохранение, наука, культура, окружающая среда, правопорядок). Рынок сужается. А основное направление экономической теории (мейнстрим) продолжает оставаться рыночным, продолжает описывать рациональное поведение человека на рынке. Инструментарий экономической науки становиться все более мощным и изощренным. Более того, как было показано, этот экономический инструментарий начинают использовать в сферах, никакого отношения к экономике не имеющих. То есть продолжается анализ внешних, поверхностных форм не только экономической жизни, но и других социальных явлений. Тот же Г. Беккер считает, что экономику не следует понимать как привязанную к определённому предмету изучения (в частности, деньгам или богатству), а как метод, применимый ко многим аспектам человеческого поведения.[5]

Таким образом, внешние формы принимаются за суть явлений. Анализ форм и их функциональных взаимосвязей предпринимается ради самой формы, даже забывается, что экономические явления непременно должны иметь и содержание. Фетишизм товарной формы получает полное господство. Это все и есть современная вульгаризация экономической теории. И она не может не привести к кризису такой науки.

Всё это и есть современная вульгаризация в экономической теории, которую пора назвать агрессивной вульгаризацией. Последняя не просто уходит от объяснений глубинных связей в мире экономических явлений, но довольно изобретательно увёртывается от этого дела. Главное же в том, что она агрессивно заставляет ве-

[5] См. [26].

рить, что все вокруг человека и сам человек — это обычные товары на обычном товарном или фондовом рынке. Видимо, следующий шаг «экономикса» будет состоять в разработке равновесной математической модели предельной полезности совести, этики, патриотизма. Действительно, любопытно рассчитать — когда будет выгодно «продать родину», а когда придержать этот товар на складе? Чем не тема для очередного лауреата Нобелевской премии.

Закончим ещё раз цитатой из «Капитала». Тут Маркс приводит слова Шекспира: «Как не вспомнить тут добряка Догберри, который поучает ночного сторожа Сиколя, что «счастливая наружность есть дар обстоятельств, а искусство читать и писать даётся природой»». Так что, кризис современной экономической теории есть закономерный итог её вульгаризации, господства рыночной идеологии.

5. Финансовый кризис и природа денег

О современном мировом финансовом кризисе уже написано много интересного и поучительного.[6] Этот кризис ждали и о нем писали давно. Например, Л. Туроу, анализируя глобальную финансовую систему, писал ещё в 1997 г.: «Рано или поздно глобальная финансовая система испытает нечто равносильное японскому биржевому краху 90-х гг. или американскому биржевому краху 30-х. Что при этом произойдёт, пока неясно… Никто не знает, где и когда произойдёт финансовый кризис и каковы будут его масштабы. Но нет сомнения, что в какой-то неизвестный момент будущего такой кризис придёт» [19]. И вот в прошлом году этот «неизвестный» момент наступил.

Не вдаваясь в фактологическое описание современного кризиса, отметим его некоторые особенности. Во-первых, представляется, что этот кризис при всей его похожести на классические экономические кризисы, не является обычным циклическим кризисом капиталистического перепроизводства. Прежде всего, это денежный кризис, который начался в финансовой сфере и там произвёл определённые опустошения. Конечно, он затронет, и уже затронул реальный сектор экономики. Но в реальной экономике опустошения не будут столь значительными, как это, например, было в эпоху мирового кризиса 1929–1932 гг. Перепроизводства товаров в капита-

[6] См., например, [4].

листическим мире пока нет. Таким образом, можно согласиться с той литературой, где отмечается, что он имеет ряд особенностей. Одна из этих особенностей, о которой, правда, пишут меньше, состоит в том, что этот кризис заставляет задуматься об основополагающих элементах и принципах рыночной экономики. И это, во-вторых. Даже политические лидеры ведущих стран мира заявляют о чрезвычайной опасности современного кризиса для всей капиталистической системы, что капитализм после кризиса должен стать иным. Если оставить за скобками политическую риторику, то, тем не менее, в изменении капитализма есть объективная составляющая. Это касается прежде всего того, что рыночная экономика как материальная база капитализма угасает. Рассмотрим этот процесс на примере денег.

В современном мире никакие бумажные деньги на золото не разменяваются. Что же представляют собой современные бумажные деньги? Ведь человеческий труд, заложенный в производство бумажной купюры, ничтожен по сравнению с номиналом этой купюры.

Надо сказать, что даже в тех странах, где было в ходу золотое обращение, т. е. размен банкнот на золото, полного или 100%-ного золотого обращения на деле не было. Так, в США, где до Первой мировой войны действовал автоматический золотой стандарт, выпускались бумажные деньги, банковские депозиты. Количество золота в виде монет или золотых сертификатов составляло в разные годы от 10 до 20% денежной массы. Остальные 80–90%, как пишет М. Фридман, состояли из «серебра, фидуциарных [неполноценных. — *М. В.*] денег и банковских депозитов, не обеспеченных золотым резервом» [20]. Но это было давно, и сегодня про золото или серебро как основы денежной системы почти уже никто, кроме фундаменталистов рыночной идеологии, не вспоминает. Любопытно современное признание П. Самуэльсона в его знаменитом учебнике экономикса: «Много лет назад эту роль [обеспечения ценности банкнот. — *М. В.*] выполняло золото или серебро. Сегодня это уже не так, и все монеты и банкноты в США являются фидуциарными деньгами. Этот термин означает то, что нечто может называться государственной валютой, даже если это нечто не имеет ценности» [12]. А мировой финансовый кризис 2008 г. вообще выводит деньги и в целом финансовую систему развитых стран из-под рыночного саморегулирования. Поразительно, как это деньги, по природе сво-

ей будучи самым рыночным инструментом регулирования экономики, сегодня становятся государственным рычагом регулирования рынка. В экономическом мире что-то переворачивается.

Переворачивается несмотря на то, что рыночные фундаменталисты не сдаются и не снижают своей активности. Наоборот, финансовые неурядица и кризисы они по-прежнему объясняют чрезмерной ролью государства. В качестве примера приведём книгу американского экономиста М. Ротбарда «Государство и деньги». Так, он утверждает: «В отличие от многих авторов мы утверждаем, что деньги не содержат ничего специфического, требующего масштабного государственного регулирования». И ещё важная мысль из этого сочинения: «Если государство контролирует денежную систему, это значит, что у него в руках ключ к контролю над всей экономической системой, иначе говоря, до социализма рукой подать». И дальше: «Государство медленно, но верно брало в свои руки рычаги управления денежной системой, чтобы, во-первых, накачивать экономику заменителями денег по своему усмотрению, во-вторых, перейти к социалистическому управлению всей экономикой» [11]. Вот, если закрыть глаза на некоторые преувеличения, то по существу Ротбард прав. Государственное регулирование экономики, причём все более жёсткое регулирование финансово-денежной системы, ведёт в перспективе к плановому развитию экономики, что было характерно для Советского Союза и что в теории характерно для социалистического общества. Но ведь это неизбежно. Если деньги перестали быть рыночным товаром и стали фидуциарными, т. е. формой политического соглашения и политического регулирования, то это означает, что из-под рынка выбит основной конституирующий его элемент.

6. Рыночный механизм

Известно, что рынок в настоящее время представляет собой наиболее эффективный механизм экономического развития. Суть рыночного механизма (конкуренции) состоит в сопоставлении, соизмерении индивидуальных издержек труда по производству какого-либо продукта с общественно необходимой величиной, той, что складывается на рынке. На этой основе происходит дифференциация всех участников производственного процесса на лучших и худших. Практически это означает, что лучшие производители товаров или услуг достигают максимальных преимуществ и способны рас-

ширить своё производство, а худшие — в конце концов, выводятся за пределы хозяйственного процесса. Здесь нет застоя. Каждый непосредственно ощущает возможности существенного роста материального благосостояния или резкого его снижения в прямой зависимости от своего труда и результатов своего производства. Это элементарный рыночный механизм, а соревнование или конкуренция (что для рынка более адекватно) — его главный стержень. Благодаря конкуренции осуществляется наиболее оптимальное (эффективное) распределение ресурсов. В отношении труда через рыночный механизм происходит эффективное его распределение между различными отраслями, видами экономической деятельности и регионами. При хорошо отлаженном рынке труда зарплата занятых работников одной и той же квалификации в одной отрасли промышленности не должна существенно отличаться от зарплаты в других отраслях промышленности. Рынок усредняет цену предложения и спроса. «Чем более совершенным является рынок, тем сильнее тенденция к тому, чтобы во всех его пунктах в один и тот же момент платили за один и тот же предмет одинаковую цену» [7].

Вместе с тем не следует переоценивать возможности рыночного механизма. В долгосрочной перспективе его воздействие весьма незначительно, слабое воздействие он оказывает и на развитие современных сложнейших отраслей и промышленных комплексов (атомная промышленность, ракетостроение, космос и т. п.). Весьма спорным или иллюзорным является распространение рыночного механизма на некоторые отрасли так называемой «новой экономики». Например, продукты таких отраслей, как здравоохранение, культура, наука, образование, объективно не могут являться предметом рыночной конкуренции. Так, производство и распределение холста и сапог, классических предметов рыночного саморегулирования, принципиально отличается от производства и распределения профессоров и солистов Большого театра. От увеличения инвестиций в последний больше талантливых солистов никак не станет. Однако для сферы материального производства лучшего механизма, нежели рынок, на сегодня просто нет.

Рыночный механизм есть великолепный калькулятор экономической эффективности. И в этом состоит, пожалуй, его единственная ценность. Проблема заключается в том, чтобы этот калькулятор работал исправно, не искажался. То есть, другие социальные ценности не должны вводиться внутрь этого калькулятора, и не

следует ожидать, что рынок должен кроме экономической эффективности давать ещё что-то сверх. Другие ценности привносятся в социально-экономическую сферу через сознательно вырабатываемую и сознательно проводимую политику, а не через рынок. То есть, политика, как осознанная постановка и достижение общественно значимых целей, заменяет рынок, вытесняет его. Рыночный механизм самодействия может функционировать без всякой политики и с точки зрения экономической эффективности он достигнет высоких результатов. Для него не нужно никакой политики, даже экономической. Отсюда стремление либеральных экономистов ограничить или максимально снизить экономическую роль государства, как они говорят, «минимизировать государство». Государственная экономическая политика в любом вопросе ограничивает рыночное самодействие, сужает рынок. Тем более это относится к социальной политике, которая в пределе своём стремится к уничтожению рынка или, по крайней мере, к сильному его ограничению.

Сам по себе рынок есть объективная необходимость экономического процесса. Это бесспорно. У нас в конце 1980-х и начале 1990-х гг. много говорили о необходимости перехода к рыночной экономики, о продолжении рыночных реформ, подчас вкладывая в это утверждение самое различное содержание. Например, «шоковое» правительство времён Е. Гайдара руководствовалось одним: разрушением народнохозяйственного планирования и введением неуправляемого рынка. Социальные ценности, которые олицетворяло шоковое правительство первой половины 1990-х гг., состояли в спонтанном экономическом развитии, стихийном рынке и отсутствии какой-либо экономической политики. Можно даже сказать, что социальные ценности либеральных реформаторов, хотели они того или нет, состояли в ликвидации всяких социальных ценностей. Хотя они думали, что ничем не ограниченное рыночное самодействие само собой решит многие социальные проблемы. Однако оказалось, что рыночное самодействие за 1990-е гг. не только не смогло решить каких-либо старых социальных проблем, но породило множество новых и разрушительным образом сказалось вообще на экономическом развитии страны. В этом была их крупная методологическая ошибка. Рынок даёт эффективность, но убивает социальность.[7] В этой связи встаёт вопрос о границах рынка, о его явной

[7] См. [16].

недостаточности и даже вредности для развития современного общества и перехода его в следующую стадию. Социальность и социальные цели безразличны рынку, невосприимчивы им. Рынок сам по себе никаких социальных ценностей не преследует и даже не ставит.

Сегодня следует говорить о понимании того, что социальные ценности находятся за пределами рынка. Если рынок есть объективная необходимость и реальность, то нельзя же всерьёз полагать, что люди могут по своему желанию запретить или отменить эту объективную реальность, что люди могут свои моральные, этические или нравственные предпочтения (ценности) навязывать рынку. Люди могут мешать рыночному механизму или не мешать. Мы можем его внешние параметры регулировать, при условии понимания и знания издержек этого регулирования.

Социальные ценности, с одной стороны, накладываются на рынок, определяют параметры его функционирования. С другой стороны, сам рынок предопределяет возможный объем социальных ценностей. Поэтому всегда и везде рынок ограничен, регулируем. В противном случае, при господстве только экономической эффективности он может привести к нелепым и просто антигуманным последствиям. В научной литературе об этом писали сотни, если не тысячи, раз. Вот одно из этого рода высказываний: «Идея саморегулирующегося рынка основывается на самой настоящей утопии. Подобный институт не мог бы просуществовать сколько-нибудь долго, не разрушив при этом человеческую и природную субстанцию общества; он бы физически уничтожил человека, а среду его обитания превратил в пустыню» [10, с. 13-14]. Или вот другое высказывание другого западного экономиста: «Для того чтобы достичь социального равенства и справедливости, мощности рыночного механизма должны быть дополнены основными социальными возможностями» [13].

Более того, по мере увеличения богатства, развития экономики возрастает объем и значение всевозможных социальных ценностей, и в то же время падает значение экономического момента, что ведёт к возрастанию жёсткости регулирования рыночного механизма. Ещё в начале XX века М. И. Туган-Барановский сформулировал это положение таким образом: «Участие хозяйственного труда в общей совокупности социальной деятельности сокращается по мере хода истории. Повышение производительности труда подры-

вает социальное преобладание хозяйства и нехозяйственная деятельность приобретает, в качестве движущей силы истории, все большее значение» [18]. Значит, все более возрастает значение человеческой деятельности, в центре которой находится не экономическая эффективность, а социальные (культурные, научные, образовательные, гуманитарные и т. д.) цели развития. Значит, возрастает роль планирования развития, т. е. сознательного, осмысленного регулирования социально-экономического процесса. Поэтому нельзя признать уместным иронию над понятием «плановорыночная экономика». На наш взгляд, это очень ёмкая формула, к ней ещё придётся вернуться серьёзным учёным и политикам. Тем самым рынок будет ограничен, сужен.

Всё дело в том, как происходит ограничение рыночного саморегулирования. На первых стадиях развития капитализма оно происходило время от времени, эпизодически, «по случаю» кризиса или других разрушительных последствий рыночной анархии, угрожавших нормальному существованию общества или политической власти. При организованном капитализме, после депрессии начала 1930-х гг., ограничения рыночного механизма вводятся как постоянный компонент государственного регулирования экономики. Эти ограничения получают плановый, сознательный характер. Плановые методы представляют собой хороший канал для проведения политики, исходящей не только из чисто экономической эффективности. Через эти методы весьма удобно проводить и социальные, этические ценности. Это часто провоцирует политиков рассматривать социальные цели не как результат сознательного регулирования рынка, а вставлять их в сам рыночный механизм и полагать, что рынок кроме экономической эффективности может дать ещё и социальную справедливость. Кстати, в советский период чаще всего так и было. Через плановые методы пытались решать не задачи повышения экономической эффективности, а преимущественно социальные цели общественного развития.

В этой связи представляется научно неубедительной, а практически иллюзорной формула и «социальной ответственности бизнеса». Эта формула верна лишь в том смысле, что бизнес должен строго придерживаться установленных государством законов, честно платить налоги и т. д. И только в этом состоит его социальная ответственность. Благотворительность и филантропия, которыми иногда занимаются отдельные представители бизнеса, к экономике

никакого отношения не имеют. Это не есть ни элемент, ни результат рыночного механизма. Другой смысл, который вкладывают в формулу «социальной ответственности бизнеса», более серьёзный. Имеют в виду, что бизнес, обучая своих работников и платя им достойную зарплату, тем самым решает какие-то социальные задачи.[8] Это, конечно, верно. То есть, «хороший» бизнес, развивая «хорошее» производство, тем самым развивает общество в хорошую сторону, способствует в конечном счёте повышению материального благосостояния всех, в том числе и рабочих. Такой подход, верный в самом общем смысле, соответствует представлениям времён Адама Смита и его «невидимой руки». Однако 300-летнее развитие капитализма показывает, что не все так просто. Сам собой, без государственного вмешательства бизнес (капитализм) социальные задачи не решает, а порой их даже обостряет. И сколько не называй бизнес «хорошим», «социально ответственным» и т. п., он будет повышать зарплату наёмному персоналу не в целях «заботы о людях», а в своих собственных целях эффективности. Иногда интересы бизнеса и наёмных работников совпадают, но беря вопрос теоретически, надо иметь в виду, что их интересы всегда противоположны. Сглаживание этих противоположностей, точнее, доведение их до точки совпадения и есть одна из основных целей социальной политики государства в области труда.

Сегодня, когда самые развитые западные страны переходят к «обществу знаний», большие сферы человеческой деятельности выводятся из-под рыночного регулирования (например, образование). Положение, согласно которому в сферах человеческой деятельности с преобладанием творческого труда (наука, образование, культура) рыночные механизмы перестают работать, уже давно и успешно разрабатывается в новой социально-экономической литературе. Так, А. В. Бузгалин и А. И. Колганов, определяя общую закономерность, писали: «Мера развития рыночных механизмов организации и мотивации деятельности постепенно убывает“ по мере продвижения от репродуктивного труда к творческому» [3]. И в этом случае либеральная экономическая теория (мейнстрим), которая уже не в состоянии объяснять эти новые процессы, должна заменяться новой теорией. Эта коллизия между рыночным механизмом и социальным аспектами общественного производства

[8] См. [14].

(устройства) хорошо видна на примере рынка труда.

7. Рынок труда

Рынок труда есть особый рынок. На нем тесно соприкасается экономическое и социальное, регулирование его требует особой осторожности. Интересное объяснение этому даёт Карл Поланьи. Он рассуждает следующим образом. Рыночная экономика должна охватывать все факторы производства: труд, землю и капитал (в его терминах — деньги). Это общее место из любого современного учебника экономики. Но также общим место является утверждение, что в рыночной экономике все продукты производятся для продажи, как товары. Следовательно, труд и земля в рыночной экономике являются товарами. И действительно, мы говорим о рынке труда или рынке земли. Но все дело в том, что труд не есть товар в обычном рыночном смысле, никто не производит рабочую силу на продажу. «Труд, — пишет Поланьи, — это лишь другое название для определённой человеческой деятельности, теснейшим образом связанной с самим процессом жизни, которая, в свою очередь, производится“ не для продажи, а имеет совершенно иной смысл; деятельность эту невозможно отделить от остальных проявлений жизни, сдать на хранение или пустить в оборот... Характеристика труда, земли и денег как товаров есть полнейшая фикция» [10, с. 86-87]. Нетоварная природа труда и объясняет феномен классовой борьбы в капиталистической экономике. Ведь когда встречаются на рынке для обмена два товара (например, холст и сапоги), ни один из них не возмущается снижением своей цены. Если сделка не устраивает владельцев этих товаров, они спокойно расходятся до лучшего случая. Труд не может ждать лучшего случая. Труд объединяется и противостоит капиталу как могучая сила.

Таким образом, нет такого товара как «рабочая сила», который где-то изготавливают, упаковывают, хранят для того, чтобы в совершенно готовом виде поставлять на рынок. Естественно, у рабочей силы нет стоимости и не должно быть цены. Но в рыночной экономике рабочая сила приобретает форму товара и так или иначе функционирует как товар. Хотя на самом деле никакой товарной основы у рабочей силы там нет, потому что рабочую силу не производят с целью рыночной продажи, не складируют и не придерживают с тем, чтобы в хорошее конъюнктурное время выбросить на рынок. Рабочая сила не может быть продуктом, изготавливаемым на

продажу, как кирпич или пиво. Тут К. Поланьи прав.

Однако, в рыночной экономике, конечно, рабочая сила приобретает вид товара. Но это есть свидетельство чего-то ненормального в самой рыночной экономике, что последняя и общечеловеческие ценности плохо совмещаются. Другой вопрос: что собственно продаётся — рабочая сила или труд? Мы сегодня чаще говорим — рынок труда, а не рынок рабочей силы. Конечно, в современных условиях доминирования высококвалифицированного труда продаётся не рабочая сила как таковая, а труд, или труд как услуга. Говорить же о продаже рабочей силы можно только применительно к прошлым векам, к неквалифицированной рабочей силе. Сегодня это у нас можно отнести к гастарбайтерам, которые стоят на перекрёстке улиц и ждут, когда их наймут. Они мало что умеют и не знают, что с них потребуют. И хозяин нанимает их как простую физическую рабочую силу, чтобы сделать какую-то неквалифицированную работу в коммерческих целях, а, может быть, и нет. Вот это есть классическая рабочая сила. Во времена К. Маркса рабочий рассматривался в основном именно так, хотя были и квалифицированные рабочие. Но важно, что доминировало. Сейчас доминирует квалифицированный труд, даже можно сказать, что скоро будет доминировать креативный труд, т. е. творческий квалифицированный труд. Естественно, он выпадает из тех категорий, в формате которых написан «Капитал» К. Маркса.

И вот встаёт вопрос: устарела ли марксистская методология «Капитала» в анализе трудовых процессов в рыночной экономике? Однозначно ответить на этот вопрос трудно. Смотря о какой методологии идёт речь. На мой взгляд, в этом вопросе есть две методологии, и обе марксистские. Одна методология «Капитала», классического сочинения, которое описывает рыночный механизм капиталистического общества XIX века, и которую сегодня можно представлять в терминах неоклассического направления экономической науки. И эта методология, мне кажется, устарела. Она пригодна только для физического, простого труда, для более сложного, креативного труда эта методология не подходит. Там должна быть уже другая методология. А вот неоклассическое направление экономической науки пытается на новые виды труда и человеческой деятельности одеть старую классическую, в том числе и марксистскую или рикардианскую методологию. Это получается не очень понятно. Хотя старая методология технические (функциональные) связи

улавливает удовлетворительно, но содержательно процессы остаются непонятными.

Вот, например, возьмём понятие «человеческий капитал». В наш обиход такое понятие вошло довольно широко. Но с экономической точки зрения это понятие совершенно никак не работает. Человеческий капитал невозможно ни посчитать, ни оценить. В современной отечественной литературе уже приводится ряд критических аргументов против использования понятия «человеческий капитал». Так, например, И. В. Соболева в исследовании о человеческом потенциале указывает, что понятие «человеческий капитал» очень неопределённое. При этом она ставит резонный вопрос о его конкретной наполняемости — «является ли капиталом сам человек, или он лишь выступает в роли материального носителя нематериального экономического блага?» [15]. Хороший вопрос. Действительно, человек без этого капитала все же остаётся человеком или превращается в пустую оболочку?

Таким образом, можно сказать, что понятие «рынок труда» очень приблизительное. В принципе можно сказать, что наличие безработицы вообще перечёркивает понятие «рынок труда». Рынок, как известно, функционирует посредством игры спроса и предложения на труд. Так, если спрос на труд растёт, то следовательно растёт и цена труда, т. е. зарплата. Если спрос на труд понижается — понижается и зарплата. Также и наоборот. Если предложение труда увеличивается, то снижается цена труда и т. д. И в этом случае никакой безработицы не должно быть. Ибо понижение спроса на труд должно вести не к сокращению занятости, а к понижению зарплаты. Об этой ситуации Дж. Кейнс сказал так: «Если бы на самом деле было верно, что существующая реальная заработная плата является минимумом, ниже которого невозможно ни при каких обстоятельствах добиться увеличения занятости по сравнению с текущим моментом, тогда вынужденной безработицы, оставляя в стороне фрикционную безработицу, не было бы вовсе. Однако абсурдно рассматривать подобную ситуацию как типичную» [5]. Дело в том, что зарплата не может понижаться бесконечно, она не может быть, как общее правило, ниже прожиточного минимума. В противном случае, т. е. при мизерной зарплате или её отсутствии вообще, такой «товар», как труд, должен отправляться на склад в ожидании восходящей конъюнктуры или вообще не производиться. То есть надо перестать рожать детей. Но это абсурдно, ибо деторождение не поддаётся зако-

нам рыночного механизма. Тем не менее, мы пользуемся понятием «рынок труда», принимая его условность и особенности.

* * *

Особенное беспокойство вызывает состояние социальных наук. Прежняя общественная советская наука сегодня полностью отменена, хотя в ней наряду с пустословием были и определённые достижения. Достаточно вспомнить экономиста-математика Л. В. Канторовича, который получил Нобелевскую премию за работы в области оптимального планирования. Сегодня же пытаются внедрить в Россию почти исключительно западную социальную науку, с западными понятиями и ценностями, с западной культурой и идеологией. Конечно, и в западной науке есть много полезного. Но как всеобщий, тотальный процесс поголовной замены отечественной общественной науки на западную, это не может не вызвать беспокойства. Россия утрачивает интеллектуальную независимость не только в силу ничтожно малого финансирования интеллектуальной сферы, но и в силу переориентации её остатков на чужеземную идеологию.

Литература

1. Блауг М. Методология экономической науки или как экономисты объясняют. М., 2004.
2. Блюмин И.Г. Критика буржуазной политической экономии. Т. 3. Кризис современной буржуазной политической экономии. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
3. Бузгалин А., Колганов А. Глобальный капитал. М.: URSS, 2004. С. 118.
4. Журнал «Альтернативы». №1. 2009 г.
5. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978. С. 62-63.
6. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
7. Маршалл А. Принципы политической экономии. Т. II. М.: Прогресс, 1984. С. 7.
8. Мировая экономическая мысль. Т. 5. Кн. 1. С. 697.
9. Найт Ф.Х. Риск, неопределённость и прибыль. М.: Дело, 2003.
10. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.
11. Ротбарт М. Государство и деньги. Как государство завладело денежной системой общества. Челябинск: Социум, 2008. С. 69, 114.
12. Самуэльсон П.Э., Нордхаус В. Д. Экономика. 16-е изд. М., 2005. С. 425.
13. Сен А. Развитие как свобода. М., 2004. С. 166.

14. Соболев Э.Н. Регулирование социально-трудовых отношений в России: генезис, механизмы, направления трансформации. Автореферат диссертации д. э. н. М.: ИЭ РАН, 2010. С. 38.
15. Соболева И.В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. М.: Наука, 2007. С. 16.
16. Социальная справедливость и экономическая эффективность: опыт, проблемы, теория. Материалы научной конференции. Под ред. М. И. Воейкова. М.: Ленанд/URSS, 2007.
17. Сэндлер Т. Экономические концепции для общественных наук. М., 2006. С. 199
18. Туган-Барановский М.И. Теоретические основы марксизма. М.: URSS, 2010. С. 85.
19. Туроу Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999. С. 274.
20. Фридман М. Капитализм и свобода. М., 2006. С. 68.
21. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.
22. Хомский Н. Классовая война. Интервью с Д. Барзамяном. М.: Праксис, 2003. С. 249.
23. Худокормов А. Г. Основные тенденции в новейшей экономической теории Запада. М.: ИЭ РАН, 2008.
24. Черковец В. Н. Политическая экономия. Принципы. Проблемы. Политика. Избранное последних лет. М., 2005. С. 174.
25. Эрроу К. Экономическая теория и гипотеза рациональности. В сб.: Экономическая теория. Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 246–247.
26. Becker G. The Economic Approach to Human Behavior. Chicago: University of Chicago Press, 1976. P. 3–14.

Политэкономия в широком смысле: марксизм и мир-системный анализ[1]

Гловели Георгий Джемалович,
д.э.н., профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», руководитель Центра методологических и историко-экономических исследований Института экономики РАН

Ключевые слова: политэкономия в узком и широком смысле, мир-системный анализ, формации, гегемония, второе издание крепостничества, капитализм, социализм.

От критики политэкономии – к политэкономии в широком смысле

В работе «К критике политической экономии» (1859) Маркс впервые чётко очертил рамки классической политической экономии в его понимании: от У. Пепи до Д. Рикардо в Англии и от П. Л. Буагильбера до Ш. Л. С. де Сисмонди во Франции [52, т. 13, с. 39]. При отмеченном Марксом «национальном контрасте между английской и французской политической экономией» общей чертой «классиков» было то, что они стремились к познанию «внутренних зависимостей буржуазного способа производства», обнаруживая столкновения **классовых интересов** и противоречия **воспроизводства.**

Но *буржуазная* классическая политэкономия была, как выразился Энгельс в памфлете «Анти-Дюринг», политэкономией в *узком смысле;* она рассматривала открываемые ею законы производства и обмена «с положительной стороны» как вечные, хотя и давала материал для критического изображения этих законов «с отрицательной стороны» [52, т. 20, с. 154]. Тогда как введение Маркса к работе «К критике политической экономии» содержало знаменитое резюме материалистического понимания истории как прогресса общественных формаций, обусловленным ростом производительных сил, на известной ступени приводящих к революционным из-

[1] *Цитирование:* Гловели Г.Д. (2018). Политэкономия в широком смысле: марксизм и мир-системный анализ // Вопросы политической экономии. № 2(14). С. 86-111.

менениям экономического базиса, за которыми «более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке» [52, т. 13, с. 7]. А в написанной раньше, в момент вызревания материалистического понимания истории, «Немецкой идеологии» (1846) Маркс и Энгельс выделяли уже *три периода* собственно буржуазной экономической формации:

1) ускорение накопления движимого капитала благодаря первому расцвету мануфактур и расширению сношений, вызванному открытием Америки и морского пути в Ост-Индию;

2) колониальный раздел мирового рынка (с середины XVII в. до конца XVIII в.), когда мануфактура, поддерживаемая национальными государствами, играла второстепенную роль по отношению к дальней торговле и судоходству;

3) подчинение мирового рынка крупной промышленностью, универсализующей свободную капиталистическую конкуренцию [52, т. 3, с. 57-60].

Углублённый анализ этих трех периодов как периодов «первоначального накопления», мануфактурного и системы машин (фабричного) был дан Марксом в «Капитале», что потребовало и выхода за пределы периода свободной конкуренции, закономерности которого были истолкованы сложившейся в XIX в. официальной (университетской) «классической школой» либеральной политэкономии как универсальные «естественные законы».

Универсализация экономических законов приверженцами фритредерства («космополитизм» и «перпетуализм») была подвергнута критике политэкономами германской исторической школы, пытавшейся противопоставить эгоистической конструкции homo economicus концепцию множественной мотивации в хозяйстве, где наряду с эгоизмом (частной заинтересованностью) присутствуют общий интерес, принудительно реализуемый государством, и мотив благотворительности, или «каритативный» (от лат. caritas - «любовь, привязанность, забота») [48, с. 476-479]. Однако этот подход не нашёл такого отклика, как другие идеи исторической школы, напрямую связанные с экономической и социальной политикой.

Маркс и Энгельс, как известно, весьма критически относились к политэкономии германских профессоров, и именно Германию имел в виду Маркс, когда предварял «Капитал» разъяснением, что Англия, как «страна, промышленно более развитая, показывает

менее развитой стране лишь картину её собственного будущего» [52, т. 23, с. 6, 9]. Этот *эталонный подход* присутствует уже в «Немецкой идеологии», где та же Англия охарактеризована, как самая могущественная морская держава, получившая благодаря этому перевес и в мануфактуре. (Хотя в «Капитале» Маркс мимоходом замечает о Голландии как «образцовой капиталистической стране XVII в.», достигшей пика торгового могущества к 1648 г. [52, т. 23, с. 763]). Эталонный подход возобладал и в первоначальной разработке концепции *докапиталистических формаций,* в чем сказалось влияние сенсимонизма, сопоставимое по своему значению для марксистского историзма с диалектическим методом Гегеля. Мощное идейное излучение Сен-Симона преломилось через работы его верных (Базар, Анфантен) и неверных (Тьерри) учеников и в учении о классовой борьбе, и в поисках подкрепления материалистического понимания истории естественнонаучным эволюционизмом. Провозвещенный сенсимонизмом критерий стадиального смягчения *эксплуатации человека человеком* (рабовладение, крепостное право, наёмный труд) перешёл в «научный социализм», немало содействовав *линейному* пониманию формационного прогресса [38, с. 64, 67-69]. В той же «Немецкой идеологии» линейно представлен процесс накопления городского движимого капитала: от усреднения уровня оброка и барщины, который сделал возможным дифференциацию крепостных и бегство части их в цеховые города, - до появления мануфактур и т. д. вплоть до полной победы торгового города над деревней [52, т. 3, с. 56].

Но, когда Энгельс писал о политэкономии в узком смысле, он уже знал и об огромных усилиях Маркса по изучению своеобразия «форм, предшествующих капиталистическому производству» [52, т. 46, ч. 1, с. 267-281] , и о сомнениях по поводу применимости формационной доктрины к России [52, т. 19, с. 120; т. 22, с. 449]. Отсюда - постановка вопроса о необходимости привлечь к сравнению с капиталистической формой производства и обмена формы, ей предшествовавшие и «те, которые существуют рядом с ней в менее развитых странах» [52, т. 20, с. 150]. А в самых последних письмах Энгельса другу сформулировано понятие **второго крепостного права,** или **второго издания крепостного права** в Германии с середины XVI в., особенно после **Тридцатилетней войны.** По словам Энгельса, это восстановление крепостного права показывает «не только антагонистический характер действительного прогресса, но

и отдельные случаи регресса» в истории, включая развитие промышленности. В Германии в XVII-XVIII вв. пошло попятное движение к цеховому разделению труда, тогда как в Англии - «переселение» мануфактурной промышленности в не знающую цехов деревню [52, т. 35, с. 105].[2] Наконец, Энгельс сделал и более широкий вывод, что крепостное право и зависимость *не являются* какой-либо *специфически средневеково-феодальной формой* [52, т. 35, с. 112].[3]

Само по себе понятие **второго крепостного права** увидело свет лишь в 4 выпуске издания переписки Маркса и Энгельса (1913). Но связанная с ним мысль о *нелинейности формационного прогресса,* **отсутствии униформизма** в экономической эволюции [11, с. 109] нашла отражение в первом опыте политэкономии в широком смысле, предпринятом в России А. Богдановым и И. Степановым [32, с. 113].

Среднерусский марксизм
и политэкономия в широком смысле

Предыстория фундаментального 4-томного «Курса политической экономии» А. Богданова - И. Степанова, а точнее - история создания его прямо- го предшественника, богдановского «Краткого курса экономической науки», созданного в сотворчестве с тульскими заводскими рабочими-кружковцами и соратниками-лекторами И. Степановым и В. Базаровым, описана мной в недавней статье [26, с. 83-84]. К этому надо добавить, что все три создателя своеобразного тульского подпольного рабочего университета, занимавшиеся ещё и в Москве и Харькове революционной деятельностью, были в итоге сосланы за неё в 1900 г. в Калугу. Познакомившись там с талантливым литератором А. Луначарским, они вместе с ним задались целью дать новую, «более широкую и ярко-цветную редакцию» марксистской философии, нежели «узкая французская энциклопедическая ортодоксия, на которой пытался базировать весь марксизм Плеханов» [50, с. 34]. Это, по словам Луначарского, «скопление» мо-

[2] Впоследствии значение подъёма мануфактур в сельской местности для превращения Англии в «колыбель капитализма» было показано советским историком М. Баргом [4, с. 14, 55].

[3] Выводы Энгельса противоречили не только линейному спрямлению формационного подхода, но и упрощённой концепции русского исторического процесса, выдвинутой «основоположником русского марксизма» Г. Плехановым [33, с. 164-165].

лодых марксистов, приобщившихся к социал-демократической работе в городах на Среднерусской возвышенности, можно условно определить как **«среднерусский марксизм».** В его исследовательской программе политэкономия в широком смысле стала первым этапом разработки общей теории общественного бытия и общественного сознания на основе единой – организационной - «методологии миропонимания», на которую, по-видимому, А. Богданова вдохновлял и народный опыт упорной борьбы со стихиями среди суровой природы на огромном пространстве средней полосы России [57, с. 4].

Приняв за исходный пункт «исторического монизма» последовательное проведение Марксом *структурной точки зрения* в «Капитале», Богданов наметил перспективы:

- анализа исторически сменяющих друг друга экономических формаций по **единой структурной схеме** для характеристики укладов: от- ношения общества к природе (или «технические отношения») - производственные и распределительные отношения - общественная психология - идеологии («Курс политической экономии»);
- формулирования всеобщих системных понятий, **универсальных структурных закономерностей** развития природы и общества (осуществлено в 1913-1922 гг. в главном труде Богданова «Всеобщая организационная наука (Тектология)»);
- выяснения «социально-трудового» генезиса идеологических форм и их **обратного влияния** на хозяйство как организующих приспособлений людей в процессе совместного присвоения энергии окружающей среды (учебник Богданова «Наука об общественном сознании», 1914).

Социально-генетический метод исследования форм общественного сознания как производных от общественного бытия, но и оказывающих на неё активное обратное воздействие, был ответом Богданова, во-первых, на социологические дискуссии об «экономическом материализме» [41, с. 266-268] и самостоятельности психологии и идеологии (включая разъяснения в «письмах об историческом материализме» позднего Энгельса [52, т. 37, с. 394-396, 414-421; т. 39, с. 74-76, и др.]); во-вторых, на упрёки марксизму в жестком детерминизме. Возражая, Богданов писал: «Марксизм говорит: если успеют сложиться достаточные силы, то общество преобразуется таким-то способом; если нет, то оно деградирует» [6,

с. 211]. Организующая роль идеологии имеет принципиальное значение для сложения «достаточных сил». Уже в первом издании «Краткого курса экономической науки» Богданов подчёркивал, например, что только при достаточной высоте развития естествознания возможен переход от мануфактурного периода к машинной стадии капиталистического способа производства. Позднее «социально-генетический подход» к естествознанию как «идеологии производительных сил общества» выразился в интересе Богданова к историко-научным трудам австрийского физика Э. Маха [57, с. 75].

И. Степанов принял структурную методологию А. Богданова, сфокусированную на определение роли раз- личных классов и социальных групп в организации производства и обмена, обособлении организаторских функций от исполнительских и «потребительно-паразитическом» отдалении господствующих классов от реальных организаторских функций. Кроме того, соавторы «Курса политической экономии» почерпнули фактический материал и ряд концептуальных обобщений из работ нескольких поколений политэкономов исторической школы - не только германских, но и английских.

Соединение «организационной» ретроспективы классового анализа обществ с критерием развития меновых отношений позволило Богданову и Степанову в рамках формационного подхода объяснять вариативность хозяйственных структур, зигзаги опережающего экономического развития или, напротив, *деградации* народов и регионов.

Например, следуя за наиболее широкой, хронологически размытой в историографии трактовкой понятия *«феодализм»,* и характеризуя его как авторитарную натурально-хозяйственную формацию, Богданов и Степанов отмечали, что под воздействием роста меновых отношений, с одной стороны, не повсеместно происходила эволюция к крайним вариантам рабовладельческой и крепостнической эксплуатации; с другой стороны, также не повсеместно, - сложились средиземноморские государства античного мира на почве широких меновых связей между отдельными группами демоса и европейский средневековый строй обособленных городов с цеховым ремеслом и опережающим развитием транспорта. Античные государства указанного типа отличались от образованных путём войны деспотичных монархий, но *оказывались неустойчивыми* и изменялись в сторону тираний и деспотий. Классический пример -

превращение республиканского Рима в Рим цезарский; это и пример того, как меновые отношения вели к «законченному типу рабовладельческой системы» там, где *была возможна* длительная военная эксплуатация отсталых племён с захватом недвижимой (территория) и движимой (включая рабов) добычи. Стремление господ к богатству в денежной форме, снимавшей потребительские ограничения, вело к усилению эксплуатации подневольного труда ради максимума меновой ценности в античных рабовладельческих латифундиях и эргастериях. Аналогичное стремление европейских феодалов в тех странах, где рядом с деревенским миром *не смог окрепнуть* ремесленно-городской строй, привело к законченной «системе крепостных отношений» с **отягощением барщины** (не только в Германии, о чем писал Энгельс, но в гораздо более обширном ареале Центральной и Восточной Европы).

Выделив значительный исторический период **торгового капитализма,** Богданов и Степанов подчеркнули, что революционная сила торгового капитала породила «атмосферу страстной борьбы за фетишизированные личные выгоды», где стали возможны, с одной стороны, разрушительные для светских и духовных феодалов технические новшества, с другой стороны - систематизация индивидуалистического миросозерцания (гуманизм) и Реформация [12, с. 214]. Следуя за выводом Маркса о протестантизме как буржуазной версии христианства [52, т. 23, с. 89], Богданов и Степанов определили Реформацию как *«революцию торгового капитализма»* [12, с. 216]. Но её последствия оказались различными для экономики стран Европы: прогресс для одних (особенно Голландии и Англии), регресс для других - где победила католическая Контрреформация (Испания, Польша) или было растрачено слишком много сил в религиозных войнах (Германия). Одновременно порождённая торговым капитализмом и умноженная благодаря великим техническим новшествам колониальная экспансия европейского Запада *насаждала на заморских территориях крайние формы рабства и крепостничества* [12, с. 57-58].

Анализ промышленного капитализма Богданов и Степанов давали в категориях «Капитала» Маркса - с учётом произошедших к началу XX в. структурных и институциональных изменений. Ни кто иной, как И. Степанов, перевёл на русский язык знаменитый трактат Р. Гильфердинга «Финансовый капитал» (1910) и подчеркнул связь монополизации и империалистической экспансии с опереже-

ющим ростом «тяжёлых индустрий». Милитаризм, маринизм и железнодорожное строительство, опутывающее колониальный мир дорогами стратегического и коммерческого назначения, гарантируют сбыт и прибыли финансовому капиталу, заинтересованному в союзе с правительством.

Гильфердинг отметил рост капиталистических «новых средних слоёв» - не самостоятельных мелких хозяев, а всякого рода служащих (промышленных, банковских, государственных). Именно эти «новые средние слои» поддерживали «новый империализм», ожидая от него своих карьерных перспектив и повышения окладов и выступая как «голосующее стадо финансового капитала».

На *изменение классовой структуры* капитализма, отличающее его от ранних антагонистических формаций, обратил внимание и А. Богданов [7, с. 274]. Он подчёркивал, что, хотя буржуазии присуща общая с прежними высшими классами тенденция развиваться в «потребительно-паразитическом» на- правлении, капиталисты-собственники не становятся равнодушными к техническому прогрессу. Они, особенно в синдикатах и трестах, поощряют и направляют работу изобретательской мысли, требуя усовершествований от *наёмных* управляющих и специалистов- инженеров. Этот растущий слой обладателей *специализированных знаний* на службе у капитала и буржуазного государства Богданов назвал **технической интеллигенцией** [57, с. 62, 103].

Это определение было рождено стремлением Богданова уследить за **«научно-технической революцией»** (тоже его термин) и предугадать хотя бы общие направления техники социалистического (коллективистического) общества, что он пытался сделать и в своих учебниках [14, с. 282-286], и в своих утопических романах. Но Богданов (ещё в 1912 г.!) увидел и другое: милитаризм враждебных друг другу наций может использовать «открытия науки о строении материи» для всепланетного опустошения [5, с. 204].

Класс исторического момента
и линии социального прогресса

Когда предсказанное Р. Гильфердингом и И. Степановым перерастание империализма финансового капитала в мировую войну стало фактом, со своим анализом империализма выступили Н. Бухарин [19, с. 4-48] и В. Ульянов-Ленин [49, т. 30, с. 163-179]. Они были убеждены в том, что наступила последняя фаза развития

капитализма, создающая необходимые предпосылки для мировой пролетарской революции. Причём реальнее всего, прорвав «слабое звено» цепи империализма, революцию начать в России [59, с. 168]. Чем и руководствовались большевики при взятии власти в октябре 1917 г.

Богданов, к 1917 г. в основном завершивший свой главный теоретический труд («дело жизни - Тектология»), оценил этот переворот как «военно-коммунистическую революцию», рас- критиковав бывших однопартийцев в книге « Вопросы социализма», гневно ими встреченной [20], и в письме новоиспечённому наркому просвещения Луначарскому [5, с. 352-355]. Богданов не был согласен ни с оценкой готовности пролетариата (не только русского, но и западного) к тому, чтобы возглавить социалистические преобразования, ни с выводами о наличии в государственно-монополистическом капитализме военного времени материальных предпосылок для таких преобразований. Произошло внедрение в организационные черты монополистического капитализма тенденций военного коммунизма, идущих от фронта (потребительная коммуна армии) к тылу (госрегулирование вплоть до принудительного синдицирования и трестирования и всеобщей трудовой повинности); но это, по словам Богданова, «крайнее смешение элементов прогрессивности и реакционности» нельзя считать приближением к социализму.

«Осадный» коммунизм, организовали, приспособляясь к войне и разрушению производительных сил, господствующие классы, но не смогли удержать в тех границах, в каких они его способны организовать. Эти границы были прорваны - прежде всего в России с характерной для неё организаторской слабостью буржуазии - военно-коммунистическим блоков трудовых низов, объединённых тяготением («равнение по низшему») к «социализму дележа». В этом блоке сплотились пролетариат, бедное крестьянство и ремесленное мещанство и солдатские низы армии, по социальному составу большей частью крестьянские и мелкобуржуазные. Эта разношёрстная масса, повернув свои штыки против господствующих классов и пойдя за партией большевиков, выдвинулась как **класс исторического момента** [14, с. 264].

Однако «штык - не орудие творчества, и широта размаха не делает его таковым», - укоризненно писал Богданов в самом начале 1918 г. [9, с. 4], а позднее отмечал, что пролетариату в России не

только приходится приноровляться (в силу закона «слабого звена») к более отсталой части «блока трудовых классов», но и поневоле выполнять роль **зауряд-бюрократии** [8, с. 202]. И. Степанов отказался при публикации новых томов «Курса политической экономии» поместить в них главу Богданова «Военно-экономические формации» [14, с. 5]. Она вошла в последующие издания - уже периода НЭП, когда была оставлена политика «военного коммунизма». Но зато началась систематическая травля Богданова как отступника от марксизма, и, хотя его экономические учебники переиздавались вплоть до середины 1920-х гг., цензура не дозволяла дополнять их анализом не только «социалистического строительства» в СССР, но и послевоенного капитализма на Западе.

Поэтому «организационный анализ» новых формационных тенденций Богданов в последние годы жизни излагал лишь в схематичной тезисной форме в рукописях, а в печати вынужден был ограничиваться продолжением сделанных им ещё в начале века акцентов. Завершив разработку системы всеобщих организационных категорий, Богданов в начале 1920-х гг. специально остановился на вопросе о «редуктивном развитии» в условиях несоответствия количественного и структурного прогресса в системах. Размышляя об организационной диалектике редукции производительных активностей высших классов, Богданов заключил, что «судьба новейшей буржуазии определится также редуктивным развитием её производственных функций. Что же касается судьбы современного общества в целом, то она будет зависеть от соотношения прогрессивного и регрессивного моментов в развитии его низов» [10, с. 397].

Это соотношение Богданов связывал с воздействием на пролетариат «культурных линий новейшего капитализма» - «буржуазно-интеллигентского техницизма» и государственно- милитаристического «нормативизма» [8, с. 131-132]. Проводниками обеих линий выступают две основные группы технической интеллигенции, превращающейся, по мнению Богданова, из «класса в себе» в «класс для себя», из промежуточной социальной группы в новую форму существования буржуазии как господствующего класса, оттесняя собственников-рантье. По своей индивидуалистической природе техническая интеллигенция не ассоциирует себя с переходом к новой формации («коллективистскому строю»), а пролетариат ввиду культурной несамостоятельности вынужден подчиняться указанным «культурным линиям» [8, с. 133-134]. Иными словами (прямо Бог-

дановым не высказанными), вопреки ожиданиям марксизма, пролетариат в XX в. не оказался воплощением основной линии социального прогресса, а достаточные классовые силы для подлинно социалистического преобразования общества сложиться так и не успели.

Есть сопоставления взглядов Богданова с технократической концепцией основоположника американского институционализма Т. Веблена [32, с. 123-127] и с концепцией гегемонии одного из основателей *западного марксизма* (а до того - Института Пролеткульта в Турине и Итальянской компартии) и А. Грамши [69]. Грамшианская концепция культурной гегемонии действительно имеет много общего с богдановской концепцией «подчинения культурным линиям капитализма», более детальное сравнение двух концепций ещё предстоит сделать.

Перипетии формационного подхода
и возникновение школы мир-системного анализа

После гибели Богданова и смерти Степанова в 1928 г. их версия политэкономии в широком смысле была голословно объявлена «механистической» и «внеисторической». Без обличений «богдановщины» не обошлась и развернувшаяся в конце 1920-х - начале 1930-х гг. дискуссия об азиатском способе производства, связанная с необходимостью выработки осмысленного отношения Коминтерна к революционным движениям на Востоке, особенно в Китае. В течение 1930-х гг. в СССР происходило спрямление формационного подхода в его линейную пятичленную версию, закреплённую как догма в «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938). Следующий учебник политэкономии в широком смысле, инспирированный И. Сталиным, появился лишь после его смерти в 1954 г. и включал большой раздел «Политическая экономия социализма». Определяя предмет политэкономии как исторически меняющиеся «системы производственных отношений», учебник вводил понятия «основного экономического закона» и «основного экономического противоречия» для каждого из пяти *способов производства*.

Развитие формационного подхода в СССР, несмотря на развенчание культа Сталина, сковывалось догматическим «марксизмом-ленинизмом». Возобновившаяся полемика об «азиатском способе производства» не поколебала господства пятичленной формулы, а экономические дискуссии о «законе стоимости» и «законе пла-

номерности» носили нередко схоластический характер. Однако углубление представлений об экономике докапиталистических формаций стимулировало разработку отдельными историками и философами концепций единого *рентного* сословно-классового *способа производства* [38, с. 332-380]; многоукладной «большой феодальной» формации [43]; магистральных *социально-исторических организмов* (социоров) в *центре* исторического пространства и *параформаций* (от греч. *пара-* «около», «возле») в *периферийных зонах* [64, с. 140 и др.].

За пределами СССР формационная проблематика наиболее ярко проявилась в изучении исторической динамики *центров* и *периферии капитализма* [23, с. 673-677].

Концепция динамики западного капитализма как последовательности лидерства «мир-экономик» с *доминирующими центрами*[4] была обоснована французским историком-экономистом Ф. Броделем (1902-1983), редактором журнала «Анналы. Экономики. Общества. Цивилизации». Концепция Броделя, помимо оригинальной «антропогеографической» складки, отличается от формационного марксизма отрицанием линейной последовательности «простое товарное производство - капитализм свободной конкуренции - монополистический капитализм (империализм)», а также социалистического (и вообще какого-либо оптимистического) финала истории. С этим связано и то, что академический «средиземноморский марксизм» Броделя [1, с. 378-379], ретроспективно выйдя далеко за пределы Марксова анализа исторического очерка возникновения капитализма в Западной Европе, останавливался, когда вставали вопросы об оценке перспектив глобального капитализма.[5]

Концепция периферийного капитализма была выдвинута группой латиноамериканских экономистов во главе с экс-

[4] На последовательность северо-итальянские торговые республики - Соединённые провинции Нидерландов - Великобритания - США в смене центров торгового и промышленного капитализма указывали и Маркс с Энгельсом [52, т. 23, с. 758- 759; т. 25, ч 11, с. 478], и Степанов с Богдановым [12, с. 15-42].

[5] Любопытно воспоминание Броделя о советском медиевисте Борисе Поршневе (авторе, между прочим, единственного специального трактата по политэкономии феодализма) упрекавшем западных историков «в том, что мы пространно изучаем о происхождении и первых этапах капитализма, не проявляя интереса к его концу» [17, с. 647].

директором Национального банка Аргентины Р. Пребишем (1901-1986). Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки (исп. CEPAL, Comision Economica para America Latina) разработала стратегию преодоления отсталости периферийных аграрно-сырьевых экономик от стран-лидеров Запада посредством импортозамещающей индустриализации. Противоречивый и, как правило», малоудачный опыт реализации такой стратегии не только в Южной Америке, но и в других странах «третьего мира» [62, с. 34], а также аргументы южноамериканских коммунистов о невозможности социалистических революций на континенте вследствие преобладания в его странах ещё феодальных производственных отношений, вызвали появление дependетизма (исп. dependencia - зависимость) - концепций зависимого развития [64, с. 378]. Дependетисты объясняли воспроизводство экономической отсталости периферийных стран их неэквивалентным обменом с ведущими индустриальными центрами, предопределённым зависимым положением в капиталистической системе международного разделения труда.

Среди выдающихся дependетистов - Андре Гундер Франк (1929-2005), предложивший понятие «развитие недоразвитости», и Самир Амин (р. 1931), обосновавший категории «периферийного способа производства» и «общественных формаций периферийного капитализма». Во время мирового структурного кризиса капитализма 1973-1982 гг. они объединились с бывшими африканистами Иммануилом Валлерстайном (р. 1930) и Джованни Арриги (1939-2007) в интернациональную школу мир-системного анализа, узлом которой стал организованный Валлерстайном *Центр имени Фернана Броделя* по изучению экономик, исторических систем и цивилизаций при Бинхэмптонском Университете (Binghamton, шт. Нью-Йорк, США).

К тому времени (1979) вышли в свет (через 12 лет после 1 тома) 2-й и 3-0й тома фундаментального труда Ф. Броделя *((Материальная цивилизация, экономика и капитализм» (Civilisation materielle, economie et capitalisme,* XVI-XVIII *siecle),* сразу же переведённые на английский. Его последователи заявили о себе трактатами Валлерстайна *«Современная мир-система» (The Modern World-System,* 2 тома, 1974-1980), *«Капиталистическая мир-экономика» (The Capitalist World-Economy,* 1979); программным трудом Валлерстайна и его соратника-социолога Теренса Хопкинса (1929-1997) *«Мир-системный анализ. Теория и методология»* (1982) и «квартетом»

«Банды четырёх» (как шутливо прозвали Франка, Амина, Валлерстайна и Арриги) «Динамика глобального кризиса» (1982).

Пространственно-временная триалектика экономических структур

Ф. Бродель в своём обобщающем исследовании динамики капитализма продолжил применение комплексного подхода, сочетавшего структурирование антропо-географического пространства и социально-экономического времени и апробированного в прославившей автора книге «Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» (1949). Эта книга вывела на новый уровень изучение важнейшего поворотного рубежа европейской и всемирной истории, значение которого подчёркивали и Карл Маркс (образование мирового рынка), и русско-французский антропогеограф Лев Мечников (начало океанической эпохи стремления западной цивилизации стать универсальной[6], и германский социолог, экономист и историософ Альфред Вебер («стягивание Земли Европой») и многие другие. Бродель ввёл для всемирно-исторического рубежа, когда произошло превращение Атлантического океана в главный путь международной торговли, определение *«долгий XVI век».*

И в пространстве, и во времени Бродель выделил **три уровня,** на которых протекают социально-экономические процессы.

Экономические взаимодействия, порождённые развитием элементарного хозяйственного быта (материальной цивилизации) и рынков на более или менее обширном географическом *пространстве,* структурируют его на доминирующий центр-«сверхгород» (1), относительно развитые второстепенные области (2) и окраины, ресурсы которых перераспределяются центром в свою пользу (3). Определённое органическое единство этих уровней Броделем назвал **«миром-экономикой»** (l'economie- monde). [17, с. 14, 32].

Рутинные процессы *материальной цивилизации* медленно развёртываются в обусловленных безличными географическими и производительными силами **структурах повседневности** во *времени большой длительности (la longue duree)* (3). Между ним и *по-*

[6] Считаю необходимым указать на один пробел в моей давней статье о Л.И. Мечникове [29]. В ней не сказано, что именно он увлёк молодого энтузиаста Н.Н. Миклухо-Маклая идеей об экспедициях к папуасам Новой Гвинеи для исследований, опровергающий расистские тенденции западной антропологии и этнографии [36, с. 361-362].

верхностным уровнем отдельных более или менее значимых *событий* (1) находится промежуточный уровень **конъюнктур.** Конъюнктура - цикл продолжительностью от 50 до 100 лет, когда меняются *численность населения, технология* и масштабы **цен;** происходят сдвиги, подрывающие структуру [17, гл. 1].

От конъюнктур зависят общие перемены и ритмы жизнедеятельности наций и социальных групп, вовлечённых в рыночные **игры обмена и накопление капитала,** где тон задают **города.** Это **асимметричный** процесс, что «обозначается тем отчётливее, чем длиннее становятся торговые цепочки между непосредственными производителями и конечными потребителями, когда от разрыва прямой связи решающими преимуществами обладает купец, и исключительно ярко этот процесс проявляется в торговле на дальние расстояния». В силу асимметрии возвышаются активные иерархические социальные структуры, которые, **опираясь на монополии де-факто,** искажают ход обмена в свою пользу, расшатывают установившийся порядок, осуществляют манипуляции, о которых масса людей не имеет понятия, например, *сложное искусство денежного курса*. Накопление капиталистического богатства реализовало власть над *неэквивалентным обменом*. Решающими преимуществами Запада в масштабе всего мира стали **организованные рынки,** центры которых сменяли друг друга как общеевропейские и затем мировые финансовые центры, манипулирующие перераспределением ресурсов с периферии: Венеция - Антверпен - Генуя - Амстердам - Лондон - Нью-Йорк.

«Подлинная судьба капитализма была в действительности разыграна в сфере социальных иерархий» [15, с. 71] - вопреки тому, что утверждает аксиоматика экономической теории мэйнстрима: «капитализм - это рыночная экономика с рассредоточением экономической власти и простым механизмом контакта между покупателями или предъявителями спроса, или продавцами, или поставщиками товара и услуги» [51, с. 53].

Но, кроме того, на этот раз вопреки уже марксизму II и III Интернационалов, империализм соответствует не только «новейшему» (вовсе не последнему) этапу капитализма. Империализм — это обретение «услужливой помощи чужого труда», без которой не смог бы развиваться капитализм [15, с. 98]. **Плантационное рабство** в колониях — это не пережиток рабовладельческой формации, как утверждалось в линейном пятиформационном подходе [46,

с. 107], также как и второе издание крепостничества в Европе к востоку от Эльбы - не просто процесс рефеодализации. Это - оборотная сторона торгового капитализма, удел периферии возникшего европейского мира-экономики [16, с. 264-265].

Мир-системная триалектика

Помимо концепции Ф. Броделя и экономических теорий периферийного капитализма и длинноволновой динамики, на методологию мир-системного анализа повлияли экономическая антропология канадского ученого венгерского происхождения Карла (Кароя) Поланьи (1886-1964) и теория диссипативных структур бельгийского физико-химика российского происхождения Ильи Пригожина (1917-2003).

К. Поланьи в своей статье «Экономика как институционально оформленный процесс» (1957) обосновал классификацию трех главных институциональных типов взаимодействий по поводу получения благ и услуг: реципрокность (от лат. *reciprocus* - «возвращающийся»), редистрибуция (лат. *redistributio* - «перераспределение») и рыночный обмен. Реципрокность означает передачу продуктов и оказание услуг даром в соответствии с заведённым порядком в сообществе (кровные, соседские или какие-то иные узы); редистрибуция - властное принудительное перераспределение для концентрации потребительских благ и ресурсов в центре. Это более древние, но не исчезающие **способы экономической координации,** основным механизмом которой в индустриальном обществе является система ценообразующих рынков. «В XX в. с падением золотого стандарта началось сокращение роли рынков в мировом хозяйстве по сравнению с XIX в.» [61, с. 73].

И. Валлерстайн применил классификацию Поланьи для типологии *исторических систем* как главных единиц мирового развития: на реципрокности основаны *мини-системы* (которым не уделяется специального внимания в мир-системном анализе); на редистрибуции - мир-империи; на ценообразующих рынках - мир-экономики. Но все предыдущие мир-экономики оказывались непрочными и либо распадались, либо поглощались редистрибутивными *мир-империями* - крупными, более или менее длительными, территориальными образованиями с централизованной политической властью, в которых политика доминировала над экономикой, а связность поддерживалась военной силой и бюрократией. И лишь

современная западоцентричная мир-экономика, в течение «долгого XVI века» одержала победу над крупнейшей тогдашней мир-империей - католической монархией испано-австрийских Габсбургов, а затем и над другими мир-империями, превратившись в *глобальную историческую систему*.

Связность капиталистической мир-системы обеспечивается не политическими институтами, существующими за счёт налогов и дани, а относительно автономными и притом расширяющимися цепочками рыночного обмена, структурирующими международное разделение труда. Оно определяет иерархию мир-системных пространственных уровней (зон, ярусов). Валлерстайн ввёл принципиально значимое понятие **полупериферийной** структурной позиции (зоны, яруса) между **«ядром», центром** *(core)* и окраинными, **периферийными** зонами мир-системы. Полупериферия необходима, чтобы сделать функционирование капиталистической мир-экономики более плавным при прогрессирующем системном расхождении МСЯ и периферии.

В странах ядра было достигнуто **отраслевое разнообразие (диверсификация)** сельского хозяйства и растущей обрабатывающей промышленности, требующее труда более высокой квалификации, что способствовало развитию отношений **аренды и вольного найма.** Там же были сосредоточены передовые технологии и фундаментальная наука. Напротив, в периферийных регионах, специализирующихся на экспорте зерна, растительного сырья (древесина, хлопок, сахар и т.п.) и драгоценных металлов, формами контроля над трудом стали *барщина* и *рабство,* торжествовала клерикальная реакция. Недостаток «отраслевой решётки» повлёк расстыковку различных секторов хозяйства (прежде всего аграрного и индустриального) и подчинённое положение на мировом рынке.

При образовании капиталистической мир-системы её ядро (МСЯ) составили приатлантические страны северозападной Европы (Нидерланды, Англия, Франция). Ослабевшие западносредиземноморские и центральноевропейские страны (Испания, Италия, Германия), вытесненные на полупериферию, в него не попали, хотя активно участвовали в перераспределении к центру ресурсов (золото, серебро, пряности) от периферийных отсталых регионов.

Отправляясь от эволюционной «философии нестабильности» И. Пригожина, подчёркивающей значимость уникальных событий и непредсказуемость макроструктур, возникающих при вы-

ходах из кризисных состояний («порядок из хаоса»), Валлерстайн полагает, что северо-западная Европа оказалась в XVI в. лучше приспособленной для *диверсификации* сельского хозяйства, промышленности и торговли благодаря *серии случайностей* - исторических, географических, экологических. Но, возникнув как глобальная система с северо-западноевропейским МСЯ, капиталистическая мир-экономика стала определяющей, первичной по отношению к национальным экономикам, и постепенно подчинила себе все мир-империи и мини-системы. И, как историческая система, она имеет не только начало, но и конец.

Гегемонии в капиталистической мир-системе

Хотя капиталистическая мир-система изначально - межгосударственное образование, в МСЯ - арена конкуренции между сильнейшими *национальными государствами* - «великими державами» - за **гегемонию** в глобальном пространстве развития. Гегемония заключается в способности одновременном (сравнительно коротком) превосходстве капиталистических предприятий данной великой державы в трех сферах: материального производства (сельскохозяйственного и промышленного), торговли и финансов.

Смена гегемонии происходит в результате жестокой борьбы, вызывающей примерно 30-летние периоды войн. И. Валлерстайн насчитал лишь три случая мир-системной гегемонии: **Голландской Республики** (Соединённых провинций Северных Нидерландов) после Тридцатилетней войны (1618-1648) в Европе; *Соединённого Королевства* **Великобритании** после его победы в европейской монархической коалиции в войнах с республиканской и наполеоновской Францией (1792-1815); **Соединённых Штатов Америки** после двух мировых войн (1914-1918 и 1939-1945) XX в., в которых потерпела поражение также притязавшая на новую гегемонию Германия «второго» и «третьего» рейхов [21, с. 101]. В линейно-формационном подходе мир-системные гегемоны воспринимались как «образцовые страны» стадий капитализма: Голландия (Северные Нидерланды) - торгового (мануфактурного); Великобритания - фабричного эпохи свободной конкуренции; США (и их конкурент Германия) - монополистического.

Гегемония чередуется с соперничеством за неё; чередуются и фазы подъёма и спада (конъюнктурные циклы большой длительности), налагающиеся, однако, на *тренды* накопления капитала,

меняющие конфигурацию «центр - полупериферия - периферия». США и Германия стали наиболее могущественными из держав, которым удалось через полупериферию прорваться в «ядро», используя силу своих государственных механизмов для *обгоняющего* экономического *развития.*

Дж. Арриги, развивая вслед «итальянскую» (средиземноморскую) версию генезиса капитализма, предложил концепцию **системных циклов накопления,** запущенных передачей избыточного капитала в ликвидной (денежной) форме из торгово-олигархических центров (возникших благодаря левантийской торговле и крестовым походам) в центры экспансионистского территориализма (возникшие из межгосударственных конфликтов в Европе). Сочетание капитализма и «территориализма» (при конкуренции раздробленных европейских государств за мобильный капитал, снующий в поисках наиболее выгодного применения в космополитическом пространстве ликвидности) породило четыре цикла накопления (Д - Т - Д') в капиталистической мир-системе, слагающиеся из фаз материальной экспансии (Д - Т; денежный капитал приводит в движение растущую массу товаров (Т), включая превращённую в товар рабочую силу и природные ресурсы) и финансовой экспансии (Т - Д'; накопление через финансовые сделки). Последовательные системные циклы накопления пересекаются друг с другом в начале и конце, но каждый имел своего **гегемона,** причём каждый новый цикл приводил к глобальному расширению влияния гегемона и передаче избыточного капитала из сложившихся центров капиталистического развития к зарождавшимся:

генуэзско-иберийский цикл (с XV до начала XVII в.), когда на деньги генуэзцев (городской деловой диаспоры) происходило испанское завоевание Нового Света, привлекшее в Европу обилие звонкой наличности;

голландский цикл (с конца XVI до конца XVIII в.), когда голландцы добились того, чего не смогли сделать для себя генуэзцы, то есть обеспечили опору на собственные силы в ведении войны и создании (протонационального) государства (Соединённые Провинции) и его заморских акционерных компаний;

британский цикл (с середины XVIII до начала XX в.), когда многонациональное государство (Великобритания) опиралось в своей экономической экспансии на кругосветную данническую империю;

американский цикл (с конца XIX в. по наст. время), когда государство-континент (Соединённые Штаты) опиралось на общемировую систему военных баз, ТНК и институтов мирового правления.

Мир-системный генезис политэкономии

Последовательность гегемоний в капиталистической мир-системе, установленная И. Валлерстайном и Дж. Арриги, подтверждается историей возникновения и эволюции политической экономии. Незадачливый авантюрист А. Серра, которого историки-политэкономы XIX в. не раз выдвигали на место основателя политэкономии, а в наше время его тёмная фигура снова высвечена идеологами «Другого канона» (немэйнстримного) экономической мысли [63, с. 67], сетовал на бедность родного Неаполя в противоположность процветающим Генуе и Венеции [54, с. 100]. Другие, более удачливые из ранних доктринёров *меркантилизма* добавляли к ряду преуспевших в активном торговом балансе стран Голландию [54, с. 114], а более поздние доктринёры и *практики* активного торгового баланса уже почти единодушны в смеси восхищения и завистливой злобы к достижениям Нидерландов. В статье, посвящённой 400-летию выхода «Трактата политической экономии» А. де Монкретьена, я назвал это сочинение «ярким взглядом изнутри «ядра» сформировавшейся капиталистической мир-системы» [28, с. 81]: темпераментный француз негодует, что вездесущие голландцы не только ввозят в его страну новые товары, но вытесняют его соотечественников с их традиционных рынков. А ещё более гневные обличения Ю. Крижаничем «чужебесия» вперемежку с ламентациями по поводу неумения «всего народа славянского» торговать - глас вопиющего с восточно-европейской периферии [30, с. 255, 257].

Но настоящим зеркалом мир-системной гегемонии и соперничества за неё внутри «ядра» является «Политическая арифметика» У. Пепи - автора, признанного К. Марксом зачинателем классической политэкономии. Пепи раскрывает причины лидерства голландцев вплоть до проницательного описания диверсификации судостроения и выгод от торгово-мануфактурной специализации в международном разделении труда, переложившей наиболее хлопотливые занятия (хлебопашество и разведение молочного скота) на восточных соседей - поляков и датчан [58, с. 171]. Но одновременно ушлый сэр Уильям был уверен в том, что у его родной островной

Англии достаточно шансов для усиления флота и для того, чтобы превзойти соперницу-Голландию на море и приводить в движение торговлю всего мира, а Франции такого не добиться [58, с. 179]!

Ф. Кенэ, основатель первой школы экономистов, был уже современником лидерства Англии - причём не только в торговле и мануфактуре (которые физиократы, как известно, считали непроизводительными сферами деятельности), но прежде всего в укрупнённом *полеводстве,* вдвое более производительном, чем «мелкая культура» бедняков [42, с. 124]. Кенэ отметил, что *фермерская ((большая культура»,* одна только и приносящая *чистый продукт,* в Англии - правило, а во Франции - исключение (берега Ла-Манша и Ильде-Франс). Но ни Кенэ, ни А. Смит, считавший сельскохозяйственный труд наиболее производительным видом труда, ни Рикардо, ни Маркс и марксисты не разглядели за английским капиталистическим фермерством заимствованного из *Нидерландов* **многопольного севооборота,** сделавшего возможным в странах северо-западной Европы **интеграцию земледелия и животноводства** с полным использованием пашни и круглогодичным обеспечением скота кормами. Всемирно-историческое значение этого агротехнического переворота, позволившего перейти к *поступательному расширенному воспроизводству* и перемещению рабочей силы в промышленность, было в начале XX в. раскрыто русским учёным Н. П. Огановским [31, с. 46]. И. Валлерстайн же показал в первых двух томах своего труда «Современная мир-система», что диверсификация сельского хозяйства Голландии и других стран формирующегося МСЯ стала предпосылкой диверсификации его экономики в целом, а периферийное «второе издание крепостничества» следовало за монокультурной аграрной специализацией.

Система категорий Смита - Рикардо и общеевропейское признание её превосходства и как научной теории, и как обоснования практической политики laissez faire (манчестерству) - плод окончательной победы Англии в борьбе за мир-системную гегемонию и возвышения фабричной Великобритании как монопольной «мастерской мира». Её главная соперница - Франция - проиграла, но осталась в МСЯ и, по словам Энгельса, «основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна» [52, т. 21, с. 278]. Эта «чистота» проявилась и в характере французской либеральной политэкономии - «вульгарной», по определению Маркса, и сугубо вторичной по отношению к сми-

тианству и манчестерству, в примитивных толкованиях «естественных законов» свободной конкуренции.

Британская гегемония породила и символ веры экономического либерализма XIX в. - триаду принципов, обоснованных Рикардо:

1) рынок наёмного труда является саморегулируемым механизмом, не допускающим вмешательства государства и рабочих союзов в установление зарплаты;

2) создание денег должно быть подчинено автоматически действующему механизму *золотого стандарта;*

3) свободное движение товаров из одной страны в другую выявляет для каждой *сравнительные преимущества* специализации [60, с. 152].

Из отрицания первого из этих принципов выросли социализмы - утопический, революционный и «катедер-», из отрицания второго - кейнсианская макроэкономика (разновидность, говоря словами Богданова, «буржуазно-интеллигентского техницизма»), из отрицания третьего, трансформированного неокейнсианцами в принцип «факторных преимуществ», - «Другой канон», восходящий к «воспитательному протекционизму» Ф. Листа [63, с. 89].

В предисловии к переизданию 1-го тома его книги в XXI веке Валлерстайн соглашается с теми, кто оценил её как «внушительную попытку» исторического опровержения закона сравнительных преимуществ Рикардо - «ключевой предпосылки макроэкономического мейнстрима» [22, т. 1, с. xxii]. История капиталистической мир-системы показывает, что обмены между странами, занимающими неравные структурные позиции в международном *осевом* разделении труда, не являются взаимовыгодными [22, т. 11, с. xii].

Идеологии капиталистической мир-системы и геокультура развития

Либерализм занял центр политического полукруга *великих идеологий* мир-системы, возникших после «двойственной революции» - промышленного переворота в Англии и Французской революции 1789 г. Либерализм оформился почти одновременно с консерватизмом; это были разные ответы на идею нормальности изменений и суверенитета народа [21, с. 191]. Консерватизм противопоставил просветительскому рационализму и лозунгу «свобода, равенство, братство» традиционалистский порядок сословности, религии,

семьи. Либерализм стал обоснованием нормальности изменений, но изменений в политике умеренных и проводимых меньшинством, а в экономике - определяемых свободной конкуренцией на рынках при невмешательстве государства.

Социализм и его радикальный вариант - коммунизм (стратегия поляризации классовых интересов) - напротив, требовали изменений быстрых в интересах большинства, в направлении к более эгалитарному обществу.

Слово «социализм» было введено сен-симонистами в начале 1830-х гг., вскоре после того, как С.-А. Базар и Б. П. Анфантен резюмировали идеи учителя об исторической противоположности эксплуататоров и эксплуатируемых и сформулировали принцип грядущей «всемирной ассоциации»: «каждому по его способности, каждой способности по её делам - вот новое право, которое заменит право завоевания и право рождения» [37, с. 110-111].

Понятие «коммунизм», пущенное в оборот журналистами-утопистами в Англии и во Франции в 1840 г. [55, с. 63- 65], быстро распространилось на европейском континенте [52, т. 1, с. 529-537], а «Коммунистический Манифест» Маркса и Энгельса выразил революционный дух Европы 1848 г.

Уроком для социализма из поражений в 1848 г., по мнению Валлерстайна, был вывод о том, что достижение каких бы то ни было положительных результатов через спонтанное политическое восстание или массовые действия сомнительно (так как государственные структуры были достаточно прочны, а репрессивные меры оказывались несложными и действенными). Зародилась социалистическая стратегия двух этапов борьбы за политическое завоевание государственных структур: на первом этапе, создавая свои антисистемные контрорганизации (партии), через них обрести власть; на втором ею воспользоваться, чтобы трансформировать общество (или прийти к социализму).

Экономический либерализм, стал, по определению И. Валлерстайна, *геокультурой* национального развития [21, с. 190], добиваясь от соперничающих идеологий «справа» и «слева» смещения к «центру» и рассчитывая на интеграцию «опасных» классов внутри МСЯ посредством тройной программы реформ: 1) постепенное наделение всеобщим избирательным правом; 2) социальная политика благосостояния; 3) формирование (через армию и начальную школу) национального самосознания. «Программа строилась на

надежде и предположении, что простой народ будет умиротворён этой ограниченной передачей благ и потому не будет оказывать давления ради осуществления своих «прав человека» [21, с. 196].

Британская гегемония достигла пика в третьей четверти XIX в. («эра фритредерства» в Европе и полное подчинение Индии), но одновременно началось *расширение мир-системного ядра,* куда «прорвались» несколько новых индустриальных стран. Крупнейшие из них - избежавшие распада США и объединённая Германия - в течение мир-системного кризиса 1873-1895 гг. (первой Великой депрессии) и последующего конъюнктурного подъёма бросили вызов Англии. Они значительно пре- взошли её по темпам промышленного роста, особенно в машиностроении и совсем *новых отраслях* промышленности (электрическая, нефтяная, анилинокрасочная и др.), а США - и по общему объёму промышленного производства. Но, кроме того, новые претенденты на мир-системную гегемонию стали примером *геокультуры развития,* отличной от классического либерализма: это касалось и политики «воспитательного протекционизма», и новой структуры отраслевых рынков, обусловленной монополистической реализацией своих преимуществ крупнейшими технически наилучше оснащёнными предприятиями [39, с. 21]. Американские миллиардеры и «изобретатель №1» Эдисон стали символами предпринимательского успеха и технического гения человечества, а в политической экономии германская «молодая» историческая школа стала теснить классическую школу. Германские политэкономы не только анализировали новые организационные формы крупной промышленности (картели, синдикаты тресты), но и обосновывали активную промышленную и социальную политику, доказывая, что невмешательство государства не есть естественное состояние. Наконец, Германия намного превосходила все прочие страны по размаху *кооперативного движения* [65, с. 450], а германская социал-демократия была наиболее влиятельной из европейских революционных партий, и практически все в международном социалистическом движении, включая большевиков, ожидали, что первым «социалистическим» государством станет Германия [21, с. 253].

Полупериферийная Россия

Российскую империю Валлерстайн рассматривает как бывшую мир-империю, инкорпорированную капиталистической мир-

системой как полупериферия. Полупериферийную позицию обеспечили крепкая государственность и внушительный военный потенциал, вовлечение «при шпаге» в европейскую геополитику [24, с. 38]. Добавим, что образцы для преобразований в европейскую державу царизм брал прежде всего из стран, соперничавших за мир-системную гегемонию, - Нидерландов и Англии [27, с. 17], а также из полупериферийных скандобалтийских стран, входивших в «голландский культурный круг» [56, с. 56].

Взлёт уральской металлургии в XVIII в., с одной стороны, был стимулирован вхождением России в мир-систему [22, т. III, с. 201], с другой стороны, обеспечил ресурсную базу для растущего статуса России как великой европейской военной державы. Однако вместе с вестернизацией в Россию пришло ужесточение крепостничества, охватившего и промышленность, а уже первый торговый договор Российской империи с Англией (1734) был неравноправным. Условия рыночного обмена с МСЯ ухудшались, и на первом месте в русском экспорте закрепилось растительное сырье (пенька, лен), а затем зерно. Британский промышленный переворот спровоцировал «коллапс российской экспортной металлургии» [22, т. III, с. 175] и закрепление на весь XIX в. первой строчки среди статей русского экспорта за хлебом; превращение зерна в главный экспортный продукт законсервировало в России «второе издание крепостничества». Оно, а затем поражение в Крымской войне, выразили **сползание страны на периферию.**

Отмена крепостного права и другие реформы Александра II были попыткой сделать Россию развитой капиталистической страной. Но сползание на периферию продолжалось; Великая депрессия 1873-1895 гг. выявила ощутимый недостаток ресурсов в России для того, чтобы прорваться в ядро наподобие Германской империи. Бюрократически направляемое *догоняющее развитие* (реформы Витте и Столыпина) не вывело страну из тупика и не избавило от внешних военных поражений и внутренних революционных взрывов.

Первую систематическую разработку истории России с позиций мир- системного подхода осуществил Б. Ю. Кагарлицкий, редактор первого на русском языке сборника трудов Валлерстайна. Россию Кагарлицкий характеризует как *периферийную империю,* прослеживая изменение структуры русского экспорта и хозяйства в целом под воздействием внешнеэкономической конъюнктуры (например, двукратное увеличение в нем доли хлеба сразу после

отмены Хлебных законов в Англии [40, с. 301]) и долговую зависимость царизма от банкиров Лондона и Парижа - ради подавления революций (от венгерской 1848 г. до русской 1905-1907 гг.).

Кагарлицкий не использует категории «полупериферия». На мой взгляд, однако, характеристика ПОЛУпериферийной позиции Российской империи является точной. Какими болезненными ни были бы поражения в Крымской и японской войнах, Россия сохраняла статус великой военной державы, содействовала - вопреки англо-французской поддержке сепаратизма рабовладельческого Юга - победе аболиционистского Севера в гражданской войне в США, небезуспешно вела в Азии геополитическую «большую игру» с Англией, участвовала в разгроме периферийного Китая. В 18 в. в Россию в большом количестве ввозились китайские хлопчатобумажные ткани, но к началу 20 в. слово «китайки» осталось только в словаре Даля; Россия не только стала обеспечивать себя основным видом массовой промышленной продукции - текстилем, но и вывозить его в Китай. В начале 19 в. первое место в российском импорте занимали хлопчатобумажные *ткани* (готовая продукция), в середине века - бумажная *пряжа* (полуфабрикат), в конце - *хлопок-сырец.* Но в то же время ведущую отрасль своей промышленности, также как и ведущий сектор - сельское хозяйство - Россия не могла обеспечить собственным машиностроением. Ма- шины составляли главную статью её импорта (около 12%), тогда как в экспорте преобладали зерновые (40%) и лес (10%); причём почти половина экспорта и импорта России приходилась на одну страну- Германию.

Германия, бросавшая, как уже было сказано, вызов британской гегемонии в мир-системе, была образцом как для реформаторского слоя правящих классов в Российской империи (в курсе на индустриализацию, проводимом министром финансов Витте), так и для революционных «антисистемных» сил. И. Валлерстайн характеризует «ленинистскую стратегию» как эффективную именно в полупериферийной стране, которую можно считать либо слабейшей в промышленном отношении издержав ядра, либо сильнейшим из аграрных государств периферии [21, с. 253-254]. В российских городах в 1917 г. была база успешного восстания, которой не было в антисистемных движениях периферии - «рабочий класс и интеллигенция определённой численности и уровня сознательности». Такое восстание было проблематично и внутри МСЯ, где у рабочего класса уже появилось достаточно возможностей, более привлекательных в

краткосрочном плане и не требовавших непомерного риска, связанного с повстанческой деятельностью [21, с. 255].

Добавим, однако, что Ленин и окружавшие его экономисты-«максималисты» (руководители ВСНХ, в частности) рассчитывали не только на продолжение «мировой революции», но и на возможность опоры на сложившиеся время мировой войны - и прежде всего в Германии(!) – формы «государственно-монополистического капитализма» [49, т. 34, с. 192], «наполняемые пролетарским классовым содержанием» [47, с. 5-6]. Более того, Ленин полагал, что российская «диктатура пролетариата» сможет трансплантировать и трансформировать *институты* другого претендента на мир-системную гегемонию - США: тресты, «американское народное образование», «научную организацию труда» [49, т. 36, с. 550; т. 28, с. 134].

Валлерстайн сводит революционную суть *ленинизма* сводит к 1) разрыву с другими социалистами (II Интернационала) за то, что они превратились в либерал-социалистов и потому уже не являлись антисистемной силой, 2) стратегии идти дальше и быстрее, используя давление народа, по пути общественных преобразований и 3) союзу в антиимпериалистической борьбе с периферийными нациями. Но одновременно основатель Коминтерна и СССР оставил лозунг «коммунизм есть Советская власть плюс электрификация все страны», а его наследники, добавим, провозгласили курс на социалистическую индустриализацию, подразумевающий превращение СССР «из страны, ввозящей машины, в страну, производящую машины». На основании лозунгов и результатов советской индустриализации Валлерстайн предложил трактовку ленинизма как альтернативной геокультуры национального развития. Альтернативной, но все вторичной по отношению по отношению к либерализму МСЯ - полупериферийным вариантом либерализма на мировом уровне.

Этот заведомо спорный вывод отражает взгляды Валлерстайн на эволюцию капиталистической мир-системы в XX в.

Геополитика, геоэкономика
и тупик геокультуры развития?

Как уже было сказано выше, мирсистемный подход рассматривает две мировые войны XX в. и период между ними как новую «Тридцатилетнюю войну» (1914-1945), в результате которой произошла смена гегемона: Великобритания утратила это место, а занявшие его США одолели притязавшую на новую гегемонию Герма-

нию. А «построение социализма» в СССР и образование «мирового социалистического лагеря» Валлерстайн не только не считает прорывом в посткапиталистическую формацию, но рассматривает лишь как «второй план» этой «борьбы за смену гегемона».

Валлерстайн признает, что большевики и приходившие при их поддержке к власти коммунистические партии других стран принимали «законодательство, кладущее конец капитализму» (отмена частной собственности на средства производства), чего не делали приходившие к власти партии Социалистического Интернационала, вводившие «государство всеобщего благосостояния» [21, с. 253, 251]. Но антилиберальный марксизм-ленинизм разделял с либерализмом «заворожённость идеей прогресса», и «строительство социализма» оказалось вариантом догоняющего национального развития. И в качестве такового, - с одной стороны, продолжением догоняющей индустриализации, с другой стороны - примером и программой автономного социально-экономического развития полупериферийных и периферийных государств. Благодаря громадным размерам и исключительным геоэкономическим ресурсам СССР оказался способен противостоять западному военному давлению и добиться геополитической мощи, гораздо большей сравнительно с разрушенной Российской империей, а технологические достижения СССР были предметом гордости коммунистических партий у власти и путеводной звездой[7] для национально-освободительных (антисистемных движений) движений в третьем мире [21, с. 260].

Но все это, по мнению Валлерстайна, было лишь дополнением той геокультуры развития, которую стали навязывать всему миру США, манипулировавшие лозунгом «самоопределения наций», чтобы подорвать европейский империализм. Этот лозунг, брошенный президентом США и незадачливым основателем Лиги наций В. Вильсоном, Валлерстайн расценивает как «всемирный эквивалент всеобщего избирательного права», применение либеральной идеологии во всемирном масштабе с целью политической и идеологической интеграции периферии в мир-систему. Поскольку аналогичная формула была провозглашена после Октябрьской революции в «Декларации прав народов России», подписанной В. Ульяновым-Лениным и И. Джугашвили-Сталиным, Валлерстайн выдвинул концепцию «вильсонизма-ленинизма» как доктрины

[7] Чрезвычайно выразительное свидетельство космического примера СССР для революционных повстанцев «третьего мира» см. [2, с. 99].

национального развития, обращённой к народам полупериферии и периферии и сулившей им экономический подъем до уровня стран мир-системного ядра, если следовать западным либо советским образцам.

Первая половина «послеялтинского» биполярного мира (1945-1967 гг.) пришлась на фазу конъюнктурного подъёма очередной длинной кондратьевской волны. За время невероятно бурного развития капиталистическое МСЯ расширилось, включив почти всю Западную Европу и Японию, а темпы экономического роста стран СЭВ были замечательными. Однако успехи СССР и Восточной Европы были достигну- ты благодаря резервам экстенсивного роста и не преодолели разрыва с западным «консьюмеризмом». Хрущёв со своей верой в советскую риторику наивно пообещал рост потребления широким слоям, не только сильно недооценив объем спроса, но и не учтя предстоящего конъюнктурного спада длинной волны. На её нисходящей фазе это обернулось критической неудовлетворённостью ожиданий и технологическим отставанием.

Политические вспышки и потрясения 1968 г. - от студенческого бунтарства на Западе до атак маоистской молодёжи на старшие партийные кадры в КНР - Валлерстайн расценивает как вторую после 1848 г. *всемирную революцию* и начало заката обоих конкурирующих проектов геокультуры национального развития - вильсонизма и ленинизма, за фасадом «холодной войны» установивших «контролируемое соперничество-партнёрство» сверхдержав. «Новые левые» выступили против «старых левых», которые участием в проведении политики экономического роста и увеличения объёма выпускаемой продукции интегрировались в мирсистему вместе с их социальной опорой - индустриальным рабочим классом. Эпоха национального освобождения стран третьего мира исчерпала себя, поскольку пришло осознание того, что достигнуты пределы расширения МСЯ, и обещание преодолеть (или хотя бы сократить) разрыв между её различными ярусами невыполнимо. Поворотным пунктом в развитии периферии Валлерстайн считает исламскую революцию в Иране - не под левыми, секулярными и универсалистскими, а под религиозными и партикуляристскими лозунгами.

Что касается СССР, то он, по мнению Валлерстайна, остался «полупериферийным блоком» капиталистической мир-системы - «военным гигантом, у которого, однако, было хронически слабое экономическое «сердце» и случались закупорки в «сосудах» бюро-

кратического управления» [24, с. 39]. Промышленность СССР и союзных ему государств становилась все менее конкурентоспособной и оттого все менее способной вносить свой вклад в догоняющее развитие. События же 1989-1991 гг. окончательно завели в тупик геокультуру национального развития. Но в эти годы обрушилось то, что начиналось не только в 1945 г. и 1917 г., но и в 1848 г. и 1789 г., а именно - доктрина необратимой прогрессивной трансформации.

К новой политэкономии в широком смысле

В начале XXI в. мир-системный подход заслужил репутацию наиболее перспективной методологии для описания крупномасштабных исторических процессов [45]. Однако вследствие серьёзных расхождений и между основателями школы [3, с. 24-25; 67, с. 32], и между теми, кто развивает их концепции, сами понятия мир-системного подхода и мир-системы (миросистемы) остаются недостаточно строгими. Например, группа российских авторов, стремящихся к математическому моделированию исторических систем, в качестве отправного пункта принимает весьма расширительную интерпретацию Мир-Системы [34, с. 22], более соответствующую позиции А. Г. Франка, который в итоге решил вообще «отказаться от дефиса» и говорить о «мировых системах» [68, p. 221--228].

Никем из российских обществоведов, в большей или меньшей степени признающих плодотворность мир-системного подхода, не разделяется интерпретация И. Валлерстайном российской и особенно советской истории. Но отрицание некоторых существенных обобщений мир-системного анализа не мешает развитию концепций, соответствующих его духу и проливающих новый свет на судьбы исторических систем, траекторию экономического раз- вития России и пертурбации СССР.

Например, А. И. Фурсов, первым в российской научной литературе изложивший основные идеи мир-системного подхода и одновременно вступивший в полемику с И. Валлерстайном, предположил, что «современная мир-система» - более широкое (а не тождественное, как полагает Валлерстайн) историческое образование, чем капиталистическая мир-система, и в 1920-80-е гг. включало в себя СССР как новую («антикапиталистическую») мир-империю [66, с. 39].

Б. Ю. Кагарлицкий детально проанализировал воздействие

Великой депрессии 1929-1933 гг. на эксцессы «великого перелома» в СССР (административное «подхлестывание» промышленности и экспорта, коллективизация, развёртывание лагерного труда, голод), убедительно показав, что крупнейший мир-системный кризис затронул СССР иначе, чем Германию или США, но не менее судьбоносно [40, с. 450]. Миллионными жертвами были оплачены советские потери от обвала цен на зерно и другие ресурсы и от колебаний валютных курсов, периферийная зависимость от английского экспортного рынка и импорта американского и германского оборудования. Но отсоединение от мирового рынка капиталов и системы международного разделения труда позволило мобилизовать ресурсы на *социалистическое накопление,* осуществить догоняющую индустриализацию на основе передовых «фордистских» технологий.

Согласно концепции «мутантного социализма» А. В. Бузгалина, сочетание в СССР ростков *посткапиталистических* отношений с возвратом к формам *внеэкономического принуждения* (закрепощение крестьянства в колхозах и рабский труд в концлагерях) было продолжением революционной инициативы 1917 г., проявленной в стране, ещё далёкой от решения задач буржуазного развития, в то время как мировая война, предельно обострив противоречия капитализма, сделала выход за его пределы настоятельной всемирной потребностью [18, с. 14].

Ю. И. Семенов, признавая ключевое значение проблемы «центр-периферия» для всех классовых обществ, подверг критике мир-системный подход за неоправданное умаление «вертикальных», межстадиальных связей (способов производства) и сосредоточение на связях «горизонтальных», «межсоциорных». Оценку исторического места СССР и «лагеря социализма» в глобально- формационной ретроспективе (формации не совпадают со способами производства) Семенов дал в контексте разграничения между ортокапитализмом центра (от греч. ортос - «прямой», «истинный»), и паракапитализмом периферийных зон (от греч. пара - «около», «возле»). Ортокапиталистический центр сам образовал систему и стал частью более обширной мировой системы; паракапиталистическая периферия, входя в более обширную мировую систему, сама системой не была. Русские революции 1905 и 1917 гг. положили начало эпохе «социорноосвободительных революций» на паракапиталистической периферии, направленных как против «своего» паракапитализма, так и против ортокапитализма центра [64, с. 274-276]. Результатом

этих революций стал *индустрополитаризм* - новая разновидность широкой исторической категории «политарного способа производства». После распада индустрополитарной системы её бывшие составные части вновь пополнили паракапиталистическую периферию в рамках глобального капитализма [64, с. 282-288]. Таким образом, при существенных методологических расхождениях глобально- формационный подход Семенова сходится с мир-системным анализом и в трактовке советской экономической модели как геокультуры национального развития, и в центропериферическом контексте рассмотрения до- и постсоветской экономической истории России. С той поправкой, что И. Валлерстайн (повторяю, на мой взгляд, обоснованно) говорит о российском сползании с полу- периферии на периферию, а концепция Семенова (столь же обоснованно) заставляет задуматься о детализации понятия «мир-империи».

Задуматься стоит и над тем, как уже достаточно мощная исследовательская традиция мир-системного анализа может способствовать возрождению в XXI в. *политэкономии в широком смысле,* расширяющей границы экономического анализа не за пределы рынка и капитализма не только в «вертикально»-стадиальном смысле, характерном и для современного марксизма [44], но и в «горизонтальном», намеченном германской исторической школой и экономической антропологией (сосуществование с рыночным манипулятивно-эгоистическим иных хозяйственных мотивов и способов экономической координации).

Обратим внимание ещё на один момент. И. Валлерстайн рассматривает структурный кризис 1973-1982 гг., существенно изменивший конфигурацию «третьего мира» и положивший начало периферийной реинтеграции «второго мира», лишь как начало общего структурного кризиса капиталистической мир-системы, утратившей свои геокультурные основания. Отклонения от «нормального» функционирования исторической системы приобрели столь широкую амплитуду, что система «как никогда удаляется от равновесия» и не может более продолжаться, так как иссякает источник её динамизма - возможность бесконечного накопления капитала [35, с. 58, 60]. Однако, во-первых, невозможно предсказать, какая историческая система сменит современный глобальный капитализм, во-вторых, новая система может оказаться гораздо хуже, с большей степенью иерархии, поляризации и эксплуатации. Поэтому Валлер-

стайн предлагает антисистемным силам быть «неунифицированным органическим интеллектуалам» разрабатывать **утопистику** - «трезвое предвидение трудностей и открытое придумывание альтернативных институциональных структур» [21, с. 232].

В этой связи нелишне вспомнить тот анализ формационных альтернатив, который предложил в 1917 г. А. А. Богданов, имевший за плечами опыт классической утопии. 2-й том «Тектологии» завершался изложением возможных вариантов развития капитализма после мировой войны [26, с. 94]. Из перечисленных Богдановым вариантов [10, с. 239-242] три оказались довольно реалистическими - «промышленный феодализм», технократический «государственный социализм» и патриархальный «бюрократический социализм». В них в общих чертах были предугаданы фашизм, западная «смешанная экономика» и сталинизм. А вот явно утопическими оказались идеал самого Богданова («пролетарский коллективизм») и анархистский. Над подобным результатом прогноза политэкономамарксиста тоже стоит задуматься.

Литература

1. Агирре Рохас К.А. «Анналы» и марксизм // Французский ежегодник 2009. М., 2009.
2. Аллег А. Бойцы в плену. М.: ИЛ, 1962.
3. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. - М.: ИД «Территория будущего», 2006.
4. Барг М.А. Великая Английская революция в портретах её деятелей. М.: мысль, 1991.
5. Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990.
6. Богданов А.А. Из психологии общества. 2-ое изд., доп. СПб. 1906.
7. Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. 10-е изд. М.: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1906.
8. Богданов А.А. Статьи, доклады, письма и воспоминания 1901-1928 гг. // Неизвестный Богданов. Кн.1. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995.
9. Богданов А.А. Судьбы рабочей партии в нынешней революции // Новая жизнь. 1918, № 19 (26 января/8 февраля).
10. Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука. М.: Финансы, 2003.
11. Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Том 1. СПб.: Т-во «Знание», 1910.
12. Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Том 2. Вып. 1. Эпоха торгового капитала. М.: Госиздат, 1920.

13. Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Том 2. Вып. 2. Эпоха промышленного капитала. М.: Госиздат, 1919.
14. Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Том 2. Вып. 4. Общая теория капитализма. Коллективистический строй. 2-е изд. М.-Пг.: Госиздат, 1924.
15. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: «Полиграмма», 1993.
16. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII в. В 3 т. Т. 2. Игры обмена. М.: Прогресс, 1988.
17. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII в. В 3 т. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс, 1992.
18. Бузгалин А.В. Как изучать СССР// СССР: незавершённый проект. М.: Ленанд, 2013.
19. Бухарин Н.И. Мировое хозяйство и империализм// Коммунист. 1915. № 1-2.
20. Бухарин Н.И. Рец. на кн.: А.Богданов. Вопросы социализма // Коммунист (МК РСДРП). 1918. № 3.
21. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб. - Университетская книга, 2001.
22. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. В 4 тт. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2015-2016.
23. Валлерстайн И. Периферия// Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА-М, 2004.
24. Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500-2100 // Свободная мысль. 1996. № 5.
25. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. М.: Соцэкгиз, 1959.
26. Гловели Г. Д. А. А. Богданов: от политической экономии к тектологии // Вопросы политической экономии. 2017. № 1.
27. Гловели Г.Д. Евразийское месторазвитие и эталонные ареалы экономических ре- форм в истории России// Федерализм. 2009. № 2.
28. Гловели Г.Д. Исторические лабиринты политической экономии: заметки по поводу неочевидного юбилея// Вопросы политической экономии. 2015. № 1.
29. Гловели Г.Д. Лев Мечников// Альтернативы. 1995. № 1.
30. Гловели Г.Д. Меркантилистская геокультура и «прозельная горячесть»: наследие Ю.Крижанича и И.Посошкова в контексте мир-системного подхода // Историко-экономические исследования. 2014. № 2.
31. Гловели Г. Д. Н.П. Огановский: закономерность аграрной эволюции и пробелы формационного подхода// Вопросы политической экономии. 2017. № 2.
32. Гловели Г.Д. Политэкономия в широком смысле: элементы институционализма и утопизма// Вопросы экономики. 2010. № 10.
33. Гловели Г.Д. Трагифарс «плехановской ортодоксии» и драма российской европеизации// Научные труды ВЭО России. 2017. Т. 204, № 2.
34. Гринин л. Е., Каратаев А. В. Глобальный кризис в ретроспективе. М.:

КД «ЛИБРОКОМ », 2009.
35. Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. М.: ИИГ, 2015.
36. Иванченко А. Там, за горизонтом... М.: Советский писатель, 1986.
37. Изложение учения Сен-Симона. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
38. Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М.: Наука, 1990.
39. Инюшин В.В., Медоваров М.В., Черкасов А.Н. Геоэкономические и геополитические механизмы Первой мировой войны. М.: ИНФРА-М, 2018.
40. Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя. Россия и миросистема. М.: Ультра. Культура, 2004.
41. Кареев Н.И. Экономический материализм// энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. П/том 79. СПб., 1904.
42. Кенэ Ф., Тюрго А.Р.Ж., Дюпон де Немур П.С. Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: Эксмо, 2008.
43. Кобищанов Ю.М. Теория «большой феодальной формации» // Вопросы истории. 1992. №4-5.
44. Колганов А.И. Что такое социализм? Марксистская версия. М.: КД «ЛИБРОКОМ», 2009.
45. Крадин Н.Н. Проблемы периодизации исторических макропроцессов // История и Математика: Модели и теории. М.: УРСС. 2008.
46. Курс политической экономии. Под ред. Н.А. Цаголова. 3-е изд. М.: 1973.
47. Ларин Ю. Государственный капитализм военного времени в Германии (1914-1918) М.-Л.: Госиздат, 1928.
48. Левитский В.Ф. История политической экономии в связи с историей хозяйственного быта. Харьков, 1914.
49. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1967-1975.
50. Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. М.: Советская Россия, 1968.
51. Макконнелл К., Брю С. Экономике. Кн. 1. М.: Республика, 1992.
52. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. В 50 тт. М.: Госполитиздат, 1955-1981.
53. Меньшевистский процесс 1931 года. Сб. документов. М.: РОССПЭН. 1999.
54. Меркантилизм. Сборник. Сост. И.С. Плотников. М.: Огиз, Соцэкгиз. 1935.
55. Мортон АЛ. Английская утопия. М.: ИЛ. 1956.
56. Нефедов С.А. Происхождение регулярного государства Петра Великого// Вопросы истории. 2013. № 12.
57. Очерки философии коллективизма. Сб. первый. СПб.: Издание тов-ва «Знание», 1909.
58. Петти У. Экономические и статистические работы. М.: Соцэкгиз. 1940.
59. Письма Н.И. Бухарина В.И. Ленину// Вопросы истории. 1994. № 3.

60. Поланьи К. Великая трансформация. СПб.: «Алетейя», 2002.
61. Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс// «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. М.: ГУ-ВШЭ, 2006.
62. Пребиш Р. Периферийный капитализм. Есть ли ему альтернатива. М.: ИЛА РАН, 1992.
63. Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: НИУ-ВШЭ, 2011
64. Семенов Ю.И. Философия истории. М.: Старый сад, 1999.
65. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М.: Экономика. 1989.
66. Фурсов А.И. Мир-системный анализ: интерпретация послевоенного периода (1945-1991). М.: ИНИОН РАН. 1997.
67. Фурсов К.А. Теории развития мировой капиталистической системы: корреляция между концепциями гегемоний И. Валлерстайна и системных циклов накопления Дж. Арриги // История мировой экономики. Вып. 1. М.: ИЭ РАН, 2012
68. Frank A.G. lmmanuel and Me With/Out Hiphen // Journal of World-Systems Research. 2000. Vol. 11. No. 2.
69. Sochor Z. Was Bogdanov Russia's answer to Gramsci? // Studies in Soviet Thought. 1981. Vol. 22.

Капитализм и социализм на весах политической экономии[1]

Дзарасов Руслан Солтанович,
д.э.н., профессор кафедры политической экономии и истории экономической науки Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, г.н.с. ЦЭМИ РАН

Ключевые слова: капитализм, социализм, политическая экономия, конвергенция, рынок, план, планомерность, планирование.

В своей обстоятельной статье[2] профессор Г. Цаголов поставил фундаментальные вопросы формирования нового курса политической экономии. Он правильно констатирует плачевные результаты применения постулатов экономикс для хозяйственного развития нашей страны. В связи с присущим западному мейнстриму техническим подходом к экономике, игнорирующим многие важнейшие социальные аспекты проблем, пореформенная Россия зашла в тупик сырьевой экспортной модели. Г. Цаголов говорит о том, что маятник предпочтений в экономической науке вновь качнулся в сторону политической экономии. Множатся требования восстановить этот курс как часть обязательной программы экономического образования в нашей стране. Но каким он должен быть в современных условиях? — ставит вопрос автор материала.

Представляется совершенно обоснованной позиция Г. Цаголова о преимуществах университетского курса политической экономии, созданного под руководством Николая Александровича Цаголова в 1960-е годы. Этот труд далеко выходит за рамки учебника, поднимая наиболее фундаментальные проблемы экономического мировоззрения. Одним из его главных завоеваний является оригинальная трактовка методологии «Капитала» Карла Маркса и её систематического применения для создания целостного курса политической экономии. На основе т. н. «восхождения от абстрактного к конкретному» излагаются не только основные проблемы теории

[1] *Цитирование:* Дзарасов Р.С. (2015). Капитализм и социализм на весах политической экономии // Вопросы политической экономии. № 3(3). С. 30-41.
[2] См.: [1, с. 39–52].

докапиталистических и капиталистической общественно-экономических формаций, но и даётся очерк политической экономии социализма. Автор данных строк целиком поддерживает предложение положить в основу нового курса именно эту методологию.

Однако Г. Н. Цаголов полностью отдаёт себе отчёт не только в замечательных достижениях старого университетского курса, но и хорошо осознает его существенные недостатки. Времена, в которые данный курс разрабатывался и преподавался, неизбежно наложили на него свой отпечаток. По мнению Г. Н. Цаголова, даже изложение проблем капитализма в старом учебнике нуждается в существенном пересмотре и дополнении. Необходимо отразить процессы развития основных институтов капиталистического общества, судьбу государственного регулирования, возрождение неолиберализма, подъем финансово-спекулятивного капитала и многое другое.

Однако особенно необходим значительный пересмотр трактовок социализма. Система взглядов старого курса по этим вопросам оказалась ограничена догматическим подходом к советской действительности. Планомерность трактовалась не как норма, к которой необходимо стремиться, а как прочно завоёванное качество советской экономики. При всех неоспоримых успехах плановой экономики это, конечно, было её идеализацией. Не мог в старом курсе найти адекватное отражение важнейший для судеб советского строя вопрос о самостоятельных интересах государственной и партийной бюрократии. В конце концов, именно эти корыстные интересы и привели к перерождению и краху советской системы.

Наиболее важный вопрос, поднятый Г. Н. Цаголовым, касается взаимосвязи проблем капитализма и социализма в новом курсе. Автор статьи считает, что их надо излагать в соответствии с трактовкой нового социально-экономического строя, идущего на смену современному обществу, охваченному глубоким, всесторонним кризисом. Как он считает, это не капитализм и не социализм, а принципиально новый, неизвестный ещё истории тип общественно-экономической формации — «интегральное общество». Оно, по мнению Г. Н. Цаголова, является синтетическим, т. е. объединяющим черты капитализма и социализма. В этом сочетании противоположных начал и видит он специфику и преимущества нового строя. Завершение курса политической экономии теоретической моделью интегрального общества задаёт перспективу всей данной системе понятий. В этом контексте само изложение проблем капи-

тализма и советского планирования должно показывать их односторонность и вытекающие из этого несовершенства и пороки.

Г. Н. Цаголов подробно излагает свою аргументацию в пользу данного подхода. Он даёт очерк теорий конвергенции, особенно подчёркивая вклад Джона Гэлбрейта и Питирима Сорокина. Последнему, кстати сказать, и принадлежит сам термин «интегральное общество». Но Г. Н. Цаголов не ограничивается только рассмотрением теорий, а анализирует широкий круг фактов, говорящих о сочетании рыночных и плановых методов управления экономикой в современном мире. Получается, что все наиболее успешные экономики — скандинавские в Европе, Китай и Индия в Азии, Бразилия в Латинской Америке, Белоруссия и Казахстан в СНГ — шли по данному пути. Их опыт и трактуется как практическое подтверждение теории конвергенции и как эмпирический материал для обобщения в модели интегрального общества. Этот путь развития рассматривается как альтернатива неолиберальной концепции, на основе которой Россия безуспешно пыталась строить своё благополучие все пореформенные годы.

Что касается сочетания плана и рынка, то с необходимостью подобного синтеза, с тем, что это магистральный путь развития мировой экономики в течение последних примерно ста лет, спорить не приходится. Более того, приоритет в постановке данной проблемы и первом опыте её практического решения принадлежит нашей стране. В самом деле, после неудачной попытки построить в Советской России безденежное хозяйство в эпоху «военного коммунизма» большевики, как известно, перешли к НЭПу. Его суть как раз и состояла в том, чтобы использовать стимулирующую роль рынка при сохранении «командных высот» экономики в руках государства. Видный представитель «бухаринской школы» Айхенвальд подчёркивал органическое единство экономики НЭПа. Оно состояло в том, что план опирался на рыночные оценки общественной ценности труда, а рыночные сделки — на плановые пропорции [2]. Эта концепция противостояла взглядам теоретика левой оппозиции Евгения Преображенского, писавшего об антагонизме социалистического и капиталистического укладов в советской экономике. Модель А. Айхенвальда может трактоваться как близкая к концепции «интегрального общества». Однако есть и существенные отличия, о которых чуть ниже.

О необходимости сочетания плана и рынка говорит даже

опыт самих развитых капиталистических стран. Период господства иллюзий нерегулируемого рынка приходится, прежде всего, на викторианскую Англию конца XIX и начала XX века [3] и на тот же период в истории США. Между тем такой проницательный мыслитель, как Джон М. Кейнс, ещё в 1920-е годы показал абсурдность данных представлений [4]. Его позиция блестяще подтвердилась в ходе т. н. «Великой депрессии» 1930-х годов. С тех пор развитые капиталистические страны прошли большой путь адаптации и заимствования опыта планирования в СССР в виде регулирования капиталистической экономики косвенными методами.[3] Это тоже форма сочетания плана и рынка, хотя и более мягкая, чем НЭП. Западная Европа в первые послевоенные годы — Италия, Франция, Германия, в меньшей степени Великобритания — просто стояли на грани введения т. н. «демократического социализма». Под этим термином в то время понималось нечто, очень близкое к советскому НЭПу, а именно — национализация крупного производства и банков с последующим введением на этой основе национального планирования. Перед лицом этой угрозы США и приняли в срочном порядке «план Маршалла» — как план спасения капитализма в Европе.

Образно объяснил соотношение плана и рынка в современной экономике развитых стран нобелевский лауреат Василий Леонтьев: «Я увлекаюсь парусным спортом и, когда объясняю студентам, как функционирует экономика, сравниваю её с яхтой в море. Чтобы дела шли хорошо, нужен ветер, — это заинтересованность. У американской экономики слабый руль. Нельзя делать так, как говорил Рейган: поднимите паруса, пусть их наполнит ветер, и идите в кабину коктейли пить. Так нас и на скалы вынесет, разобьём яхту вдребезги. У Советского Союза сейчас (опубликовано в 1990 г. — *Р. Д.*) наоборот: ветер не наполняет паруса, а тогда и руль не помогает. Я думаю, что более правильно делают японцы. У них, конечно, есть частная инициатива, но и государство играет большую роль, влияя на развитие экономики в лучшем направлении. Из всех капиталистических стран, у которых в настоящее время можно чему-то поучиться, я бы выбрал не США, а Японию» [6, с. 15]. Справедливости ради следует отметить, что в 1990 г. в Японии лопнул «пузырь» завышенной стоимости недвижимости и ценных бумаг [7], вызвавший продолжительную стагнацию экономики в следующие два с

[3] См. замечательный очерк дебатов в американской экономической теории того времени в книге [5].

половиной десятилетия. В связи с этим первенство в представлении миру «азиатской модели» экономического развития перешло к современному Китаю.

Не последним аргументом в пользу смешанной экономики является и судьба советского хозяйства. Не сумев возродить опыт НЭПа, оно проиграло соперничество с регулируемыми экономиками Запада и рухнула. Таким образом, «Великая депрессия» на Западе и судьба централизованного планирования на Востоке говорят в пользу синтетического, смешанного подхода. В этом Г. Н. Цаголов безусловно прав. Однако можно ли из необходимости сочетать план и рынок выводить единство или соединение капитализма и социализма — это другой вопрос.

Рассмотрим те социально-экономические обстоятельства, при которых возникли сами идеи конвергенции в США. Считается, что в этой стране на рубеже XX в. произошла т. н. «революция управляющих», обеспечившая определённую самостоятельность менеджмента от собственников американских корпораций [8]. Сложность управления крупным бизнесом и распыление акций среди множества мелких собственников привели к тому, что менеджеры стали относительно самостоятельны в оперативном управлении компаниями. Считается, что, ориентируясь на укрепление долгосрочных позиций на рынке, управленцы обеспечивали долгосрочные инвестиции корпораций [9]. В послевоенные десятилетия «золотого века» американского капитализма с конца 1940-х до начала 1970-х годов корпоративное планирование дополнялось кейнсианским государственным регулированием и ростом расходов на социальные нужды. В этот период американские корпорации платили хорошую заработную плату рабочим, высокие оклады менеджерам, делали долгосрочные инвестиции и платили налоги на содержание «государства всеобщего благосостояния».

Именно эти условия роста горизонта корпоративного планирования в сочетании с государственным регулированием и дали повод говорить о фундаментальных сдвигах в основах американского капитализма. Так, Дж. Гэлбрейт рассматривал менеджмент корпораций и государственных чиновников как своеобразную «техноструктуру», которая, по существу, проводит планирование американской экономики [10]. С другой стороны, в середине 1960-х годов в СССР осуществлялись знаменитые «косыгинские реформы», нацеленные на более активное использование «товарно-денежных от-

ношений в условиях социализма». Получалось, что в США все активнее используют плановые методы, а в СССР — рыночные. Отсюда и идея конвергенции, т. е. сближения капитализма и социализма, которое, якобы, должно прийти на смену их противоборству. Выдвинутая в 1950–1960-е годы, т. е. в период апогея «холодной войны», эта гипотеза была смелой и интересной для своего времени. Представляется, однако, что история её не подтвердила.

Что касается США, то условия их развития в корне изменила стагфляция 1970-х гг. Восстановление экономик Западной Европы и Японии привело к обострению международной конкуренции в такой степени, что началось долгосрочное падение доходности от вложений капитала в производство [11, p. 7–47]. Временно возникшие исключительно благоприятные условия развития американских корпораций ушли в прошлое. В 1980-е годы по американской экономике прокатилась волна слияний и поглощений. Сплошь и рядом они осуществлялись на заёмные средства. Это требовало безжалостной «реструктуризации» компаний, т. е. распродажи части активов и увольнения рабочих, чтобы расплатиться с долгом. Все это обосновывалось необходимостью защитить права акционеров, которые, якобы, нарушались неподконтрольным менеджментом. Во многих случаях, действительно, в результате реструктуризации компаний происходил рост стоимости их акций. Однако слишком часто «повышение доходности достигалось только путём получения уступок от поставщиков или потребителей, сокращения величины уплачиваемых налогов, урезания заработной платы и сокращения персонала белых воротничков» [12, p. 5]. Вместо поддержания долгосрочного роста американские корпорации стали сокращать занятость и инвестиции, направляя все большую долю прибыли на выплату дивидендов.

Таким образом, в условиях устойчивого падения прибыльности в производственном секторе модель корпоративного управления в американском бизнесе фундаментально изменилась. Произошёл сдвиг корпоративной власти от менеджеров к акционерам, преодолевшим традиционное отделение собственности от управления.

Важнейшим последствием «контрреволюции акционеров» стала смена приоритетов американского бизнеса. Максимизация стоимости акционерного капитала сменила долгосрочный рост как главную цель американских корпораций [13, p. 13–35]. В новых

условиях Уолл-Стрит (точнее его инвестиционные банки и фонды) приобрёл огромную власть над корпоративной Америкой, преобразуя её по своему образу и подобию. Антропологическое исследование финансовых структур США [14] обнаружило доминирование агрессивной культуры, характеризующейся жёсткой иерархичностью, сегрегацией по принципам расы и пола, репрессивным характером. На Уолл-Стрит господствует крайне неустойчивая занятость, стимулирующая извлечение краткосрочной прибыли. Контроль финансовых структур способствовал утверждению ориентации на максимизацию текущих доходов акционеров и, соответственно, краткосрочности временной ориентации американских корпораций.

Таким образом, вопреки многочисленным концепциям, провозглашавшим наступление какого-то «посткапитализма», собственники напомнили о том, кто является хозяином при капитализме, как только их прибыли стали сокращаться. «Техноструктура» Дж. Гэлбрейта оказалась неспособна потеснить, а тем более заменить капиталистов. Рост краткосрочности деятельности корпораций сопровождался глубоким кризисом кейнсианской модели государственного регулирования и «государства благосостояния». Одновременно с «революцией акционеров» наступила победа неоконсерваторов (в американской терминологии), или неолибералов (в терминологии европейской). Идеология свободного рынка вернула своё доминирование в новой, агрессивной форме. «Качание маятника» американского капитализма можно проследить по динамике социального неравенства в этой стране. Обратимся к рис. 1.

Он отражает динамику неравенства распределения национального дохода в США за последние сто лет. На графике можно видеть, что доля в национальном доходе страны десяти процентов американцев с самыми высокими доходами упала с почти 50% в 1930-е годы до примерно 35% к 50-м годам. На этом уровне она держалась вплоть до конца 1970-х годов. Именно на этот период американской истории и приходится расцвет теорий «конвергенции». Относительное снижение социального неравенства в США произошло в условиях упоминавшихся выше благоприятных условий и под влиянием соперничества с СССР. С победой неоконсерватизма на рубеже 1980-х годов и в особенности с крахом советского строя неравенство начинает резко и устойчиво расти, вернувшись в 2000-е годы к прежним показателям.

Рис. 1. **Доля десяти процентов самых богатых американцев в национальном доходе США**

Источник: [15]

С точки зрения теории конвергенции можно говорить о решительном реванше капитализма, его торжестве над элементами планирования и перераспределения доходов в развитых капиталистических странах.

Ещё более стремительные перемены происходили в «лагере социализма», и тоже не в пользу сочетания плана и рынка. Как известно, на рубеже 1980–1990-х годов кризис советского строя привёл к его полной гибели и восстановлению капитализма в его наиболее диких и примитивных формах.

Ещё в 1936 г. такое будущее советского строя предсказал Л. Троцкий в классическом произведении исторического материализма «Преданная революция» [16]. Вопреки официально провозглашённой победе социализма «в одной отдельно взятой стране» он показал, что советское общество является всего лишь переходным, т. е. только пытается строить социализм. В силу этого, как сказано выше, в нем соседствуют элементы как капитализма, так и социализма. (Этим Л. Троцкий объяснял объективную потребность советского строя в открытом допущении ниши рыночных отношений.) В отсутствие победоносной мировой революции это общество вернётся к капитализму. Л. Троцкий указывал и на источник этого перерождения — особое положение правящей бюрократии: «Привилегии имеют небольшую цену, если их нельзя передать детям по

наследству. Поэтому привилегированная бюрократия рано или поздно захочет завладеть управляемыми предприятиями, превратить их в частную собственность» [16, с. 210].

Взгляду выдающегося марксистского мыслителя соответствует мнение наиболее проницательных аналитиков распада СССР. Так, профессор Кембриджского университета Дэвид Лэйн отмечает, что пороком большинства работ о рыночной трансформации в России является то, что они игнорируют ключевой вопрос о социальных силах, стоявших за реформами. Д. Лэйн говорит о двух основных социальных группах, которые способствовали падению советской системы и её переходу к капитализму [17]. К первой относился «административный класс» (administrative class), состоявший из людей, располагавших бюрократическим контролем над производством, образованием и наукой. Радикальные элементы из их числа были готовы воспользоваться возможностями превратить свой административный контроль над экономикой в частную собственность. Их поддержала вторая группа, которую Лэйн называет «приобретательский класс» (appropriating class). Он состоял из лиц, обладавших профессиональной квалификацией и профессиональными навыками, которые были заинтересованы в извлечении выгоды из этих «активов» на рыночной основе. К этим двум социальным категориям можно добавить подпольных предпринимателей, которые постепенно развивались в порах советской системы [18, p. 9].

За фасадом внешне монолитной плановой экономической системы возникала основа для развития частного присвоения на базе общественной собственности. Не менее важным источником, сформировавшим облик нового общественного строя, было беспрецедентное влияние, оказанное Западом на процесс трансформации посткоммунистических обществ. Получается, что буржуазное перерождение советского строя привело не к сочетанию капитализма и социализма, а к разрушению второй системы ценностей первой.

Таким образом, теоретики конвергенции середины XX в. недооценили глубину социального конфликта, на котором основывается все развитие капитализма, не готового мириться с социальными ограничениями сколько-нибудь долгий исторический период. Вот почему не удалось прийти к слиянию двух противоположных начал общественной жизни ни от западного капитализма, ни от советского строя. В начале XXI в. произошёл впечатляющий экономический подъем нескольких развивающихся стран, прежде всего та-

ких гигантов из числа государств БРИКС, как Китай, Индия и Бразилия. Бесспорно, что все они активно использовали плановые методы в управлении экономикой наряду с рыночными. Однако насколько эти страны могут считаться социалистическими?

Для ответа на этот вопрос полезно вспомнить разграничение между планированием и планомерностью, которое проводил Н. А. Цаголов. Планомерность, как известно, определяется как постоянно поддерживаемая пропорциональность. Планирование — это деятельность общества, нацеленная на достижение данного состояния экономики. Но ведь цель может достигаться, а может и нет. Да задача обеспечения пропорциональности экономики может и вообще не ставиться. Планирование может осуществляться лишь частично, например только на уровне корпораций, или охватывать лишь отдельные сферы экономики, например ограничиваться военным производством. В силу этого планирование как таковое хоть и не присуще имманентно капитализму, но вполне может применяться при капитализме в частичных формах. Планомерность же, как сознательно поддерживаемая пропорциональность, является свойством народного хозяйства, взятого в его целом, и с капитализмом несовместима.

Это и подчёркивала цаголовская школа в бурном в советское время политэкономическом споре о т. н. исходной «клеточке» социалистического способа производства. Н. А. Цаголов настаивал на том, что планомерность (именно планомерность, а не планирование) является такой же исходной категорией анализа социализма, как товар — капитализма. Подобно тому как все отношения капиталистического производства предстают перед нами в товарной форме, все явления социалистического производства принимают планомерную форму.

Важнейшей пропорцией, которая определяет все остальные и без которой планомерность немыслима, является соотношение потребления и накопления. При капитализме оно зависит от заработной платы и прибыли (из которой финансируются инвестиции). Если фонд заработной платы будет расти быстрее инвестиций в основной капитал, то будет инфляция, так как рабочие будут предъявлять платёжеспособный спрос, который нельзя покрыть товарами. Если наоборот — произойдёт падение доходности капиталовложений, так как для части товаров не будет платёжеспособного спроса. Пропорция потребления и накопления — в условиях капитализма

определяемая соотношением заработной платы и прибыли — является основополагающей для любого типа общества. Систематическое поддержание этой пропорции означает, что развитие экономики подчиняется удовлетворению растущего спроса рабочих. Насколько такая цель хозяйственной жизни может достигаться при капитализме?

В условиях «стагфляции» 1970-х годов капитализм ответил на падение доходности капитала не повышением заработной платы и внедрением технического прогресса, а увеличением доходов на акции за счёт урезания инвестиций в производство, сокращения персонала, сдерживания оплаты труда. Возникает вопрос: откуда же взялись те доходы, которые позволили восстановить прибыли американских корпораций при снижении их инвестиций в производство?

Ответ состоит в том, что произошёл массовый перенос производства в регионы с низкой оплатой труда. Американская исследовательница проблем глобализации Мария Иванова отмечает, что «вплоть до конца 1980-х годов перемещение производства в периферийные страны оставалось относительно ограниченным явлением, присущим лишь определённым отраслям и странам. Именно распад советского блока положил начало перестройке производства и социальных отношений, позволив транснациональному капиталу преодолеть последние препятствия, мешавшие достигнуть глобального размаха» [19, p. 14–15]. Международный капитал стремился извлечь максимальную пользу из переноса производства в регионы с низкой оплатой труда. Известно, что средний рабочий с острова Ямайка получает сегодня вдвое, из Боливии и Индии втрое, а из Нигерии вчетверо меньше, чем его американский коллега [20]. За 1990-е годы глобальный рынок труда удвоился. Его пополнили 1,47 млрд. рабочих из Китая, Индии и бывшего СССР [21]. Именно благодаря этому и стало возможно столь масштабное сокращение сферы материального производства в странах центра, о котором часто говорят как о проявлении «постиндустриального общества».

Миграция производства на периферию мирового капитализма изменила облик современной ТНК. Если традиционно её главным звеном было производство, то теперь произошёл «сброс» производственных активов за рубеж (знаменитый «аутсорсинг»). Однако т. н. «ключевые компетенции» остались закреплены за головной компанией. Это явление получило название «цепочек стои-

мости», когда единый процесс производства разбивается на отдельные звенья, осуществляемые в разных странах [22]. При этом операции, создающие высокую добавленную стоимость, по-прежнему сосредоточены в головной ТНК, а «дешёвые» — передаются за рубеж. Например, НИОКР, маркетинг, разработка продукции, продвижение, продажи и послепродажное обслуживание и другие подобные операции остаются за ТНК. На сторону, т. е. в страны с низкой оплатой труда, передано лишь производство. При этом все чаще западные ТНК не владеют никакими производственными активами вообще. Часто они предпочитают просто покупать промежуточный продукт у поставщиков из третьего мира, избавляясь от необходимости делать производственные инвестиции, осуществлять управление персоналом и т. д. Важнейшая особенность подобной структуры «цепочек стоимости» состоит в том, что ТНК выступают на рынках периферии как монополисты, точнее, как олигопсония (т. е. власть немногих покупателей), в то время как поставщики вынуждены вести острую конкурентную борьбу между собой.

Из сказанного следует, что ответом капитализма центра на кризис его послевоенной модели развития стало резкое усиление эксплуатации периферии. Формирование глобальных цепочек производства свидетельствует об увеличении фонда трудовой стоимости периферии, безвозмездно присваиваемого центром. Только на этой основе и может существовать финансиализированный капитализм. Паразитический, финансово-спекулятивный капитал, возглавляющий мировой капитализм, по существу, занят присвоением и перераспределением прибавочной стоимости в мировом хозяйстве в пользу его центра. Кризис в таких условиях является кризисом всей системы в целом, а не той или иной его отдельной части, т. е. охватывает противоречивый симбиоз центра и периферии, взятых в их единстве. Именно на этом фоне теснейшей взаимозависимости стран на основе их глубочайшего неравенства и надо рассматривать современные проблемы развития.

В этих условиях говорить о соблюдении какой-либо пропорциональности в мировой экономике в целом или в её отдельных, национальных элементах бессмысленно. Именно в этом и заключается конечная, наиболее глубокая причина происходящего кризиса мировой экономики: понастроили заводов по всему миру, а продать продукцию некому. Ведь сам мотив переноса производства состоял в эксплуатации дешёвого труда. В связи с этим произошло резкое

отставание совокупного спроса от совокупного предложения в мировом масштабе.

Развитые капиталистические страны — страны центра мирового капитализма — могут временно обходиться без планомерности только потому, что они безвозмездно присваивают часть доходов, созданных трудом населения периферии. Это значит, что они переносят свои диспропорции на других. Страны периферии, наоборот, не могут избежать диспропорций потому, что безвозмездно передают часть результатов труда своего населения центру. В результате их диспропорции усиливаются. То, что в странах БРИКС широко применяется государственное планирование, не решает проблему.

Рассмотрим, насколько пропорционально развивается экономика Китая, который даёт самый впечатляющий пример сочетания планирования и капитализма. Обратимся к рис. 2.

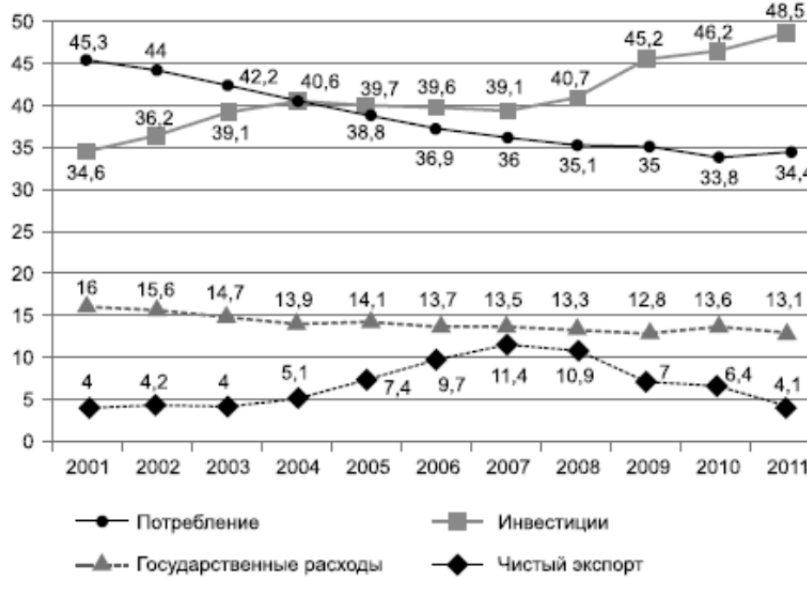

Рис. 2. **Динамика ВВП Китая по элементам в 2000-е годы**

Источник: данные за 2001–2010 гг. из: Pettis, “Lower Interest Rates, Higher Savings?” http://www.financialsense.com. October 16, 2011; China Statistical Yearbook; данные за 2011 г. из: Economic indicators, YCHARTS, доступ осуществлён 1 февраля 2013 г., http://ycharts.com/indicators/countries/CN/components_of_gdp

Данные рисунка свидетельствуют, что доля потребления в ВВП страны, которая и раньше была не велика (лишь 45,3% в 2001 г.), систематически падала в предкризисные годы, уменьшившись к 2007 г. почти на 9%. Норма накопления в этот период оставалась стабильно высокой, около 40% ВВП, а доля государственных расходов даже несколько снизилась. Зато в предкризисные годы стремительно рос такой показатель, как доля в ВВП чистого экспорта (т. е. превышение экспорта над импортом), совершившая скачок с 4,0% в 2001 г. до 11,4 % в 2007 г., т. е. почти в три раза всего за 6 лет. Такая гигантская величина чистого экспорта, доходы от которого вкладываются обратно в американскую экономику, означает чистую передачу фонда труда своего народа лидеру мирового капитализма. Теперь рассмотрим, что происходит с началом мирового кризиса. Доля потребления в ВВП обрушивается ещё быстрее, достигнув в 2010 г. ничтожных 34,4%. И это несмотря на некоторый абсолютный рост заработной платы в китайской промышленности! Такое положение означает, что экономика все меньше работает на собственное население. Одновременно происходит настоящий коллапс чистого экспорта, просевшего к 2010 г. до 4,1%, т. е. более чем в два раза. Государственные расходы сперва заметно падают, но потом быстро возвращаются к докризисному уровню. За счёт чего же были обеспечены беспрецедентно высокие темпы роста китайской экономики в условиях кризиса?

Ответ содержится в стремительном взлёте доли накопления в ВВП, которая за три года (2008–2010 гг.) поднялась почти на 10%. Динамика данного показателя отражает огромные инвестиции в инфраструктуру и строительство предприятий. Размах осуществляемых проектов на фоне всеобщего кризиса и упадка в мире производит ошеломляющее впечатление. На этом основании многие наблюдатели поспешили сделать вывод, что Китай переходит от экспортной модели к ориентации на внутренние механизмы роста. Для такого вывода, однако, нет достаточных оснований. Прежде всего, необходимо задаться вопросом: на какие рынки рассчитано гигантское строительство дополнительного основного капитала? Данные говорят о падении как внутреннего (доля потребления в ВВП), так и внешнего (доля чистого экспорта в ВВП) рынков. Отсутствие сферы приложения нового капитала подтверждается и данными об использовании производственных мощностей в китайской экономике.

Обратимся к рис. 3, отражающему загрузку производственных мощностей в китайской экономике.

Данные свидетельствуют, что этот показатель неуклонно снижался с уровня около 90% в 2000 г. до примерно 80% в 2007 г. Перенакопление капитала в реальном секторе мировой экономики, о котором говорилось в предыдущем параграфе как об отправном пункте мирового кризиса, происходило, прежде всего, на базе китайской экономики. Однако с началом кризиса этот показатель стал падать просто катастрофически, достигнув 60% в 2011 г. Таким образом, без малого половина созданных производственных мощностей простаивает! Это результат как падения внутреннего и внешнего рынков, так и массивного наращивания инвестиций.

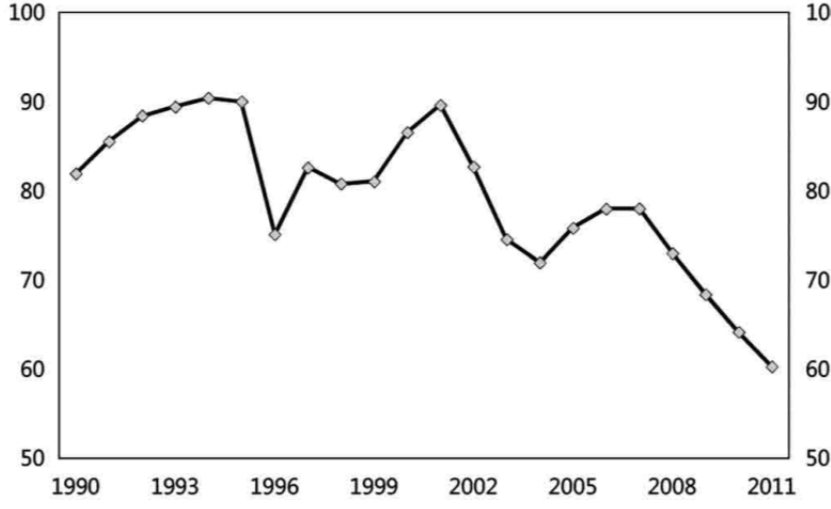

Рис. 3. **Средняя загрузка производственных мощностей в Китае (в процентах)**

Источник: People's Republic of China. 2012 article VI consultation // IMF country report № 12/195. N. Y.; Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2012. P. 25

Дополнительный зловещий смысл росту за счёт перенакопления капитала придаёт тот факт, что он осуществляется на основе невиданного наращивания государственного кредитования, т. е. за счёт увеличения задолженности. До сих пор часто подчёркивалось, что Китай не вовлечён в финансиализацию. В действительности это

далеко не так, именно на китайских финансах, как на дрожжах, взращён американский спекулятивный капитал. Однако в Китае пузырь финансов и недвижимости не раздувался. Все изменилось в кризисные годы. И вот уже Кийохуко Нишимура, заместитель главы Банка Японии, предупреждает, что «Китай входит в опасную зону». Рост кредитов и цен на жилье за последние пять лет «превзошёл крайности, которые пережила Япония, перед тем как взорвался пузырь Никкей в 1990 г.» [23].

Всё это является проявлением гигантских диспропорций, во власти которых оказалась экономика современного Китая. Диспропорции являются платой за входной билет на рынки развитых капиталистических стран. Американский экономист китайского происхождения Минки Ли объясняет в своём капитальном труде, что экономический подъем Китая знаменует собой упадок мировой капиталистической системы [24]. По его мнению, капитализм разрешал свои прежние мировые кризисы путём расширения резервной армии дешёвого труда за счёт превращения в рабочих очередной части мирового крестьянства. Китай и Индия, по большому счету, являлись последними большими резервами крестьянского населения, вскрытыми капитализмом в конце прошлого – начале нынешнего веков. Впечатляющий экономический подъем этих стран в последние десятилетия знаменует исчерпание подобных резервов роста капитализма. Кризис экономик центра кладёт конец и развитию Китая и Индии, так как они теряют рынки сбыта.

С точки зрения политической экономии это означает, что мировой капитализм постепенно истощил резервы компенсации порождаемых им диспропорций за счёт эксплуатации труда. Это предполагает не гармонию капитализма и социализма, а обострение их противоборства. Таким образом, материал реальной истории позволяет говорить о тенденции к конвергенции развитых стран лишь как о временном и преходящем явлении, своего рода мимикрии капитализма, вызванной необходимостью вести «холодную войну». Что же касается стран БРИКС, то здесь наблюдается жёсткая, двойная эксплуатация труда в интересах прежде всего западного, но также и местного капитала. Именно это и позволяет развитым странам мимикрировать под социализм, да и то лишь временно. Тем не менее, Г. Н. Цаголов совершенно прав, ставя проблему сочетания плана и рынка как магистрального пути экономического развития XX и начала XXI веков. Но если на капиталистическом пути

развития рынок подчиняет себе план, то при социалистическом пути развития должно быть наоборот. Прояснение этих сложных обстоятельств и должно быть предметом нового, столь необходимого нашей стране курса политической экономии.

Литература

1. Цаголов Г. Н. Политэкономия будущего // Вопросы политической экономии. 2015. № 2.
2. Айхенвальд А. Ю. Советская экономика: экономика и экономическая политика в СССР. М.— Л.: Госиздат, 1929.
3. Seaman L. C. B. Victorian England. Aspects of English and Imperial History. 1837–1901. L.: Methuen & Co. Ltd., 1973.
4. Keynes J. M. The end of laissez-faire. 1926. http://www.panarchy.org/keynes/laissezfaire.1926.html
5. Rosenof Th. Economics in the Long Run. New Deal Theorists and their Legacies, 1933–1993. Chapel Hill; L.: University of North Carolina Press, 1997.
6. Леонтьев В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М.: Издательство политической литературы, 1990.
7. Koo R. The Holy Grail of macroeconomics: lessons from Japan's great recession. Singapore: John Wiley & Sons (Asia) Pte., Ltd., 2009.
8. Berle A., Means G. The Modern Corporation and Private Property. N. Y.: Harcourt, Brace & World, Inc., 1968 [1932].
9. Eichner A. The megacorp and oligopoly: micro foundations of macro dynamics. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
10. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004.
11. Brenner R. The boom and the bubble. The US and the world economy. L.; N. Y.: Verso, 2003.
12. Blair M. Financial restructuring and the debate about corporate governance / Blair M. (ed.) The deal decade. What takeovers and leveraged buyouts mean for the corporate governance. Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1993.
13. Lazonick W., O'Sullivan M. Maximizing shareholder value: a new ideology for corporate governance // Economy and society. 2000. V. 29. № 1.
14. Ho K. Liquidated. An ethnography of Wall Street. Durham; L.: Duke University Press, 2009.
15. Piketty Th. Capital in the 21st Century. Harvard University Press, 2014. http://piketty.pse.ens.fr/files/capital21c/en/pdf/F0.I.1.pdf
16. Троцкий Л. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идёт. М.: Московский рабочий, 1991 [1936]. 256 с.
17. Lane D. Revolution, Class and Globalization in the Transition from State Socialism. Draft, 2007. http://www.sps.cam.ac.uk/stafflist/Lane D/classpeusoc.pdf, accessed at 22.09.07

18. Menshikov S. The anatomy of Russian capitalism. Washington: Executive intelligence review news service, 2007.
19. Ivanova M. Marx, Minsky and the Great Recession. Istanbul University: Second International Conference in Political Economy, WP, 2011.
20. Rodrick D. Labour markets: the unexpected frontier of globalization // The Globalist. 2011. May 31. Available at: http://www.theglobalist.com / printStory Id.aspx?StoryId=9156
21. Freeman R. What really ails Europe (and America): the doubling of the global workforce // The Globalist. 2010. March 5. Available at: http://www.theglobalist.com.
22. Bair J. (ed.) Frontiers of commodity chain research. Stanford (California): Stanford university press, 2009.
23. Evans-Pritchard A. China bubble in “danger zone” warns Bank of Japan // The Telegraph. 2013. January 9.
24. Minqi Li. The Rise of China and the demise of the Capitalist World Economy. L.: Pluto Press, 2008.

Капитал и план — противоположные формы отчуждения человека в эпоху разделения труда[1]

Миропольский Дмитрий Юрьевич,
д.э.н., профессор, зав. кафедрой общей экономической теории и истории экономической мысли факультета экономики и финансов Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Ключевые слова: отчуждение, присвоение, творение, свобода, продукт, капитал, план.

Прежде чем обсуждать отчуждение человека и его формы, необходимо кратко определиться с тем, что такое человек [1, с. 17-27]. Преобладающее понимание человека, сложившееся в западноевропейской культурной традиции и доминирующее сегодня в мире, это понимание его как отдельной личности, персоны, индивидуума и т. п. Логическая односторонность и идеологичность такой трактовки очевидна. Речь здесь идёт, конечно же, о единичном человеке и только о нем. Особенные и всеобщие определения человека если и рассматриваются, то выступают как производные и как некие суммы индивидов. Своего апогея эта точка зрения достигла, видимо, именно в экономической теории в форме так называемого методологического индивидуализма: «Прежде всего мы должны осознать, что все действия производятся индивидами. Коллективное всегда проявляется через одного или нескольких индивидов» [2].

Мы решительно отмежёвываемся от такого понимания человека и толкуем человека как диалектику единичного, особенного и всеобщего его определений. В этом смысле ни один индивидуум, каким бы богатым и предприимчивым он ни был, не является истинным человеком, ибо вне особенных своих определений (профессия, класс, конфессия, нация) и вне всеобщих (человечество) он — ничто. С одной стороны, «в одном индивиде представлен весь род человеческий... Он — это «он», и он — это «все»...» [3]. С другой стороны, «кроме феномена, относящегося к одному лицу... наука долж-

[1] *Цитирование:* Миропольский Д.Ю. (2016). Капитал и план - противоположные формы отчуждения человека в эпоху разделения труда // Вопросы политической экономии. № 4(8). С. 106-116.

на признать наличие феномена… охватывающего все человечество! Здесь, как и везде в универсуме, целое больше, чем простая сумма образующих его элементов» [4]. Но точно так же класс, нация, человечество не являются истиной человека, так как в этих понятиях утрачивается отдельный (единичный) человек. Поэтому в данной работе употребление слова «человек» (если не оговорено иное) предполагает не отдельную персону, а определённое единство единичного, особенного и всеобщего человека.

Человека надо определить, дать ему какое-то простейшее, исходное определение. Обычно считается, что человек относится к окружающему миру теоретически и практически. Соответственно, определения человека вытекают из этой оппозиции. Те, кто полагают, что исходным в человеке является теоретическое отношение к миру, заключают, что главным отличием человека от природы является его разумность. Человек как мыслящее существо сначала думает, а потом делает. Следовательно, преобразование реальности — нечто вторичное и, соответственно, не самое главное.

Теоретики, которые ставят во главу угла практическое отношение человека к миру, настоятельно указывают на то, что человека отличает от природы материальная деятельность, а ещё конкретнее — труд. Мышление же производно от материальной деятельности и её условий.

Необходимость преодоления односторонности данных концепций человека очевидна, и отправную точку для этого можно видеть у Маркса: «Последовательно проведённый гуманизм… отличается как от идеализма, так и от материализма, являясь вместе с тем объединяющей их обоих истиной» [5].

Для преодоления указанной противоположности надо найти первоотношение человека к миру, из которого бы произрастали и теоретическое, и практическое отношения. В качестве такого первоотношения мы предлагаем — творение. Человек есть процесс творения, и, соответственно, пересотворение существующего мира есть первое, исходное отношение человека к этому миру. Отсюда теоретическое и практическое отношения выступают лишь односторонними формами единого процесса творения, которые служат ему. Получается, что разум ради разума, лишённый практического момента, неразумен. Недаром пустое теоретизирование всегда вызывает скуку и раздражение. Но и практика ради практики непрактична. Она лишена какой-либо осмысленной цели и совершается

методом проб и ошибок, следовательно, ценой огромных издержек.

Что творит человек, пересотворяя найденный мир? Человек творит самого себя. Он заменяет данный ему мир своим собственным миром человека. Эта идея не нова. Ещё Пико делла Мирандолла в своей «Речи о достоинстве человека» устами бога заявил: «Ты же (т. е. человек. — *Д. М.*), не стеснённый никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центр мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтёшь» [6]. В современную эпоху К. Ясперс утверждал: «В самой природе человека заложено то, что... он формирует себя посредством искусства. Природа человека — это его искусственность» [7]. Итак, человек выступает как существо, творящее себя, или иначе, универсум, приняв облик человека, пересотворяет самого себя.

Процесс творения универсумом самого себя присутствует в природе в свёрнутом виде, в себе. Эта потенциальность процесса самосотворения обнаруживается в отделённости его творимого и творящего моментов [8]. Универсум, выступая в форме природы, создаёт сначала неживые, а затем живые объекты. Но эти объекты не являются одновременно субъектами творения. Они сами себя не творят. Слепая природная необходимость создаёт слонов и носорогов. Но ни один носорог не будет осуществлять действия, означающие его выход за пределы этой необходимости. Природа творит носорогов, но носороги не творят природу.

Человек же, являясь действительным процессом творения, соединяет в себе творящее и творимое. Он является и объектом, и субъектом процесса творения. В этом смысле универсум как нечто самотворящееся получает в человеке своё высшее воплощение.

Сотворенный человеком мир становится его собственным, присвоенным миром. Творение есть присвоение. У Ж. Сартра есть мысль, что первобытная собственность лучше всего «проясняет отношение творения, которое первоначально конституирует присвоение» [9].

Присвоение предполагает отчуждение. Мир, не сотворённый человеком, не присвоенный им — это мир внешний по отношению к сотворённому, отчуждённый мир.

По этому пункту иногда можно слышать недоуменные во-

просы типа: «Если я не сотворил данного человека и не присвоил его, значит ли это, что я отчуждён от него?» В этой связи хочется опереться на точку зрения И. А. Сафронова, который усматривает фундаментальное противоречие между «человеком как следствием эволюции материальных объектов нашей Вселенной и субъектом, созидающим мир…» [10, с. 145] Причём в созидаемый мир у автора входит и сам человек: «Человек способен воспроизводить своё тело и мозг, т. е. создавать себя сам» [10, с. 142]. Чтобы понять эту идею И. А. Сафронова, необходимо вспомнить, что человек есть единство единичного, особенного и всеобщего человека. Поэтому заявление о том, что человек творит самого себя не означает, что единичный субъект А сегодня сотворяет другого единичного субъекта В. Субъект А не может этого сделать и поэтому отчуждён от субъекта В. Ведь не случайно первобытные люди считали людьми только родственников [11]. Не родственников, т. е. не людей, можно было есть. Истинное сотворение человеком самого себя и, соответственно, преодоление отчуждения возможно тогда, когда каждый человек станет человечеством, а человечество — каждым человеком. То есть тогда, когда диалектика единичного, особенного и всеобщего определений человека разовьётся в полной мере.

Творчество предполагает свободу. Если человек — это творение, то развёртывание процесса творения есть одновременно обретение человеком свободы. «Первые выделившиеся из животного царства люди были во всем существенном так же несвободны, как и сами животные, но каждый шаг вперёд по пути культуры был шагом к свободе» [12]. В творчестве человек снимает детерминацию своей жизни законами природы. Она превращается в подчинённый момент его деятельности. Если силы природы стали силами человека, то начинается самодетерминация человеком своих отношений. Это и есть свобода.

Таким образом, мы получаем три тесно взаимосвязанных определения человека: «творение», «отчуждение», «свобода», среди которых творение является исходным, а отчуждение и свобода из него следуют. Перейдём теперь к рассмотрению собственно отчуждения. К. Маркс, как известно, делит историю человечества и, в частности, его экономическую историю, на три формации: «…период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной собственности, от первичной формации к формации вторичной» [13]. Логика этого отрывка по-

казывает, что есть третичная формация — коммунистическая. Мы предпочитаем указанные формации называть эпохой до разделения труда, эпохой разделения труда и эпохой после разделения труда. В связи с данным делением истории возникает вопрос, какой из названных эпох (формаций) соответствует феномен отчуждения человека? Творческое наследие Маркса однозначно говорит о том, что отчуждение преодолевается в третичной формации (эпоха после разделения труда). Что касается первичной и вторичной формаций, то в этом вопросе Маркса можно толковать по-разному. Уже «Экономическо-философские рукописи 1844 года» позволяют считать феномен отчуждения присущим только вторичной формации (эпоха разделения труда) [14, с. 560–564]. Однако те же «Экономическо-философские рукописи» содержат положения, указывающие на возникновение отчуждения уже в первичной формации (эпоха до разделения труда) [14, с. 564–565]. Последователи Маркса по-разному решали данную проблему. Например, А. Бузгалин и А. Колганов понимают отчуждение «как мир, в котором сущностные силы человека как родового существа, осуществляющего преобразование природы и общества... стали чуждыми для подавляющего большинства членов общества. Они как бы присвоены“ господствующей социальной системой...» [15, с. 241]. И далее: «Эти социальные силы — разделение труда и отношения эксплуатации, государство и традиция, денежный фетишизм и религия — как бы присваивают человеческие качества и тем самым превращают человека-творца в функцию и раба данных внеличностных сил» [15, с. 242]. Приведённые положения авторов говорят о том, что А. Бузгалин и А. Колганов относят явление отчуждения к эпохе разделения труда (вторичной формации). Соответственно, эпохам до и после разделения труда отчуждение не присуще. Аналогичной точки зрения придерживается А. Агг [16] и многие другие авторы. А вот у Э. В. Ильенкова есть положение, позволяющее связывать отчуждение с эпохой до разделения труда [17]. Д. Лукач пишет, что тенденции прогресса «с одной стороны, развивают силы самих людей в плане все более целенаправленного управления условиями их собственного воспроизводства, а с другой — одновременно и зачастую все более быстро развивают угнетение, жестокость, обман и т. п. Первобытное общество не могло само справиться даже с зародышами такого свободного становления причинных и независимых от выбора возможностей действия. Оно должно было создать институты, призванные принуди-

тельно направлять общество по пути, соответствующему объективному развитию» [18].

Какая из позиций ближе к истине? Если человек — это творец, существо, творящее свой собственный мир, то где максимально расцветает эта его творческая природа? Она расцветает в эпоху после разделения труда, когда человек приобретает силы и способности творить и пересотворять свой мир по собственному усмотрению, когда, как отмечалось, законы природы человеком сняты. Здесь нет места отчуждению, ибо никакая внешняя сила не способна ограничивать человеческое творение. Преодоление отчуждения есть одновременно обретение человеком действительной и полной свободы.

Обратимся теперь к эпохе до разделения труда. Человек и здесь творец. Он таким изначально явился в этот мир. Но может ли человек в эту эпоху неограниченно осуществлять свои творческие потенции? Очевидно, что нет.

Посмотрим на отношение человека к природе. Оно противоречиво. С одной стороны, первобытный человек един с природой, он её присвоил. Разве может житель современного мегаполиса, попав случайно в джунгли, обеспечить себя необходимыми средствами к жизни? Не может. Он неминуемо погибнет. А вот первобытный человек, дитя природы, будет чувствовать себя в джунглях очень хорошо. Однако, с другой стороны, тот же первобытный человек поклоняется силам природы как внешним, могущественным и страшным. Он не может противодействовать их беспорядочному хаосу. А ведь внешние силы природы — это силы самого человека. Он просто ещё не успел их освоить, превратить в силы своего универсального творчества. Получается, что человек природу присвоил и одновременно от природы отчуждён, то есть относится к ней противоречиво.

Теперь рассмотрим отношение первобытного человека к экономике. Исходным определением экономики мы считаем продукт как процесс производства и потребления [1, с. 14–16]. Такой взгляд отличается от общепринятого. Обычно продукт понимается как результат процесса производства и как предпосылка процесса потребления, но не как сами процессы производства и потребления. Однако следует задуматься, продукт как результат производства и продукт вообще — одно и тоже или разные определения? Конечно разные. Продукт как результат производства есть лишь момент еди-

ного процесса продукта. Это очень наглядно обнаруживается в некоторых отраслях. Допустим, производство и потребление электроэнергии, оказание услуг и т. п. Здесь отсутствие застывшего результата хорошо демонстрирует природу продукта именно как процесса. Процесса производства и потребления. К идее продукта как процесса вплотную подводит диалектика производства и потребления, данная Марксом во «Введении» [19].

Итак, отношение человека к продукту. Здесь тоже все противоречиво. Продукт как непосредственный акт производства есть одновременно столь же непосредственный акт потребления. Иначе говоря, примитив способен все для себя произвести, и это все может потребить. Он в этом смысле универсален и сам присваивает свой продукт. Никакого отчуждения нет. Однако абсолютно непосредственное есть абсолютно опосредованное. Это означает, что дикий человек присваивает свой продукт только потому, что отчуждён от всего потенциального развития своего же производства и потребления. Это первобытное противоречие присвоения продукта и отчуждённости от продукта имеет весьма парадоксальные и драматичные формы проявления. Существуя как единый социально-экономический организм, первобытные люди в то же время могут оставить на съедение гиенам новорождённого, если его мать нечем кормить и у неё отсутствует молоко или ребёнка слишком трудно транспортировать и т. п. То есть в сфере первобытной экономики единство человека с самим собой уживается с грубыми формами отчуждения человека от себя самого. Таким образом, эпохе до разделения труда отчуждение присуще.

После эпохи до разделения труда наступает эпоха разделения труда. Опять рассмотрим отношение человека к природе. Мы только что констатировали, что в первобытные времена человек присвоил природу и был отчуждён от природы. Разделение труда возникает как стремление и способ преодоления момента отчуждения в отношении человека к природе. Посредством разделения труда человек постоянно осваивает новые силы природы. Эти силы природы вместо внешнего страшного произвола все больше превращаются в творческие силы самого человека. Тем самым момент первобытной отчуждённости человека от природы преодолевается.

Однако покорение природы выливается в то, что между собой и природой человек помещает продукт. Продукт превращается в своеобразную «некросферу», непригодную ни для проявлений при-

родной жизни, ни для нормального существования человеческого тела и духа [20, с. 17]. Поэтому первоначальное присвоение человеком природы исчезает, возникает момент отчуждения. Таким образом, диалектика отчуждения в отношении человека с природой такова, что то, что было присвоенным в эпоху до разделения труда, стало отчуждённым, а то, что было отчуждённым, стало присвоенным.

В эпоху разделения труда меняется и отношение человека к продукту. В эпоху до разделения труда отношение к продукту включало момент отчуждённости и момент присвоения. Стремясь преодолеть момент отчуждения от продукта, человек разделяет труд.

Если выражаться более точно, человек разделяет не только труд, но продукт в целом. Идёт процесс разделения первоначального простого продукта. Продукт есть процесс производства и потребления. Труд выступает моментом процесса производства, поэтому дифференциация производства и потребления необходимым образом включает и разделение труда как более частный процесс.

Разделяя продукт, человек уходит от первоначальной жалкой непосредственности продукта; продукт становится все более изобильным, разнообразным, прогрессивным. В этом смысле человек присваивает те потенции, которые заложены в непосредственном продукте и тем самым преодолевает свою отчуждённость от них. Чем опосредованее продукт, тем ярче расцветает продуктовое творчество человека. Однако разделяя продукт, человек одновременно утрачивает первобытную присвоенность продукта, и все мерзости современного отчуждения тоже светятся пышными красками.

Во-первых, человек становится специалистом. Специалист умеет производить частичный продукт. Продукт же за пределами этой частички становится ему чуждым. Общество превращается в сборище «уродов», каждый из которых выполняет одну операцию и больше не умеет делать ничего [20, с. 46]. Возникает жуткое противоречие между универсальной природой человека и пожизненным закручиванием гайки на конвейере. Человек «относится к самому себе как к существу универсальному и потому свободному» [21, с. 564]. Однако «чем лучше оформлен… продукт, тем более изуродован рабочий; чем культурнее созданная… вещь, тем более похож на варвара он сам» [21, с. 562].

Во-вторых, возникает асимметрия между производством и потреблением продукта. В производстве, как только что отмечалось,

человек становится специалистом, отчуждённым существом, а в потреблении он пользуется плодами труда многих специалистов. То есть потребляемый продукт гораздо универсальнее производимого. Поэтому если ты избежишь специализированного производства и будешь занят только потреблением, муки отчуждения станут меньше, хотя и не исчезнут совсем [22, 23].

В-третьих, чтобы потреблять не производя, необходимо присвоить средства производства, отчуждая от них других членов общества. Иначе говоря, в условиях разделения труда одним людям неизбежно удаётся ослабить собственную отчуждённость от продукта, многократно усилив отчуждённость других. Возникают богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые.

В-четвертых, частное присвоение средств производства означает неестественное, символическое творение. Ж. Сартр пишет: «Если владение дано полностью и конкретно, то владелец является основанием бытия объекта, которым он обладает» [24, с. 592]. И далее: «Иметь означает вначале создавать. И связь с собственностью, которая тогда устанавливается, есть связь непрерывного творения» [24, с. 592–593].

«Объект, которым владеют в качестве владеемого, есть непрерывное творение» [24, с. 594]. В отчуждённом мире уголь творят не шахтёры, уголь творит угольный король.

Таким образом, в эпоху разделения труда в отношении к продукту, как и в отношении к природе, момент отчуждения превращается в момент присвоения, а момент присвоения в момент отчуждения.

Разделение труда (продукта) есть одновременно соединение труда (продукта). Ведь разделение продукта на различные виды и подвиды производства и потребления одновременно предполагает необходимость сохранения этих специализированных и концентрированных звеньев в единстве. Иначе нормальное воспроизводство окажется невозможным. В результате разделение труда (продукта) осуществляется двумя встречными способами. Один способ предполагает, что отдельные специализированные продукты, соединяясь, дают продукт как единый. Второй способ означает, что продукт как единый распадается на отдельные специализированные звенья. В первом случае доминируют специализированные отдельные продукты, а продукт как единый производен от них. Во втором случае доминирует единый продукт, а специализированные звенья — лишь

его акциденции.

Эти два способа разделения труда (продукта) породили две экономические формы продукта — капитал и план.

Капитал предполагает, что основанием экономики являются специализированные, частичные продукты, находящиеся в индивидуальной частной собственности отдельных лиц. Здесь человек (капиталист), пребывая в единстве со своим частичным продуктом, абстрагирован, т. е. отчуждён от продукта как единого. Продукт как абстрактное единство выступает по отношению к частному собственнику в виде внешней, роковой силы. Основное противоречие капитализма и есть эта форма отчуждения.

План как форма продукта, противоположная капиталу, возникает тогда, когда основанием экономики является продукт как единый. В этом случае единый продукт становится неделимой, коллективной частной собственностью бюрократии. Однако класс бюрократии, обладая единым продуктом, отчуждён от частичных процессов производства и потребления. Здесь, в противоположность капитализму, частичные процессы производства и потребления выступают внешней, враждебной силой, которая может лишить бюрократию её собственности. И бюрократия как единый класс, боясь потерять собственность, обрушивает на своих отдельных представителей молот репрессий.

Если основное противоречие капитала — противоречие между общественным характером производства (и потребления) и частной формой присвоения, то основное противоречие плана — противоречие между частным (частичным) характером производства и потребления и общественным характером присвоения. Под общественным присвоением здесь разумеется коллективная частная собственность бюрократии.

Если капитал и план — две равноправные и равновозможные формы человеческого отчуждения, то чем определяется то, почему в одном случае продукт принимает форму капитала, а в другом — плана?

Выше отмечалось, что отношение человека к продукту в эпоху разделения труда включает момент присвоения и момент отчуждения. Если в конкретной исторической ситуации для данного сообщества людей капитал даёт максимум присвоения и минимум отчуждения, то продукт этих людей примет форму капитала. План они любить не будут. Если же, наоборот, историческая ситуация та-

кова, что именно план даёт максимальное присвоение конкретному сообществу людей их продукта, а отчуждение сведено к минимуму, то продукт примет форму плана. Капитал они отринут как систему безжалостной эксплуатации человека человеком.

Выше было отмечено, что проблема отчуждения идёт рука об руку с проблемой свободы. Посмотрим, как решается вопрос о свободе человека в условиях капитала и в условиях плана. С точки зрения сегодняшней расхожей идеологии рынок обеспечивает человеку свободу, а план — несвободу.

В начале статьи мы связали свободу человека с творением и показали, что действительная свобода человека возникает тогда, когда человек обретает возможность абсолютного творчества. В экономике это означает, что каждый человек может производить и потреблять продукт любого качества и в любом количестве. Находится ли человек сегодня в таком состоянии абсолютного творчества? Не находится. Такое состояние действительной экономической свободы наступает только в эпоху после разделения труда, т. е. при коммунизме. Именно там отсутствует какая-либо внешняя, отчуждённая от человека сила, способная ограничивать его творчество.

Но тогда о какой же свободе трубят современные идеологи рынка? Видимо, о какой-то неполноценной, ограниченной свободе. Принцип функционирования рынка (капитала) — торговая сделка, осуществляемая между индивидуальными частными собственниками. Следовательно, рынок призван обеспечивать максимальную свободу торговли для частных собственников. Индивидуальный частный собственник должен иметь абсолютную, ничем не ограниченную свободу продавать и покупать свою собственность. Отсюда вытекает, что чем больше размеры твоей индивидуальной частной собственности и чем успешнее ей торгуешь, тем ты и свободнее. Поэтому истинный смысл буржуазной свободы — это свобода капиталиста увеличивать свой капитал. И самыми свободными субъектами рыночной экономики являются собственники самых больших капиталов.

А если индивидуальный частный собственник, свободно торгуя собственностью, её потерял? Пусть изволит проследовать на помойку. Свобода положена только успешно торгующим и увеличивающим свой капитал. Капиталист, утративший капитал, перестаёт быть капиталистом и впадает в абсолютно отчуждённое, несвобод-

ное состояние.

Допустим теперь, что в капиталистическом обществе нашёлся человек, который заявил, что как гражданин свободной страны, он имеет право не торговать. Что следовало бы ему ответить? Ему следовало бы ответить, что он, находясь в свободной стране, конечно, имеет полное право не торговать. Но пусть тоже отправляется на помойку и наслаждается своей свободой там, ибо, не торгуя, он лишится всех средств к существованию.

Таким образом, истинная буржуазная свобода в одном — торговать и увеличивать свой капитал. Понятно, что это свобода, но ограниченная, убогая свобода. И тем не менее эта извращённая форма свободы может нравиться многим людям, а у некоторых даже вызывать восторг. В каком случае это происходит? Выше было отмечено, что капитал как форма продукта несёт в себе моменты присвоения и отчуждения, и если момент присвоения доминирует над моментом отчуждения, общество воспринимает капитал благосклонно.

Основная форма отчуждения в условиях капитала — утрата продукта как целого в пользу частичных процессов производства и потребления. Так вот, если ситуация складывается так, что отдельные капиталисты, торгуя и увеличивая капитал, одновременно обеспечивают более-менее сносное воспроизводство продукта как целого, а следовательно, и сносное воспроизводство рабочей силы, то присвоение доминирует по отношению к отчуждению. Это положение дел сказывается и на ощущении свободы. Даже эксплуатируемые в таком обществе чувствуют себя скорее свободными, чем подавленными враждебными силами. Они не хотят видеть, что их свобода есть одновременно отсутствие таковой [25].

Исследуем теперь взаимосвязь свободы и отчуждения в условиях плана. Если принцип функционирования рынка — торговая сделка между индивидуальными частными собственниками, то принцип плана — дезагрегирование объёма в номенклатуру и агрегирование номенклатуры в объём, осуществляемое внутри класса бюрократии [26]. Следовательно, свободой в условиях плана является как можно более точные разработка, выполнение и отчёт о выполнении плана.

Как вы понимаете, это совершенно иная свобода, нежели рыночная. Если в условиях рынка — это свобода индивидуума (как отдельного собственника), то в условиях плана свобода — это сво-

бода бюрократии как единого человеческого существа (как единого собственника). Здесь нет места никакой индивидуальной свободе, здесь, наоборот, один как все и все как один: «Мы как единая сила разрабатываем и выполняем такой план, какой нам нужен». Гегель, будучи идеологом бюрократии, писал: «Государство как действительность субстанциальной воли, которой оно обладает... и есть в себе и для себя разумное. Это субстанциальное единство есть абсолютная, неподвижная самоцель, в которой свобода достигает своего высшего права, и эта самоцель обладает высшим правом по отношению к единичным людям...» [27]

А если попадётся какой-нибудь индивидуалист, который не хочет участвовать в разработке и выполнении плана? Тогда он своими действиями нарушает свободу бюрократии в целом и свободу каждого отдельного бюрократа в частности. В условиях рынка место нарушителей буржуазной свободы под забором, а в условиях плана место таких «врагов народа» — в ГУЛАГе.

Это свобода? Конечно свобода. Но так же как и в условиях рынка — извращённая свобода, только на другой лад. Может ли такая свобода нравиться? Очень даже может. План, будучи противоположной капиталу формой продукта, так же несёт в себе моменты присвоения продукта и отчуждения от него. Основная форма отчуждения в условиях плана: продукт как единое отчуждается от частичных процессов производства и потребления. Если развитие плановой экономики идёт так, что, воспроизводя целое, бюрократия не упускает контроль над частичными продуктами, то присвоение доминирует над отчуждением. Если момент присвоения преобладает над моментом отчуждения, то, обрисованная выше бюрократическая форма свободы, принимается и поощряется обществом: захотели построить Днепрогэс — запланировали и построили; захотели построить Магнитку — запланировали и построили; захотели полететь в космос — запланировали и полетели. Это ли не свобода?

Но если бюрократия не может обеспечить эффективный переход объёма в номенклатуру и номенклатуры в объём, то есть утрачивает контроль над воспроизводством частичных продуктов, она и себя чувствует бессильной и несвободной, и эксплуатируемое население вместо совершенно-мудрых вождей видит глупых начальников, творящих нелепый произвол и подавляющих свободы граждан.

В марксистской политической экономии доминирует идея,

что планомерность (план) приходит на смену капиталу и является экономической формой коммунизма. Мы придерживаемся иного взгляда и полагаем, что капитал и план — отчуждённые, антагонистические формы продукта, присущие эпохе разделения труда. В этой связи возникает естественный вопрос, какая экономическая форма продукта присуща коммунизму, приходящая на смену капиталу и плану? Этот вопрос сколь естественен, столь и сложен. С большей или меньшей степенью уверенности можно заявить, что это будет экономика, в которой и капитал и план, выступают в качестве подчинённых моментов более сложной экономической реальности. По всей видимости, начало этого преодоления противоположности капитала и плана наблюдается в сетях. Именно информационная сеть представляет собой новую экономическую систему, где товарно-денежные (капитал) и номенклатурно-объёмные (план) отношения начинают не просто смешиваться, а интегрироваться во что-то новое.

Какие выводы можно сделать из изложенного? Во-первых, феномен отчуждения нельзя связывать только с эпохой разделения труда, так как есть отчуждение человека от его универсальной, творческой природы. Соответственно, вся человеческая история — это преодоление возникающих форм отчуждения и, тем самым, движение к действительному универсальному творчеству, а значит и к свободе. Поэтому, не исследовав отчуждение в эпоху до разделения труда, невозможно понять его до конца и в эпоху разделения труда, в частности, в современных условиях.

Во-вторых, в эпоху разделения труда отчуждение выступает не в одной форме — форме капитала, а в двух. Вторая форма отчуждения — план. Признание этого факта — необходимое условие политико-экономического осмысления как самого плана, так и условий перехода человечества к коммунизму.

В-третьих, в статье в общем виде показано, что у разных народов в разных историко-экономических условиях капитал и план дают разные сочетания моментов присвоения и отчуждения. Следовательно, в эпоху разделения труда сообщества людей, находящиеся в конкретных условиях, могут и должны выбирать — какой путь экономического развития даёт им минимум отчуждения и максимум присвоения: путь капитала или путь плана (или их определённая комбинация).

Конечно, остаётся вопрос, каковы же конкретные историче-

ские условия доминирования капитала или плана, и, соответственно, минимизация отчуждения в том или ином сообществе. Но сложный анализ этих условий — тема другой статьи.

Литература

1. Миропольский Д. Ю. Очерки теории продукта: потенциальные формы капитала и плана эпохи до разделения труда. Спб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015.
2. Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2008. С. 43.
3. Фромм Э. Человек для себя. Минск: Коллегиум, 1992. С. 44.
4. Шарден П. Т. Феномен человека. М.: Наука, 1987. С. 146.
5. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1956. С. 631.
6. Мирондолла П. делла. Речь о достоинстве человека // Человек и мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. М.: Политиздат, 1991. С. 221.
7. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. С. 67.
8. Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 1. М.: Политиздат, 1957. С. 387–388.
9. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. С. 592.
10. Сафронов И. А. Философские проблемы единства человека и природы. СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1992.
11. Лукач Д. К онтологии общественного бытия. М.: Прогресс. С. 260.
12. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. М.: Политиздат, 1961. С. 116.
13. Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд-е 2-е. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 404.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956.
15. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. Т. 1. Методология: по ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма. М.: Ленанд/URSS, 2015.
16. Агг А. Мир человека как субъекта производства. М.: Прогресс, 1984. С. 25.
17. Ильенков Э. В. Философия и культура. М., 1991. С. 171. 464 с.
18. Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Пролегомены. М.: Прогресс, 1991. С. 258.
19. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд-е 2-е. Т. 46. Ч. 1. М.: Политиздат, 1968. С. 27–28.
20. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. Пер. с нем. М. Кузнецова. М.; СПб.: Медиум, Ювента, 1997.
21. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений М.: Политиздат, 1996.
22. Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура: Избранные труды Карен Хорни и Эрика Фромма. М.: Юрист, 1995. С. 381–383.
23. Маркузе Г. Одномерный человек М.: Республика, 2000. С. 592.

24. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000.
25. Адорно Т. Негативная диалектика. М.: АСТ, 2014. С. 324.
26. Миропольский Д. Ю., Максимцев И. А., Тарасевич Л. С. Основы теоретической экономики. СПб.: Питер, 2014. С. 310–323.
27. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 279.

Проблема отчуждения: вызов для политической экономии XXI века[1]

Плетнёв Дмитрий Александрович,
к.э.н., доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета

Ключевые слова: отчуждение, человек, интеллектуальная собственность, политическая экономия.

Можно смело констатировать факт, что возвращение современной экономической науки к проблеме отчуждения состоялось. Достаточно назвать работы А. В. Бузгалина [1], а также его совместные работы с А. И. Колгановым [2, 3], статьи Р. С. Чистова, Н. И. Семеновой, Г. В. Киселевой [4], А. Ю. Горбачева [5], А. П. Кузнецова [6], О. Погудина [7], А. Ю. Ляховой [8], В. А. Павлова [9], В. И. Бархатова [10], автор также внёс свой скромный вклад в обсуждение этой проблемы [11]. Однако рост количества публикаций пока не приводит к качественному изменению сложившейся в обществе ситуации всеобщего, тотального отчуждения, следствием которого является «частичное» бытие человека. Для этого говорить о проблеме отчуждения нужно чаще, и не только в научных статьях, но и на конференциях, и в учебных аудиториях и на станицах учебников, вплетая эту категорию в знакомые «широкой общественности» теории и явления.

В целом же проблема отчуждения довольно популярна в общественных науках. В системе электронной библиотеки eLibrary только за период 2012–2015 гг. насчитывается 618 статей по философии, экономике, психологии и социологии напрямую связанных с изучением проблемы отчуждения. Свой взгляд имеется во всех науках: в философии [12–15], в психологии [16, 17]), в социологии [18], а в праве отчуждение как понятие приобрело совершенно иной, прикладной, смысл [19, 20]. Комплексное исследование марксовой концепции отчуждения, её осмысления, последующего развития и критики в трудах философов и социологов на протяжении XX

[1] *Цитирование:* Плетнёв Д.А. (2015). Проблема отчуждения: вызов для политической экономии XXI века // Вопросы политической экономии. № 4(4). С. 37-52.

века провёл М. Мусто [62, 63]. Под отчуждением обычно понимают процесс отделения от человека чего-бы то ни было: прав (в юриспруденции), социальных отношений (в социологии и психологии), определённых сущностных характеристик (в философии). В экономической науке обычно отчуждение рассматривается в марксистской традиции, как отчуждение от человека труда и его результатов: «собственная деятельность человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того чтобы он господствовал над ней» [21]. Однако все чаще категория отчуждения рассматривается в традиции, заложенной Э. Фроммом [22] — как всеобщее отчуждение: «… Он (человек) противостоит себе и своим собственным силам, воплощённым в созданных им вещах и отчуждённым от него. Он больше не принадлежит себе, а находится во власти собственного творения». Иными словами, отчуждение означает восприятие мира и самого себя пассивно, разорвано, вне связи с миром, вне осознания себя его творцом. В настоящей работе будет использоваться и развиваться именно такое понимание отчуждения. Целью статьи является анализ современных форм всеобщего отчуждения, а также возможности их преодоления, заложенных в современной экономической науке и, как сейчас модно говорить, «драйвере» её развития — реактуализированной политической экономии.

Структура работы следующая. В первой части рассматривается отчуждение как неотъемлемая часть эволюции человеческого общества, обосновывается объективный характер его появления. Во второй части анализируются конкретные формы отчуждения в современном обществе и экономике как его подсистеме, а в третьей разрабатываются элементы позитивной программы преодоления отчуждения посредством развития реактуализированной политической экономии.

Эволюция отчуждения

Отчуждение… Когда оно впервые было осознано человеком? Наверняка, вскоре после обретения им сознания. Способность быть отчуждённым, равно как и способность ощущать эту отчуждённость, и стремиться к её преодолению — родовое свойство человека, его крест. В древние времена охотников и собирателей отчуждение было буквальным, человека изгоняли из племени, и он погибал. Однако это было отчуждение от чего-то внешнего по отношению к чело-

веку. Да, он переставал быть самим собой вне своего рода, но он не отчуждался от самого себя, мог быть, как сейчас модно говорить, «конгруэнтным» в своих мыслях и поступках. Далее, в Древнем мире одной из основных форм отчуждения стало рабство — долговое, «военное», «бытовое». Человек отчуждался от прав на имущество, от права передвижения, от свободы выбора труда, от семьи. Это было жестокое общество, и даже если это был, к примеру, свободный гражданин в Греции или Риме, то и тогда многие свойства его были отчуждены. Можно вспомнить пример Сократа, казнённого за право говорить то, что он думает, или многих изгнанных и осевших в далёких колониях греческих учёных. Захватнические войны, навязывание людям новой религии и образа жизни — все это частные формы отчуждения, исток которых таится глубоко в веках. И опять же, это было отчуждение от человека, а не человека от самого себя. Однако, если положится на литературные источники [23], то можно сказать, что Понтий Пилат являет собой яркий пример отчуждения человека от самого себя. Обладая властью и желая освободить Иешуа, он не может этого сделать. Он становится чужим самому себе. Хотя, вполне вероятно, здесь имеет место литературный вымысел, и ход его мыслей не был столь изощренным, и после гибели Иешуа прокуратор не испытывал душевных терзаний.

В Средние века отчуждение человека характеризуется доминированием отчуждения идеологического, основанного на религиозных догмах и процедурах, которые были обязательны к принятию. Известно изречение Генриха IV, одного из лидера французских протестантов, принявшего католичество:

«Париж стоит мессы». Но, вместе с тем, те, для кого религия и вера имела значение, либо скрыто оставались верны убеждениям, либо при первом удобном случае возвращались к истокам, как тот же Генрих IV. В те времена легко отчуждалось имущество, здоровье, жизнь. Однако степень общественного развития и самосознание человека были таковы, что он и воспринимал себя таким, как есть — бедным, смертным, несвободным. То, что происходило с человеком, не означало отказ его от самого себя. Труд был вполне отчуждённым — появились наёмные работники, барщина, цеховая организация ремёсел, развивалась торговля. Однако самоосознанная сущность человека, вполне вероятно, такой и была, и работа на хозяина не угнетала работника, чему подтверждением — наблюдения XIX века за крепостными крестьянами, работающими в поле — при

всей тяжести того труда он был не отчуждённым, человек господствовал над своим трудом, проявлял себя в профессиональном мастерстве, силе, удали.

В Новое время человек в своей просвещённой массе осознал себя творцом, и для отчуждения появилась новая благодатная почва: «венец творения» мнил себя таковым, и примером тому и революционеры: в Нидерландах, в Англии, во Франции и далее везде, которые «порвали систему», и даже Раскольников со своим сакраментальным «тварь я дрожащая или право имею?». Феодальное общество через кровь и насилие трансформировалось в буржуазное, гораздо менее жёстко структурированное, образование становилось все доступнее, прогресс создавал предпосылки для развития производительных сил. Возможности человека все возрастали, однако распорядиться ими по своему усмотрению он мог далеко не всегда.

К чему мы пришли?

Образование, разделение труда, специализация учёных — все это создавало новые возможности для человека и для отчуждения человека. И здесь можно говорить об одновременно наступившей эре капитализма в экономических отношениях и эре отчуждения применительно к человеку. Безусловно, укрупнение промышленности, урбанизация и появление феномена «власти капитала» способствовало развитию отчуждения, в том числе — от самого себя: в труде и в досуге. Такое отчуждение очень ярко описал К. Маркс в «Капитале» [24]. Но, с другой стороны, отчуждение, на наш взгляд, линейно и непрерывно возрастало на всем протяжении человеческой истории. И век двадцатый — не исключение. Индустриальная организация промышленности, изменение характера государства и его роли в жизни человека, развитие банковской инфраструктуры и массовой культуры — все это предопределило дальнейшее развитие отчуждения. Однако этому способствуют не только внешние по отношению к человеку причины. То, каким человек мог бы быть, учитывая его интеллектуальное развитие, духовный потенциал и финансовые возможности, на сегодняшний день существенно больше, чем сто лет назад. Здесь речь идёт о среднестатистическом человеке, который раньше не имел образования и был беден. Кривая «человека потенциального» (которая отображает его возможности) устремлена вверх, в то время как кривая «человека реального» (показывает, что он реально делает) близка к горизонтальной линии. Почему?

Просто современный мир набрал такую скорость изменений, при которой старые возможности не утрачивают своей актуальности, а ещё множество новых появляется каждый день, месяц, год.

И здесь нужно сделать небольшое и «неудобное» для политэкономов отступление. В марксистской политической экономии проблема отчуждения объективна, она есть неотъемлемая часть «царства необходимости» — капитализма, мира разделения труда и непрерывного технического прогресса ради экономического роста. Однако, если мы рассматриваем отчуждение в неразрывной связи с его субъектом — человеком, то отчуждение становится частью его существования, экзистенции. Об этом же говорит и проведённый в начале статьи обзор литературы — отчуждение в современной философии и психологии изучается как проблема субъективная. Получается, что в явлении отчуждения его объективная природа (как части законов общественного развития) вступает в противоречие с субъективными частными проявлениями (как проблемы человеческого существования). Анализ отчуждения вне любой из его сторон, как объективной, так и субъективной, будет неполным. А это означает, что современная политическая экономия, если она претендует на роль основания для экономической теории, должна проявить гибкость и прислушаться к тому голосу, который звучит у многих философов-экзистенциалистов и близких к ним авторов (Ж. Лакруа [58], Э. Мунье [59], Ж.-П. Сартра [60], Э. Левинаса [61]). Рассмотрим возможность включения в политэкономический дискурс позиции философа, считающегося предшественником экзистенциалистов — С. Кьекркегора. В книге «Или-или» [25] он очень верно описал эволюцию человека, выделив три стадии — эстетическую, этическую и религиозную. Первая стадия доступна всем, а вот переход на вторую — очень непростой процесс, которому способствует или пресыщение первой, или некая личностная «бифуркация», возможно — психологическое потрясение. До третьей, религиозной, стадии доходят единицы (при этом она предполагает не отчуждённое следование религии, её догмам и ритуалам, но обретение определённого императива и «смысла жизни»; это позволяет тому человеку, который его обрёл, ощущать себя полностью свободным, неотчуждённым, быть частью всеобщей жизни и ощущать жизнь эту продолжением себя). Соотнося это с поднятой темой отчуждения, нетрудно заметить, что человек, пребывающий на первой стадии — эстетической, всегда отчуждён. Если человек беден, то он живёт, чувствуя

себя лишённым всего множества возможностей, отчуждённым от них. Он хочет купить машину, но не может. И если появляется такая возможность, то он покупает — в кредит. И отчуждение становится иным — как работник он начинает работать не только на своего нанимателя и государство (платя налоги), но и на банк. Результат его труда отчуждается от него не только в натуральной форме (так происходит почти со всеми в условиях современного способа производства), но и в денежной. Кроме того, его личность после покупки дорогой сердцу вещи (автомобиля) как бы переносится на эту вещь, и человек страдает, когда эта вещь даже незначительно повреждается. Мелкое дорожное происшествие становится центральным событием жизни. С этим контрастирует поведение водителей в Азии, где рядовое ДТП — повод поругаться и разъехаться, забыв об этом. Покупка ребёнку игрушек и красивых вещей сверх необходимости заменяет любовь и заботу, а потеря ребёнком новой вещи (с кем не бывало?) становится центральной темой в общении с ним, уступая другим, более важным — о дружбе, об учёбе, о первой любви. Так воспитывается человек эстетический, который знает цену вещам. С одной стороны, это — естественная стадия становления личности. С другой — большинство дальше не продвигаются, наслаждаясь многообразием вещного мира и реализуя себя в «квалифицированном потреблении», в эстетическом великолепии.

Может показаться, что «застревание» на эстетической стадии — прерогатива только бедных и «среднего класса», что с ростом благосостояния (вспомним пирамиду Маслоу [26]) человек переходит к удовлетворению иных, нематериальных потребностей, то есть, по сути, на этическую стадию. Однако это не так. Материальные потребности человека практически безграничны (это, по сути, исходный тезис всего современного «экономикса» (см. например, в [27])), и с каждым днём они возрастают в масштабах мировой экономики. Сегодня за деньги можно отправиться в космос, спуститься на дно океана, посетить хоть Северный, хоть Южный полюс, подняться на Эверест. Источник, которым питается гедонизм современного человека, никогда не иссякнет. Но всё это — эстетическая стадия развития. Современное поколение, по меткому выражению М. Уэльбека [28] — это поколение «вечных детей», которые могут себе позволить не взрослеть. И все это наслаждение жизнью, дорогая одежда, драгоценности, дорогие машины — все это отчуждает человека от самого себя, как ни странно это звучит. Человек во мно-

гом живёт мечтой. Купить крутую машину, домик в Швейцарии, бриллиант в сто карат, Ван Гога, заказать и сшить что-нибудь персональное у знаменитого дизайнера, совершить кругосветное путешествие. Да мало ли чего ещё! И когда мечты сбываются, они становятся реальными предметами, со своими достоинствами и недостатками, они опредмечиваются, отчуждаются от человека. Они — это уже не он, это внешний по отношению к человеку мир. «Лучше гор могут быть только горы, на которых ещё не бывал» [29]. Но и это ещё не все. Самую большую «мину» подложил Э. Фромм, который отметил, что «... самые распространённые примеры отчуждения мы встречаем в языке. Если я выражаю словами какое-либо чувство, например я люблю тебя“, то это слово должно быть указанием на реальность, на то, что во мне живёт, должно показывать силу моего чувства. Слово любовь произносится как символ факта любви, когда оно произнесено, оно имеет склонность к самостоятельности, становится реальностью. Я воображаю, что произнесённые слова — то же самое, что и переживания любви... Слова, ровно как и вещи, продукт труда, и будучи произведёнными, они становятся самоцелью, место жизни занимают вещи, вместо естественных переживаний — искусственность, вместо чувства свободы — подчинение» [30]. Чувства тоже, подобно вещам, отчуждаются по мере их «опредмечивания», в том числе и произнесения. Все это характерно для эстетической стадии, где чувства — это тоже проявления гедонизма.

Итак, люди изначально пребывают на эстетической стадии, и лишь некоторые переходят на этическую. Переход этот не прост, но вполне реален. На эстетической стадии происходит постоянный процесс отчуждения человека из-за специфической системы ценностей, «заточенных» под потребление, и из-за опредмечивания его чувств, мечтаний и устремлений. Выход из царства отчуждения и необходимости в царство свободы (эта тема проходит красной строкой в работах А. В. Бузгалина и А. И. Колганова [31, 32]) возможен не благодаря внешним условиям, а только через внутреннее преображение человека, его переход на этическую стадию.

Вернёмся к соотношению человека потенциального и реального. Время любого человека ограничено. Он, располагая множеством возможностей, удовлетворяет лишь малую долю из них, часто повинуясь действию внешних сил или минутных порывов. На остальное не остаётся прежде всего времени. Человек эстетический

пребывает в состоянии постоянного стресса от несоответствия этих двух сущностей. Желания во много раз превышают возможности. Человек находится как бы между двух огней, между Сциллой (удовлетворённая потребность отчуждается от человека в силу своего опредмечивания) и Харибдой (неудовлетворенная потребность отчуждает человека от жизни и самого себя). И именно по этой причине поздний капитализм, в котором мы живём — это царство отчуждения, где как никогда ранее сильно отчуждение человека как от мира, так и от своего труда, так и от самого себя. Начиная с классических форм — наёмный труд в условиях гиперспециализации (многие работники не видят результат своего труда) и заканчивая изощренными системами контроля работников вроде тотального управления качеством, система видеонаблюдения и «карточная» система контроля нахождения на рабочем месте. В современной экономике отчуждёнными является труд даже представителей таких профессий, которым всегда в этом отношении тайно завидовали — учителей, врачей, учёных. Все регламенты, стандарты, «эффективные контракты», в конце концов приводят к полному отчуждению его от своей деятельности. Столь же симптоматично выглядит эволюция отношения человека к собственности, к имуществу. Как верно подмечает Э. Фромм [22], в девятнадцатом и начале двадцатого века «существовало некое чувство любящего обладания, связывавшее человека с его собственностью. Она все больше нравилась ему. Он гордился ею. Он добросовестно заботился о ней, и ему было тяжело, когда в конце концов приходилось расставаться с этой собственностью ввиду того, что её нельзя было больше использовать. В наше время от этого чувства собственности мало что осталось. Человек любит новизну купленной вещи, но готов изменить ей при появлении чего-то более нового» [22, с. 211]. Это особенно хорошо видно на рынке сотовых телефонов — линейки продуктов обновляются по несколько раз в год, и существенная часть потребителей готова перейти на следующую модель только по велению моды. Как эта тенденция связана с отчуждением? С одной стороны, любовь к вещам — одна из форм отчуждения, и если она уходит, то это может означать снятие проблемы отчуждения. С другой стороны, «статичная» привязанность к вещам заместилась динамической привязанностью к самому процессу приобретательства. Объектом любви становится не вещь, но сам процесс приобретательства. А это также означает отчуждение человека, превращение его в «квалифициро-

ванного потребителя» — классический пример частичного человека. Следовательно, отчуждение не исчезает, а, напротив, укореняется в сознании человека.

Современные грани отчуждения

В современной экономике от человека отчуждается не только труд и его результаты, но и самая сущность человека, причём довольно изощренным способом — люди «замораживаются» в подростковом эмоциональном состоянии, превращаются в вечных «kids» (детей), которым интересна игра — в спорт, в работу (не случайно появление даже дисциплины «Gamefication», изучающей способы решения сложны проблем через превращения их в игру с понятной целью, правилами и этапами прохождения — так понятнее современному человеку), на компьютере, в жизнь. Прямым следствием такого отчуждение является развитие всяких движений — «child-free», веганы, фриганы и т. п. Сохранение людей в таком состоянии выгодно властьпредержащим — такими массами проще управлять, они легче верят картинке в телевизоре, легче принимают «правила игры».

На протяжении всего двадцатого века можно проследить, как в качестве прогрессивной идеи звучит идея о равенстве полов. Начиная с эмансипации институток и заканчивая современным общественным контролем числа мест в правительствах, занимаемых женщинами. Прогрессивная часть прекрасного пола хочет стать равной мужчинам, искоренить видимое своё отчуждение от некоторых профессий, от более свободного, как им кажется, способа жизни. Однако вся эта борьба за равенство оборачивается отчуждением гораздо более серьёзным — приобретая свойства мужчины, женщина автоматически отчуждает от себя свои, присущие ей на протяжении всей истории. Женщина была всегда лучше мужчины, она исполняла более важную социальную и даже биологическую роль. Мужчина и женщина взаимодополняли друг друга, и никто не стремился занять место другого, кроме разве что ситуаций в сатирических сказках («Как мужик домовничал»). Сегодня же, становясь «равной мужчине», женщина перестаёт интересовать его как дополняющий его и жизненно необходимый элемент. Именно поэтому так велико число разводов и тех, кто не вступает в брак — ролевые функции нарушены, и женщина, работающая наравне с мужчиной, отчуждает от себя сущность «хранительницы семейного очага». Не

зря говорят — если вы видите великого мужчину, ищите рядом с ним женщину, которая сделала его великим. Но сейчас так можно сказать все реже, каждый делает себя сам. Вот она — первая грань современного отчуждения.

Вторая грань отчуждения, нещадно эксплуатируемая современными писателями и режиссёрами — это отчуждение в любви. Любовь как отношение человека к миру, к природе, к другому человеку, как сущностное свойство человека сегодня чаще всего дробится, разлетается на «лайки», «гифки», «смайлики», «валентинки» и тому подобные внешние, частичные проявления любви, которую Э. Фромм относит к одному из видов «псевдолюбви» — любви сентиментальной [30]. Кроме неё, столь же далёкой от любви истинной, неотчуждённой, являются и другие формы псевдолюбви — «эгоизм двоих против всех» и «сексуальная любовь». А неотчуждённая любовь — это, по мнению того же Э. Фромма, «постоянный риск, это состояние не отдыха, а движения, роста, работы сообща; наличие гармонии или конфликта, радости или печали является вторичным по отношению к основному факту, что два человека чувствуют полноту своего существования, в единстве друг с другом каждый из них обретает себя, а не теряет». Насколько то, что сейчас скрывается за словом «Любовь» в общепринятом значении, далеко от этого морального ориентира. Любовь сегодня для многих — это фантики от жвачки «Love is…».

Ещё одна грань отчуждения современного человека — это результат превращения всего интеллектуального и художественного достояния человечества в объект купли-продажи. Речь идёт о фантоме «интеллектуальной собственности» [33]. Сегодня нельзя на публике спеть чью-либо песню без того, чтобы не пришли юристы из Российского авторского общества и не предъявили счёт. Известны случаи, когда в суд подавали на самих авторов — зарубежную группу, гастролирующую по России, потому что право на исполнение их песен принадлежит одной из юридических фирм. То, что должно по самой своей природе стать общим достоянием — книга, песня, картина, то, что должно формировать культурный код нации и человечества в целом, запирается на замок. Если у тебя нет денег (пусть даже ста рублей) на скачивание любимого трека, то ты его не услышишь. В этом отношении дыры в законодательстве о защите авторских прав и несовершенная практика правоприменения — спасение для человека, борющегося со своим отчуждением от мира

культуры и искусства. Недаром в Европе «пиратская» партия уже пробралась в национальный парламент — это сигнал о том, что люди поддерживают борьбу с подобного рода отчуждением, даже если она ведётся не всегда законными средствами. Возможные упрёки в том, что пиратство — это удар прежде всего по авторам — несостоятельны. Авторам достаётся менее 10 % от продаж. Все остальное — «лейблам», «РАО» и тому подобным паразитирующим на творческом труде компаниям. Вполне вероятно, что в современных условиях проблему авторских гонораров можно было бы решить при помощи краудфандинга. Как говорил ещё в семидесятые Марк Болан — «настоящий талант пробьёт себе дорогу без посредников».

Похожим образом обстоит дело и с интеллектуальной собственностью в науке. Большинство людей отчуждены от современных достижений медицины не потому, что дорого производство этих лекарств, но потому, что право на их производство есть у считанного числа компаний, которые формируют цену по монопольному принципу, стремясь максимизировать прибыль за счёт высокой цены. Половина вопросов в сфере технологий, в агропромышленном комплексе могла бы быть решена, не сковывай производителей по рукам и ногам патентное право. Об этом же говорит и Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц [34]. Опять же, речь не о том, чтобы обобрать бедных авторов изобретений, а о том, чтобы перестать создавать нового монстра, довлеющего над всей экономикой, в лице «интеллектуальной собственности», и сделать знание всеобщим достоянием. Без этого современный человек будет отчуждённым от всего передового, что есть в мире.

От современного человека на Западе отчуждается намного больше, чем кажется ему самому. Подробно об этом написал А. А. Зиновьев [35] ещё в 1980-е гг. С тех пор если что-то и изменилось, то лишь в худшую сторону. Где демократия и плюрализм мнений в Европе применительно к ситуации с Украиной начиная с 2014 года? Мы наблюдаем тотальное идеологическое принуждение, втискивание всех европейцев в единую когнитивную рамку, через которую Россия выглядит «агрессором», который должен «заплатить цену». Отрицаются как логические, аргументированные фактами доводы, так и просто разумные аргументы, что позиция Европы не выгодна ни ей, ни России. От целого континента отчуждается право проявления политических взглядов и политической воли. Все должны действовать в едином ключе, во имя абстрактных «общих евро-

пейских ценностей». Это — четвертая грань отчуждения современного человека.

Близка к предыдущей ещё одна, пятая грань отчуждения человека. В условиях манипулятивной демократии по всему миру происходит отчуждение человека от мира, отчуждение его как гражданина, как субъекта принятия важных решений в стране, в городе, в доме, где он живёт, в семье. Идеологическое давление в СМИ, гиперрегламентация всей жизни, включая контроль отношений внутри семьи под предлогом заботы о ненасилии. В известной книге «Либеральный фашизм» [36] подробно раскрывается становление сегодняшнего западного общества, которое базируется на ценностях «прогрессистов» начала века. Их подход к целям и функциях государства близок к тоталитарному: неприятие человеком позиции большинства, навязанной ему государством посредством управляемых СМИ, автоматически делает человека изгоем, отчуждает его от общества, ради которого он и высказывает свои взгляды. Индивидуальная позиция порицается во всем, кроме потребления. Главное отличие — в средствах, которое это государство использует. В первую очередь, речь идёт о «мягкой силе».

Прокатившаяся по миру волна цветных революций — триумф этой самой мягкой силы, оказавшейся гораздо мощнее и эффективнее силы военной. Мировые СМИ и социальные сети создают информационный и эмоциональный фон, необходимый для того, чтобы одни массы людей пришли в движение, а другие — промолчали. Информация исполняет роль инструмента идеологического насилия [37]. И это также являет собой яркий пример отчуждения от человека его сущности способного договариваться и способного слушать другого индивида, а в случае с «жертвами СМИ» — способности быть гражданином со своей точкой зрения и своей политической волей. В [36] подробно описывается использование концепта «морального аналога войны» в западной политике для мобилизации населения и лишения его собственной, отличной от большинства, политической воли. Во время войны недостойно высказывать скепсис и критиковать правительство, тот, кто делает это — или вражеский шпион, или идиот. Но войны не могут вестись вечно — это дорого и имеет серьёзный недостаток в виде жертв и их родственников. Поэтому на Западе придуман «моральный эквивалент войны» — «холодная война», «война со СПИДом», с лихорадкой Эбола, с террористами, с глобальным потеплением, с излишними выбросами

в атмосферу, и даже с виртуальным, придуманным противником (как мы наблюдаем сейчас на Украине, когда все проблемы в обществе и экономике списываются на «российскую агрессию»). Во время войны, какой бы она ни была, человек может добровольно согласиться на отчуждение от себя прав и свобод, за которые в обычном своём состоянии готов был драться. Граждане, демос стали в условиях современной «развитой демократии» отчуждённым электоратом.

Но иногда войны случаются и на самом деле. А. Хиршман [38] верно указал на изменение морального вектора в человеческом поведении на заре капитализма, во многом обусловившего его быстрое распространение в Европе. Мотив страсти, чести, доблести, выступавший драйвером человеческого поведения всех основных акторов (королей, герцогов, рыцарей) в Средние века, сменился на «интерес», на достижение успеха в делах. Правильным и героическим стали не походы за Святым граалем или спасение прекрасных дам, а приобретение власти, богатства, влияния. По общему мнению, хорошо выраженному в [39], людям свойственно чем-либо «мериться», так пусть это будет мошна, а не удаль. Благо такого перехода для истории, как указывали его идеологи (Дж. Вико, Дж. Локк, Д. Юм [38]) — в отказе от бессмысленной жестокости, от разорительных войн в угоду королям, их попранной чести или задетого самолюбия. Предполагалось, что войн станет меньше, и они будут более «рациональными», не такими кровопролитными и продолжительными, как раньше. И действительно, войн стало меньше, однако они стали более масштабными и жестокими. Оказалось, что стремление к обретению новых рынков и богатств толкает человека на шаги, отчуждающие от него многие родовые свойства: альтруизм, милосердие, готовность договариваться. От человека оказалась отчуждённой его человечность.

Апофеозом этой эволюции стали две мировые войны двадцатого века. По своей природе это были экономические войны. Национальные экономические системы требовали расширения, глобальный капитал нуждался в преодолении национальных границ, нарождающимся глобальным корпорациям были нужны источники ресурсов и рынки рабочей силы [40, 41]. Поддержать начало войны для слома — в случае Первой мировой — осколков старого «добуржуазного мира» — Российской, Австро-венгерской, Германской и Османской империй — со стороны представителей «нового»

мира выглядело более чем разумным, логичным и соответствующим экономическим интересам. Поддержать продолжение войны для получения военных заказов, для кредитования воюющих правительств, для обретения контроля над нефтяными месторождениями на Ближнем Востоке — более чем рационально. С подобной экономической логикой «маховик» военно-промышленного комплекса раскручивался и перед Второй мировой, продвигаемый для благой цели — преодоления глубокого кризиса, поразившего как Европу, так и США. И, конечно же, навряд ли кто рассчитывал, что войны окажутся столь длительными, бесчеловечными и кровопролитными. Перед нами — явное противоречие целей, по своей природе разумных и логичных и иррациональных результатов, полных бессмысленной жестокости и массовых жертв. Почему так происходит? Те, кто возвращаются с войны, переживают жесточайший психологический кризис, им очень сложно вернуться к обычной жизни. Так происходит даже с участниками локальных конфликтов — возникает т. н. «синдром войны» [42]. На обычном человеческом языке этот синдром объясняется защитной психологической реакцией на состояние постоянной опасности и ожидания потерь, когда для физического и душевного самосохранения человек «черствеет», становится нечувствительным к боли других. Используя принятый нами подход к исследованию эволюции отчуждения, можно говорить о возникновении специфического отчуждения — локального, индуцированного особыми внешними обстоятельствами отчуждения человечности. Это происходит на уровне группового поведения, появляются социально-экономические институты, легитимизирующие в глазах общества такое поведение — «на войне как на войне» («a la guerre comme a la guerre»). И в таком отчуждённом состоянии человек готов пойти на многие вещи, которые ему «обычному» показались бы невозможными, в том числе и на убийство. Это один аспект проблемы.

Другой аспект — излишняя вера в рациональность других. Как показало исследование Х. А. Марины [43], разум подводит человека очень часто. Виной тому, как он пишет, когнитивные ошибки, аффективные ошибки, ошибки коммуникации и «поверженная воля». Проще говоря, проблема в информационной асимметрии, неспособности правильно воспринять информацию и сложном устройстве человеческой психики, тем более реализующей себя в обществе. Рациональный Советский Союз не стал бы противостоять

нацистской Германии, имеющей за спиной всю Европу, и поступил бы подобно своим западным соседям. Но мы уперелись, веря в свою правоту и в будущую победу. И мы победили, как уже не раз на протяжении всей человеческой истории. Сталкиваясь с нерациональной частью человеческой природы, война из инструмента достижения экономических целей превращается в «черного лебедя» [44], взмывающего над полем битвы и осеняющего весь мир своим крылом. Используя терминологию Нобелевского лауреата Д. Канемана [45], в экстремальных условиях войны за решения людей часто начинает отвечать Система 1, в то время как Система 2 «молчит». Итак, война являет собой яркий пример отчуждения во всех её формах — и как вооружённая агрессия, и как виртуальный заменитель такой агрессии. В условиях войны человек добровольно отчуждает от себя критически настроенное сознание, способность сопереживать (как минимум, в отношении врага), способность рационально мыслить [46].

Глупость можно трактовать как отчуждённый разум, и она, по меткому выражению Р. Музиля [47], находит сферу своего проявления именно в жестокости. Человек на войне становится жестоким в ответ на существующий вокруг хаос, в котором он чувствует себя потерянным, отчуждённым от своей жизни. Сегодня все грозит повториться: от человека загодя отчуждают человечность при помощи массированной «атаки» СМИ, ежедневного тиражирования бедствий, насилия, войн «по телевизору». Бесчеловечность становится обыденной, и это очень опасно. Полученная человечеством во время Второй мировой прививка от глобальной войны ослабевает. И сегодня, в условиях кризиса в экономике, усиливающейся конкуренции за ресурсы, дополнительного миграционного давления и распространения по всему миру технократических, отчуждённых правительств и их глав. Риск новой мировой войны возрастает многократно. Однако нельзя недооценивать роль образования, науки, культуры в снижении этого риска. Но для этого они сами должны измениться. О влиянии культуры на процесс отчуждения и возможность его преодоления, пусть и немного в другой терминологии, хорошо и подробно написал М. Кантор [48]. Он связал отчуждение человека в искусстве с доминированием постмодернистской эстетики, «современного» или «концептуального» искусства, отказа от классических принципов в живописи, скульптуре, музыке. Постмодернистские тенденции в современном искусстве, навязывание мас-

совой культуры как доступной большинству альтернативы классической музыки, живописи, драмы, оперы, балета — все это превращает культуру в «фан», развлечение [48]. Фильмы заменяют книги, при этом из кинотеатров практически уходит интеллектуальное кино. Среди способов досуга лидирует телевизор с бесконечным набором развлекательных опять же программ. Человек отчуждается от своего родового культурного наследия, от культурного кода предков. В массовой культуре все чувства чётко опредмечены. Любовь — значит цветы и секс, ненависть — значит месть и кровь, дружба — значит, пожали руки и вниз по склону на лыжах. Все регламентировано и расписано, и так формируются шаблоны для поведения людей.

Что касается образования и науки, то здесь, применительно к экономике, мы наблюдаем гиперформализацию — одну из разновидностей отчуждения. Глубокие, диалектические теории замещаются простыми, структурированными дисциплинами «экономикса», и в результате студенты и исследователи занимаются не реальной экономикой, а её плоской схемой, воспринимая такую когнитивную рамку (предельный анализ, «спрос-предложение», «затраты-выпуск» и т. п.) как модель, объясняющую реальность. Человек в процессе такого обучения или занятия наукой отчуждает от себя реальность, живёт в мире абстрактных форм. Эти формы, в свою очередь, часто строятся как отображение не реальной экономики, а её превращённых форм — брендов, финансовых инструментов, интеллектуальной собственности и т. п. (подробнее о разнообразии превращённых форм можно прочитать в работах А. В. Бузгалина и А. И. Колганова [3, 31, 32]). Если ли способ преодолеть такое отчуждение? Да, есть. Он не простой, его реализация потребует значительных интеллектуальных и организационных усилий. Это путь реактуализации политической экономии. Реактуализации её на качественно новом уровне.

Реактуализация политической экономии в России

Современная экономическая наука представляет собой клубок противоречий, который не может быть разрешён в рамках господствующей неоклассической парадигмы. Её теории превратились в догмы о рынке и конкуренции как безусловном благе, о капитализме как единственно успешной и естественной экономической системе. Для России укоренение в экономической науке неоклассической методологии в 1990-е гг. оказало пагубное воздействие как

на уровень научных исследований, так и на систему преподавания экономической науки в университетах. Сегодня, с одной стороны, имеет место примитивизация экономической науки, изучение экономических явлений и процессов на уровне «механических» связей, с другой же, довольно многочисленный ряд учёных органически не принимает неоклассический редукционизм и самостоятельно (или в русле многочисленных неортодоксальных школ) разрабатывает теоретические и методологические подходы. Существующее многообразие научных школ и исследований отдельных авторов существенно затрудняет научный диалог. Базовые понятия экономики (труд, капитал, рынок, прибыль, доход) находят множественные толкования, и дискуссии, которые могли бы иметь решающее значение для поиска вариантов выхода российской экономики на траектории устойчивого развития, не продвигаются дальше спора о понятиях. Сегодня российской экономической науке как никогда необходима консолидация, выработка единого научного языка и единой методологии исследования экономики, которая была бы адекватна современному уровню развития производительных сил и производственных отношений. Из существующих школ наибольший потенциал успешно выступить в этой роли есть у политической экономии. Вокруг методологии политической экономии возможно объединение других наук, изучающих экономику и общество: неоклассической, неоавстрийской, кейнсианской, институциональной и эволюционной экономической теориям, экономической социологии. Это возможно по той причине, что большинство из них вышли из политической экономии, развивая или отрицая её идеи, поэтому обратный синтез вполне может быть осуществлён на основе законов диалектики.

Вместе с тем, необходимы обновление и «операционализация» методологии политической экономии с целью её реактуализации в качестве методологической основы экономической науки, а также создание организационных и институциональных форм, обеспечивающих такую реактуализацию, регулярное проведение школ молодых учёных, конференций и конгрессов. Важной частью этой задачи будет разработка методологических подходов для синтеза достижений политической экономии и других направлений экономической мысли, поиск общих точек и дискуссии по спорным положениям. Задача, в случае её успешной реализации, будет способствовать развитию уровня и качества научного диалога экономистов, включение большого числа российских исследователей в

международные дискуссии по наиболее актуальным проблемам современной экономической науки. Необходимо привлекать иностранных учёных с высокой публикационной активностью, что будет способствовать развитию научной дискуссии на международных площадках, в том числе в ведущих научных журналах, индексируемых Web of Science и Scopus. Также необходимо активно вовлекать в этот процесс «провинциальные» научные школы, давать им возможность выступать активными участниками дискуссии, прислушиваться к ним.

Современный человек, помимо традиционных форм отчуждения, описанных ещё Марксом, испытывает серьёзное внешнее давленое, предопределяющее дальнейшее развитие отчуждения. Речь идёт об отчуждении чувств — любви и дружбы посредством их опредмечивания в индустрии потребления и рекламы, самой человечности посредством тиражирования в СМИ информации о войнах и насилии, превращения их в обыденность. И современная задача для политической экономии — «препарировать» эти новые формы отчуждения, чтобы найти от них «лекарство» для человека. Поскольку без изменения человека, без преодоления им отчуждения во всех, в том числе новейших, формах никакие материальные блага и улучшения уровня жизни не будут способствовать развитию человечества.

Есть примеры создания готовых учебных моделей в русле этого подхода. А. В. Бузгалин предлагает концепцию общества будущего, развивающегося в соответствии с законами диалектики. Он использует знакомый акроним СССР, вкладывая в него новый смысл: «С — свобода», как снятие манипулятивной демократии и создание демократии реальной; «С — справедливость», как производство общественных благ на общественной собственности, а не перераспределение результатов частного производства во имя снижения дифференциации доходов; «С — солидарность», как отказ от рационального индивидуализма и рыночно-ориентированной модели поведения как единственно правильной в пользу развития отношений солидарности; «Р — развитие», как снятие общества потребления, переход к обществу, свободному от диктата рынка и от манипулирования им. Каждый из этих пунктов — вполне осязаем и понятен, вокруг такой концепции можно разрабатывать конкретные программы и стратегии, изучение которых будет интересно, в том числе, и студентам.

Э. Фромм демонстрирует другой подход. Он развивает кон-

цепцию «здорового общества», где снятие отчуждения осуществляется в обществе «коммунитарного социализма» [22]. Он приводит в пример одну из крупнейших фабрик по производству корпусов для часов во Франции (Буамондо) как образец снятия отчуждения рабочих от труда и дальнейшего снятия отчуждения в сферах культурной и общественной жизни. То тут, то там, то в Европе (Мондрагон), то в США (W. L. Gore & Associates), то в Южной Америке (Semco) [49] появляются примеры развития производственной демократии, оказывающей самое благотворное воздействие на снятие отчуждения человека. Дело за малым — понять эти примеры, разработать и внедрить лучшие практики.

Однако существуют и проблемы. До настоящего времени политическая экономия остаётся «вещью в себе» в российской экономической науке, и, несмотря на появление сильных работ и талантливых исследователей, не завоевала широкой популярности. Основной причиной этого является доминирование неоклассической парадигмы как основы исследовательских программ в крупных научных центрах (ВШЭ, РАНХиГС) и большинстве региональных университетах, а также разобщённость исследований находящихся в русле политической экономии. За последние полвека предмет политической экономии и её методология претерпела серьёзные изменения и включает в себя такие разделы, как традиционную марксистскую политическую экономию, так и постсоветскую школу критического марксизма, и теорию финансиализации, теорию индустриализации и реиндустриализации, политическую экономию институтов, эволюционную политическую экономию, политическую экономию труда, политическую экономию товара (Commodity Studies), теорию экономического развития, агарную экономику (Agrarian Change) и многие другие. Если современные политэкономы в России не собираются оставаться «орденом избранных», хранящим и передающим из поколения в поколение тайны и истины, а планируют расширить своё влияние и в высшей школе, и в экономической науке, и в экономической политике, им необходимо выйти из ворот своей обители к народу (т. е. к широкой научной общественности, к аспирантам и студентам) и говорить с ними на едином понятном языке.

В статье обойдены вниманием более традиционные формы отчуждения — бюрократизация корпоративного и государственного управления (власть техноструктуры, как писал К. Гэлбрейт [50]), рутинизация профессиональной деятельности вообще, включая

конвейерный принцип работы, системы управления качеством (TQM), система оценки труда офисных служащих, в том числе и занимающихся управленческой деятельностью — KPI, образовательные стандарты и их извращённая бюрократией трактовка, отчуждающие педагогов от сути образовательной деятельности. В любой области профессиональной и личной жизни человека можно найти подтверждение исходному тезису о все большем его отчуждении. Человек одинок, отчуждён и разбит на тысячу частей. Сделана попытка дать ответ на вопрос о причинах этого феномена (интеллектуальное развитие человека и расширение его возможностей вкупе с действующей капиталистической системой экономических отношений) и возможных способах преодоления отчуждения человека (на основе реактуализированной политической экономии, её внедрения в учебный процесс и в научные исследования как методологической базы). Но остаётся открытым вопрос о субъекте — том, для кого все это затевается. Современный человек навряд ли оценит отказ от части благ цивилизации, доставляемых ему миром потребления, ради обретения абстрактных для него отчуждённых свойств. А на такую жертву ему придётся пойти. Хорошо, что в современной российской экономической науке дискуссия о «человека завтра» ведётся (например, [51-57]), и стоит надеяться, что принесёт результат.

Литература

1. Бузгалин А. В. Опредмечивание, овещнение и отчуждение: актуальность абстрактных философских дискуссий // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 124–129.
2. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Российская экономическая система: специфика отношений собственности и внутрикорпоративного управления // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 10. С. 8–17.
3. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Ещё раз к вопросу о трактовке человека в марксистской теории // Философия хозяйства. 2014. № 1(91). С. 231-244.
4. Чистов Р. С., Семенова Н. И., Киселева Г. В. Отчуждение в сфере управления мировым хозяйством и картина мира современного менеджера // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4. С. 24–27.
5. Горбачев А. Ю. Отчуждение (тезисы) // Философия хозяйства. 2012. № 4(82). С. 243–247.
6. Кузнецова А. П. Отчуждение труда и неустойчивая занятость работников // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 2(196). С. 12-18.
7. Погудин О. Отчуждение как форма отношения к труду (на примере

работы персонала УИС) // Человек и труд. 2012. № 10. С. 29–33.
8. Ляхова Я. Ю. Коррупция как результат отчуждения // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 32–36.
9. Павлов В. А. О некоторых методологических предпосылках обновления современной политической экономии. Часть II // Вестник Международного института экономики и права. 2014. № 4 (17). С. 72–84.
10. Бархатов В. И. Природа и противоречия успешности малого и среднего бизнеса в современной экономике // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 21 (350). С. 8–14.
11. Плетнёв Д. А. Современная корпорация и Карл Маркс: свежий взгляд из прошлого // Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь. 2014. Т. 16. № 1. С. 408–417.
12. Тимченко Л. Л. Отчуждение в современном обществе (социально-философский анализ проблемы): Дис. канд. философ. наук. Алтайский государственный университет, 2010.
13. Вербицкий В. Г. Отчуждение как имманентное понятие истории философии и продуктивной деятельности // Вопросы философии. 2014. № 12. С. 161–168.
14. Григоренко П. И., Гукова А. В. Отчуждение как социально-философская проблема // Новый университет. Серия: Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2012. № 4. С. 54–56.
15. Абрарова А. А. Философский анализ проблемы одиночества // Экономика и социум. 2015. № 1 (14). С. 177–178.
16. Топильская О. А. Восстановление баланса в психологическом конверсиве отчуждение-идентификация как способ преодоления отчуждения // Социально-экономические явления и процессы. 2014. №3(61). С. 236-242.
17. Перетягина Н. Н. Отчуждение детей от школы // Экономика образования. 2015. № 2. С. 126–132.
18. Суслова И. Б. Культурное отчуждение современной молодёжи и способы его преодоления средствами образования // Гуманизация образования. 2015. № 3. С. 88–93.
19. Нуржанова В. А. Нотариальное удостоверение сделок, связанных с отчуждением доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Экономика и социум. 2014. № 4 (13). С. 161–170.
20. Болтанова Е. С. Правовое регулирование принудительного отчуждения недвижимого имущества для государственных или муниципальных нужд // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 6 (165). С. 6–15.
21. Маркс К. Немецкая идеология. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. М.: Издательство политической литературы, 1955. С. 31.
22. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. / пер. с нем. М: АСТ: Транзиткнига, 2005. 571 с.
23. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. М.: АСТ, 2015. 512 с.
24. Маркс К. Капитал: критика политической экономии. Т. 1. М.: Эксмо,

2012. 1200 с.
25. Кьеркегор, С. Или-или. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. акад.: Амфора, 2011. 823 с.
26. Маслоу А. Х. Мотивация и личность. 3-е изд. СПб.: Питер, 2011. 352 с.
27. Мэнкью Г. Принципы микроэкономики. М.: Эксмо, 2007. 592 с.
28. Уэльбек, М. Возможность острова: роман. М.: Иностранка, 2007. 624 с.
29. Высоцкий В. С. Я, конечно, вернусь... М.: АиФ, 2011, 256 с.
30. Фромм Э. Искусство любить: исследование природы любви. / пер. с англ. Л. Трубицына, А. Ярхо, А. Соловейчик. СПб.: ИД «Азбука-классика», 2007.
31. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал 2014: в 2 т. Т. 1: Методология: по ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс reloaded). 3-е изд., испр. и сущ. доп. М.: Ленанд/URSS, 2015. 640 с.
32. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал 2014: в 2 т. Т. 2: Теория. Глобальная гегемония капитала и её пределы (Капитал re-loaded). 3-е изд., испр. и сущ. доп. М.: Ленанд/URSS, 2015. 904 с
33. Плетнёв Д. А. Эволюция корпорации и её среды: попытка неколичественного прогноза // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2012. Вып. 12 (116) С. 46–57.
34. Стиглиц Дж. Патентная система угрожает человечеству // Вести. Экономика. 2013. 14 мая. http://www.vestifinance.ru/articles/27341)
35. Зиновьев А. А. Запад: Избранные сочинения. М.: Астрель, 2008. 512 с.
36. Голдберг Дж. Либеральный фашизм: История левых сил от Муссолини до Обамы. М.: Рид Групп, 2012. С. 331–372.
37. Galtung J. Small Group Theory and the Theory of International Relations. A Study In isomorthism / J. Galtung // New Approaches to International Relations / ed. by M. Kaplan. N. Y., 1968. P. 270–295.
38. Хиршман А. О. Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. М., 2012.
39. Ридли М. Происхождение альтруизма и добродетели: от инстинктов к сотрудничеству. М.: Эксмо, 2012.
40. Тайчо А. Основная причина Первой мировой войны // Maxpark. 2013. 10 мая 2013 http://maxpark.com/community/14/content/1979694
41. Николаев С. Корпорации, вскормленные мировой войной // Око планеты. 2013. 3 июня. http://oko-planet.su/history/historysng/190713-korporacii-vskormlennye-mirovoy- voynoy.html
42. Сайнс К. Синдром войны: О чём не говорят солдаты. М.: Альпина нонфикшн, 2013.
43. Марина Х. А. Поверженный разум: Теория и практика глупости. М.: Астрель: CORPUS, 2010. 252 С.
44. Т Талеб Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М: КоЛибри, 2009. 528 с.
45. Канеман, Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2013. 656 с.
46. Dixon N. On the Psychology of Military Incompetence. N. Y.: Time Warner

Paperbacks, 1991.
47. Музиль Р. О глупости в кн. «Малая проза. Избранные произведения в двух томах. Роман. Повести. Драмы. Эссе.» / Пер. с нем., пред. А. Карельского, сост. Е. Кацевой М.: Канонпресс-Ц, Кучково поле, Т. 2. 1999.
48. Кантор М. Стратегия Левиафана. М.: АСТ, 2013. 448 с.
49. Плетнёв Д. А. Корпорация производственной демократии как субъект устойчивого развития / Устойчивое развитие в неустойчивом мире: сб. аннот. докл. междунар. междисциплинар. науч. конф. 26–28 июня 2014, Челябинск. М.: 2014. С. 47–48.
50. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество: избранное / пер. с англ. П. А. Алябьева, С. А. Батасова, О. С. Васильева и др. // Антология экономической мысли. М.: Эксмо, 2008.
51. Гринберг Р. С. Найти выход из мировоззренческого тупика // Мир перемен. 2013. № 1. С. 5–8
52. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Четыре ответа на четыре вопроса // Мир перемен. 2013. № 1. С. 106–109
53. Бузгалин А. В. Обновление экономической системы России: необходим отказ от «рыночного фундаментализма» // Проблемы современной экономики. 2014. № 3 (51). С. 53–55.
54. Плетнёв, Д. А. Экономика для человека как нетривиальная цель развития современного хозяйства // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Экономика. 2013. Т. 15 (№ 41). С. 35–42.
55. Плетнёв Д. А. Критический марксизм: поколение next. Новый взгляд на отчуждение, глобализацию и Россию / под ред. Г. Ш. Аитовой, А. В. Бузгалина, Л. А. Булавки-Бузгалиной. М.: Ленанд/URSS, 2014. С. 48–66.
56. Плетнёв Д. А. Тектоника государственной экономической стратегии: индивиды, корпорации, общество // Экономическая политика: на пути к новой парадигме. Пятнадцатые Друкеровские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х т / под ред.: Р. М. Нижегородцева, А. И. Тихонова, Н. В. Финько. М.: Доброе слово, 2013. Т. 1. С. 76–85.
57. Экономика для человека: социально-ориентированное развитие на основе прогресса реального сектора: материалы Моск. эконом. форума / под ред.: Р. С. Гринберга, К. А. Бабкина, А. В. Бузгалина. М.: 2014.
58. Лакруа Ж. Чувства и нравственная жизнь // Лакруа Ж. Избранное: Персонализм. М., 2004, С. 436
59. Мунье Э. Персоналистская и общностная революция // Мунье Э. Манифест персонализма. М. 1999, С. 146
60. Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique. Paris: Gallimard, 1960. p. 131.
61. Левинас Э. Тотальность и бесконечное. М.: Культурная инициатива: Университетская книга, 2000, С. 69.
62. Мусто М. Ещё раз о марксовой концепции отчуждения // Альтернативы. 2013. № 3. С. 37–61
63. Musto M. Revisiting Marx's Concept of Alienation // Socialism and Democracy. 2010. V. 24, № 3. P. 79–101.

Трансформация товарных отношений в условиях позднего капитализма: монополистический капитал как исходное отношение[1]

Сергеев Григорий Сергеевич,
к.э.н., МГУ имени М.В. Ломоносова

Ключевые слова: поздний капитализм, монополистический капитал, товарные отношения, исходное производственное отношение, монополистический капитализм, империализм, государственно- монополистический капитализм, новый империализм, глобальный монополистический капитализм, материалистическая диалектика.

С началом мирового экономического кризиса и последовавшей за ним «Великой рецессии» центростремительный импульс, полученный мировой капиталистической системой в результате развёртывания на протяжении более тридцати лет процессов неолиберальной глобализации, оказался исчерпан. Разгорающиеся торгово-экономические войны между крупнейшими факторами мировой экономики, дезинтеграция сложившихся и формирование новых межгосударственных политико-экономических блоков, сопровождающиеся нарастающей международной конфронтацией, указывают на кризис неолиберального проекта глобализации и качественные изменения в мирохозяйственной системе капитализма.

При этом фиксируемые на поверхности изменения глобальной капиталистической системы свидетельствуют о глубинной трансформации системообразующих элементов капиталистического способа производства. В связи с этим изучение особенностей и противоречий современного капитализма требует историко-логического анализа эволюции позднего капитализма, взятой в контексте и соотносимой с изменениями исходных категорий товарных отношений.

Вследствие масштабности вышеуказанной задачи в данной статье мы по- пытаемся лишь наметить в самых общих чертах взаимосвязи между развёртыванием позднего капитализма и трансфор-

[1] *Цитирование:* Сергеев Г.С. (2019). Трансформация товарных отношений в условиях позднего капитализма: монополистический капитал как исходное отношение // Вопросы политической экономии. № 4(20). С. 50-63.

мацией исходных элементов капиталистической социально-экономической системы.

Материалистическая диалектика как методология исследования

Для господствующего сегодня неоклассического направления экономической теории характерен позитивистский подход, направленный на «регистрацию» эмпирически наблюдаемых фактов и построение на этой основе экономико-математических моделей, поясняющих функциональные связи, но не позволяющих проникнуть в сущность общественных отношений, формирующих «внутреннюю физиологию» лежащих на поверхности действительности фактов.

Выделение и исследование качественно различающихся этапов в развитии капитализма требует адекватного методологического инструментария, которым, на наш взгляд, является только диалектика-материалистический подход, позволяющий выявить, «как объективное сцепление причин и следствий, связь и взаимодействие явлений обусловливают закономерный переход от одной ступени развития к другой» [15, с. 38]. Тем самым очевидно, что наиболее адекватным для целей нашего исследования является марксистский теоретико-методологический аппарат, для которого использование диалектика-материалистического метода к изучению развивающихся социально-экономических систем является основополагающим.

Неудивительно, что исследование процессов генезиса, развития и неизбежного заката капиталистической системы производственных отношений и анализ различных её конкретно-исторических этапов и, в частности, империализма представлен прежде всего в классических работах основоположниках марксизма и их последователей начала XX века[2]. Отдельно выделим в этой связи теорию империализма, сформулированную В. И. Лениным в работе «Империализм как высшая стадия капитализма», которая - с учётом её критического переосмысления и творческого развития представителями постсоветского критического марксизма - является, на наш взгляд, наиболее адекватной теорети-

[2] Послевоенное развитие капитализма, по утверждению Р. Десаи, привело к тому, что классические теории империализма стали ещё более актуальными [22, p. 88].

ко-методологической основой для понимания действительных тектонических сдвигов, происходящих сегодня в глобальных социально-экономических отношениях.[3]

Важнейшим теоретико-методологическим принципом материалистической диалектики является признание внутренних противоречий, их единства и борьбы, движущей силой развития конкретно-исторического способа производства. При достижении определённого этапа развитие противоречий, лежащих в основе данного способа производства, приводит к тому, что социально-экономическая система не может далее развиваться без привнесения элементов более прогрессивной системы производственных отношений. В частности, в начале прошлого века процесс обобществления производства привёл к захвату командных высот в экономике наиболее развитых стран монополистическим капиталом, который при этом оказался вынужден внедрять несвойственные ему отношения планомерности. Это позволило В. И. Ленину не абстрактно сформулировать, а диалектически «вывести» тезис о подрыве товарного производства и переходе к монополистической стадии капитализма [9]. Ленинский тезис о подрыве товарного производства на монополистической стадии капитализма был в дальнейшем развит в рамках концепции «неполной планомерности», разработанной политэкономической школой МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством Н. А. Цаголова.

При этом диалектико-материалистический метод предполагает, что «сложное отношение может появиться лишь после того, как развилось предшествующее ему простое» [8, с. 71]. В связи с этим познание конкретно-всеобщего целого как «единства во многообразии» может осуществляться только через форму восхождения от абстрактного к конкретному. В этом смысле при исследовании конкретно-исторического способа производства в рамках марксистской научной парадигмы важнейшим понятием является «экономическая клеточка», то есть «простейшая экономическая форма, содержащая в зародыше все основные черты и противоречия данного способа производства» [18, с. 119].[4]

При исследовании капиталистического способа производ-

[3] Так, например, по мнению Ж. Лабика, современный процесс глобализации представляет собой этап в развитии империализма начала прошлого века, исследованный В.И. Лениным [24, с. 228].

[4] Понятие «экономической клеточки» раскрыто в [18].

ства Маркс показал, что товарные отношения (или «форма стоимости товара») являются исходными общественными отношениями капитализма, где товар есть «самая всеобщая и неразвитая форма буржуазного производства», из которой в дальнейшем развёртывается все богатство содержания и разнообразие форм капиталистической системы производственных отношений [10, с. 92].

Генезис и развитие монополистического капитала означает подрыв обособленности частных производителей в системе общественного разделения труда, что является основой товарно-рыночного хозяйства. Тем самым формирующиеся переходные экономические отношения характеризуют вступление капитализма в стадию «позднего капитализма», который представляет собой «этап возникновения в недрах капитализма ростков пострыночных отношений, отрицающих качество, сущность капитала, но вместе с тем дающих капитализму новый импульс развития» [2, с. 17].

Прежде чем приступить к анализу влияния монополистического капитала на основные категории капиталистического способа хозяйствования, обратимся для большей наглядности к рис. 1, схематично и с изрядной долей условности иллюстрирующему взаимосвязь между основными элементами (категориями) товарно-денежного хозяйства, которые были исследованы Марксом в первом отделе I тома «Капитала». Необходимость рассмотрения изменений данных категорий в условиях позднего капитализма объясняется тем, что, по Марксу, «товарное обращение есть исходный пункт капитала», а деньги, являясь «последним продуктом товарного обращения», есть «первая форма проявления капитала» [10, с. 157]. Следовательно, степень трансформации исходных - и в этом смысле самых абстрактных - категорий капиталистического способа производства может служить мерой изменения сущности последнего.

Монополистический капитализм и подрыв рынка

Как мы отмечали ранее, к концу XIX века в наиболее развитых капиталистических странах завершается переход от классического капитализма эпохи свободной конкуренции к *монополистическому капитализму,* в основе которого лежит генезис и развитие капиталистической монополии. В результате обобществления производства монополистический капитал оказывает существенное влияние на два основных элемента, конституирующих рынок как таковой: 1) обособленность производителей в условиях 2) обще-

ственного разделения труда.

На место атомизированных, обособленных отношениями частной собственности товаропроизводителей приходят крупные монополистические объединения, связанные между собой устойчивыми производственно-экономическими отношениями. Одновременно с этим монополистический капитал видоизменяет и систему общественного разделения труда: множество узкоспециализированных отраслей, прежде тесно связанных между собой посредством рыночного механизма, теперь подчинены господству крупнейших монополий, которые во многом прямо определяют структуру и объёмы производства, виды производимой продукции, цены и географию её реализации, а также специализацию мелких и средних предприятий.

Монополизация процесса производства неизбежно приводит к тому, что конкуренция в процессе обмена также должна «уступить место прямому монополистическому господству» [14, с. 75]. Прежде всего развитие монополистического капитала обусловливает широкое распространение внерыночных форм обмена, наиболее известной их которых сегодня является трансфертное ценообразование. Далее монополистический капитал непосредственным образом деформирует рыночный механизм ценообразования: во-первых, планомерно регулируя и контролируя по сути весь производственный процесс и соответственно всю цепочку производства стоимости, капиталистическая монополия формирует общественно-необходимые затраты производства продукции; во-вторых, капиталистическая монополия в силу своих размеров препятствует свободному внутри- и межотраслевому переливу капитала, что в свою очередь затрудняет формирование рыночных цен производства и соответственно выравнивание нормы прибыли•[5]

Таким образом, монополистический капитал, постепенно

[5] Сегодня посредством теперь уже «глобальных цепочек стоимости» или, другими словами, глобальных производственных сетей транснациональная корпорация как новейшая форма организации монополистического капитала выступает в качестве механизма перераспределения прибавочной стоимости из стран (полу)периферии в страны «Центра», что обеспечивает непрерывный процесс накопления капитала в наиболее развитых капиталистических экономиках. Механизм такого перераспределения прибавочной стоимости показан на основе марксистской трудовой теории стоимости Р. С. Дзарасовым [6].

захватывая сферы производства и обращения (как «вширь», так и «вглубь»), использует внерыночную власть для сознательного установления нерыночных монопольных цен.[6]

Деформация рыночного механизма регулирования общественного воспроизводства на основе свободной конкуренции и его постепенного вытеснения «планомерностью трестов» в условиях господства частнокапиталистических монополий «усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом» [9, с. 324].

В начале XX века экономико-политический раздел мира, вызванный трансграничной экспансией монополистического капитала из наиболее развитых «цивилизованных держав» в (полу)колонии, приводит к столкновению интересов национальных монополистических группировок и провоцирует развязывание Первой мировой войны. Последующий крах экономики в развитых «империалистических державах» (мировой экономический кризис и Великая депрессия 1929-1933 годов) в сочетании с растущей угрозой со стороны мировой социалистической системы обусловливает необходимость прямого вмешательства государства в процесс воспроизводства общественного капитала, что ознаменовало переход к ***государственно-монополистическому капитализму***.

Государственно-монополистический капитализм и подрыв денег

Сращивание капиталистических монополий и государственно- бюрократического аппарата приводит к тому, что государство превращается в «идеального совокупного монополиста» [14, с. 136], тем самым выражая прежде всего интересы крупного национального финансового капитала.

В условиях государственно-монополистического капитализма типичной хозяйственной единицей в экономике становится «корпорация-гигант» [21]. Происходит усиление и углубление мо-

[6] Понятно, что рыночная цена товара как превращённая форма стоимости не соответствует величине стоимости товара. Наоборот, постоянное отклонение цены от стоимости, как показал Маркс, и является механизмом, с помощью которого закон стоимости проявляется на поверхности капиталистической действительности [10, с. 112]. Однако в конкурентной рыночно-капиталистической экономике стоимость выступает гравитационным центром колебаний рыночных цен.

нополизации внутри конкретного социально-экономического пространства, в результате чего диалектически снимаются разрушительные последствия конкуренции между самими монополиями, унаследованные монополистическим капитализмом от классического капитализма эпохи свободной конкуренции.

При этом однако в условиях внутренней социально-классовой борьбы и внешнего противостояния со странами мировой социалистической системы страны «ядра» мировой капиталистической системы вынуждены осуществлять частичное регулирование (социализацию) монополистического капитала, что приводит к «золотому веку» капитализма. Суть отношений наёмного труда и капитала как способа соединения работника со средствами производства не меняется, но существенно деформируется под влиянием социал-демократических реформ. Происходит определённый подрыв принципа распределения доходов по «силе капитала» вследствие существенного перераспределения общественного богатства в пользу трудящихся в рамках реализации концепции «государства всеобщего благосостояния», что ещё более подрывает капиталистический хозяйственный механизм.

Определённое сглаживание внутригосударственных противоречий между монополиями не устраняет, а наоборот усиливает острейшую конкуренцию между монополистическими группировками на мировом рынке. Уже на стадии монополистического капитализма важнейшее значение приобретает экспорт капитала и соответственно экономический раздел «туземных хозяйственных территорий», в связи с чем особую роль приобретают обособившиеся формы денежного капитала: ссудный и фиктивный капитал.

Между тем деформация рыночного механизма под влиянием монополистического капитала приводит к противоречию между внутренними ценами, отражающими сложившуюся монополистическую структуру экономики, и стоимостью «золотых» денег как всеобщего эквивалента товарных стоимостей при международных расчётах.[7]

[7] Маркс подчёркивает особую роль золота в международных экономических отношениях, выделяя функцию «мировых денег» как самостоятельную: «Только на мировом рынке деньги в полной мере функционируют как товар, натуральная форма которого есть вместе с тем непосредственно общественная форма осуществления человеческого труда in abstracto. Способ их существования становится адекватным их понятию». И далее: «Междуна-

Дело в том, что в эпоху свободной конкуренции рыночные цены на основе золотых денег были стихийно-автоматическим способом регулирования объёма производства и пропорций обмена товаров на внутренних и внешних рынках, что было обусловлено природой денег как специфического товара (золота), имевших в силу этого конкретно-вещественное воплощение и определённую внутреннюю стоимость[8].

Такие «нейтральные» деньги становятся объективно не нужными монополистическому капиталу, так как в условиях господства монопольных (нерыночных) цен препятствуют восстановлению равновесия на внутреннем и мировом рынках. «Система золотого стандарта, - как указывает А. Пезенти, - перестала соответствовать своей традиционной функции восстановления равновесия», что отчётливо проявилось в период между мировыми войнами [13, с. 762]. Сращивание государственного аппарата и монополистического капитала позволяет перейти к «регулируемым деньгам», что исторически проявляется в крайне противоречивом, но последовательно проводимом процессе видоизменения денежной системы вплоть до полного отказа от золота и внедрения Ямайской валютной системы плавающих валютных курсов в 1976 г.[9]

Ликвидация Брепон-Вудской системы стала важнейшей

родным покупательным средством золото и серебро служат по существу тогда, когда внезапно нарушается обычное равновесие обмена веществ между различными нациями» [10, с. 153-155].

[8] Разумеется, в процессе развития капиталистического способа производства функции денег также претерпевают изменения, обусловленные давлением со стороны капитала, «обретая специфическую "полезность", заключающуюся в них как в потенциальном капитале, как в сумме стоимости, способной принести большую стоимость» [17, с. 91]. Но все эти метаморфозы не касались глубинной основы денег - их генетической связи с золотом как специфическим товаром, имеющим внутреннюю стоимость и вследствие этого выступающим в качестве всеобщей формой стоимости.

[9] Появление «фидуциарных» (в полном смысле этого слова) денег с внедрением Ямайской валютной системы показало, с одной стороны, ошибочность взглядов известного марксистского теоретика Р. Гильфердинга, считавшего, что золотые деньги не могут быть вытеснены «простыми знаками», так как это приведёт к нарушениям денежного обращения [5, с. 44]. С другой стороны, полный отрыв денег от золота действительно неизбежно приводит к дисбалансам в процессе денежного обращения, что и показал в том числе мировой финансовый кризис 2007-2009 гг.

предпосылкой процесса «финансиализации», которая наряду с развернувшимся в полный рост переносом промышленного производства из стран «Центра» в страны периферии является ключевым признаком неолиберальной глобализации, становление и развитие которой знаменует переход к *глобальному монополистическому капитализму*.

Глобальный монополистический капитализм и подрыв стоимости

Переход к глобальной открытости рынков товаров и капитала в условиях снижения регулирующих функций национального государства создаёт видимость возврата к эпохе классического капитализма свободной конкуренции. При этом однако происходит фактически раздел экономического пространства стран периферии между крупнейшими международными производственно-финансовыми монополиями стран капиталистического «ядра» (США, ЕС и Япония, к которым в последнее время тяготеет и Китай).

Отказ от золотого стандарта и последующий отрыв денег от товарного рынка[10] по мере развития глобального финансового капитала, приобретшего в результате финансиализации признаки виртуального, фактически означает трансформацию денег в свою противоположность: из независимого и объективного регулятора рыночного механизма, выполняющего функцию «меры стоимости», в производную функцию монополистического капитала.[11] Сегодня виртуальный финансовый капитал является непосредственно капиталом-деньгами, стоимость и направления движения которых определяется сложным взаимодействием ключевых «империалистических» акторов на глобальных финансовых рынках.[12]

[10] О полной утрате связи денег с реальным производством говорит, например, тот факт, что за период с 1990 г. по 2007 г. объем производных финансовых инструментов (деривативов) вырос более чем на два порядка, а мировой ВВП увеличился за тот же период всего в 2,5 раза [16, с. 77].

[11] «В результате, - как указывают А.В. Бузгалин и А. И. Колганов, - в условиях позднего капитализма денежная система выступает как продукт функционирования виртуального капитала» [3, с. 21].

[12] Поэтому империалистическая мощь сегодня характеризуется не только господством в сфере производства, но и способностью учёта, контроля и регулирования международных финансовых потоков, включая «производство» собственно мировых денег, каковыми сегодня являются доллар, евро и ряд валют наиболее развитых стран «ядра». Такой мощью обладают толь-

Подчинение денег господству монополистического капитала в форме глобального виртуального финансового капитала создало предпосылки для окончательного подрыва природы стоимости. Наиболее выпукло это проявляется в политэкономии товаров-симулякров[13], массовое производство которых неслучайно исторически начинается после фактического отказа к концу 1960-х годов от регулируемых денег (золотодевизного стандарта на основе доллара США).

С одной стороны, стоимость в рыночной экономике «может выразить себя только посредством денег и никак иначе» [7, с. 29][14]. Монополистический капитал, как мы показали выше, отрицает ключевую функцию денег как меры стоимости, тем самым лишая стоимость её единственного объективного измерителя в рыночной экономике. В результате реальная стоимость обращающихся на рынке товаров, воплощающая совокупный общественно-необходимый труд, не получает адекватного выражения в деньгах. Пропорции обмена товаров на потребительную стоимость товара-эквивалента, т. е. на определённое количество денег, определяются теперь во многом не количеством абстрактного общественного труда, затраченного на производство данных товаров, а являются (опосредованно и в определённой мере) продуктом манипулирования крупнейших корпоративных капиталов на финансовых рынках.

С другой стороны, стоимость не существует вне связи с потребительной стоимостью или полезностью товара, его способностью удовлетворять определённую общественную потребность [11,

ко крупнейшие транснациональные финансовые конгломераты, центральные банки ряда государств (прежде всего, ФРС США) и надгосударственные структуры типа МВФ, в определённой мере обособившиеся от национального капитала в процессе своего развития.

[13] «Современный рынок принёс новый тип потребления - симулятивное потребление, которое предполагает симуляцию потребления, но не продуктов и даже не товаров, а симулякров товаров» [4, с. 149].

[14] В связи с этим Маркс пишет следующее: «Как меновая стоимость, товар отличен от него самого в его натуральном существовании. Для того чтобы товар стал меновой стоимостью, требуется опосредствование. Поэтому в деньгах меновая стоимость противостоит товару как нечто другое, чем он сам. Лишь товар, выраженный как деньги, есть товар как чистая меновая стоимость; другими словами, товар, как чистая меновая стоимость, есть деньги» [12].

с. 28]. Следовательно, товар-симулякр, «рыночная» цена которого создаёт лишь видимость его высокой стоимости, должен иметь достаточно высокую (соизмеримую с установленной монопольной ценой) потребительную стоимость. Напомним, что потребительная стоимость в условиях простого товарного производства создаётся конкретным трудом обособленных отношениями частной собственности товаропроизводителей. В условиях же господства глобального монополистического капитала специфическая потребительная стоимость товара-симулякра создаётся конкретным трудом «посредством весьма специфической творческой деятельности по целенаправленному формированию симулятивного блага, удовлетворяющего симулятивную потребность» [2, с. 195].

Наиболее распространённым случаем такой «специфической творческой деятельности» являются маркетинг и реклама, основной целью которых является не удовлетворение потребности (как думают многие обыватели), а создание потребности, то есть в конечном счёте манипулирование поведением потребителя.[15] «Креативная» маркетинговая деятельность предстаёт здесь как превращённая (точнее в данном контексте - превратная) форма всеобщей творческой деятельности, объективно востребованная монополистическим капиталом, но крайне искажённая его «полем тяготе-

[15] Наиболее концентрированно, по нашему мнению, идеология манипулирования поведением потребителей со стороны крупного бизнеса выражена набирающей всё большую популярность в современной бизнес-культуре концепцией «одержимости клиентом» (customer obsession), которая декларируется американским монополистом интернет-торговли Amazon как главная «корпоративная ценность». Джэфф Бэзос, основатель и генеральный директор Amazon, в своём письме акционерам корпорации по итогам 2016 г. посетовал на то, что потребитель часто сам не может сформулировать свои желания и всегда хочет чего-то нового, просто не догадываясь об этом (URL: https://ir.aboutamazon.com/ static-fiIes/eOlccбe7-73df-4860-bd3d-95d366f29e57 (accessed 25.10.2018 г.). В переводе с эзоповского языка маркетинга «одержимость клиентом» (или «клиентоцентричность») означает всего лишь процесс тотальной маркетизации социально-экономической жизни, в которой «господствует не покупатель, а тот, кто навязывает ему определённую систему потребностей и действий, а именно - корпоративный капитал» [2, с. 141-142]. Показательно то, что по данным рейтинга Forbes 2000 за 2018 г. Amazon занимал второе место в мире по рыночной капитализации (читай: по размеру фиктивного финансового капитала).

ния». Однако всеобщая творческая деятельность создаёт не стоимость, а всеобщее общественное богатство [2, с. 196]. Следовательно, и «креативная» деятельность по созданию товаров-симулякров, в основе которой лежит всеобщая творческая деятельность, не может создавать стоимость.[16]

Таким образом, манипулятивная сила монополистического капитала, вынужденного во все возрастающих объёмах использовать всеобщий творческий труд, но производящего с его помощью главным образом товары-симулякры, развилась настолько, что приводит уже к подрыву стоимостной природы капитала как такового. В этом смысле дальнейшее накопление капитала в условиях позднего капитализма чем дальше, тем больше представляет собой поиск и изъятие различного рода рентных доходов, а не производство и присвоение прибавочной стоимости.[17]

Монополистический капитал
как исходное отношение позднего капитализма

Как указывает А. В. Бузгалин, «снятие одной системой другой не сводится к подрыву исходного качества системы, а должно пройти *по всей её* структуре, видоизменяя *все* основные блоки системы и порождая внутри неё сложную систему переходных отношений» [1, с. 24].

На наш взгляд, в результате трансформации социально-экономической системы, во-первых, происходит не только подрыв, но и в определённой мере *замещение* исходного качества системы,

[16] В этом смысле производство товаров-симулякров является «альтер-эго» процесса создания всеобщего общественного богатства на стадии позднего капитализма.

[17] В связи с этим основополагающей в производственных отношениях позднего капитализма является эксплуатация всеобщего творческого труда и присвоение интеллектуальной ренты капиталистическими монополиями (ситуация, в общем сходная с изъятием при капитализме земельной ренты как пережитком поземельных отношений, составлявших основу производственных отношений феодализма). Впрочем, глобальный монополистический капитал активно и систематически извлекает «империалистическую» ренту, в основе которой лежит деление глобального экономического пространства на «центр» и «периферию» [20]. Американский учёный Д. Харви обозначил такое «рентоориентированное» поведение современного монополистического капитала (впрочем, свойственное, по Харви, капиталу вообще) термином «накопление через изъятие» [23].

развёртывание которого (и это «во-вторых») начинает *в определённой последовательности* и *«по всей линии»* видоизменять основные предшествующие элементы системы, начиная с ближайших в социально-экономическом «пространстве-времени» блоков и заканчивая наиболее глубинными и в этом смысле самыми абстрактными производственными отношениями. Тем самым, постоянное порождение предшествующих элементов (блоков) «старой» системы, с одной стороны, подчиняется логике развития уже нового исходного производственного отношения, а с другой - по принципу обратной связи - во многом определяет формы и направления развития последнего.[18]

Воспользуемся графическим представлением процесса трансформации социально-экономических систем А. В. Бузгалина и А. И. Колганова (см. рис. 2). В точке А происходит замещение исходного производственного отношения более развитым (прогрессивным) отношением: на место товара или товарного отношения как экономической клеточки капитализма приходит, как мы показали выше, *монополистический капитал,* который с момента своего рождения и по мере дальнейшего развёртывания видоизменяет все ключевые элементы капиталистической системы, делая последние производными функциями своего собственного развития.

Более того, трансформация ключевых блоков товарно-денежного хозяйства в свою противоположность[19] в условиях позднего капитализма является, с одной стороны, следствием развёртывания отношений монополистического капитала, а с другой - прямо способствует развитию последнего в социально-экономическом «пространстве-времени». Этот процесс графически очень условно показан на рис. 3.

Из этого следует, что политэкономический анализ позднего капитализма - это прежде всего исследование процессов генезиса и развития монополистического капитала, который на протяжении уже полутора веков последовательно принимает и сбрасывает различные формы, объективно обусловленные прогрессирующим процессом самоотрицания своей сущности: от возникновения нацио-

[18] Причина и следствие диалектически меняются местами: «то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот» [19, с. 22].

[19] Сущность этих изменений, как показал В.И. Ленин, состоит в трансформации конкуренции в свою противоположность - монополию [9, с. 312].

нальных промышленно-финансовых монополий («империализм» первой четверти прошлого века) через государственное регулирование монополистической экономики («государство всеобщего благосостояния» середины XX века) к господству глобального корпоративного финансового капитала в форме высокообобществлённых диверсифицированных транснациональных корпораций («новый империализм» или глобальный монополистический капитализм).

Процесс самоотрицания сущности капитализма по мере развёртывания отношений монополистического капитала показывает, что последний уже несёт в себе «заряд» системного качества новой системы производственных отношений. Однако «поле тяготения» монополистического капитала настолько велико, что ростки посткапиталистических отношений деформируются, укрепляя и обеспечивая воспроизводство социально-экономической системы позднего капитализма.[20]

Поэтому без активного «социального творчества масс» (термин А. В. Бузгалина) развитие отношений планомерности вследствие глобального обобществления производственных процессов и существенное увеличение спроса на массовую творческую деятельность в результате роста доли и значения постиндустриального сектора в рамках позднего капитализма ведут не к разотчуждению Человека, а к массовому производству товаров-симулякров и присвоению интеллектуальной ренты глобальным монополистическим капиталом.

[20] В этом смысле эволюция монополистического капитала подобна эволюции сверхмассивной звезды, которая вследствие собственной массы в конечном счёте коллапсирует в «чёрную дыру», поле тяготения которой настолько велико, что катастрофически искривляет окружающее пространство-время, а сила гравитационного притяжения не позволяет покинуть его даже фотонам.

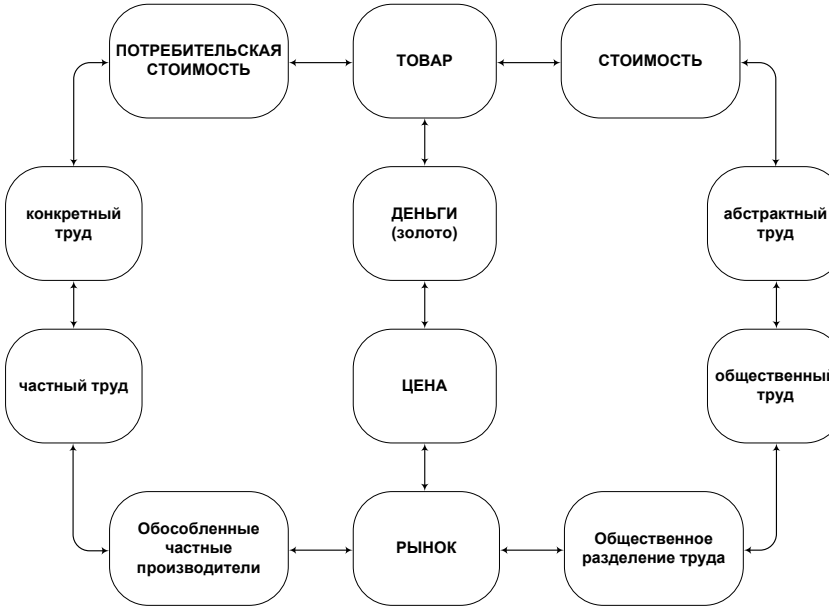

Рис. 1. **Взаимосвязь основных элементов товарно-денежного хозяйства**

Источник: разработано автором.

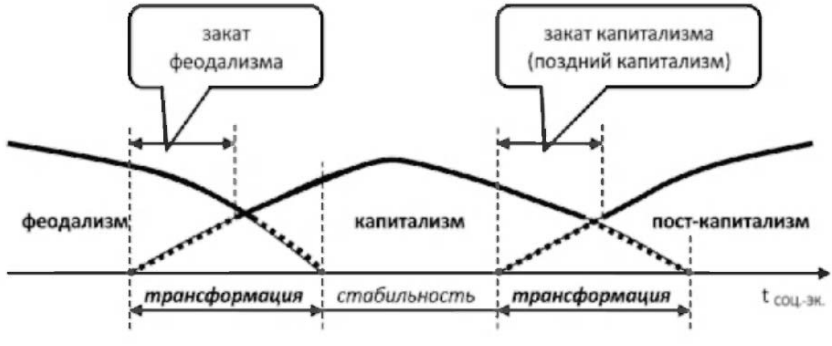

Рис. 2. **Трансформации социально-экономических систем**

Источник: [1, с. 24].

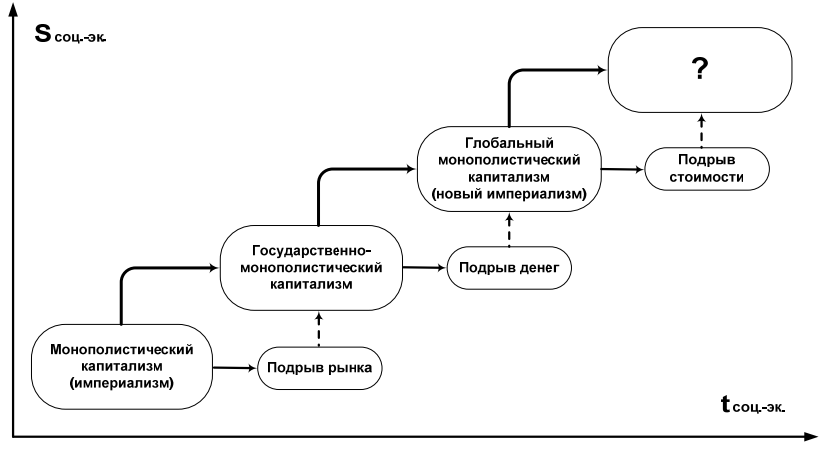

Рис. 3. **Эволюция позднего капитализма и подрыв исходных категорий товарно-денежного хозяйства**

Источник: разработано автором.

Литература

1. Бузгалин А.В. Политическая экономия революции (столетию Октября посвящается)// Вопросы политической экономии. №3. 2017. С. 10-41.
2. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и её пределы («Капитал» re-loaded). Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД. 2015.
3. Бузгалин А.В., Колганов А.И. «Капитал» К. Маркса и современная система капиталистических производственных отношений: опыт восхождения от абстрактного к конкретному// Вестник московского университета. Серия 6: Экономика. №2. 2016. С. 3-25.
4. Булавка Л.А. Творчество в мире массового производства // Социологические исследования. №11. 2014. С. 148-150.
5. Гильфердинг Р. Финансовый капитал: Новейшая фаза в развитии капитализма. Пер. с нем. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2017.
6. Дзарасов Р.С. Национальный капитализм: развитие или насаждение отсталости?// Альтернативы. №1. 2013. С. 49-60.
7. Зяблюк Р.Т. Адекватность диалектического метода реальной экономике// Вопросы политической экономии. №4. 2016. С. 23-36.
8. Курс политической экономии / Под ред. Н.А. Цаголова. В 2-х тт. Т. 2. Изд. 3-е: переработ. и доп. М.: Экономика. 1973.
9. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. М.: Госполитиздат. 1969.
10. Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат. 1960.

11. Маркс К. К критике политической экономии. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. М.: Госполитиздат. 1959.
12. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч.1. М.: Госполитиздат. 1968.
13. Пезенти А. Очерки политической экономии капитализма. В 2-х тт. Т. 1. М.: Прогресс. 1976.
14. Пороховский А.А. Большой бизнес: путь к господству: (Империализм и товарные отношения). М.: Мысль. 1985.
15. Розенталь М. Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса. М.: Госполитиздат. 1955.
16. Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм: политэкономия кризиса и его по- следствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика. 2016.
17. Тронев К.П. О предмете и содержании первого отдела I тома «Капитала» К. Маркса// Российский экономический журнал. №9-10. 2007. С. 62-97.
18. Хессин Н.В. Понятие «экономическая клеточка» и его методологическое значение для политической экономии социализма// Вопросы политической экономии. №3. 2017. С. 115-131.
19. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. М.: Госполитиздат. 1961.
20. Amin S. The Law of Worldwide Value. New York: Monthly Review Press. 2010.
21. Baran P., Sweesy P. Monopoly Capital. New York: Monthly Review Press. 1966.
22. Desai R. Geopolitical Economy: After US Hegemony, Globalization and Empire. London: Pluto. 2013.
23. Harvey D. The New lmperialism. New York: Oxford University Press. 2003.
24. Lablca G. From lmperialism to Globalization // Lenin Reloaded: Towards a Politics of Truth / Edited by Sebastian Budgen, Stathis Kouvelakis, and Slavoj Zizek. Durham & London: Duke University Press. 2007.

Политическая экономия и экономикс: один предмет, два метода[1]

Сорокин Александр Владимирович,
д.э.н., профессор, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Ключевые слова: политическая экономия, общественное богатство, капитал, микроэкономика, макроэкономика.

В статье выделяются два уровня политэкономии.

(1) Первый уровень. Политэкономия как фундаментальная экономическая наука. Предмет экономической науки вообще — производственные отношения как отношения воспроизводства жизни людей. Предмет политэкономии базисного уровня, или экономической науки о рыночной экономике, — капиталистический способ производства жизни, конкретно-историческая совокупность производственных отношений.

Это определение не совпадает с принятым: «политическая экономия — наука, изучающая общественные отношения, складывающиеся в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, и экономические законы, управляющие их развитием в исторически сменяющих друг друга общественно-экономических формациях» [2]. В определении реконструирован подход Маркса, в котором речь идёт не о производстве вещей (богатства), а о воспроизводстве жизни людей: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил.

Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определённые формы общественного сознания.

Способ производства материальной жизни обусловливает

[1] *Цитирование:* Сорокин А.В. (2015). Политическая экономия и экономикс: один предмет, два метода // Вопросы политической экономии. № 3(3). С. 9-19.

социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [7, с. 6–7].

В марксово определение производственных отношений включаются все отношения, обеспечивающие воспроизводство жизни: отношения в непроизводственной сфере (образование, здравоохранение), сфере услуг, отношения в экологической сфере.

Отношения производства жизни людей, безусловно, включают отношения производства вещей, но не сводятся к ним. Реконструкция определения Маркса позволяет преодолеть сужение предмета до «отношений по производству» вещей. Она особенно актуальна в ходе дискуссии об «индустриализации», в которой забывают об «экономике для человека» (программа А. В. Бузгалина[2]).

(2) Второй уровень. Политическая экономия как наука об институциональной (государственной) надстройке во взаимодействии с базисом.

Выделение двух уровней особенно наглядно в работе Смита. Первые книги посвящены экономическому базису, а четвертая и пятая — государственной надстройке.

В четвертой книге Смит даёт определение: «Политическая экономия, рассматриваемая как отрасль науки (branch of the science), необходимая государственному деятелю или законодателю, ставит себе две различные задачи: во-первых, обеспечить народу обильный доход или средства существования, а точнее, обеспечить ему возможность добывать себе их; во-вторых, доставлять государству или обществу доход, достаточный для государственных служб (for the public services)[3]. Она ставит себе целью обогащение как народа, так и государя» [14].

Задачами политэкономии как науки государственного деятеля и законодателя являются (1) создание и обеспечение институциональных условий нормального функционирования капиталистического способа воспроизводства жизни, (2) создание и финансирование государственных служб (армии, правосудия, образования, инфраструктуры) за счёт доходов общества (налогов). Подход Смита позволяет добавить (3) разработку и проведение государ-

[2] См. программу курса «Российская экономическая модель» А. В. Бузгалина и Н. Г. Яковлевой в № 2 журнала за текущий год.

[3] Перевод приведён в соответствии с оригиналом. В общепринятом переводе вместо «области науки» даётся «область знания»; а вместо «государственных/общественных служб» — «общественные потребности» (!).

ственной экономической политики, обеспечивающей национальную «траекторию развития».

Один и тот же рыночный базис даёт возможность различных траекторий национального развития, или, по Смиту, «систем политэкономии»: (1) коммерческой, или меркантилистической, в которой главное богатство — деньги; (2) физиократической, «которая признает продукт земледелия единственным или главным источником дохода и богатства каждой страны», и, наконец, (3) «промышленной системы естественной свободы».

Экономическое развитие России отнюдь не было предоставлено «стихии рынка». Со времён правительства Гайдара выбор был сделан в пользу меркантилизма (богатство — деньги, которые являются результатом внешней торговли) и физиократической системы (богатство — «продукт земли» — нефть, газ, полезные ископаемые). Сохранение и развитие промышленной системы (и её необходимых компонентов — науки и образования) полностью исключалось. Осознанный выбор сырьевой направленности, предполагающий деиндустриализацию, в сочетании с развитием финансового банковского капитала, был продиктован известными внешними и внутренними обстоятельствами, но не имел отношения к «экономикс» или «либерализму».

Китайская модель, южнокорейская, гонконгская и другие модели — результат сознательного выбора. Российская финансово-сырьевая модель, финансово-сырьевая система политэкономии — результат целенаправленной политики государства. События после воссоединения Крыма, санкции в отношении России и усилия российских политэкономов дают надежду на изменение этой стратегии.

Предмет политэкономии первого уровня — объективные (определённые, необходимые, от воли людей не зависящие) производственные отношения. Пример: всеобщий закон капиталистического накопления (Маркс) и рост дифференциации доходов населения — объективный закон. Но для обеспечения нормального воспроизводства жизни населения государство вынуждено противодействовать реализации этого закона за счёт налогообложения, за счёт внедрения оптимальной структуры собственности и т. п. Это второй уровень политэкономии, или собственно политэкономия (по Смиту).

Вальрас считает, что задачи государственного деятеля (в

определении Смита) сродни задачам штурмана и архитектора, которые в своей деятельности опираются на науки — астрономию и геометрию. «Факты, их отношения и законы — таков предмет любого научного исследования». Экономическая наука должна изучать «естественные», т. е. не зависящие от воли людей факты. «Чистая политическая экономия» Вальраса — это экономическая теория (аналог английского термина «экономикс»).

В плане преподавания курс политэкономии второго уровня близок к курсу «национальная экономика», но это «единичное» можно было бы расширить «общим», например институциональными закономерностями стран БРИКС, стран ЕАЭС и т. д. Предмет статьи — первый уровень политэкономии как экономической науки. Все науки и их направления различаются по предмету и методу. Но не всякий метод позволяет точно сформулировать предмет.

Классическая политическая экономия (Смит и Рикардо)

Предмет — капиталистический способ производства как совокупность конкретно-исторических производственных отношений. Но в название работы Смита вынесено «богатство народов», общественное богатство. Почему? В первобытной общине охотник, убивший оленя, не становился «богаче» и не обменивал его на другие «товары». Он выполнял функцию общины, а олень поступал в её распоряжение. Специфика капиталистического способа производства в том, что на смену личной зависимости приходит вещная зависимость, т. е. «богатство» (товары, деньги, капитал) становится носителем отношений между людьми, носителем производственных отношений. Поэтому Смит (как Буагильбер, Тюрго и другие) выносит «богатство» в название работы и считает его своим предметом.

Определения предмета как совокупности производственных отношений и как богатства — две стороны одной медали. Действительный предмет — капиталистический способ производства как совокупность производственных отношений, носителем которых является общественное богатство. Но можно определить предмет как богатство, которое является носителем капиталистических производственных отношений.

Два метода классической политэкономии: эзотерический и экзотерический

Экзотерический метод означает описание явлений (присвоение названий, каталогизация), математическое описание (установление количественных взаимосвязей между явлениями). Эзотерический метод предполагает установление внутренней взаимосвязи явлений, основанное на понимании (открытии) их природы, и выяснение законов движения капиталистического способа производства жизни.

Для Смита характерно параллельное использование двух методов без всякой связи между ними. Рикардо пытается провести прямой (механический) синтез эзо- и экзотерики. Он исходит из определения величины стоимости товара рабочим временем и исследует, противоречат ли ему прочие экономические категории. Но перепрыгивает через необходимые посредствующие звенья и пытается непосредственным образом доказать совпадение категорий друг с другом.

Теоретическая вершина классической политэкономии — трудовая теория стоимости, согласно которой стоимость создаётся годичным трудом каждого народа.

Марксова политическая экономия, марксова экономическая теория (Marxian Political Economy, Marx's economic theories, Marxian Economics) представлена в книге «Капитал. Критика политической экономии».

Поскольку у Маркса речь идёт о «способе производства жизни», можно развернуть предмет «Капитала» как «капиталистический способ производства» (жизни. — *С. А.*) и соответствующие ему отношения производства и обмена (товаров и услуг. — *С. А.*). Цель — «открытие экономического закона движения современного общества» [3, с. 10].

Капитал — конкретизация внеисторического «богатства народов» Смита. Это то, что «обычно называют общественным богатством, «богатством народов»» [3, с. 377]. Вещное богатство является носителем совокупности производственных отношений.

Метод марксовой экономической теории, метод «Капитала»: единство эзотерического и экзотерического методов, объяснение непосредственно наблюдаемых явлений с позиций их природы.

Теоретическая вершина марксовой экономической теории — модель «Капитала», включающая трудовую теорию стоимости в

качестве подчинённого момента.

Марксистская политическая экономия
(Marxian Political Economy)

Учитывая различные трактовки, сошлёмся на определение предмета и метода в БСЭ. «Политическая экономия — наука, изучающая общественные отношения, складывающиеся в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, и экономические законы, управляющие их развитием в исторически сменяющих друг друга общественно-экономических формациях... Предметом изучения марксистской (пролетарской) политической экономии являются производственные отношения, свойственные различным, исторически сменяющим друг друга способам производства... Политическая экономия капитализма изучает закономерности возникновения, развития и неизбежной гибели капиталистического способа производства. Метод — метод материалистической диалектики».

Марксистская политэкономия опирается на известные методологические принципы — от простого к сложному, анализ и синтез, от абстрактного к конкретному, принцип соответствия логического историческому.

«Канонический» вариант — последовательный анализ (первобытно)общинного, рабовладельческого, феодального, капиталистического и социалистического способов производства. Но возможны и другие, например сравнительный анализ различных способов производства (компаративистика).

Экономикс (экономическая теория,
микро- и макроэкономическая теория)

Предмет аналогичен предмету «Исследования...» Смита и «Капитала» Маркса: капиталистический способ производства как совокупность производственных отношений, носителем которых является общественное богатство.

Основные работы — Л. Вальрас, «Элементы чистой политической экономии, или Теория общественного богатства». Предмет — богатство — вынесен в название. А. Маршалл, «Принципы экономикс». В тексте помимо «богатства» в предмет включается «человек». Дж. М. Кейнс, «Общая теория занятости, процента и денег». В названии — элементы богатства.

Метод — экзотерический метод (математического) описания непосредственно наблюдаемых явлений рыночной экономики (один из методов А. Смита). Фиксация непосредственных наблюдаемых явлений при полном отказе от выяснения природы явлений. Явно выражен в вальрасианской версии неоклассики. Аналог математически описательного метода Галилея и Ньютона в физике.

В маршаллианской версии неоклассики помимо экзо- применяется псевдоэзотерический метод «объяснения» явлений. Так, Вальрас даёт кривую спроса как эмпирический факт, а Маршалл объясняет её «коренным свойством человеческой натуры», которое формулируется в виде «закона насыщаемых потребностей, или закона убывающей полезности» [8, с. 156]. Маршаллианская версия по предмету и методу выходит за рамки экономикс.

Соотношение экономикс и политической экономии

Экономикс и марксистская политэкономия — две науки с разными предметами и методами. Экономикс ограничивается рыночной экономикой. Исторически сменяющие друг друга общественно-экономические формации и рассмотрение закономерностей возникновения, развития и неизбежной гибели капиталистического способа производства недоступны экзотерическому методу.

Экономикс не может заменить курса марксистской политэкономии.

Экономикс и политэкономия как институциональная наука (политэкономия второго уровня)

Предметные поля не пересекаются. Так называемая «новая политэкономия» не отвечает критериям политэкономии как институциональной науки по Смиту. Действительно новую политэкономию ещё предстоит разработать, включив наработки российских (и зарубежных) политэкономов в этой области (выбор траектории развития, налоговая политика, оптимизация форм собственности, национальная экономика и т. п.).

Экономикс и классическая политэкономия

Общий предмет — совокупность производственных отношений и соответствующая им совокупность экономических категорий (деньги, цена, капитал и т. п.).

Экономикс использует один из двух методов классики — эк-

зотерический метод, что автоматически превращает экономикс в вульгарную политэкономию.

Синтез невозможен по двум взаимосвязанным причинам: (1) классики вплотную подошли к открытию природы богатства народов — стоимости, но окончательное открытие принадлежит Марксу; (2) опыт прямого синтеза экзо- и эзосферы рыночной экономики Рикардо (аналогом которого является прямой синтез экономикс и классической политэкономии) оказался неудачным.

Параллельное чтение курсов «Экономикс» и «Классическая политэкономия» вполне логично.

Экономикс и политэкономия как фундаментальная экономическая наука, или экономикс и «Капитал» Маркса

Общий предмет — совокупность производственных отношений капиталистического способа производства и соответствующая им совокупность экономических категорий (деньги, цена, капитал и т. п.).

В «Капитале», в отличие от прямого синтеза Рикардо, экзотерические категории экономикс органически включаются в эзотерическую модель. Аналогия. Прямой синтез гео- и гелиоцентрической моделей невозможен. Но учёный, владеющий гелиоцентрической моделью, может не только объяснить, но и доказать, почему геоцентрическому наблюдателю Земля представляется центром Вселенной. Но не наоборот. Экономикс в принципе не в состоянии понять, а тем более включить в свои модели эзотерические категории модели «Капитала» (стоимость, капитал как авансированную, сохраняющуюся в обращении и возрастающую стоимость, прибавочную стоимость и т. д.).

В плане преподавания целесообразно ориентироваться на курс «политэкономии-1» на основе «Капитала»:

– с включением в него тех категорий экономикс, которые не имели широкого хождения во времена Маркса и не были включены в «Капитал» (спрос и величина спроса, инвестиции, сбережения, потребление, основные макроэкономические тождества и т. п.);

– с включением практических категорий бизнеса (остаточная стоимость, амортизация, основные и оборотные фонды, окупаемость капиталовложений, оптовая и розничная цена и т. п.).

Курс «политэкономии-1» может читаться параллельно с эко-

номикс, поскольку позволяет дать студентам определения всех реальных микро- и макрокатегорий в логической системе «Капитала» (маршаллианские категории предельной полезности — не в счёт), установить между ними внутреннюю связь. Такой курс на экономическом факультете МГУ читается с 2007 года под названием «Теория общественного богатства» (т. е. богатства народов (Смит), капитала (Маркс)). Название совпадает со вторым названием работы Вальраса «Элементы чистой политической экономии, или Теория общественного богатства». Более точным было бы название «общая модель рыночной экономики», «общая экономика». Последнее позволило бы читать его в неэкономических вузах. Именно в них курс мог бы в первую очередь потеснить экономикс.

Логичным продолжением был бы курс «политэкономии-2», или курс национальной экономики, и, наконец, курс марксистской политэкономии, «политэкономии-3».

Предмет и метод «Капитала»
и курса «Теория общественного богатства»

Маркс опередил науку на столетие. Он рассматривал общество как живой, развивающийся организм, и есть все основания считать, что для анализа экономической структуры общества он использовал неизвестный в те времена метод, аналог метода построения генома человека и биологических видов.

Чтобы построить модель генотипа бабочки, необходимо обнаружить молекулу ДНК, которая (1) содержится во всех клетках организма и во всех формах (гусеница, кокон, бабочка) и (2) содержит программу развития этого организма.

Все науки начинают с конкретного, первый этап любого исследования — движение «от конкретного к абстрактному», анализ. В результате анализа выделяется «абстрактное» — молекула ДНК. Второй этап — движение «от абстрактного к конкретному», построение теоретической модели, синтез.

При построении общей модели экономики берётся «современное общество» (Маркс), вся конкретная совокупность отношений и категорий, конгруэнтных капиталистическому способу производства. На этом уровне мы должны найти производственные отношения, которые (1) присущи всем «клеткам» организма и которые в то же время (2) содержат программу его развития.

Найденная в результате анализа «молекула ДНК» рыночной

экономики должна содержать в себе, в потенции весь организм, или, в философской терминологии, внутреннее противоречие, обусловливающее развитие организма.

Интересно, что у Маркса есть прямые ссылки на генетику: «Анализ является необходимой предпосылкой генетической трактовки, понимания действительного процесса формообразования в его различных фазах» [6, с. 526].

В первых строках «Капитала» излагается метод, предвосхищающий метод построения генома: «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как огромное скопление товаров», а отдельный товар — как элементарная форма этого богатства» [3, с. 46].

Действительный исходный пункт — весь экономический организм, единство многообразного конкретного, совокупность производственных отношений. При рассмотрении «огромного скопления товаров» выясняется, что все они являются вещами с полезными свойствами, удовлетворяющими общественную потребность, т. е. потребительными стоимостями (use value). Единицы измерения — собственные единицы измерения вещи (литры, караты и т. п.).

Марксово определение потребительной стоимости как «вещи с полезными свойствами» [3, с. 217] отличается от её определения в классической политэкономии. По Смиту, потребительная стоимость — это не вещь, а свойство вещи, её «полезность»: «Надо заметить, что слово стоимость имеет два различных значения: иногда оно обозначает полезность какого-нибудь предмета, а иногда возможность приобретения других предметов, которую даёт обладание данным предметом. Первую можно назвать потребительной стоимостью, вторую — меновой стоимостью» [10, с. 30]. Подход Смита разделяли многие экономисты, он характерен и для российской политэкономии. В БСЭ находим: «Потребительная стоимость — способность вещи удовлетворять какую-либо человеческую потребность, то есть её полезность» [2].

Потребительная стоимость, «благо» непосредственно наблюдается, т. е. относится к сфере экзотерики.

Первый фактор — непосредственно наблюдаемая форма общественного богатства, второй фактор — непосредственно не наблюдаемая природа богатства — «стоимость».

Совокупный продукт как набор потребительных стоимостей не упал с неба, он является результатом целесообразной деятельно-

сти, или процесса труда членов общества. То, что продукт как набор потребительных стоимостей — результат конкретного труда, дано в непосредственном наблюдении. Пирожник — печёт пироги, сапожник — тачает сапоги. То, что продукт — результат абстрактного труда, также вполне доступно для понимания. «Как бы различны ни были отдельные виды полезного труда, или производительной деятельности, с физиологической стороны это — функции человеческого организма, и каждая такая функция, каковы бы ни были её содержание и её форма, по существу есть затрата человеческого мозга, нервов, мускулов, органов чувств и т. д.» [3, с. 81]. Конкретный и абстрактный труд относятся к сфере экзотерики, затраты живого труда можно измерить человеко-часами, можно рассчитать средние затраты на единицу продукции и т. д.

То, что продукт — результат процесса труда, очевидно. С этим согласится любой микро- и макроэкономист. Проблема в том, что перед нами не процесс труда, а наличный мир товаров как потребительных стоимостей. В модели предполагается, что предшествующий товару труд застыл, кристаллизовался в самих товарах. Второй фактор, стоимость (value), определяется как кристаллизация абстрактно человеческого труда под ограничением общественно необходимого рабочего времени. Единицы измерения — кристаллизованные часы ОНРВ (ч ОНРВ).

Товар как вещь с полезными свойствами — сфера экзотерики. Товар как стоимость — эзотерики.

Товар — «единство потребительной стоимости и стоимости» [3, с. 114]. Потребительная стоимость является носителем стоимости. Это конкретизация тезиса о том, что общественное богатство является носителем производственных отношений.

«Капитал» — двухфакторная модель. Микро- и макроэкономика — однофакторные модели. Алгоритм синтеза категорий экономикс в том, чтобы дать им определения/объяснения через два фактора.

Алгоритм синтеза: примеры

Товар в непосредственном наблюдении — потребительная стоимость, «благо», полезная вещь, в модели «Капитала» — единство потребительной стоимости и стоимости.

Стоимость не может быть непосредственно измерена, но она ежеминутно и ежечасно измеряется экономическими агентами.

Стоимость одного товара измеряется относительно потребительной стоимостью другого товара-эквивалента той же стоимости. В непосредственном наблюдении потребительная стоимость товара-эквивалента — это просто количество (другого товара или денег), в модели Маркса это форма (относительного измерения) стоимости.

Владелец товара А или денег Д стоимостью $\boldsymbol{x}$ ч ОНРВ вбрасывает свой товар в обращение и взамен может получить любой набор товаров той же стоимости. Определение в модели общественного богатства: «спрос» (D) — это стоимость товара А или стоимость денег (Смит называл её «покупательной способностью»). «Величина спроса» (Q_d) — это идеальное количество потребительной стоимости товара-эквивалента. Спрос предъявляется на идеальное, мысленно представляемое количество потребительной стоимости. Но в обмене друг другу противостоят реальные количества. Отсюда определение: «величина предложения» (Q_s) — это реальное предлагаемое количество товара-эквивалента, а «предложение» (S) — стоимость этого реального количества.

Капитал — стоимость, которая авансируется, сохраняется в обращении и приносит прибавочную стоимость и в ходе своего движения принимает формы потребительной стоимости денег, товаров и вновь денег. Примеры можно продолжить. Курс «Теория общественного богатства» опирается на «Капитал», но не является калькой. Упрёк Маркса к Рикардо («Рикардо… следует упрекнуть… в том, что он проводит абстракцию недостаточно далеко, недостаточно полно, так что, когда он, например, рассматривает стоимость товара, он уже с самого начала поддаётся определяющему влиянию также и всякого рода конкретных отношений» [5, с. 111]) в определённом смысле можно отнести и к Марксу. В курсе абстракция доведена до конца.

Потребительная стоимость и стоимость выводятся на первом уровне абстракции, на уровне наличного «огромного скопления» товаров без апелляции к следующим уровням — форме стоимости и обмену. Поскольку, в отличие от геномики, выделить эти факторы «под микроскопом» не представляется возможным, они принимаются в качестве аксиомы. Аксиома не нуждается в доказательстве, она необязательно должна быть самоочевидной[4]. Истин-

[4] В математике и отдельных разделах физики (механика, термодинамика, электродинамика и др.) применяется аксиоматический метод — способ построения теории, при котором в её основу кладутся некоторые исходные

ность аксиомы доказывается построением модели, в которой все категории определяются через два фактора.

В «Капитале» даётся точное вербальное определение единиц измерения стоимости, но в тексте они не используются. В курсе в качестве реальных единиц измерения стоимости применяются кристаллизованные часы ОНРВ.

Представления Маркса о стоимости как «внутренней меновой стоимости» связаны с отсутствием чёткого разграничения между массой и весом в физике. Маркс проводит аналогию стоимости и меновой стоимости, в которой под «тяжестью» подразумевается и масса, и вес. С позиций современной физики масса (стоимость) — самостоятельная категория, которая относительно измеряется через вес (меновую стоимость), но отнюдь не является «внутренним весом» («внутренней меновой стоимостью»). Вряд ли можно упрекнуть Маркса в этом представлении, если сами физики разграничили массу и вес лишь в начале XX века и дали разные названия единицам измерения (килограммы и ньютоны) лишь во второй его половине.

Предмет экономикс и отражение категорий «Капитала» в экономикс

Читатель уже обратил внимание на «волюнтаризм» автора, определившего предмет экономикс как совокупность производственных отношений капиталистического способа производства. Такого определения нет у неоклассических авторов.

Если верно, что «каков предмет, таким должен быть и метод», то верно и обратное — «каков метод, таким представляется и предмет». Экзотерическая экономикс описывает отдельные производственные отношения, которые попадают в поле её непосредственного наблюдения. Описательная наука в принципе не в состоянии определить предмет своего исследования. Об экономикс нельзя судить на основании того, что она сама о себе думает.

Л. Роббинс приводит цитату Дж. С. Милля: «Подобно городской стене, она, как правило, возводится не для того, чтобы окру-

положения — аксиомы, или постулаты, из которых все остальные утверждения этой науки должны выводиться чисто логическим путём. Первоначально считалось, что в качестве аксиом должны выбираться суждения, истинность которых самоочевидна, затем аксиомы стали пониматься просто как исходные положения данной теории.

жить здания, которые будут построены впоследствии, а для того, чтобы огородить нечто, уже существующее», — и делает верное заключение: «Действительно, из самой природы (описательной. — *С. А.*) науки вытекает, что определить её предмет невозможно…». Здесь можно было бы поставить точку, но он продолжает: «…до тех пор, пока она не достигла определённой стадии развития» [9, с. 10].

Но дело не в стадии развития. Исследователь фиксирует отдельное здание или улицу и объявляет их предметом, хотя реальный предмет — это развитый объект, город. О действительном предмете экономикс можно судить по набору категорий, отражающих отдельные производственные отношения.

Сначала экономикс сводилась к микроэкономике: были зафиксированы категории, относящиеся к форме стоимости (спрос, кривая спроса и т. п.), затем к деньгам (уравнение обмена Фишера), затем к производству прибавочной стоимости (производственная функция, изокванты и изокосты, эффект масштаба и т. п.). Кейнс заполнил зияющий пробел макроэкономики, в экономикс получили одностороннее отражение категории, относящиеся к накоплению капитала на уровне 1-го и 2-го томов «Капитала» (сбережения, инвестиции, потребление, основные макроэкономические тождества). Отражение кругооборота капитала связано с развитием логистики: финансовые, материальные и товарные потоки — простое отражение кругооборотов денежного, производительного и товарного капитала.

Издержки производства и прибыль были в экономикс со времён Смита. Средней прибыли в чистом виде как отношения совокупной прибавочной стоимости к совокупному капиталу в экономикс нет и не может быть по причине отсутствия категорий стоимость, капитал и прибавочная стоимость. И тем не менее, потребность практики в отражении средней прибыли, этой «путеводной звезды» индивидуальных капиталов, была реализована. Т. н. «нормальная прибыль» — отражение средней прибыли, приспособленное для «повседневной жизни» (Маршалл). Деление средней прибыли на процент и предпринимательский доход (зарплату менеджера) нашло отражение в виде «альтернативных издержек» и т. н. «экономической прибыли». Последний отдел 3-го тома «Доходы и их источники» отражён в кольцевой диаграмме основных экономических потоков.

Практически все отделы трех томов «Капитала» получили

отражение в экономикс. Означает ли это, что экономикс заимствовала разработки фундаментальной экономической теории? Ни в коем случае. В экономикс нет и не может быть категории природы богатства «стоимости», поскольку она непосредственно не наблюдается. Экономикс по определению вульгарная наука, все модели экономикс — однофакторные модели. Критерий вульгарной науки прост — это «полное непонимание того, что такое стоимость» [3, с. 169]. Экономикс в принципе не в состоянии заимствовать стоимостные категории, как геоцентрический наблюдатель в принципе не в состоянии заимствовать что-то из гелиоцентрической модели.

Пример: уравнение Фишера. Маркс выводит формулу количества денег в обращении следующим образом: в акте Т—Д на рынок выносятся товары стоимостью $\boldsymbol{x}$, которая относительно измеряется идеальным количеством денег $\boldsymbol{y}$ той же стоимости $\boldsymbol{x}$. Деньги дают товарам цену, т. е. идеальное количество денег $\boldsymbol{y}$ равно сумме цен ($\sum p$). Если товары реализуются одномоментно, то масса реальных денег, функционирующих как средства обращения (M) должна быть равна идеальному количеству денег, или сумме цен, т. е. $\sum p = M$. Но товары реализуются не одномоментно, денежные единицы могут оборачиваться несколько раз, поэтому количество идеальных денег надо разделить на число оборотов одноименных денежных единиц (V). Отсюда формула $\sum p/V = M$, которая преобразуется в формулу $\sum p = MV$. Сумму цен всех товаров можно записать как $\sum pQ$, т. е. сумму произведений цен на количества.

Анализ эмпирических данных привёл Фишера к формуле $\sum pQ = MV$, которая служит подтверждением формулы Маркса, выведенной теоретически. Логика Маркса позволяет объяснить формулу Фишера, но не наоборот. Уравнение обмена Фишера — не более чем функциональная связь. В ней утверждения «деревья качаются оттого, что дует ветер» и «ветер дует оттого, что деревья качаются» абсолютно равнозначны. И Фишер подтверждает своё полное непонимание природы явления тем, что выводит из уравнения количественную теорию денег, согласно которой товары вступают в процесс обращения без цены, а деньги без стоимости, а затем часть товаров обменивается на соответственную часть металлических денег.

Уравнение обмена Фишера — одно из многочисленных под-

тверждений того, что модель «Капитала» верна.

Вальрасианская и маршаллианская версии неоклассики

Вывод о невозможности синтеза «Капитала» и экономикс зачастую связан с отождествлением экономикс с маршаллианской версией неоклассики.

Марксово открытие природы богатства — стоимости — не было понято современниками. Если природа явлений неизвестна, то ничего не остаётся, как перейти на математически описательный метод. Маржиналистская революция — революция в методе, аналогичная революции в методе в физике.

Галилей пытался выяснить природу тяготения, но это ему не удалось. Рассуждения Аристотеля о том, что камень падает вниз, чтобы занять своё естественное место, его не устраивали. Новаторство Галилея заключалось в переходе к математически описательному методу. Он советовал учёным — не рассуждайте о природе и сущностях, наблюдайте, давайте количественное описание в виде формул. Ньютон настаивал на том же. Формула пути падающего тела $S = gt^2/2$ — это функциональная связь. Она означает, что изменение независимых переменных приводит к получению точно определённых значений зависимой переменной. И не более того. Формула не предполагает каких-либо объяснений. Это математическое описание. Если известно время, можно найти путь, если известен путь, можно найти время. Но формула не отвечает на вопрос «почему тело падает» и не должна на него отвечать.

Этот метод был применён Вальрасом. Он считал, что экономическая наука должна описывать естественные, т. е. не зависящие от воли экономических агентов, факты. Прежде всего — меновую стоимость. Блауг, сторонник маршаллианской версии, с глубоким сожалением отмечает: «Он (Вальрас. — *С. А.*) начал свой анализ исходя из данных (эмпирических, наблюдаемых. — *С. А.*) кривых спроса и вывел условия рыночного равновесия до того, как он сказал хотя бы слово относительно полезности» [1, с. 306].

В физике Ньютона критиковал Лейбниц, утверждавший, что закон всемирного тяготения не имеет права называться законом, а представляет собой лишь вычислительные правила.

В экономике Вальраса критиковал Менгер. В письме к Вальрасу он указывал, что «математика очень хороша в определённых описательных целях, но она не позволяет проникнуть в сущность

явления» [14].

Но главным оппонентом Вальраса стал Маршалл. Его не устраивало то, что «факты сами по себе молчат… Наиболее опрометчивым и ненадёжным из всех теоретиков является тот, кто претендует на то, чтобы дать фактам и цифрам говорить самим за себя» [13].

Маршаллианская контрреволюция заключалась в озвучивании «немых фактов», в их объяснении с позиций потребителя.

Маршаллианская версия — нарушение постулата математически описательного метода, постулата Ньютона «гипотез не измышляю», постулата Фридмена «факты следует описывать, а не объяснять» [12, с. 56]. Она выходит за рамки научного метода экономикс и представляет интерес для истории экономической мысли.

Маршаллианская версия более полувека господствовала в неоклассике. Заслуга доказательства её несостоятельности и возрождения вальрасианской версии принадлежит М. Фридмену и П. Самуэльсону. В статье «Маршаллианская кривая спроса» (1949) Фридмен показывает, что маршаллианские «объяснения» кривой спроса, основанные на предельной полезности, не имеют к ней отношения. «Я склонен думать, — писал Фридмен, — что в действительности дело в том, что медленно и постепенно роль, предназначенная экономической теории, изменялась с течением времени, и теперь мы определяем роль экономической теории совсем не так, как это делал Маршалл. Мы делаем реверанс Маршаллу, но идём вместе с Вальрасом» [11, с. 56]. К середине прошлого века экономисты-теоретики по преимуществу перешли на математически описательный метод.

В «Методологии позитивной экономикс» (1953) Фридмен приводит «вымышленную гипотезу, аналогичную многим гипотезам в общественных науках». Наблюдение расположения листьев в кроне деревьев показывает, что они сосредоточиваются скорее на южной, чем на северной стороне. Это многократно описанный факт, правдоподобным объяснением которого является утверждение в духе Маршалла, что расположение листьев в кроне связано с поведением листьев, максимизирующих полезность. «Гипотеза утверждает не то, что листья совершают такие действия, а лишь то, что листья расположены так, как будто они их совершали. Вопреки очевидной ложности «предпосылок» гипотезы, она обладает большим правдоподобием, поскольку её следствия «согласуются с

наблюдениями»» [11].

В переходе на математически описательный метод активно участвовал Пол Самуэльсон. В его «Основах экономического анализа» 1947 г. содержалось изложение практически всех разделов экономической теории, переведённое на язык математики. Его теория выявленных предпочтений (1948) была альтернативой теории предельной полезности.

Распространению вальрасианской версии способствовало издание его работы на английском языке в 1954 г. (через 80 лет после её публикации на французском).

«Изгнание маршаллианских духов» (Самуэльсон) в различных областях экономической теории, начавшееся в середине прошлого века, не завершено и по сей день.

Современные учебники представляют собой эклектическое сочетание двух версий, но вальрасианская версия преобладает. Различить их несложно. Если одна реальная категория «зависит от...» других, то это вальрасианская версия. Пример: «изменение величины спроса (движение вдоль кривой спроса) зависит от цены...», «изменение спроса (сдвиг кривой спроса) зависит от доходов покупателей, цен на товары и услуги, цен на товары-субституты и комплементарные блага, ожиданий покупателей, их вкусов и предпочтений».

Но когда из кривой предельной полезности выводится кривая спроса — это маршаллианская версия.

Практическая применимость экономикс и модели капитала

Экономикс действительно устанавливает функциональные связи между непосредственно наблюдаемыми явлениями, она даёт «дидактическое... истолкование обыденных представлений действительных агентов производства, и... вносит известный рациональный порядок в эти представления» [4, с. 398]. Функциональные связи не основаны на понимании внутренних законов функционирования экономики. Практическая применимость экономикс минимальна. Достаточно сказать, что экономикс в принципе исключает стоимость и, следовательно, анализ авансирования, сохранения и возрастания капитальной стоимости — основы бизнеса и экономического роста.

Модель «Капитала» подтверждает тезис: «нет ничего прак-

тичнее фундаментальной теории». Модель стопроцентно применима на практике. Она не только объясняет обыденные категории, но, прибегая к аналогии, доказывает, почему с точки зрения гелиоцентрической модели земному наблюдателю Земля должна представляться неподвижной, а Солнце должно вставать на Востоке и т. д.

Пример из «Капитала». «Распадение стоимости товаров... представляется на поверхности капиталистического производства, а следовательно, и в представлениях захваченных ею агентов последнего, в совершенно извращённом виде... как результат сложения этих составных частей... Такое quid pro quo (смешение понятий, буквально: принятие одного за другое) неизбежно вследствие целого ряда причин. Во-первых, составные части стоимости товара противостоят друг другу как самостоятельные доходы... во-вторых... в-третьих... в-четвертых... в-пятых...» [4, с. 438, с. 439] Мы не приводим всю аргументацию.

Такое детальное рассмотрение необходимо при анализе одного из способов производства, капиталистического способа производства. В марксистской политэкономии в этом нет необходимости. При сопоставлении Солнечной системы с другими достаточно гелиоцентрической системы в чистом виде без объяснения того, в каких превратных формах она представляется с точки зрения земного наблюдателя. При рассмотрении сменяющих друг друга способов производства или при их сопоставлении нет необходимости в выяснении того, в каких превратных формах проявляются внутренние законы каждого способа производства. В этом смысле можно говорить, что политэкономия малоэффективна в практике бизнеса.

Литература

1. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
2. Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1969-1978.
3. Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
4. Маркс К. Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II.
5. Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II.
6. Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III.
7. Маршалл А. Принципы политической экономии. Т. I. М., 1984.
8. Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS. 1993. Вып. 1.

9. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1997.
10. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Вып. 4.
11. Фридмен М. Маршаллианская кривая спроса // Вехи экономической мысли. Теория потребительского поведения и спроса. Т. 1. СПб., 1999.
12. Hodgson G. Fragment “The present position of economics” by Alfred Marshall // Journal of Institutional Economics. 2005. № 1. P. 121–137. http://journals.cambridge.org
13. Samuelson P. Economic theory and mathematics — an appraisal // American Economic Review. 1952. № 42.
14. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of Wealth of Nations. L., 1776.

Методологический прорыв Дж. М. Кейнса[1]

Хубиев Кайсын Азретович,
д.э.н., профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Ключевые слова: неоклассическая теория, кейнсианство, политическая экономия, методология, анализ и синтез, воспроизводственный под ход, системный метод.

Не для лёгкого чтения

Вводная часть. Истоки и мотивы

Оправданием названия статьи служит выработка Кейнсом методологии исследования экономических явлений уровня сложности, с которой не могла справиться современная ему экономическая теория. Основная задача состоит в том, чтобы раскрыть эту методологию и описать её на применимом уровне, поскольку именно методология является операционно-инструментальным фундаментом науки.

Парадоксальная несколько ситуация сложилась в экономической науке. Самым выдающимся экономистом XX века признан Дж. М. Кейнс. Его основной труд «Общая теория занятости, процента и денег», вышедшая более восьмидесяти лет назад, попала в топ 100 книг, созданных за всю историю. Но его наследие использовано не симметрично. Более всего «повезло» нормативной части, поскольку его идеи используются при выработке экономической политики, особенно при циклическом развитии в разных странах. Что касается теоретической части его главной книги, то наиболее интенсивно используются возможности построения моделей. Это безусловный вклад в науку. Но в тени остаётся методология научного исследования. Де-факто признается и используется маржинальный метод, но не более того. Это тем более парадоксально, что современная философия науки разработала разнообразный арсенал ин-

[1] *Цитирование:* Хубиев К.А. (2020). Методологический прорыв Дж. М. Кейнса // Вопросы политической экономии, №1 (21), С. 17-35. DOI: 10.5281/zenodo.3753303

струментов тщательного анализа научных произведений. Наше объяснение этой ситуации будет предложено ниже.

Привлекательной остаётся незаурядность его личности, разносторонность увлечении и успешность в разных направлениях деятельности как результат трудолюбия и таланта. Главная характерная черта его личности — это творчество. Он был теоретиком в области экономики, и название его главного труда отражает эту его особенность.

Оригинальность теории Кейнса захватывает с самого начала тем, что он берётся за опровержение основ главного течения Мейнстрим, на котором сам вырос и за которым стоит целая плеяда выдающихся экономистов того времени. Сразу захватывает вызов, брошенный неоклассике (сам Кейнс называл её классической теорией.) Возникает вопрос, а стал ли сам Кейнс классиком? Представляется, что нет. Мы солидарны с экономистами - теоретиками, эконом-историками и исследователями его творчества, которые отмечали незавершённость его теории, наличие фрагментарности некоторых и противоречивости многих положений. И тем не менее Кейнс совершил творческий подвиг, на который способны гениальные исследователи. К их числу Кейнс относил, в частности, П. Самуэльсона, а Б. Селигмен восхищался его даром предвидения, основанный на глубоких научных основаниях.[2]

Обсуждение творческого наследия Кейнса имеют историю. Его теория развивается многими последователями. Но остаётся до сих пор в тени методология Кейнса, благодаря которой удалось выполнить исследование такого масштаба.[3] Сам Кейнс, к сожалению,

---

[2] «Сам Кейнс обладал весьма счастливой способностью видеть направление развития исторического развития и не против был намекнуть, что история по существу развивается по Кейнсу» [7].

[3] В пространной вступительной статье к специальному изданию труда Дж. Кейнса, А.Г. Милейковского и И.М. Осадчей речь идёт об исторических условиях формирования Кейнса и появления его труда, основных теоретических положениях, исторических оценках. Особую ценность для того времени (70-годы) имел анализ развития направления в науке, заложенного Кейнсом. Но методологии специальное внимание не уделяется [5, с. 5-54].

В известной работе М. Блауга «Экономическая мысль в ретроспективе», заканчивающейся специальным разделом «Методологический постскриптум» не нашлось места методологии Кейнса, хотя особое внимание уделено менее значимым теориям, типа американского институционализма. Здесь содержатся идеи, получившие позже более развёрнутое изложение в специ-

не оставил отдельного или специального описания своей методологии. На стороне его последователей не было интереса к этой стороне наследия, даже у тех, кто назывался кейнсианцами, неокейнсиацами и новыми кейнсианцами. Его последователи больше внимания уделяли проблемам математического моделирования с целью развивать его теорию в духе требований времени, несмотря на его довольно критическое отношение к математизации экономической теории.[4]

В самом начале своего исследования Кейнс ставит амбициозную задачу ревизии основ неоклассической теории, которую

альном труде Блауга по методологии. В нем кейнсианство упоминается лишь как направление, полемизирующее с монотеистами [3]. В книге Блауга по истории экономической мысли в разделе «Кейнсианская система» идёт погружение в особенности теории. Вклад Кейнса в экономическую теорию видится в: агрегировании, сосредоточении на краткосрочном периоде, изложении трудностей приспособления к меняющимся условиям, а главная заслуга видится Блаугу в том, что Кейнсу удалось сформулировать теорию в форме моделей, что дало толчок развитию верификационных эконометрических исследований, что представляется весьма спорной оценкой главной заслуги Кейнса в развитии экономической теории. Однако следует согласиться с итоговым выводом Блауга: «Величайшая дань уважения, которая может быть выражена экономисту, заключается в том, чтобы признать, что экономическую теорию нельзя признать без него» [2].

В фундаментальном труде Б. Сегигмена «Основные течения современной экономической мысли» специальный раздел «Новая экономическая тория Джона Менада Кейнса» посвящена именно теории. Методология изредка упоминается без придания ей самостоятельного значения [7].

В интернет ресурсах привлекает внимание материал под названием «Разработка Дж. М. Кейнсом новой методологии экономического анализа». Некоторый интерес для экономиста представляет сюжет о философско-этических предтечах формирования личности Кейнса - переход от буржуазного традиционализма к модернизму. Что же касается методологии, то излагаются в основном известные положения: особенность предмета (макроэкономика); агрегирование; казуальный подход; краткосрочный период и неравновесие; расширение приложения маржинального анализа (предельная склонность к потреблению); психологические мотивы; элементы прогнозирования; прагматизм [1].

[4] Ниже мы уделим специально внимание отношению Кейнса к математизации экономической теории, имея в виду, что он сам был математиком, но в основу своего исследования он не заложил математические методы. Более того, высказался он резко отрицательно.

Кейнс связывает с именем Рикардо и его последователями. Он обращает внимание на загадочность полной победы рикардианской теории. Объяснения Кейнса, приведённые относительно причин доминирования рикардианской традиции, не утратили свою актуальность.

Рикардианская теория подходила в среде во времени написания. Власти устраивало то, что социальные издержки и даже жестокости капиталистической системы оправдывались как необходимая плата за прогрессивное развитие. Кроме того, в теории Рикардо находились основания для предостережений от любых попыток изменить капиталистическую систему, поскольку такие попытки могут принести больше вреда, чем пользы. С другой стороны, оправдывалась миссия капиталистов, которые своей деятельностью служат прогрессивному развитию общества и «поддержке социальной силы, стоящей за власть предержащими» [5, с. 86]. А для самой экономической науки теория Рикардо служила базой для логических стройных и последовательных построений. Добавим ещё, что Рикардо удалось сформулировать экономические законы, верифицируемые практически и тем не менее замалчиваемые многими его последователями: закон относительных преимуществ и разделения труда как самая фундаментальная основа торговли. С позиций марксистского направления классической политической экономии, необходимо особо выделить разработку основ трудовой теории стоимости и соответствующего закона.[5]

Но при всех достоинствах недостаток теории Рикардо Кейнс видел в утрате прогностической функции и в том, что практическая реальность показывала результаты, идущие вразрез теории. В этой ситуации последователи Рикардо вместо того, чтобы попытаться объяснить новые явления, противоречащие старой теории, уединились в своих кабинетах и продолжали верить сами и учить других тому, капиталистическая система — это лучший из миров, и он будет замечательно развиваться, если предоставить его самому себе. Такая позиция была воспринята неоклассической ветвью развития экономической теории, но не могла устроить Кейнса.

Отправным пунктом критики неоклассической теории служит заключение: капиталистическая экономическая реальность в целом не показывает эффективное использование ресурсов, а за-

[5] В этих пунктах сам Кейнс столкнулся с трудностями, например, для объяснения закономерностей образования и распределения ренты.

труднения, возникающие при циклическом движении экономики с разрушительными последствиями, обходятся экономической теорией. Это положение является отправной точкой и объясняет главный научный мотив и стимул к фундаментальному исследованию, которое воплотилось в знаменитом труде.

Тупики неоклассической теории цены
как импульс методологического расширения

С логической неизбежностью возникает вопрос: какая методология научного исследования позволила Кейнсу выполнить столь революционное исследование. Опровергать основы критикуемой теории невозможно, не выходя за пределы методологии опровергаемой теории. На этот принципиальной важности вопрос экономическая наука не дала ответ. Литература на эту тему изобилует указаниями на преемственность маржинальной методологии и это справедливо. Предельным анализом пронизан труд Кейнса. Особенно активно используется предельная эффективность капитала.[6] Маржинальная линия в методологии Кейнса очевидна, и она служит основанием для причисления его к основному течению. Но достаточно ли этого для опровержения теории, которая построена на той же методологии маржинализма. Здесь возникает более общий вопрос для философии науки: может ли одна теория опровергнуть основы другой теории, если опровергающая теория не выйдет за рамки методологии критикуемой теории. Кейнс сохранил связь с методологией маржинализма, использовал её. Но он вышел за пределы методологии, унаследованной от неоклассики, и существенно продвинулся, развернув свою мерологию, которая послужила основой для нового уровня теоретического исследования нестабильной и неэффективной, по его заключению, экономической реальности. Методологическое приращение Кейнса вплетено в теоретическую ткань и не очевидно внешне. Поэтому её трудно выделить, оценить и описать для применения. Этим объясняется отсутствие работ, в которых методология Кейнса представлена как результат специаль-

[6] Хотя следует заметить, методом замещения на пределе Кейнс пользуется не столь широко, как это принято было в рамках критикуемой им теории. Связь Кейнса с теорией предшественников отмечает и Б. Селигмен. «Несмотря на отрицание Кейнсом неоклассики, его система имеет с нею глубокую связь» [7, с. 504]. При этом Селигмен отмечает широкое использование маржинального анализа с приложением к новым объектам.

ного исследования. Кроме того, такое исследование не очень привлекательно для сторонников Мейнстрим, поскольку оно направлено на подрыв её основ.[7]

Развить методологию своего исследования Кейнсу удалось через масштабность и системность видения предмета, которая не сводится к трём конкретным проблемам, вынесенным в заголовок главного труда, как бы значительны и важны ни были они. Особое видение предмета явилось сопряжённым условием развития и теории и методологии.

В причинно-следственных связях теория Кейнса охватывает три взаимозависимые категории: занятость, доход, потребление, а также инвестиции, от которых зависит эффективный спрос.[8] Все

[7] Работа С.С. Дзарасова одна из немногих, где есть специальное обращение к методологии Кейнса. Методология Кейнса определена как «методология критического реализма», которая имеет ряд черт. Её отличает историческая реальность, подвижность изменениям и открытость социальной системы. «По методологии исторического реализма экономика рассматривается в историческом времени как открытая социальная система, связи которой носят подвижный характер и требуют учёта обстоятельств и времени…» Отмечается также направленность исследования на раскрытие внутренних механизмов функционирования экономики, что отличает метод Кейнса от эмпиризма многих его современников, в том числе и весьма именитых. «Познание не сводится к констатации эмпирических фактов, а предполагает раскрытие лежащих в их основе внутренних механизмов» [4, с. 182]. В изложенной позиции не очень ясен только один момент, что имеется ввиду под открытой и динамичной социальной системой в позиции Кейнса. Возможно, ответом может служить следующий сюжет «Как показала история ещё раз, в российских условиях социальный конфликт играет ещё большую роль, что неолиберальное сведение экономических проблем к техническим факторам сильно уступает традиционному для нас методу социального анализа» [4, с. 182]. В работе Кейнса немало сюжетов с социальным контекстом, но этот вопрос заслуживает специального и более подробного рассмотрения. Здесь же отметим, что С.С. Дзарасов отмечает, что метод критического реализма западных учёных (очевидно, имеется в виду кейнсианцев) очень близок, во многом повторяет разработки Цаголовской школы политической экономии Московского университета [4, с. 182].

[8] «Кейнс поёт гимн новым…инвестициям, видя в них средство прироста совокупного спроса. Ведь рост инвестиций ведёт к увеличению занятости, а новые работники обеспечивают прирост национального дохода и прирост совокупного спроса. Однако Кейнс не ограничивается этим поверхностным следствием… обращает внимание на многократное повторение такой це-

перечисленные категории не только связаны друг с другом, а вытекают одна из другой. А поскольку эти связи повторяются непрерывно и явились особенностью видения предмета, теория Кейнса охватила воспроизводственный процесс с учётом причинно-следственных последовательностей, связей и закономерной повторяемости. Исследование предмета экономической науки в таком видении и решение задач подобного уровня могло быть только результатом применения метода, которому предварительно дадим название системно-воспроизводственного и ниже попытаемся обосновать это утверждение.

Для этого обратимся к рассмотрению методологии Кейнса на более конкретном уровне. В наиболее полном и подходящем для исследования виде она представлена в гл. 21, которая называется «Теория цен». Кейнс обращает внимание на логическую разорванность неоклассической теории, содержащей две несводимые теории цен. В первой цены выводятся из спроса и предложения с учётом определяющего значении эластичности и предельных издержек. Вторую теорию цен можно назвать макроэкономической. В ней уровень цен зависит от количества денег. Между этими теориями разверзлась пропасть и нет никаких логических связей. Попытки соединить эти два уровня и провести анализ связей между приводят к тому, что неизвестно ничего, но возможно все.[9] Теория цен является центральной для неоклассики, и она оказалась бессильной в её решении. Отсюда понятно, какая сложная в научном отношении проблема встала перед Кейнсом: ему предстояло сформулировать новую теорию цен. Решение этой сложнейших проблемы экономической теории лежит на пересечении целого комплекса других проблем: количество денег, предпочтение ликвидности, эффективный спрос, доходы факторы (цены ресурсов), и т. п.

Для решения научной задачи столь высокого уровня была необходима новая методология. Наследовать такую методологию у своих предшественников и учителей Кейнс не мог и ему самому

почки» [6, с. 103]. В цитированной работе рассмотрен и ряд других цепочек, которые мы называем системно-воспроизводственными.

[9] «При попытке же глубже вникнуть в существо дела мы попадаем в туман, где ничего не известно наверняка и все возможно. Мы все привыкли к тому, что оказываемся то на одной стороне Луны, то на другой, не имея представления о том, какая же дорога связывает обе эти стороны, так же обычно не связаны между собой жизнь наяву или во сне» [5, с. 367].

пришлось её сконструировать. В чем она состояла?

Сперва Кейнс выводит теорию цен из количественной теории денег. Для этого потребовалось сформулировать ряд предпосылок и допущений, которые включают пропорциональное изменение факториальных доходов, которые входят в предельные издержки. Такой подход позволил рассматривать влияние предложения денег на уровень цен в двух направлениях: через воздействие на единицы заработной платы и на изменение занятости. Далее для логического завершения данной теории пришлось обратиться к новым допущениям: все ресурсы, в условиях неполной занятости однородны и имеют симметричную эффективность; все дополнительно привлекаемые ресурсы на уровне потенциального выпуска и полной занятости имеют стабильные предельные издержки, а изменение занятости будет зависеть от эффективного спроса, вызванного ростом количества денег. При достижении потенциального выпуска и полной занятости ресурсов рост количества денег ведёт к росту цен. В итоге Кейнс формулирует количественную теорию денег. Только на основе нагромождения предпосылок удаётся сформулировать «грубую» количественную теорию денег. Предпосылки и упрощения, без которых нельзя сформулировать теорию цен, позволяют обнаружить нереалистичность этой теории. А для создания другой, более реалистичной теории пришлось искать другой подход на новом уровне с обогащённым арсеналом средств новой методологии.

Суть новой методологии

После реконструкции ценообразования через «грубую» количественную теорию денег Кейнс приступает к другому уровню анализа. Он снимает предпосылки, которые огрубляли теорию и превращали её в нереалистичную. Вводятся усложняющие факторы, «которые в реальной действительности будут оказывать влияние на ход событий».[10] Приведём их полное перечисление, поскольку в тщательное исследование вплетена новая метрология, посредством которой создана новая теория: «1) эффективный спрос не будет изменяться в точной пропорции с количеством денег; 2) поскольку ресурсы не являются однородными, то налицо будет убывающая, а не постоянная доходность по мере постепенного роста степени их использования; 3) поскольку ресурсы не одинаковы по степени сво-

[10] См.: [5, с. 371].

ей эффективности, то предложение некоторых товаров окажется неэластичным даже тогда, когда все ещё будут оставаться неиспользованными ресурсы, пригодные для производства других товаров; 4) Единица заработной платы будет проявлять тенденцию к росту ещё до того, как будет достигнута полная занятость всех ресурсов; 5) Вознаграждение факторов, входящих в состав предельных издержек производства, не будет меняться в одинаковой пропорции».[11]

Кейнс ставит задачу исследовать эти усложняющие факторы и этим снять предпосылки «грубой» количественной теории денег. Выполнение этой задачи даст новую теорию, которая критически возвысится над двумя вышеупомянутыми теориями и одновременно объединит их научные элементы. Но как решить эту задачу и почему с ней не смогла справиться неоклассическая теория? Что помогло Кейнсу продвинуться дальше критикуемой теории? Ответ на оба вопроса кроется в методологии. С исследованием двухуровневой теории цен неоклассика не могла справиться из-за ограниченности её методологии. Многоуровневый анализ одного и того же объекта с учётом прямых и обратных связей сложных комбинированных систем в рамках маржинальной методологии затруднён. Кейнс создал свою теоретическую систему благодаря развитию методологии исследования, и мы попытаемся это доказать.

Кейнс часто прибегает к предварительной формулировке выводов и затем переходит к обоснованию и доказательствам. Предварительно формулируемый здесь вывод показывает, что усложняющие факторы препятствуют влиянию дополнительного количества денег на рост цен. Этим выводом отрицается количественная теория - одно из фундаментальных положений неоклассики.

Суть в том, что растущее количество денег влияет на рост эффективного спроса, действие которого, в свою очередь, распада-

[11] «Мы рассмотрим каждый из них по порядку. Но такой метод изложения не должен порождать представления, будто эти факторы, строго говоря, независимы друг от друга. Например, то, в какой пропорции увеличение эффективного спроса разделяется в своём действии между увеличением объёма производства и ростом цен, может сказываться и на характере связи между количеством денег и величиной эффективного спроса. Точно так же и различие в пропорциях, в которых меняется вознаграждение различных факторов, может влиять на отношение между количеством денег и величиной эффективного спроса» [5, с. 374].

ется на два направления - повышение уровня цен и расширение занятости ресурсов. По мере занятости ресурсов растёт и общий уровень цен, но не так, как этот процесс трактовался с позиций «грубой» количественной теории. В макроэкономической терминологии образуется промежуточный уча- сток совокупного предложения - рост производства и занятости происходит одновременно с ростом цен. Ещё до полной занятости образуется ряд равновесных ситуаций. Лишь по достижении потенциального выпуска рост количества денег может вылиться в симметричный рост цен. Доказывается, что количественная теория денег есть лишь частный случай, в связи с чем для адекватного теоретического отражения экономической реальности требуется погрузиться в новый уровень исследования с привлечением к анализу усложняющих факторов. Как это достигается методологически?

1. Сложное экономическое явление, которое образуется взаимодействием ряда факторов, логически разделяется на отдельные элементы, каждый из которых исследуется отдельно и независимо друг от друга.

2. Затем логически воспроизводится целостность исследуемого предмета путём воссоединения теоретически раскрытых элементов (факторов). Здесь обнаруживается, откуда поступила методологическая помощь Кейнсу. В марксистской политической экономии указанные методологические приёмы получили название «анализ» и «синтез»

3. В реальности названные выше факторы действуют не изолированно. Они зависят друг от друга. Например, различие в относительных пропорциях, в которых меняется вознаграждение факторов, окажет влияние на характер связи между количеством денег и эффективным спросом. Наблюдается развитие методологии. Взаимодействие анализа и синтеза дополняется прямыми и обратными связями [5, с. 374].

Перейдём к центральному пункту, отражающему специфику метода исследования Кейнса: «Цель нашего анализа отнюдь не в том, чтобы создать такую механику или такую шаблонную схему операций, которая автоматически выдавала бы безошибочный ответ, а в том, чтобы *обеспечить себя методом для систематического и планомерного изучения ряда проблем.* Поэтому после установления предварительных выводов путём последовательной изоляции одного за другим усложняющих факторов мы теперь должны вернуться к

нашей исходной позиции и учесть, насколько это возможно, вероятные взаимодействия всех этих факторов. *Именно такова природа экономического мышления.* Любой другой способ применения формальных принципов познания (без которых, однако, мы заблудились бы как в лесу) привёл бы нас к ошибкам».[12] Природа экономического мышления — вот, где квинтэссенция подхода. В пространстве человеческого мышления выделяется специфически профессиональное, именно экономическое мышление. Оно нужно для «систематического и планомерного изучения» предмета. В чём оно состоит - и на этот вопрос дан чёткий ответ. Для дальней его исследования необходимо заметить, что Кейнс не ограничивается обращением к методу анализа и синтеза, а заявляет о необходимости воссоздания функционального целого. А целое, сознанное на основе его детального и тщательного изучения, есть система. Ему оставалось сделать шаг формулирования системного метода. Если бы Кейнс сделал следующий шаг и определил соподчинение этих усложняющих элементов, то метод анализа и синтеза был бы развит до восхождения от абстрактного к конкретному. А это уже уровень создания системы. Шаг этот напрашивался и возможно он был сделан, если бы наряду с изучением неоклассической теории внимание было бы обращено и на классическую политическую экономию марксистского направления. Но несмотря на отсутствие следующего звена в восхождении от абстрактного к конкретному, Кейнс изложил метод движения от эмпирически конкретного к теоретически конкретному пройдя путь анализа и синтеза. Можно даже утверждать, что Кейнс вплотную подошёл к методу восхождения от абстрактного к конкретному и к системно-воспроизводственному методу, но об этом несколько позже. Возвращаясь к вопросу о том, почему неоклассика столь длительное время замалчивала или не обращала внимания на «природу экономического мышления». Что может быть важнее для понимания методологии Кейнса? Можно предположить, что приведённое развитие методологии Кейнсом не укладывалось в метрологию маржинализма, и тем была неинтересна для определённого направления. А связь с марксисткой методологией не могла быть привлекающим фактором. Во всяком случае, мы попытались ответить на вопрос: какие металогические инновации позволили Кейнсу решить поставленную задачу и преодолеть теоре-

[12] См. [5, с. 374].

тические трудности, с которыми не справилось то течение, на котором он сам вырос.

Системный уровень

Методом анализа и синтеза не ограничивается развитие методологии Кейнсом. В его наследии есть свидетельства продвижения до системно- го уровня. Выше было отмечено влияние изменение количества денег на эффективный спрос, который через изменение нормы процента продолжает системные изменения по трём направлениям: предпочтение ликвидности, инвестиции и инвестиционный мультипликатор. В свою очередь все три направления влияют на изменение выделенных несколько выше усложняющих факторов 2, 3, 4, 5. Система интенсивно расширяется и усложняется. В причинно-следственные, опосредованные и обратные связи вступают: денежный рынок, процентная ставка с тремя направлениями, их обратное влияние на факторы усложнения теории цен. Да- лее усложнение системы продолжается. «Конечно, и этот перечень возможных взаимодействий далеко ещё не полон» [5, с. 374]. Пределы развития предмета и развёртывания системы Кейнс не обозначает, но отмечает свои предположительные границы анализа. «Тем не менее, если бы мы располагали всеми необходимыми данными, то наша система уравнений была бы вполне достаточной, чтобы иметь единственное решение. Имелась бы определённая величина прироста эффективного спроса, которая после учёта всех осложняющих факторов соответствовала бы данному приросту количества денег и находилась бы в равновесии с ним». С теоретической точки зрения любопытно заметить, что равновесие усматривается не в соотношении количества денег и уровня цен, а в соотношении количества денег и эффективного спроса.[13] Но с методологической точки зрения

[13] «Итак, традиционный анализ порочен потому, что ему так и не удалось правильно выделить независимые переменные системы. Сбережения и инвестиции относятся не к тому, что определяет систему, а к тому, что определяется в ней. Они выступают как сопряжённые результаты действия таких определяющих факторов как склонность к потреблению, график предельной эффективности капитала и норма процента. Правда указанные факторы сами очень сложны и каждый из них может испытывать влияние предполагаемых изменений других параметров. Тем не менее, они остаются независимыми в том смысле, что их значения нельзя вывести одно из другого. Для традиционного анализа не было тайной, что сбережения зависят

сам Кейнс упрощает проблему, указывая на систему уравнений. Можно ли вообще определить количество уравнений, которое потребуется для отражения взаимодействия всех выделенных выше сил, направлений, факторов? Система ведь остаётся открытой и свидетельству самого Кейнса «перечень возможных взаимодействий далеко ещё неполон». Значит, допускается и даже предполагается, что система не только остаётся открытой, но ещё и имеет потенциал развития. Не завершённое развитие предметной области не позволил завершить методологию, соответственно и теорию.

Кейнс видит системное свойство предмета, связывает её с комплексом отношений, прямых и обратных связей. Он упрекает оппонентов в том, что они не могут систематизировать факторы (переменные), зависимые и независимые, определить характер связей между ними; причинные и следственные элементы системы, сопряжённые результаты.[14]

Своя методологическая база позволила Кейнсу определить ограничения и недостатки неоклассической теории. По отношению к позиции Кейнса они выглядят почти зеркально. Это недостаток аналитически-синтетического метода; недостаточное разграничение типа переменных (зависимых и независимых), соответственно и факторов, формирующих экономическую систему соответственно и характер её функционирования; тавтологичность анализа, которая связана с предыдущими недостатками. К формализованным методам, связанным с математизацией экономического исследования, он относится довольно критически.[15] Главный недостаток оппонентов видится в допущении независимости переменных и факторов. В методологическом отношении выступая как предпосылки или допущения, они часто используются как гипотезы, которые теряют

от дохода, но в нем упущен из виду тот факт, что доход зависит от инвестиций, причём в такой форме, что если инвестиции изменяются, то и доход должен непременно измениться - как раз настолько, насколько нужно, чтобы изменения в величине сбережений были равны изменениям в величине инвестиций» [5, с. 250].

[14] «Крупный дефект формализации экономического анализа с помощью псевдоматематической символики, вроде той, что представлена в §VI настоящей главы, в том именно и состоит, что все эти построения явным образом исходят из допущения о строгой независимости введённых в анализ факторов и они теряют всю свою доказательность и значение с отпадением этой гипотезы» [5, с. 372].

[15] См. [5, с. 372-373].

своё доказательное (научное) значение. Априорное введение в научную систему допущений и предпосылок требует в дальнейшем их «снятия» аналитическим вовлечением в систему. А если нет системного метода, судьба этих допущений окажется разной. Благополучной окажется судьба конвенциальных допущений. В этом качестве они сохранятся в научной системе. Другие допущения отпадут, поскольку нет скрепов между ними и системой. Такова же будет судьба гипотез, связанных с ними. На фоне выявленных ограничений неоклассической теории Кейнс обращается к особенностям своего метода: «Между тем, когда мы не ограничиваемся механическими манипуляциями, а знаем постоянно, что делаем и что значат употребляемые нами слова, мы можем держать про себя «в уме» необходимые оговорки и коррективы, которые мы позже должны будем внести; но мы никак не можем таким же образом на протяжении нескольких страниц алгебраических выкладок держать «в уме» сложные частные производные, а это все равно, как если бы все они обращались в нуль. Слишком большая доля современной «математической экономии» представляет собой, по существу, простую мешанину, столь, же неточную, как и те первоначальные допущения, на которых она основывается, причём авторы получают возможность забывать о сложных отношениях и взаимосвязях действительного мира, замыкаясь в лабиринте претенциозных и бес- полезных символов». Достаточно жёсткая критика не должна восприниматься как приговор применению математических методов экономического анализа. Сам критик нередко прибегал к использованию алгебраических зависимостей. А его последователи даже абсолютизировали это направление, оставив в тени другие стороны его творческого наследия, например, методологию. Критика относится не столько к методу вообще, в том числе и математическому, а к предмету исследования, то есть к фактам, явлениям и «обращением» с ними. Вспомним исходную претензию к неоклассикам, которые отстранялись от объяснения реальности, «отклоняющейся» от теории, которую они проповедовали. Здесь основная претензия состоит в том, что эти авторы забывают о «сложных отношениях и взаимосвязях действительного мира, замыкаясь в лабиринте претенциозных и бесполезных символов». Действительный и сложный мир с взаимодействие отношений и их взаимосвязи — вот главное в предмете, который требует соответствующего метода: системного видения предмета и необходимость системного его отражения. Существен-

ное усложнённое единство предмета и метода является способом более адекватного отражения реального мира по сравнению с неоклассической теорией.

Воспроизводственный подход является продолжением и конкретизацией метода. Его содержанием являются причинно-следственные связи между экономическим ростом и занятостью, формами продуктов и доходов и многие иные прямые и обратные связи, повторяемость выявленных связей и их развитие. Системный метод прямо связан с воспроизводственным подходом.

Сам предмет исследования у Кейнса был системный по своей сущности и функциональной природе. Онтология предмета заставила обратиться к адекватному методу. Метод в своём развитии связан с развитием предмета. Системный подход применяется к каждой сложной проблеме. Аналитическое разделение сложной проблемы на более простые элементы, «изолированное» изучение их содержания, определение причинно-следственных, комбинированных и других связей убеждает в открытости системы. Остаётся непознанное ещё пространство, а значит незавершённость системы. Открытость — это особенность диалектически развивающегося предмета и метода, в отличие от неоклассического подхода о вечности и неизменности свойственных тому времени социально-экономических порядков и законов. Непознанные «оазисы» в системе Кейнса распространяются на многие важные проблемы. Данная особенность не может быть отнесена к недостаткам. Скорее это особенность любой открытой системы, формирование и развитие которой не завершено.

Воспроизводственный метод

Воспроизводственный подход органически связан с системным методом исследования. Попытаемся его раскрыть на материале взаимосвязанных категорий, характеризующих процесс и результат экономического оборота.

В теории Кейнса факторы и источники экономического развития представлены в виде определённых связей и равенств. «Доход= ценность продукции = потребление + инвестиции, сбережения= доход - потребление, отсюда сбережения = инвестиции».[16] Это основные тождества в системе Кейнса, особая роль принадлежит

[16] См. [5, с. 118].

инвестициям, являющимся источником экономического роста. Последовательно выстраивается система воспроизводственных связей и зависимостей.

Источником инвестиций является доход: «Мы можем теперь определить доход предпринимателя как превышение ценности готовой продукции, проданной в течение известного периода, над первичными издержками производства».[17] Это определение звучит как предупреждение от предположений о непроизводственной трактовке дохода, из которого образуются сбережения и инвестиции. Кейнс не отрицает кредит, источником которого не является реальный сектор, производящий реальные блага. Но в рамках его теории займы и обязательства погашают друг друга. «Мы должны, понятно, сделать поправки на заключение займов и погашение долгов (включая изменения в объёме кредита или размерах денежного обращения). Но поскольку для общества в целом увеличение или уменьшение общей суммы денежных обязательств, принадлежащих кредиторам, всегда точно соответствует изменению совокупной задолженности заёмщиков, эти величины также взаимно погашаются, когда мы рассматриваем общие размеры инвестиций...».[18] Позиция Кейнса не допускает одностороннего нарастания в экономике средств кредитного происхождения. Уделяя большое внимание инвестициям, Кейнс обходит инвестиции в ценные бумаги, о чем свидетельствует вывод: «Вообще говоря, новые инвестиции в отличие от реинвестиций означают покупку капитального имущества за счёт дохода» [5, с. 136]. В причинно-следственных конструкциях, где источником инвестиций является доход, а областью инвестирования - «капитальное имущество», очевиден приоритет реального сектора.

Кейнсу принадлежит написание трактата о деньгах, и он знал о влиянии банков на равенство сбережений и инвестиций, а также на источники их происхождения. Он считает «оптическим обманом» представления о том, что сбережения могут быть без инвестиций и инвестиции без сбережений. Специально обсуждаются случаи, когда вклад словно растворяется в банках и не превращается в инвестиции или: «банковская система в состоянии создавать такие возможности инвестирования, которым не соответствуют никакие сбережения».[19] Это заявление заслуживает особого внимания.

[17] См. [5, с. 106].
[18] См. [5, с. 136].
[19] См. [5, с. 144].

Клиент и банк обмениваются активами и не происходит нарушения равенства «сбережения-инвестиции»: «Если же с каким-либо имуществом расстаются банки, значит, кто-то должен расстаться с частью своих наличных денег. Отсюда следует, что совокупное сбережение индивидуума, о котором идёт речь, и всех других, вместе взятых, неизбежно должно быть равны новым инвестициям» [5, с. 144]. Следовательно, если банки выдают кредит, то они расстаются со «своим имуществом». Значит, происходит отвлечение от появления кредитных денег как источников инвестиций. Если же источником инвестиций считать обязательства банков, то следует отказаться от равенств «доходы - расходы», «сбережения-инвестиции».

Неизбежно возникает вопрос: как Кейнс относится к кредитным деньгам как источнику инвестиции, никак не связанным со сбережениями, полученными из созданного в производстве дохода? Он не обходит эту проблему и комментирует её в виде представлений, согласно которым создание кредита создаёт возможность инвестиций, которым не соответствуют «никакие подлинные сбережения. По его мнению, эти представления: «возникают лишь в результате искусственного выделения одного из последствий увеличения банковского кредита и игнорирования всех остальных результатов этого процесса».[20] Здесь для удержания взаимосвязи важных тождеств воспроизводственный метод просто необходим. Что понимается под «увеличением банковского кредита»? Создание кредитных денег, или обмен ценностями, имеющими стоимость? Прямого ответа не на этот вопрос мы у Кейнса не находим и нет пояснения источника и природы «увеличения» банковского кредита. Но находим предостережение избегать односторонность анализа и предложение рассмотреть «другие стороны этого процесса». В этом затруднительном пункте запускается воспроизводственный метод. Не определив природу кредита он переходит к предпринимателям и заключает, что они (предприниматели) получают от банка «новую ссуду», что позволяет им сделать «новые инвестиции». Здесь, как нам представляется, кредит является дополнительным потому, что он не возмещён встречным отчуждением сбережений. Скорее всего, речь идёт о классическом кредите, за которым стоят обязательства, а не отчуждение банком имущества или иных ценностей. Как тогда быть с

[20] См. [5, с. 145].

тождеством S-I на макроэкономическом уровне? Этот щекотливый для его теоретической конструкции вопрос решается окольным путём, используя воспроизводственный метод.

Из дополнительного кредита предприниматели делают дополнительные инвестиции. Последние дадут дополнительный доход. А владельцам дополнительного дохода предоставляется выбор между потреблением и сбережениями из дополнительного дохода. Появился доход, причём от предпринимательской деятельности. Делается предположение, что сбережения населения будут не меньше дополнительных инвестиций: «Дополнительные сбережения, возникающие в результате таких решений, носят ничуть не менее «подлинный характер», чем любые другие сбережения» [5, с. 145].

Вроде всё верно! Знаменитые тождества вернулись на место. Только произошло нарушение логики экономического процесса. Теоретически доказывалась причинно-следственная связь: доход - сбережения - инвестиции. Но, с появлением «дополнительного кредита», логика процесса меняется на противоположную: дополнительные инвестиции - дополнительный доход - дополнительные сбережения. Источник занимает место результата: первоначальная основа процесса - доход становится обоснованным; результат становится предпосылкой и наоборот. Все эти перестановки и превращения выглядят естественными для тех, пользуется воспроизводственным методом. Но этот метод не является традиционным для неоклассики. Для его нахождения и использования пришлось войти в методологическое пространство политической экономии. Ещё одно доказательство преодоления методологического ограничения теории, основы которой предстоит критически преодолеть. Вызывает удивление столь длительное замалчивание особенностей методологии, не укладывающейся в основное течение.

Изобретательный приём, использованный талантом Кейнса объясняется особенностями его методологии. Экономическая наука давно пользуется методом, на основе которого в непрерывно повторяющемся экономическом процессе последовательно меняются местами причина-следствие, основа-результат и т. д.

Используется системно-воспроизводственный подход, позволяющий преодолеть «оптический обман», порождающий видимость появления инвестиций без сбережений: «которая возникает лишь в результате искусственного выделения одного из последствий

увеличения банковского кредита и игнорирования всех остальных результатов этого процесса» [5, с. 145]. Применением воспроизводственного подхода расширяется методология исследования. Но для защиты конструкции равенства S-I и самим воспроизводственным методом следует пользоваться последовательно и в полном объёме.

С возникновением двух источников инвестиционного процесса: сбережения из произведённого дохода и «дополнительные кредиты», как экзогенный для равенства I=S. Здесь возникает угроза для всей теоретической конструкции Кейнса. Допущение кредитных банковских денег в свою воспроизводственную систему ставит под сомнение все ранее выстроенные тождества и даже сам Кейнсианский крест. Здесь, как нам представляется, напрашивается помощь со стороны методологии Маркса, который прочно базируясь на производственной основе экономической системы смог органично (в рамках своей методологии) рассмотреть и роль кредита. Во всяком случае, воспроизводственный процесс с полным участием банковского кредита требует другого уровня анализа, с преодолением ряда исходных тождеств в системе Кейнса. На этом пути откроются возможности для исследования финансализации современной экономики, связанной с ней деформацией распределения дохода, финансовых кризисов и др.

Продолжая «кредитную» линию в воспроизводственном процессе есть фрагмент полемики с Пигу: «В одном из примечаний Кейнс обращает внимание на то, что Пигу «пытается вычесть из создаваемого банком и предоставляемого бизнесменам краткосрочного кредита оборотный капитал, который был бы привлечён другими способами, если бы банков не было».[21]

С позиций природы и источника инвестиций - интересно обратить внимание на следующее. Вычитаемая Пигу величина инвестиций (называемая оборотным капиталом) имеет определённый источник - сбережения из созданного дохода, и не допускается участие банков в создании источника инвестиций. Возникает тот же вопрос о природе средств, банками в инвестиционный. Возможно предположение, что инвестиционный процесс не ограничивается элементами реального богатства, принадлежащего банкам, а возможно, что источником инвестиций являются и обязательства банков.

[21] См. [5, с. 256].

С изучением основной работы Кейнса напрашивается тема роли банков в инвестиционном процессе с создаваемыми ими кредитными деньгами. Но этот источник инвестиций настойчиво обходится, хотя в условиях неполной занятости он даже уместен. Объясняется это тем, что введение кредитного источника инвестиций потребует пересмотра равенства (S=I), других равенств, а также основанных на них моделей, включая знаменитый кейнсианский крест. Формальными равенствами можно было бы пожертвовать ради двух важных вещей - конечной цели исследования, и воспроизводственного подхода. Но в этом случае не созданный доход, а долг (банков) выступит источником инвестиций - кредитор выступает должником. Какой принципиальный момент удерживает от этого шага, можно только предполагать.

Во-первых, в начале XX века ещё не было долговых финансовых кризисов, и этот фактор в воспроизводственном процессе не был столь актуален.

Во-вторых, Кейнса интересовал реальный сектор экономики, который обеспечивал занятость и создавал реальные блага. Это была его принципиальная позиция и философия: «Давно известно, что потребление представляет собой единственную цель всякой экономической деятельности. Возможности увеличения числа занятых рабочих и служащих неизбежно ограничены масштабами совокупного спроса... Общество в целом не может создать условия для будущего потребления в целом с помощью одних лишь финансовых операций, оно может сделать это только путём расширения физического объёма текущего производства».[22]

На основе личного опыта игры на фондовых рынках он не жаловал финансовую систему и особенно отрицательно относился к сфере обращения вторичных активов. Критически оценивался американский финансовый рынок, как спекулятивный и без ограничений, противопоставляя его английскому, который функционировал в рамках регулирования. Интуиция, знания и практический опыт учёного подсказывали угрозы для экономики, исходящие от гипертрофированного развития финансовой системы, с возрастанием угроз финансовых кризисов. Позитивные границы развития реального сектора определяются полной занятостью. Границы и смысл позитивного развития «бумажного» сектора оказались неопреде-

[22] См. [5, с. 167].

лёнными. К XXI веку суммарная цена бумаг оказались в номинале на порядок больше реального богатства. Кейнс чётко видел подчинённое значение финансового сектора по отношению к реальному. Возможно, поэтому даже ценой угроз логической стройности своей теории он уклонялся от активного вовлечения в системно-воспроизводственный оборот экзогенные по отношению к реальному сектору факторы. Но экономическая реальность, на которой настаивал сам Кейнс, такова, что источником инвестиций являются и средства, не связанные с «подлинными сбережениями» из созданного дохода. Очевидно, в этом состоят ограничения его исследования. Последовательное применение воспроизводственного подхода позволило бы полнее и шире раскрыть движение капитала в единстве всех его форм и глубже отразить роль обоих секторов в том процессе.

Ранняя неоклассика исходит из равенства суммы цен благ и суммы доходов, но не проявляет «кейнсианской» строгости в соотношениях доходы-расходы, сбережения-инвестиции. Неоклассической теорией в орбиту анализа вовлекаются и рынок ценных бумаг. Подобная ситуация объясняется активным использованием средств денежно-кредитной политики нормативной частью науки.

На уровне экономической политики дискутируются макроэкономические последствия стимулирования экономики. Сторонники монетарных мер считают, что денежно-долговое стимулирование повышает инфляцию, но увеличивает инвестиции. Кейнс предостерегает от больших надежд на монетарные меры. Он отмечает, что автоматического снижения ставки процента вслед увеличением предложения денег не произойдёт, если рост предпочтения ликвидности будет опережать рост количества денег. Даже при снижении процентной ставки роста инвестиций не произойдёт, если ещё более понизится предельная эффективность капитала. И наконец, даже если снижение процента приведёт к росту инвестиций и занятости, это может противодействовать снижению склонности к потреблению. Со свойственным ему остроумием Кейнс заключает: «Если, однако, нас соблазнит сравнение денег с бодрящим напитком, стимулирующим активность экономической системы, то следует вспомнить, что кубок может и не дойти до рта».[23]

[23] См. [5, с. 238].

Заключение

Наш анализ позволяет сделать вывод о том, что методологические ограничения, унаследованные от неоклассической теории, Кейнс смог преодолеть благодаря тому, что сделал несколько решительных шагов в сторону методологии политической экономии. Благодаря этому удалось преодолеть теоретические ограничения, и даже тупики, с которыми столкнулась неоклассическая теория. Нам представляется, что для гениального исследователя со столь масштабным и свободным воображением открывались новые горизонты для развития теоретической системы и получения ещё более масштабных научных результатов. Для этого следовало продолжить использование методологии политической экономии. Сделав первые решительные шаги, логично было бы продолжить этот путь, который сулил новые немалые успехи. А возможности для этого к тому времени уже имелись немалые. Ограничения в системе Кейнса связаны с тем, что он не сделал следующего шага, который напрашивался, и не довёл анализ и синтез до восхождения от абстрактного к теоретически конкретному, который предполагает наращивание и развитие системы выведением одних экономических категорий из других. Кейнс не выводил категории, а «сводил» их. И в этом состоит ограничение.

Основное ограничение связано с конечной целью исследования. В самом конце центрального системного сюжета он обращается к объективным условиям и силам, вызывающим определённые тенденции, имеющие силу закона: «Беспрепятственное господство этих условий — это наблюдаемый факт, представляющий мир, каков он есть или каким он был, а вовсе не неизбежный принцип, который не может быть изменён».[24]

Этот итоговый вывод перекликается с одним из тезисов Маркса о Фейербахе, о том, что реальный мир, особенно социальный, требует не только научного объяснения, но и изменения. Но на этом логические параллели заканчиваются, поскольку Маркс видел пороки общества на уровне его фундаментальных отношений, а Кейнс ограничил систему кругом факторов, на которые можно влиять с целью роста национального дохода и занятости. Благородная цель, но она не доведена до логического завершения даже в рамках сформулированного самим Кейнсом пункта о «социальной структу-

[24] См. [5, с. 325].

ре, включающей силы… влияющие на распределение национального дохода». Понятно, что рабочие утешатся возросшей занятостью. Но во имя чего следует добиваться роста национального дохода? Вопрос о силах, влияющих на его распределение, остаётся вне системы. Здесь, возможно, уместно привести мнение Селигмена, который обратил внимание на ограничения в теоретической системе самого Кейнса. В литературе преобладает представление о том, что он был сторонником государственного регулирования. Но мало внимания уделяется тому, что он не подвергал сомнению основы капиталистической системы и поддерживал приоритеты частного предпринимательства. На это обратил внимание Селигмен и сделал предположение: «по-видимому, вследствие этого он стал латать социальные прорехи и возвёл приспособленчество в принцип».[25]

Литература

1. Базилевич В.Д., Гражевська Н.И., Гайдай Т.В., Леоненко П. М., Нестеренко А. П. История экономических учений. Учебное пособие/ К.: Знание. 2004. - 1300 с. URL: https://banauka.ru/76.html
2. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело. ЛТД. 1994. 629 с.
3. Блауг М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. Пер. с англ.яз. М.: НП «Журнал Вопросы экономики». 2004. 416 с.
4. Дзарасов С.С. Куда Кейнс зовёт Россию. М.: Алгоритм. 2012. 304 с.
5. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс. 1978. 494 с.
6. Мамедов О.Ю. Архитектор макроэкономики: Дж. М. Кейнс и его макроэкономическая теория. Ростов-на-Дону: Феникс. 1997. - 256 с.
7. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс. 1968. 600 с.

[25] См.: [7, с. 506].

Новые данные о «третьем кризисе» экономикс[1]

Худокормов Александр Георгиевич,
д.э.н., профессор, зав. кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Ключевые слова: современное состояние экономической теории, третий кризис экономикс, кризис рыночного фундаментализма в методологии и макроэкономике, интерпретации причин кризиса экономической науки, варианты выхода из кризиса мировой экономической теории.

Кризис экономикс, или то, что признано теперь большинством

Прошло уже около двух десятилетий с тех пор, как видный западный историк-экономист Марк Блауг выступил с заявлением о том, что «современная экономическая теория больна. Экономическая наука все более превращается в интеллектуальную игру ради игры, а не ради практических выводов» [4, с. 55].

Новейшие интерпретации состояния экономической науки и в первую очередь – экономической теории – открыто констатируют их системный «кризис». Подчёркивается, что таково мнение «большинства учёных», пишущих на данные темы. Что же касается самого понятия «кризис», он определяется как «состояние, при котором существующие средства достижения целей становятся неадекватными, в результате возникают непредсказуемые ситуации и проблемы» [2, с. 60].

В наших собственных публикациях мы исходим из того, что кризис в экономической теории, как и в самой экономике, носит периодический дискретный характер. По нашим наблюдениям, кризис западного мейнстрима устойчиво совпадает с развёртыванием понижательной фазы большого кондратьевского цикла. Так, первая большая понижательная волна в XX в. (1914-1920) – (1939-1945) вызвала к жизни кризис неоклассики Л. Вальраса и А. Маршалла и научную революцию, связанную с появлением тео-

[1] *Цитирование:* Худокормов А.Г. (2021). Новые данные о «третьем кризисе» экономикс // Вопросы политической экономии. №1(25). С. 103-125. DOI: 10.5281/zenodo.4666161 (https://zenodo.org/record/4666161)

рии Дж. М. Кейнса; понижательная волна (1967-1973) – (1982-1985) обусловила кризис самого ортодоксального кейнсианства и монетаристскую («новую классическую») контрреволюцию. Современная, длящаяся и поныне понижательная волна в мировой экономике началась, по всей видимости, с азиатского кризиса 1997-1998 гг., захватив одновременно российский и аргентинский дефолт. (Именно тогда и появились первые алармистские статьи о «кризисе западной экономической теории»[2].)

Систематически наблюдаемая корреляция между наступлением «большой» понижательной волны, с одной стороны, и развёртыванием кризиса экономической теории (западной экономикс) – с другой, конечно же, не случайна. Очевидно, что здесь имеет место причинно-следственная зависимость: этапы понижательных волн, длительной плохой конъюнктуры, череда серьёзных экономических спадов в экономике рождают общий пессимизм в отношении судеб мирового капитализма, демонстрируют относительность, а иногда и просто ошибочность многих положений экономикс [19, с. 598-600].

В настоящее время человечество проходит ещё один пик «долгой» понижательной волны, который представлен экономическим спадом 2007-2009 гг. (в рамках десятилетнего цикла Жюгляра) и в ещё более очевидной форме – социально-экономическим кризисом 2020 г., сопряжённым со всемирной пандемией Ковида-19. Если в самом начале века сторонников алармистских, кризисных интерпретаций современного состояния западной экономикс было ещё сравнительно немного, то сегодня их, повторим ещё раз, явное большинство. Чутко улавливая произошедшие перемены, видный российский экономист Р. С. Гринберг указывает, что «ещё совсем недавно, буквально десять лет назад, экономическая наука во всем мире считалась весьма респектабельной и очень авторитетной…». Теперь же «после Великой рецессии 2008-2009 гг. везде царят “разброд и шатания”, отовсюду идёт почти тотальная критика привычного мейнстрима, который, будто не замечая всего этого, продолжает определять содержание учебников по экономической теории» [6].

Кризисные процессы охватили многие ответвления современной экономикс, однако в неравной степени. Как это всегда бывает, в наибольшей степени критическая аргументация затронула те

[2] Помимо публикаций М. Блауга, сошлёмся также на весьма содержательную статью В.М. Полтеровича [15, с. 44-46]. См. также: [19, с. 595-625].

теории, что господствовали в период, предшествующий идейному кризису.

Главным объектом критики сейчас являются течения, возродившие неоклассическую парадигму рыночного равновесия, как якобы типичного состояния всех секторов и сторон современной экономики.

В 1980-1990-х гг. одним из таких течений был, несомненно, американский монетаризм. Но после кончины главного гуру монетаризма, американского экономиста Милтона Фридмена (1912-2006), лидирующая роль монетаристов явно поблекла. Наряду с монетаризмом, а теперь в значительной мере вместо него, главным течением мейнстрима выступает «новая классическая теория», или школа «рациональных ожиданий», представленная публикациями ряда нобелевских лауреатов: Р. Лукаса, Т. Сарджента, Э. Прескотта, Ф. Кидланда, а также Н. Уоллеса, Р. Барро и др.

Именно к этому течению в первую очередь обращён упрёк нобелиата 2008 г. Пола Кругмана в том, что аксиомой, т. е. недоказуемым утверждением сегодняшней экономической теории, является аксиома о «совершенстве как рынков товаров и услуг, так и финансовых рынков» [25]. Как пишет по этому поводу российский экономист Р. С. Гринберг, «самый существенный изъян современного мейнстрима – это его идеологическая направленность… преданность так называемому рыночному фундаментализму, суть которого сводится к идее безоговорочной благотворности “свободного рынка” и минимизации участия государства в экономике» [6].

Методология *mainstream economics*:
от сомнительных предпосылок к ошибочным выводам

Является фактом, что, несмотря на «почти тотальную» критику, прежнее ядро западной экономической теории или мейнстрим экономикс продолжает определять содержание экономических курсов в высших учебных заведениях мира. Новосибирский учёный Ю. П. Воронов, давно и плодотворно анализирующий западную экономическую мысль, указывает, что «до сих пор экономистов во всем мире учат некоторой вымышленной экономике, в которой действуют вымышленные люди, не похожие на тех, кто живёт среди нас. У этих “экономических людей” нет семей, родственников и друзей. Во всех их поступках существует только критерий личной выгоды» [5, с. 363].

Образ абстрактного *homo economicus*, этого рационализатора, эгоиста и максимизатора собственной выгоды, буквально застрял на страницах учебной экономической литературы. Но параллельно в последние годы накапливались все новые аргументы против такого подхода.

В новейшем курсе «Краткой истории экономической мысли» его автор, профессор Хайнц Курц, пишет, что хотя *homo economicus* и может считаться «полезным понятием в некоторых узких контекстах», он не в состоянии служить «адекватной отправной точкой для общественной теории, призванной объяснить реальность» [12, с. 268]. Почему так? В ответ Х. Курц воспроизводит короткий рассказ, настоящую притчу о человеческой жадности, вернее о том, куда заводит аксиома о вселенском эгоизме экономическую науку. Притча такова: *homo economicus A* хочет сесть в поезд. Одновременно *homo economicus B* желает отправить письмо и потому на вопрос *A*, где находится вокзал, указывает ему дорогу к почтовому отделению. В «благодарность» *A* соглашается выполнить просьбу *B* и опустить его письмо в ближайший почтовый ящик, сам же решает по дороге вскрыть чужое послание, чтобы посмотреть, нет ли там чего-либо полезного для него самого.

Эта вымышленная история заимствована из эссе видного индийского экономиста Амартии Сена (Нобелевского лауреата 1998 г.). А. Сен назвал своё эссе «Рациональные дураки: критика поведенческих основ экономической теории» (1977) [30, p. 317-344].

Индийский экономист, по всей видимости, хотел показать, каким неприятным и абсурдным мог бы стать мир, если бы он был реально населён «рациональными дураками», или, что одно и то же, максимизирующими эгоистами типа *homo economicus*.

Другие накопившиеся примеры атакуют поведенческую аксиому «рационального максимизатора» с позиций научного экспериментирования. Лауреат Нобелевской премии 2002 г. по экономике американо-израильский учёный Даниэль Канеман приводит в своей Нобелевской лекции десятки примеров, которые доказывают, что человек – существо скорее иррациональное, чем рациональное.

Из этих примеров особенно запоминаются следующие.

По условию задачи бита и мяч вместе стоят 1,10 долл. Бита дороже мяча на 1 долл. Требуется ответить на вопрос: сколько стоит мяч?

Изначально практически все склоняются к ответу «10 центов», поскольку сумма 1,10 долл. естественно распадается на 1 доллар и 10 центов. При опросах немедленному импульсу поддались многие образованные люди: 47 из 93 студентов Принстонского университета (более 50%) и 164 из 293 студентов Университета штата Мичиган (56%). Д. Канеман делает отсюда вывод, что «люди не приучены и не привыкли к утомительным и требующим серьёзных усилий рассуждениям[3] и зачастую довольствуются внешне правдоподобными суждениями, приходящими на ум быстро» [10, с. 633-634].

Другой пример, подтверждающий вывод Д. Канемана: респондентов попросили оценить наборы столовой посуды. Комплект *A* включал 24 предмета хорошего качества. Комплект *B* состоял из тех же изделий, к которым добавили ещё 16 предметов; 7 из них были качественными и 9 – с видимыми дефектами. Когда каждый участник эксперимента оценивал только один набор посуды, готовность платить за меньший комплект фиксировалась в среднем на уровне 33 долл., а за больший – на уровне 23 долл.; и только в том случае, когда респонденты оценивали последовательно оба набора, они соглашались платить больше за расширенный комплект [10, с. 670-671].

Уже в середине 1950-х гг., начиная с работ Нобелевского лауреата (1978 г.) Герберта Саймона, в экономической науке стартовал анализ феномена «ограниченной рациональности». В настоящее время проблема поведения человека в экономике все чаще интерпретируется с позиций его нерациональности (разных уровней и степеней). Нобелевский лауреат по экономике 2017 г. Ричард Талер замечает по этому поводу, что индивиды постоянно нуждаются в специальном «подталкивании», чтобы принять верное решение как на микро-, так и на макроуровне [17]. Правда, не совсем понятно, откуда берётся в таком случае сам рациональный подталкиватель?

Вместе с тем публикации многих видных представителей мейнстрим экономикс (Р. Лукас и др.) по-прежнему густо заселены рациональными и даже сверхрациональными индивидами, якобы способными предвидеть действия инстанций, регулирующих рынок, и эффективно противостоять им. Именно на этой идейной основе строится популярная в праволиберальных и консервативных кругах

[3] Задача Д. Канемана, строго говоря, решается при помощи системы уравнений: б + м = 1,1, б – м = 1.
Отсюда: 2б = 2,1; б = 1,05; м = 0,05.

тенденция свести к минимуму государственное регулирование экономики и более общая доктрина рыночного фундаментализма. Между тем, неоднократно и неопровержимо доказано, что методологическая предпосылка о всеобщем типе рационального и эгоистичного модернизатора (*homo economicus*), якобы определяющего поведение людей в экономике, прямо и непосредственно не подтверждается практикой и, более того, убедительно ею опровергается.

Тем не менее, в известной публикации лидера монетаризма М. Фридмена «Методология позитивной экономической теории» (1953 г.), которую многие из его единомышленников считают классической, утверждается, что исходные предпосылки не могут и не должны «верифицироваться опытом». Точно так же не обязана непосредственно подтверждаться практикой и научная гипотеза, из этих предпосылок вытекающая.

«Факты, – подчёркивал в связи с этим М. Фридмен, – никогда не могут “доказать гипотезу”, они могут лишь выявить её ошибочность, что мы обычно и имеем в виду, когда говорим – не совсем корректно, – что гипотеза была “подтверждена” реальным опытом» [23, p. 25].

Согласно М. Фридмену, в экономической науке на основе гипотезы формируются «предсказания», например о том, как поведёт себя предмет исследования в будущем. Если эти предсказания сбываются, гипотеза считается научно обоснованной. Аналогично принимаются и сами предпосылки, на которых гипотеза была построена.

Милтон Фридмен, видимо, прав в том, что для доказательства непригодности предпосылок экономического анализа недостаточно продемонстрировать их несоответствие реальному опыту. Хотя из абсурдных предпосылок правильной теории тоже не построить. Как бы то ни было, необходимо проанализировать, что получается из исходных идей в конечном итоге, какие при этом формируются гипотезы и выводы.

Тонкий знаток западной экономической теории В. М. Усоскин установил, что предпосылка рациональных ожиданий не является единственной для методологии «новой экономической школы», т. е. для ядра мейнстрим экономикс. Не менее важной для школы Р. Лукаса, Т. Сарджента, Н. Уоллеса, Э. Прескотта и др. выступает предпосылка о гибкости цен на потребительские товары и труд,

совмещённая с ещё одной исходной идеей о быстрой расчистке рынков от избыточной товарной массы. В сумме эти исходные леммы в методологии «новых классиков» подводят к интерпретации экономического равновесия как типичного состояния рыночной системы [18, с. 46].

На современном этапе множится число сторонников неравновесного (невальрасианского) подхода, которые склонны считать экономическое равновесие «моментом» или временной «фазой» в историческом развитии капитализма. При этом тенденция к макроэкономической пропорциональности (равновесию) интерпретируется как нечто, осуществляемое «через неосуществление» – посредством экономических спадов, финансовых коллапсов, массовой безработицы, нерегулируемой инфляции, недогрузки мощностей. Перечисленные ранее предпосылки «новой классической школы», напротив, результировались в отказе признать экономический цикл проявлением «природного неравновесия» рыночной системы.

Р. Лукас утверждает, что для него самого и для его коллег «равновесие – это свойство того способа, посредством которого мы смотрим на вещи, а не свойство реальности» [31, p. 127]. На деле «макрошкола совершенных рынков», как удачно назвал «новых классиков» видный американский экономист Дж. Стиглер, всегда относилась к равновесию как к чему-то большему, чем только «угол зрения». Свидетельством тому явилась теория делового цикла как равновесного процесса, инициированного внешними по отношению к рыночной системе влияниями. В трудах самого Р. Лукаса в роли случайных воздействий извне выступали, в частности, несовершенства информации, вызывающие неожиданные сдвиги в динамике цен [28, p. 326-334]. В свою очередь Ф. Кидланд и Э. Прескот пытались связать большую часть циклических колебаний в послевоенной экономике США с технологическими шоками, что с точки зрения многих выглядело односторонне [26, p. 1045-1070].[4]

Теория равновесного цикла Р. Лукаса и других представителей «новой экономической теории» критиковались оппонентами из числа западных экономистов уже в период формирования (1970-1980-е гг.). Особенно много вопросов и возражений вызыва-

[4] Как отмечается в новейших исследованиях по макроэкономике, важная сама по себе проблема технологических шоков, будучи положена в основу теории реальных деловых циклов, «не рассматривает системных рисков, связанных с функционированием финансовых рынков» (9, с. 225).

ли макроэкономические модели, предполагающие в исходном пункте, что «при всех колебаниях рынки постоянно остаются в состоянии равновесия» [9, с. 196]. Лидер кейнсианства Дж. Тобин справедливо отмечал, что всякая теория цикла, использующая предпосылку рациональных ожиданий, неизбежно объясняет циклические колебания «как отражения экзогенных шоков в структуре, которой внутренне присуща стабильность» [33, p. 789].

Неудивительно поэтому, что лидеры «рациональной макроэкономической теории», а вместе с ними – все экономисты, так или иначе тяготеющие к рыночному фундаментализму, пропустили завершение этапа «Великой модерации», как сами они именовали благоприятный период большой повышательной волны, начавшийся со второй половины 1980-х гг. Буквально за год до начала очередного тяжёлого спада 2007-2009 гг. Э. Прескотт констатировал пришествие «золотого века» экономической теории [9, с. 220], имея в виду, конечно, западный мейнстрим. Ещё более определённо высказался в этом ключе Р. Лукас. В президентском послании к Американской экономической ассоциации, опубликованном в марте 2003 г., он уверенно заявил: «Макроэкономика, это особое исследовательское поле, родилось в 1940-е гг. как часть интеллектуального ответа на события Великой депрессии…». Тем не менее, в настоящее время «центральная проблема предотвращения депрессий с практической точки зрения решена и фактически решена на многие десятилетия» [27, p. 1-14].

Вспомним ещё раз, что, согласно М. Фридмену, на основе аналитических предпосылок строится теория. Из теории выводятся предсказания. Если предсказания оказываются адекватными действительности, теория признается правильной, а исходные предпосылки – валидными.

Цепочка от «мыслительных предпосылок» привела Р. Лукаса к соответствующим «предсказаниям», которые были опровергнуты через несколько лет – сначала периодическим кризисом 2007-2009 гг., а затем, если брать намеченный им самим диапазон «многих десятилетий», ковид-кризисом 2020 г. Между тем периодические кризисы и даже катастрофы совсем не похожи на «черных лебедей», т. е. совершенно неожиданные события в рамках известной концепции Н. Талеба.

Ошибочный прогноз Р. Лукаса объясняется, видимо, общей предрасположенностью возглавляемой им школы к абсолютизации

позитивных социально-экономических свойств системы, которую они описывают. В этом смысле «новая классическая школа» предоставляет «классический» материал для изучения современного кризиса, характерного для всей мейнстрим экономикс.

Неприятные проблемы с макроэкономикой

Даже те экономисты, которые не поддерживают вывод о кризисном развитии экономической науки, приходят к заключению, что «зазвучавшие во время и после Великой рецессии 2007-2009 гг. заявления о глубоком кризисе экономической теории адресовались в первую очередь макроэкономике» [Капелюшников, 2008. С. 20]. Авторы обширных аналитических обзоров обязательно включают в их состав констатации о «глубоком интеллектуальном кризисе макроэкономической теории», отсутствии у неё «особого прогресса в развитии новых средств исследования» [21, с. 171].

Падение престижа макроэкономических концепций назревало постепенно. Ещё в Нобелевской лекции (декабрь 2001 г.) представитель современного кейнсианства Джордж Акерлоф выделил, по крайней мере, шесть феноменов, недоступных для понимания в рамках господствовавшей тогда «новой классической теории»:

- существование вынужденной безработицы (в новой классической модели любой безработный мог с лёгкостью получить работу, предлагая за свой труд чуть-чуть меньшую цену, чем рыночная);
- влияние кредитно-денежной политики на выпуск продукции и занятость (в неоклассических моделях с рациональными ожиданиями кредитно-денежная политика оказывалась неспособной изменить выпуск и занятость);
- неускорение дефляции при высоком уровне безработицы (новая классическая модель исходила из единственного значения естественного уровня безработицы. Если безработица превышала естественный уровень, инфляция должна была перейти в ускоряющуюся дефляцию. Но этого не происходило);
- широкая распространённость недонакопления пенсионных фондов (она существует, несмотря на предпосылку о сверхрациональном поведении индивидов);
- исключительная неустойчивость курсов акций по сравнению с их реальной доходностью (новая классическая модель предполагала, что курсы акций чётко отражают их доходность);

• устойчивое наличие саморазрушающегося люмпен-пролетариата (новая классическая теория не объясняла постоянной и глубокой бедности в сочетании со злоупотреблением наркотиками и алкоголем, преступностью и другими формами массового девиантного поведения).

Дж. Акерлоф пояснял, что предложенный им список «макроэкономических вопросов» включает причины бедности, «поскольку распределение доходов также есть предмет исследования макроэкономики» [1, с. 446-447].

Неудовлетворённость концепциями правоконсервативных и ультралиберальных макротеорий (монетаризмом, экономической теорией предложения, «новой классической школой» Лукаса – Сарджента – Уоллеса) существовала и ранее. Но после Великой рецессии 2007-2009 гг. она обрела новое качество, распространившись фактически на весь комплекс современной макроэкономики.

Внешним свидетельством этого выступало нарастание скептицизма и критического настроя в самих названиях макроэкономических публикаций. Согласно наблюдениям С. Э. Пекарского, до кризиса 2007-2009 гг. в экономической литературе «доминировали либо откровенно хвалебные работы (например, «Современная макроэкономика в действии: как теория корректирует политику»), либо работы настороженные, но с вполне оптимистичными или нейтральными заглавиями…»; однако «после кризиса ряд весьма авторитетных макроэкономистов, включая нобелевских лауреатов, позволяют себе менее осторожный подбор слов, публикуя статьи под заголовками “Макроэкономика после кризиса: синдром псевдознаний”, “Отсутствующая мотивация в макроэкономической теории”, “Ложное направление развития макроэкономики”» и т. п. [9, с. 247-248].

Дополнительными признаками кризисного развития современной макроэкономики выступают также «накалённый до предела» характер дискуссий, «конфликт между исследовательскими программами, рассуждения о длительном «интеллектуальном регрессе» в этой области, а также острые незатихающие споры не только между теоретиками, но и между экспертами-практиками» [9, с. 233, 236, 239].

Критическая литература у нас и на Западе в качестве одной из главных болевых точек современной макротеории выделяет «теоретический разнобой», или, как осторожно выразился нобелев-

ский лауреат 2018 г. Пол Ромер, «отсутствие единой точки зрения на многие вопросы» (цит. по [9, с. 213]).

Указанная характеристика макроэкономической теории сложилась не вчера. В известном собрании лекций нобелевского лауреата Эдмунда Фелпса, изданном в 1990 г., приводятся сведения о семи школах современной макроэкономической мысли. Э. Фелпс причисляет к ним: макроэкономику Кейнса, монетаристскую традицию, новую классическую школу, неокейнсианскую школу, макроэкономическую теорию предложения, неоклассическую и неонеоклассическую теорию реального бизнес-цикла, немонетарные теории колебаний безработицы (структуралистскую школу) [29].

По данным бельгийского профессора Мишеля де Фрея теория макроэкономики, пройдя относительно недолгий путь от Кейнса до Лукаса, распалась на различные направления, ответвления и группы общим числом более десяти. Каждое из таких новообразований имело своих последователей и даже «классиков», упорно отстаивавших особые позиции в макроэкономической науке [8].

Указанный разнобой, как это явствует из аналитического доклада академика Р.М. Энтова, сильно затрудняет выработку единой программы по регулированию экономики (в упомянутом докладе – в первую очередь американской). Рассуждения ряда макроэкономистов (А. Блайндера, Б. Бернанке, С. Фишера, Дж. Тейлора, Г. Мэнкью) о существовании общего ядра «практической макроэкономики» не выглядят убедительно, так как в качестве доказательства наличия такого «ядра» авторы ссылаются на их собственное участие в работе регулирующих органов США [9, с. 211]: ядро существует, так как какая-то денежно-кредитная и фискальная политика все же проводится.

Нельзя не согласиться с авторитетными российскими учёными А. Д. Некипеловым и Р. С. Гринбергом, которые видят во фрагментарности или «балканизации» макроэкономической науки ещё одно проявление её кризиса. «Потеря целостности мировоззрения в данном случае представляет собой не признак плодотворного поиска, а одно из проявлений “разброда и шатаний”» [13, с. 24]. В самой общей форме «принцип единства теории уступает место принципу существования партикулярных концепций…, в то время как потребность в целостной науке экономического универсума растёт» [6].

Не удивительно поэтому, что разобщённая, лишённая един-

ства макроэкономическая наука оказывается неспособной предвидеть динамику народнохозяйственных сдвигов и сформировать профилактические антикризисные меры. А. Д. Некипелов справедливо усматривает в этом ещё одно проявление кризисных процессов в экономической науке [13, с. 24]. В самом деле, если в упомянутом выше обращении 2003 г. столь маститый автор либеральной макроэкономической теории, коим, несомненно, является Р. Лукас, заявляет об окончательном разрешении проблемы экономических депрессий, причём «на многие десятилетия» вперёд, а всего лишь через несколько лет, под влиянием событий 2007-2009 гг., вынужден констатировать развёртывание самого серьёзного кризиса со времени Великой депрессии – уже одно это говорит о многом.

В связи с этим многие исследователи вспоминают о тех упрёках в неспособности предотвратить тяжёлые спады, с которыми в период Великой рецессии обратилась к учёным Лондонской школы экономики (LSE) английская королева Елизавета II. Известно, что ведущие профессора LSE пообещали Елизавете II предложить такие меры, чтобы она «никогда не повторила бы больше свой вопрос» (цит. по [16, с. 101]).

Но в 2020 г. циклический кризис вернулся, отягощённый социальными проблемами, рождёнными мировой пандемией. Неправда, что если бы не было всемирной эпидемии, кризиса можно было бы избежать. Более чем десятилетний перерыв со времени окончания предыдущего спада свидетельствует о том, что кризисное падение в мировой экономике вполне назрело. Это падение могло бы начаться чуть позже, иметь менее разрушительные последствия, но оно все равно произошло бы, потому что такова внутренняя логика капитализма, которая даёт знать о себе уже почти два столетия.

В заключение раздела хочется вступить в полемику с видным российским автором Р. И. Капелюшниковым, который полагает, что «ни о каком концептуальном разрыве между докризисным и посткризисным периодами говорить не приходится… Никакого поворота в принципиально иное теоретическое русло, как это было в 1930-е и затем в 1970-е гг. не произошло… Сами экономисты (подчас вопреки собственным декларациям) явно не верят в то, что макроэкономическая теория находится в кризисном состоянии» [11, с. 22].

Не будем гадать, верят или не верят экономисты в то, о чём они сами пишут. Сосредоточимся на фактах, а они таковы, что всё

большее число экономистов у нас и на Западе констатируют именно кризисное развитие экономической теории и никакое другое. Тот факт, что ультралиберальные концепции мейнстрима в лице новой классической теории, монетаризма и *supply side economies* не обрели пока убедительной альтернативы, свидетельствует о том, что выход из теоретического кризиса будет длительным, более протяжённым во времени, чем это было в 1930-е и 1970-е гг. Но столь же бесспорным является то обстоятельство, что все большее число авторов разочаровано в механизме «невидимой руки рынка», абсолютизацию которого классические либералы из состава мейнстрим экономикс долгие годы совершенно безосновательно приписывали А. Смиту.

Анализируя текущую ситуацию в академическом мире США, Р. И. Капелюшников отмечает «устойчивое возрастание доли экономистов с левыми или полулевыми политическими взглядами». Затем он же выступает с заявлением о том, что «в ближайшие десятилетия нам предстоит, по-видимому, стать очевидцами усиления государственного вмешательства в экономику, причём в самых разнообразных, подчас неожиданных формах» [11, с. 20]. Но это как раз и означает, во-первых, что перемены в академическом корпусе США уже сейчас налицо, и, во-вторых, что все возрастающая доля его участников не приемлют прежние установки мейнстрима, выдержанные в духе рыночного фундаментализма.

Заметим далее, что США, хотя и доминирующая, но не единственная в мире страна, из которой идёт свет новых идей в экономической теории. Известно также, что в последние десятилетия Соединённые Штаты занимают отнюдь не первое место в мире по такому значимому показателю, как индекс человеческого развития.[5] По данному индексу США находятся только на 15-м месте[6], пропустив вперёд такие высокоразвитые страны, как Норвегия, Швейцария, Ирландия, Германия, Австралия, Исландия, Швеция, Сингапур, Нидерланды, Дания, Финляндия.

В подавляющем большинстве этих стран разработчики «практической макроэкономики», т. е. системных мер макроэконо-

[5] Мы сошлёмся здесь на индекс человеческого развития, так как, по нашему мнению, он более точно, нежели показатели типа ВВП и ВНП, отражает успешность страны, её вклад в мировую цивилизацию и само качество жизни её граждан.

[6] Данные 2018 г.

мического регулирования, в вопросе соотношения рынка и государственного воздействия на рынок предпочитают держаться принципа «золотой середины». Во многих странах из этого списка доминируют концепции «социального рыночного хозяйства», «скандинавского социализма», другие теории, отвергающие рыночный фундаментализм в пользу регулируемой рыночной системы, идущей на пользу всему обществу, а не только кучке плутократов.

Значимые перемены в экономической политике, а значит и в теории, происходят и в менее развитом секторе глобальной экономики. Хорошо известно, какой урон нанесло находящимся здесь государствам послушное следование ультралиберальным рекомендациям Вашингтонского консенсуса. А ведь эти рекомендации разрабатывались американскими экспертами на основе теоретических концепций ультралиберального мейнстрима.

Экономическая теория, как показывают итоги последних десятилетий и даже столетий, развивается циклически – через свойственные ей периодические кризисы (см. подробнее [19, с. 595-625]). Полный цикл развития западной теории, начатый в 1970-е гг. монетаристской (антикейнсианской) контрреволюцией или, как выражаются её адепты, «революцией рациональных ожиданий», близок к завершению, но ещё не завершён. (Не сформировались в явной форме теоретические концепции, альтернативные западному мейнстриму 1980-2010 гг.) Однако теоретический кризис прежнего ультралиберального мейнстрима обозначил себя достаточно рельефно. Представляется, что драматические события 2020 г. добавят для такой констатации дополнительных аргументов.

Размышления видных экономистов о причинах кризиса *economics* и путях выхода из него

В настоящее время более половины опрошенных специалистов по экономической теории Запада отмечают наличие кризиса этой науки. Значительная часть остальных учёных признают тревожное нарастание в ней неразрешённых теоретико-экономических проблем.

Всё это ставит перед научной общественностью весьма острые проблемы: что такое кризис экономической теории? Как развивается мировая экономическая мысль под влиянием теоретических кризисов? Каковы их последствия? Какой видится перспектива мировой экономической теории?

На эти вопросы пытаются найти ответ видные учёные современности.

Джеймс Гэлбрейт, сын известного институционалиста Джона Кеннета Гэлбрейта и профессор Техасского университета опубликовал статью под названием «Третий кризис в экономической науке» (2013). В ней он прямо апеллирует к известной лекции Джоан Робинсон от 1971 г., где эта представительница левого кейнсианства констатировала наличие двух предыдущих теоретических кризисов, предшествующих нынешнему: первый – кризис неоклассики – имел место в начале 1930-х гг. и был порождён несостоятельностью неоклассических подходов к проблемам Великой депрессии; второй кризис – хрестоматийного кейнсианства – был связан, по мнению Дж. Робинсон, с недопустимыми уступками маржиналистской микротеории со стороны Дж. Хикса, П. Самуэльсона, Э. Хансена и других «правых» кейнсианцев (в рамках так называемого «неоклассического синтеза»).

Как известно, с практической точки зрения «второй кризис» возник вследствие невозможности для кейнсианской доктрины объяснить новые негативные феномены 1970-х гг.: возврат тяжёлых спадов и галопирующей инфляции, стагфляцию, структурные кризисы мирового капиталистического хозяйства (нефтяные шоки, энергетический, сырьевой, продовольственный, экологический кризисы, кризис Бреттон-Вуддской системы международных расчётов и т. д.).

Джеймс Гэлбрейт, как это видно из названия его статьи «Третий кризис в экономической науке» [7, с. 24-28], констатирует очередной, теперь уже третий кризис западной economics. Материальной основой кризиса в теории он объявляет на сей раз Великую рецессию, т. е. экономический спад 2008-2009 гг.

Вместе с тем реальные основания «третьего кризиса» коренятся не только «в Великом финансовом кризисе». Они, согласно Дж. Гэлбрейту, намного шире. По его мнению, в саму базу теоретического кризиса заложен общий «кризис ограничений – со стороны растущих и непредсказуемых цен на энергоносители и другие ресурсы, со стороны угроз занятости, вызванных внедрением компьютерной техники, и, наконец, со стороны “системного финансового мошенничества”» [7, с. 27]. Немаловажную роль играет также бремя расходов в связи со значительным изменением климата. Но «основная причина» заключается, по мнению Джеймса Гэлбрейта, в

уничтожении «механизмов регулирования» [7, с. 27], которое (уничтожение), как все мы помним, произошло в результате антикейнсианской контрреволюции в экономической науке и возглавлялось на практике такими политиками, как М. Тэтчер в Великобритании и Р. Рейган в США.

Джеймс Гэлбрейт излагает и позитивную программу выхода из теоретического кризиса, которая не может не вызвать интереса. Основные её положения таковы:

1. Разработка междисциплинарного сотрудничества экономистов, физиков и геофизиков, «чтобы информировать экономику о действительной цене ресурсов, об инженерных возможностях и геофизических ограничениях».

2. Восстановление связей со специалистами в области права. Поскольку спор о том, как рынок может заменить правовые системы, является «пустым спором», задача заключается в том, «чтобы увидеть, как законы и регулирование заставляют институты работать».

3. Идейное обоснование и строительство «новой экономики солидарности» для молодёжи, инвалидов, больных и стариков. Согласно Джеймсу Гэлбрейту, здесь требуется «понимание необходимости перераспределения богатства». Учёный напоминает, что прогрессивные мыслители начала XX в. «дали нам налог на недвижимость и подоходный налог» (прогрессивный!! – *А.Х.*), а социал-демократы обосновали необходимость пенсий [7, с. 27-28].

Позиция Джеймса Гэлбрейта импонирует нам по многим причинам. Прежде всего, техасский профессор отмечает, по существу, периодический характер кризисов западного мейнстрима: первый кризис – 1930-х гг.; второй – 1970 гг. и «третий» – 2000-2010-х гг. Получается, что кризисы в теории Запада наступают с почти правильными перерывами, что дало нам основание в прежних наших работах связать их с наступлением «понижательных волн» большого Кондратьевского цикла.

Джеймс Гэлбрейт вполне определённо указывает как на земные, так и на теоретические основы «третьего кризиса». В частности, в теории в роли главной носительницы и виновницы идейного кризиса последних десятилетий выступает, согласно его мнению, «теория рациональных ожиданий, смешавшая монетаризм, теорию экономики предложения и культ дерегуляции и приватизации в токсичную политическую субстанцию, названную тэтчеризмом,

рейганомикой и позже Вашингтонским консенсусом» [7, с. 24].

Эта констатация тем более важна, что современный кризис экономической науки многолик. Отдельные части её эволюционируют с разными результатами и качеством.

Но Дж. Гэлбрейт в качестве основных драйверов кризисных явлений совершенно справедливо вычленяет праволиберальные школы и направления экономической мысли, а также использовавших их идеи правых политиков. Все они делали ставку на общее дерегулирование экономики, максимальную свободу рук «большому бизнесу» (в первую очередь в финансовой сфере), что и обусловило Великую рецессию 2008-2009 гг. и общее ухудшение мировой хозяйственной конъюнктуры в первые десятилетия XXI в.

Что же касается практических рекомендаций, которые Джеймс Гэлбрейт адресует читателям от имени кейнсианцев и институционалистов вебленовской традиции, они в сумме составляют программу, характерную для левореформаторской части американской профессуры и истеблишмента. Наши симпатии в этих вопросах также на его стороне.

В отечественной экономической литературе наиболее глубоким и ярким исследователем современного кризиса экономической теории выступает видный учёный, академик РАН Виктор Меерович Полтерович. Именно В. М. Полтеровичу принадлежит первая содержательная статья о кризисе экономической науки, написанная на материале последних десятилетий XX в. [15, с. 46-66]. За прошедшие годы этот феномен отнюдь не исчез: «экономический кризис 2008 г. оказался одновременно и кризисом экономики как научной дисциплины» [16, с. 101].

Согласно констатации В. М. Полтеровича, методологически кризис economics коренится «в ложной претензии экономистов на то, что экономика должна стать и постепенно становится “точной” наукой… – в том смысле, в каком “точными являются теоретическая механика или химия”» [16, с. 101-102].

Тем не менее, как указывает В. М. Полтерович, эмпирические закономерности в экономике не обнаруживают устойчивых зависимостей, которые могут стать основой фундаментальной теории. Кроме того, экономическая действительность настолько подвижна, что скорость её изменения часто опережает темпы её изучения. Здесь не всегда способна помочь и самая изощренная математика.

Этот же автор напоминает, что применение весьма тонких математических методов завершилось доказательством ряда теорем «о невозможности получить ответы на важнейшие вопросы в рамках естественных постулатов» [16, с. 101-102]: теоремы Эрроу, теоремы Зонненшайна – Мантеля – Дебре.[7]

Более того, тотальная математизация способна стать формой именно кризисного развития. Это происходит тогда, когда «экономисты отдают предпочтение математической технике в ущерб глубинному пониманию экономических явлений» [16, с. 102].

Концептуально В. М. Полтерович исходит из того, что современный кризис экономической теории зародился ещё в 1940-1950-е гг., когда сложился особый «стиль теоретизирования», связанный с разработкой «теории игр» (Дж. фон Нейман и О. Моргенштерн, 1944), теории «социального выбора» (К. Эрроу, 1951) и созданием математизированной модели общего экономического равновесия» (К. Эрроу и Ж. Дебре, 1954, 1959) [15, с. 55, 56]. С середины 1980-х гг. проблемы экономической теории «лишь углублялись», а общий хозяйственный спад конца нулевых в текущем столетии «послужил демонстрацией того, что экономическая наука, несмотря на, казалось бы, впечатляющие успехи, вот уже много лет находится в состоянии перманентного кризиса» [16, с. 101].

С позицией В. М. Полтеровича трудно согласиться, когда этот учёный говорит и пишет о перманентном, именно «перманентном» характере кризиса экономикс. Мы же полагаем, что теоретический кризис имеет дискретную, периодическую форму движения. Как явление он неотделим от его восприятия научной обще-

[7] Теорема Эрроу (получена в 1951 г.) доказывает, что при качественных предпочтениях индивидов (по типу: хуже – лучше) и при невозможности их количественных соизмерений (что естественно), невозможно объединить воедино индивидуальные предпочтения (при трех и более альтернативах) так, чтобы получить достоверный, логически непротиворечивый результат. Кратко теорема Эрроу может быть названа теоремой «невозможности демократии», или «невозможности без диктатора» при коллективном выборе.
Теорема Зонненшайна – Мантеля – Дебре (изложена в серии статей 1972-1974 гг.) утверждает, что при агрегировании результатом могут стать функции рыночного спроса самой причудливой формы. Согласно В.М. Полтеровичу, это означает, что «общая модель экономического равновесия без серьёзных дополнительных условий почти ничего не может сказать о реальном мире» [16, с. 101-102].

ственностью, деловыми кругами и политиками. Но главное – кризис в теории неотделим от периодических кризисов в экономике и не может проявляться «перманентно». По всем этим причинам мы увязываем современный этап кризиса economics с развёртыванием понижательной волны «большого цикла» Н. Д. Кондратьева.

Начавшись с азиатского кризиса 1997-1998 гг. в развивающихся странах (исключение составила тогда экономически развитая Япония), негативная фаза «большого цикла» достигла и поразила в 2008-2009 гг. развитые страны Запада. Именно тогда очевидным для всех, включая английскую королеву Елизавету, сделался и теоретический кризис экономической науки.

Вместе с тем В. М. Полтерович, безусловно, прав, когда полагает, что выходом из кризиса экономической науки может стать создание базы для плодотворного сотрудничества представителей различных разделов науки об обществе: социологии, политологии, демографии, экономической географии, психологии, права. Постепенное становление общего социального анализа может сочетаться с включением в него данных естественных дисциплин, как это предлагает Джеймс Гэлбрейт. Симптоматично, что в трудах обоих учёных, проектируется долгий путь формирования широкого и плодотворного научного синтеза.

Высказанные критические замечания не могут заслонить научных заслуг В. М. Полтеровича в исследовании современного этапа кризиса экономикс. Именно этот исследователь впервые в отечественной литературе открыл самую обсуждаемую тему [15, с. 46-66], причём на этапе, когда многие и очень многие представители отечественной экономической мысли практиковали в отношении к западным экономическим теориям исключительно комплиментарный подход. Статья В. М. Полтеровича о кризисе экономической теории (1998), несомненно, способствовала завершению подражательного периода в истории российской экономической науки, побудила значительную часть преподавательского корпуса задуматься над содержанием тех теорий, которые привносятся в студенческие аудитории.

Особый интерес представляет также предлагаемый В. М. Полтеровичем выход из создавшегося кризисного положения, который кратко может быть озаглавлен как путь формирования общего социального анализа. Как подчёркивает В. М. Полтерович, становление такого анализа «не означает исчезновения ныне суще-

ствующих общественных дисциплин». Но учиться будущие поколения наших студентов должны иначе: «Экономисты должны иметь (сначала – по выбору, а потом и обязательные) курсы по социологии, политологии, демографии, психологии, праву. А программы социологов, политологов, юристов-теоретиков в свою очередь должны пополниться курсами теории игр и эконометрики. Мультидисциплинарные исследования должны постепенно стать нормой» [16, с. 109].

В. М. Полтерович указывает, что путь становления общего социального анализа по необходимости будет долгим. Но как гласит мудрость, пришедшая к нам из великого Китая, дорога в 10 тыс. ли начинается с первого шага. Часто основной проблемой становится сама решимость сделать этот первый шаг.

О чём свидетельствует практика
последних Нобелевских награждений?

В заключение хочется порассуждать о некоторых аспектах modern condition of economics, связанных с награждениями Нобелевской премией по экономике в 2019-2020 гг.

«Борьба с глобальной бедностью» стала предметом исследований нобелевских лауреатов 2019 г. – сотрудников Массачусетского технологического института американского экономиста индийского происхождения Абхиджита Банерджи (1961 г.р.), его супруги франко-американской исследовательницы Эстер Дюфло (1972 г.р.), а также профессора Гарварда американского гражданина Майкла Кремера (1964 г.р.).

Не подлежит сомнению, что лауреаты 2019 г. получили Нобелевский приз заслуженно. Их научные эксперименты и выводы, подобно деятельности нобелевских лауреатов по медицине, действительно, помогли спасти тысячи жизней.

Вручение высшей награды по экономике женщинам – Эстер Дюфло, а в недалёком прошлом – Элинор Остром (2009) в какой-то мере сглаживает допущенную в своё время Нобелевским комитетом несправедливость, когда Нобелевская премия по идейным мотивам «обошла» представительницу левого кейнсианства Джоан Робинсон.

Любопытно, что в выступлениях Э. Дюфло имеются также прямые высказывания о теоретическом кризисе современной economics. В интервью влиятельной французской газете «Монд» (от 13 декабря 2017 г.), незадолго до вручения ей Нобелевской награды,

Эстер Дюфло выступила с весьма резким заявлением, согласно которому «неспособность людей нашей профессии предсказать наступление кризиса 2008 г. повергла в уныние макроэкономистов, которые, не без оснований, задаются теперь вопросом, способны ли они в действительности привнести в общественную политику нечто такое, что имело бы реальные научные основания» [22].

Далее Э. Дюфло приводит данные об оценках различных профессий с точки зрения доверия (или недоверия) им со стороны рядовых граждан. Получается, что у профессии экономистов рейтинг один из самых низких: им доверяют только 25% опрошенных, 31% затрудняются с ответом и 44% респондентов экономистам не доверяют. Это гораздо хуже, чем у врачей (соответственно 82, 10 и 8%), историков (71, 18 и 10%) и даже у предсказывающих погоду метеорологов (51, 18 и 31%). Более скверно, чем у экономистов, в глазах рядовых респондентов дела обстоят только у политиков: им доверяют только 5% опрошенных и не доверяют 79% [22]. (Площадками для опроса послужили здесь выборки как французского, так и американского происхождения.)

Критический настрой Э. Дюфло к своей профессии понятен и оправдан. Вместе с тем, рассуждая о том, что означает «быть экономистом во времена кризиса», она нередко приходит к выводам, с которыми невозможно согласиться. Мы имеем в виду неоднократные заявления Э. Дюфло о том, что по своему поведению экономист должен быть гораздо ближе к водопроводчику, успешно ликвидирующему протечки в нижних этажах дома, нежели чем к учёному, воспаряющему к фундаментальным проблемам или дословно: «ближе к сантехнику, чем к физику, который стремится раскрыть великие законы мироздания» [22].

В самой Франции – родине Э. Дюфло некоторые критики усматривают в подобных высказываниях «затребованный атеоризм», и даже попытку «сказать “прощай” политической экономии» [24], во всяком случае в том сегменте, который связан с теоретическими обобщениями.[8]

[8] Известное разочарование в теории в развитых странах Запада отражается также в снижении интереса самих экономистов к изысканиям общего теоретического характера. Проведённые подсчёты обнаружили, что в 1983 г. в престижных экономических журналах теории посвящалось 57,6% всех публикаций, тогда как эмпирическим исследованиям – только 37,6%. Примерно через 30 лет (в 2011 г.) теоретические исследования заняли здесь менее

Здесь, на наш взгляд, уместно привести рассуждения уже упоминавшегося австрийского профессора Хайнца Курца о методологии корифея английской классической школы Давида Рикардо.

Профессор Х. Курц напоминает, что «Рикардо, наделённый немалой практической смекалкой, защищал экономическую теорию от “вульгарных нападок” со стороны людей, которые “полагаются лишь на факты, не зная теории”» [12, с. 68-69]. По мнению Рикардо, «подобные люди почти не способны проанализировать имеющиеся у них факты… им не с чем сравнивать свои данные…» «Нет ничего, – писал Рикардо, подтверждая тем самым мудрость Иммануила Канта, – практичней хорошей теории» (цит. по [12, с. 69]).

И это, конечно же, справедливо: даже «хороший эмпиризм» не способен заменить «хорошую теорию» и в конечном итоге тоже нуждается в ней.

Короткий анализ новейшей практики Нобелевских награждений завершим очерком о творчестве американских учёных Роберта Уилсона и Пола Милгрома, получивших Нобелевскую премию в 2020 г. за исследования в области теории аукционов.

Как должны функционировать «правильные» аукционы? По каким правилам должна формироваться цена за тот или иной объект? Следует ли открывать перед покупателями всю имеющуюся информацию по лотам? Как минимизировать вероятность пресловутого «проклятья победителя», когда тот, кто выиграл аукцион, затем клянёт собственную победу? На эти и другие вопросы пытались (и зачастую успешно) найти ответы Нобелевские лауреаты по экономике 2020 г.

Весьма существенно, что П. Милгром и Р. Уилсон не только изучали, оценивали и совершенствовали уже известные системы торгов. Они изобрели для аукционов новые форматы, не применявшиеся ранее. Совместно с коллегами из Стэнфордского университета, П. Милгром и Р. Уилсон предложили более сложную форму комбинированных аукционов, когда покупатели конкурируют не за отдельные лоты, а за целые их пакеты – например, за наборы взаимосвязанных лицензий. Был изобретён, в частности, многораундовый аукцион – специально для рыночного распределения частот в сетях

пятой части всех статей (19,1%), а эмпирические исследования (методика и результаты экономических экспериментов) уже около двух третей (63,9%) всех публикаций [21, с. 170]. Водопроводчик, как видим, серьёзно потеснил в науке физика-теоретика.

связи США. В течение длительного времени он позволял властям за счёт продажи лотов частным компаниям (при их коллективном согласии) собирать многомиллиардные суммы в бюджеты различных уровней. Аналогично действовали и другие, изобретённые Милгромом и Уилсоном аукционы высокосложных форматов.

Вопросы, связанные с Нобелевским призом 2020 г. по экономике, следует адресовать, таким образом, не к качеству работ лауреатов этого года, а к самой практике награждения. В 2020 г. весь мир пережил тяжелейший шок: всемирная пандемия соединилась с назревшим экономическим кризисом, вызвав беспрецедентный спад хозяйственной активности. Экономический коллапс захватил как развивающиеся, так и развитые страны. Трагическая новизна заключается в том, что в ряде стран экономический кризис впервые со времён Великой депрессии 1929-1933 гг. перерастает в кризис социально-политический. Типичный пример – США, экономически самая мощная страна мира.

В этих обстоятельствах Нобелевский комитет награждает премией экономистов за усовершенствование правил проведения аукционов. Полагать, что столь авторитетный орган не осведомлён о прорывных работах в теории экономических циклов и кризисов, невозможно. Вывод здесь один: таких работ по-прежнему не существует. Провал не ликвидирован до сих пор [14, с. 22]. Это одна из причин, по которой ряд отечественных и зарубежных авторов считает необходимым констатировать «кризис» современной экономической теории.

Где искать выход из теоретического кризиса?

Этот вопрос естественен. Труден ответ на него. Прежде всего заявим о нашей солидарности с В. В. Шлычковым и Д. Р. Нестулаевой, которые указывают, что «для любой науки состояние кризиса… не может рассматриваться исключительно в негативном аспекте». По мнению наших коллег, понятия «кризис в науке», «наступление кризисного периода» сигнализируют «не о смерти науки как таковой, а о “разбалансированности” её парадигмы и необходимости смены инструментов» [20, с. 96].

Где же искать выход из сложившейся кризисной ситуации?

Видный американский экономист У. Баумоль полагает, что наиболее перспективным направлением поисков в нашем столетии является намеченный ещё в XX в. тройственный союз самой экономической теории, сбора и обработки эмпирических данных и при-

кладных исследований [3, с. 97].

Прикладные разработки и опора на эмпирические данные способны стать связующим звеном, могущим в перспективе постепенно привести теорию в принципиальное соответствие с реальной жизнью.

Джеймс Гэлбрейт и В. М. Полтерович, решая вопрос о преодолении кризиса, ставят акцент на включенности экономистов в междисциплинарные исследования. При этом, как полагает В. М. Полтерович, язык эконометрики и теории игр может стать своеобразным эсперанто не только для обновлённой экономической теории, но и для других составных частей «общего социального анализа».

Недавно ушедший из жизни проф. Ю. Я. Ольсевич (1929-2016) полагал, что для преодоления идейного кризиса экономическая теория должна изменить «саму аксиоматику» – включить в её состав плюрализм факторов, влияющих на экономическую жизнь общества, с учётом и противоречивости, неопределённости, структурного и качественного динамизма» [14, с. 23]. Многие авторы главным ключом к успеху экономической науки в XXI в. считают разработку динамической теории инноваций.

По мнению Ю. Я. Ольсевича, для собственно экономической теории сегодня особенно характерны «два провала: отсутствие макроэкономической теории, объясняющей современные кризисы, и отсутствие новых концепций регулирования рынка» [14, с. 22]. Утверждается, что принятие новых концепций в качестве основополагающих (а не дополняющих mainstrim economics) «означало бы переворот в экономической теории – как на микро-, так и на макроуровне» [14, с. 23].

Собственные рецепты преодоления теоретического кризиса в экономике предлагают и другие авторитетные учёные [13, с. 23-35].

Со своей стороны укажем, что для надёжного выхода из кризиса мировая экономическая теория обязана видоизменить социальное содержание. В конечном счёте кризис экономической теории возник потому, что на протяжении длительного времени теория в лице мейнстрим экономикс мирилась со status quo, и даже способствовала его укреплению. Между тем существующее положение дел даёт неоспоримые и кардинальные преимущества абсолютному меньшинству населения Земли в лице миллиардеров и мультимиллионеров и оставляет в бедности очень значительную долю населения, в том числе в самых богатых странах. Отсюда вывод: чтобы

стать убедительной, объясняющей и дееспособной теория экономики призвана стать наукой большинства, наподобие теории «социального рыночного хозяйства»; переложенной на язык обновлённого и сложного формального аппарата. Она должна довести принципы эффективности до ликвидации массовой нищеты и бедности. И тогда реформированная экономическая теория станет подлинной демократической альтернативой современному кризисному мейнстриму.

Литература

1. Акерлоф Дж. Поведенческая макроэкономика и макроэкономическое поведение // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: в 5 т. 2005. Т. V. Кн. 2. М.: Мысль. С. 446-447.
2. Балышева О.М. Дискуссия о кризисе в экономической теории // Проблемы современной экономики. 2012. №41. С. 60-62.
3. Баумоль У. Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. 2001. №2. С. 18-31.
4. Блауг М. Тревожные процессы в современной экономической теории // К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки. М.: ИМЭМО РАН. 2002.
5. Воронов Ю.П. Нобелевские лауреаты по экономике (1997–2018). Новосибирск: Автограф. 2019.
6. Гринберг Р.С. Экономическая теория в кризисе: возможен ли выход без смены парадигмы // Мир перемен. Колонка главного редактора. РСМД. 2018. 21 июня.
7. Гэлбрейт Дж.К. Третий кризис в экономической науке // Мир перемен. 2013. №1. С. 24-28.
8. Де Фрей М. История макроэкономики: от Кейнса к Лукасу и до современности. М.: Издат. дом «Дело» РАНХ и ГС. 2019.
9. Истоки: Экономика «мрачная наука»? / ред. коллегия В.С. Автономов и др. М.: Изд. дом ВШЭ. 2019. Вып. 9.
10. Канеман Д. Отображения ограниченной рациональности: перспективы исследования интуитивного суждения и выбора // Мировая экономическая мысль: в 5 т. / сопредс. научно-ред. совета Г.Г. Фетисов, А.Г. Худокормов. 2005. Т. V. Кн. 2. М.: Мысль.
11. Капелюшников Р.И. О современном состоянии экономической науки: полу-социологические наблюдения. М.: ВШЭ. Препринт WP3/2018/03.
12. Курц Х.Д. Краткая история экономической мысли. М.: Изд-во Института Гайдара. 2020.
13. Некипелов А.Д. Кризис в экономической науке – природа и пути преодоления // Вестник Российской Академии наук. 2019. Т. 83. № 1.
14. Ольсевич Ю.Я. Нобелевские премии в переломный период экономической истории // Нобелевские лауреаты по экономике в XXI веке. М.: ИНФРА-М. 2017.

15. Полтерович В.М. Кризис экономической теории // Экономические науки современной России. 1998. №1. С. 46-66.
16. Полтерович В.М. Становление общего социального анализа // Общественные науки и современность. 2011. №2. С. 101-111.
17. Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. М.: Манн, Иванов, Фарбер. 2017.
18. Усоскин В.М. «Денежный мир» Милтона Фридмана. М.: Мысль. 1989.
19. Худокормов А.Г. Ключ к познанию истории экономических учений XX в. (развитие экономической мысли через периодические кризисы) // Экономическая теория в историческом развитии: взгляд из Франции и России / под общ. ред. А.Г. Худокормова и А. Лапидюса. М.: ИНФРА-М. 2017. С. 595–625.
20. Шлычков В.В., Нестулаева Д.Р. Кризис экономической теории как отправная точка её дальнейшего развития // Вестник экономики, права и социологии. 2013. №4. С. 95-98.
21. Энтов Р.М. Некоторые особенности современного состояния макроэкономики // Истоки: Экономика «мрачная наука»? / ред. коллегия В.С. Автономов и др. М.: Изд. дом ВШЭ. 2019.
22. Duflo E. Les economistes doivent se comporter moins comme des physicieus que comme des phombiers // Le Monde. 13 Decembre. 2017.
23. Friedman M. The Methodology of Positive Economics // Friedman M. Essays in Positive Economics. Chicago: University Press of Chicago. 1953.
24. Jatten A., Treillet S. Esther Duflo ou l'adieu a l'economie politique (2019) // Liberation. 29 Octobre.
25. Krugman P. How Did Economists Get it So Wrong // New York Times. 2 Sept. 2009.
26. Kydland F., Prescott E. Time to Build and Aggregate Fluctuations // Econometrica. 1982. Vol. 50. No. 6. P. 1045–1070.
27. Lucas R. Macroeconomic Priorities // American Economic Review. 2003. Vol. 80. No. 1. March. P. 1-14.
28. Lucas R. Some International Evidence on Output Inflation Tradeoffs // American Economic Review. 1978. Vol. 63. P. 326–334.
29. Phelps E. Seven Schools of Macroeconomic Thought. Oxford University Press, 1990.
30. Sen A. Rational Tools: a Critique of the Behavioral Foundations of Economic Theory // Philosophy and Public Affairs. 1977. Vol. 6. No. 4 (Summer). P. 317-344.
31. Snowdon B., Vane H.R. Transforming Macroeconomics. An Interview with Robert E. Lucas // Journal of Economic Methodology. 1998. Vol. 5. No. 1.
32. Thaler R., Sunstein C. Nudge: Importing Decisions about Health, Wealth and Happiness. Yale University Press. 2008.
33. Tobin J. Are New Classical Models Plausible Enough to Guide Policy? // Journal of Money, Credit and Banking. 1980. Vol. XI.

ПОСТСКРИПТУМ

Неугасающие звезды
(Н. А. Цаголов, С. М. Меньшиков и С. С. Дзарасов: вклад в отечественную политическую экономию)[1]

Цаголов Георгий Николаевич (1940-2019),
д.э.н., профессор Международного университета в Москве

Когда прослеживаешь, как менялась политико-экономическая наука в нашей стране, то получается довольно забавная картина. В начале прошлого века в ней был представлен широкий спектр различных школ и направлений. После 1917 года, особенно с приходом Сталина, главное течение проходило в русле догматизированного марксизма, выдвинувшего на первый план цели оправдания принятой модели социализма. Став идеологическим оружием правящей партии, он занял привилегированную позицию в надстройке общества. Антикапиталистическая направленность, нескрываемый классовый характер, тем не менее, не исключали возможность развития научной мысли. Но задающий общий тон мэйнстрим носил апологетический характер. Такая обстановка, безусловно, не могла не накладывать на труды подавляющего большинства советских экономистов налёт ортодоксальности и догматизма.

Реставрация капитализма в 1990-х перечеркнула всю политическую экономию советского периода. Фундаментальная экономическая наука, начало которой было положено в 1615 г. трудами Антуана де Монкретьена, стала изгнанницей. Её тотчас же исключили из числа обязательных общетеоретических вузовских дисциплин, преподаваемых в России. Взамен же предложили позаимствованный на Западе, но малопригодный для нашей страны неглубокий и игнорирующий социальный аспект «экономикс». Однако глобальный экономический кризис и усиливающееся в последнее вре-

[1] *Цитирование:* Цаголов Г.Н. (2015). Неугасающие звезды (Н.А. Цаголов, С.М. Меньшиков и С.С. Дзарасов: вклад в отечественную политическую экономию) // Вопросы политической экономии. № 1(1). С. 82-98.

мя разочарование результатами хозяйственного развития страны питает растущий в обществе интерес к глубокой теории и достижениям экономической мысли, в том числе и «перечёркнутой» советской эпохи. О необходимости возрождения политической экономии в нашей стране особенно громко заговорили в связи с начавшимся недавно новым кризисом российской экономики. В связи с этим вопрос о теоретиках этой науки недавнего прошлого и их достижениях обретает немалый интерес.

И в советский период, и после на небосклоне экономической мысли мерцало немало звёзд. Неудивительно, что некоторые из них, ярко сиявшие в своё время, с годами потускнели или даже исчезли вовсе. Другие светила из центральной части небосвода переместились поближе к горизонту. И лишь считанные единицы не только не угасают, но и разгораются, оставаясь в фокусе внимания политико-экономической науки, продолжающей поиск оптимальной для страны модели общества.

1. Мятежный классик: Н. А. Цаголов (17 июля 1904 – июль 1985)

25 марта 2014 года кафедра политической экономии экономического факультета МГУ провела конференцию «Сквозь призму времени: к 50-летию «Курса политической экономии» и 110-летию Н. А. Цаголова». В ней приняли участие свыше 100 учёных из разных стран, представители ряда ведущих экономических учреждений, общественных организаций и СМИ. Они собрались, чтобы не только отдать дань учёному и основному труду возглавляемого им авторского коллектива, но и спроецировать идеи университетской школы на понимание сегодняшних проблем. Среди выступавших были видные теоретики, в частности академик А. Д. Некипелов, профессора А. В. Бузгалин, С. С. Дзарасов, А. И. Колганов, Ю. М. Осипов, Б. В. Ракитский, А. В. Сидорович, А. А. Пороховский, А. Г. Худокормов, В. Н. Черковец и многие другие.

Автору этих строк также довелось участвовать в подготовке конференции и выступать на ней с докладом. После завершения встречи присутствующий на ней представитель руководства Вольного экономического общества России попросил написать об отце и его теоретическом вкладе в политическую экономию статью для их издания — «Научные труды ВЭО России». Отклику на предложение способствовали три обстоятельства. Во-первых, о политэкономии

сужу не как сторонний наблюдатель. По этой специальности я защищал кандидатскую и докторскую диссертации. Преподавал предмет в МГУ, других высших учебных заведениях нашей страны и за рубежом. Во-вторых, вследствие родственной близости знаю об этом человеке и то, что неведомо другим. В-третьих, хотел бы высказать некоторые соображения о том, о чем давно говорится, но пока ещё почти ничего не сделано и не найдено решения, — путях обновления политэкономии. Подготовленный материал дал прочесть нескольким друзьям экономистам. Они порекомендовали расширить его и опубликовать отдельным изданием. В итоге и получилась небольшая книга, вышедшая под грифами ВЭО России и Международного университета в Москве, где я работаю.[2] В связи с её выходом ко мне обратился с рядом вопросов главный редактор газеты «Слово» В. А. Линник. Получилось интервью, выдержки из которого приводятся в следующем тексте [7].

— Что определило выбор Вашим отцом гуманитарной специальности?

— На это большое влияние оказала ранняя гибель его старшего брата — известного революционера, организатора партии «Кермен» и героя Гражданской войны — Г. А. Цаголова (1897-1919). Подобно тому, как пепел сожжённого во времена инквизиции Клааса стучал в сердце его сына Тиля Уленшпигеля, кровь Георгия нанесла глубокую душевную рану и наложила отпечаток на его мировоззрение, повернув сознание к социальной теме. Решив идейно бороться за прогресс общества, отец получает экономическое образование сначала во Владикавказе, а затем и в Москве — в Институте народного хозяйства, позже названного именем Г. В. Плеханова.

— Охарактеризуйте вкратце начало и основные вехи научного творчества Н. А. Цаголова.

— Началу его научного творчества предшествовала аспирантура Института экономики Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Годы учёбы там (1926–1929) им вспоминались как время интенсивного интеллектуального роста. Учёные тогда ещё пользовались относительной свободой. Отец особо отмечал значимость дискуссий на семинарах, вырабатывавших умелую аргументацию и полемиче-

[2] [8]. К 100-летнему юбилею отца вышел фундаментальный труд трёх авторов [4]. Тогда же вышла и монография коллектива авторов с кафедры политэкономии экономического факультета МГУ [3].

ский дар.

Первые научные труды отца были посвящены весьма сложным аспектам капиталистической проблематики: циклическому развитию и мировому хозяйству. Они были напечатаны в теоретическом журнале «Под знаменем марксизма» в № 2–3 за 1929 г. и № 7–9 за 1930 г. В них содержалась полемика со многими видными идеологами той поры, в том числе с Н. Бухариным и Р. Люксембург. Было ясно, что появился перспективный экономист-теоретик, умело владеющий марксистской методологией. Защиты кандидатской диссертации тогда не требовалось. Имя учёного создавалось такого рода публикациями.

После аспирантуры отец был направлен в Воронежский государственный университет и в 25 лет занял там должность исполняющего профессора. Его педагогический талант ярко светил, и вскоре он был приглашён заведовать кафедрой политической экономии Воронежского планового института.

В 1932 г. по приглашению директора Института экономических исследований Госплана СССР Н. Цаголов стал учёным секретарём этого учреждения. Затем вместе со своим приятелем по аспирантуре и коллегой по новой работе А. И. Ноткиным переключается на отечественную тематику, участвует в работе по составлению второго пятилетнего плана. Столь богатая практика сыграла свою роль в дальнейших его теоретических построениях. Тем более что ему ещё предстояло пару лет вывариться в котле сталинского Госплана. После этого он переходит в Институт экономики АН СССР, где проработает два десятилетия (1939–1959).

В послевоенные годы отец обращается к исследованиям в области истории русской экономической мысли. Уход от разработки практических вопросов экономики страны в указанную тематику был вызван не только желанием уменьшить риск подвергнуться гонениям, но и пониманием того, что без усвоения истории науки вряд ли можно достичь её сияющих вершин. Он не раз говорил мне, что специализация, конечно, весьма удобная вещь, но открытия в политической экономии невозможны без самых разносторонних знаний её предмета.

В 1949 г. отец защищает докторскую диссертацию на тему «Дворянская и буржуазная экономическая мысль в период «крестьянской реформы»». Совместно с членом-корреспондентом АН СССР А. И. Пашковым руководит многотомным трудом по истории

русской экономической мысли. Все эти годы отец продолжает держать руку на пульсе времени. Он принимал активное участие в известной теоретической дискуссии 1951 года, обсуждениях работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952) и созданного на её основе учебника по политической экономии. Накопленный багаж знаний в теории, истории науки и практике, умение выразить их в ясной и увлекательной форме закрепили за ним славу корифея экономической мысли, но одновременно вызывали ревность и неприязнь у многих коллег по профессии, строивших ему немало козней. Имели место не только выволочки и проработки, но и прямые угрозы ареста, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Как же тогда в 1957 году состоялось назначение его на должность заведующего ведущей в Советском Союзе кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ?

— Оно не могло произойти без инициативы руководства тогдашнего Министерства высшего образования СССР и согласования вопроса в идеологических верхах КПСС. После имевших с ним до того место неприятностей многим это казалось странным. Но нельзя забывать то, что это произошло во времена хрущёвской «оттепели», когда в научной сфере, как и во многих других, зачастую поднимались и такие люди.

— Что же ему удалось сделать на этом посту?

— Здесь в полную меру реализовался не только его научно-педагогический, но и организаторский дар. За почти три десятилетия последовавшей кипучей деятельности была создана знаменитая университетская школа политической экономии, или «школа Цаголова», как её чаще всего называли. Им организовывалось множество международных и общесоюзных конференций по наиболее актуальным вопросам развития политической экономии и идеологическим вопросам, воплощённых затем в коллективные монографии и сборники научных трудов, под его редакцией. Однако наиболее важным делом, прославившим кафедру, стал созданный под руководством отца двухтомный «Курс политической экономии», выдержавший у нас три издания (1963–1964, 1970, 1973–1974).

— Это был популярный учебник или научное произведение?

— И то и другое. Поставленная им цель: воспроизвести логически взаимосвязанную и соподчинённую систему категорий и законов политэкономии в широком смысле слова — от первобытно-

общинного строя вплоть до коммунистического. И это было сделано. Работа внесла немало нового в теорию капитализма и докапиталистических формаций. Но сенсационным прорывом стала разработка концепции социализма. Университетский «Курс политической экономии» вызвал большой научный и общественный резонанс как в СССР, так и за рубежом, где он издавался четырнадцать раз (на Кубе, в ГДР, ЧССР, ПНР, ФРГ, КНР, Турции, Греции, Японии).

— В чём состояла новизна?

— Основоположники марксизма представляли социализм единой фабрикой. Так не получилось. Представленная в «Курсе...» его модель опиралась на реальный опыт в нашей стране, насчитывавший к тому моменту свыше 40 лет. Эта модель стала наиболее глубоким отражением социализма в научной литературе. В прежних учебниках описывалась общественная собственность на средства производства, а затем следовал анализ других компонентов системы: планирования, принципов распределения, использования товарно-денежных отношений и закона стоимости, хозрасчёта и т. д. Отец отдавал должное сделанному до него в экономической науке, в том числе и «беллетристическому» подходу, позволявшему выявить, «добыть», как он выражался, категории и законы социалистической экономики. Но это все же был низший этап познания. Узловой пункт усилий возглавляемых им учёных из университета был направлен на поиск исходного отношения, или «экономической клеточки» социализма. Для капитализма она была найдена Марксом — товар и товарная форма производства. Для социализма до отца так вопрос не ставили. В «Курсе...» даётся следующее решение: исходной основой коммунистического способа производства (низшая стадия которого социализм) является планомерная форма хозяйствования в масштабах всего общества. Именно из неё вытекают основной экономический закон и все другие черты и свойства социализма.

— Такие взгляды вызывали возражения?

— С ними далеко не все были согласны, в том числе влиятельный К. В. Островитянов, автор учебника «Политическая экономия», бывший директор Института экономики (1947–1953), а затем вице-президент АН СССР (1953–1962). Но наиболее активным противником отцовской модели являлся Яков Абрамович Кронрод, возглавлявший сектор общих проблем политэкономии социализма в Институте экономики АН СССР.

— Могли бы Вы привести какой-то конкретный эпизод этого противоборства?

— Помню, как в 1964 г. в Институте экономики АН СССР, расположенном тогда неподалёку от Кремля на улице Волхонка, обсуждались методологические вопросы политической экономии. Была какая-то накалённая и, как мне показалось, нездоровая атмосфера. Я был тогда молодым аспирантом. В сознание врезалась ожесточённая баталия, в которой скрестили шпаги два политэкономических светила того времени. Отцу и его университетским коллегам не давали договорить — дело происходило «на чужом поле».

Яков Абрамович прекрасно владел словом, был хорош собой, артистичен и язвителен. Сверкая глазами и в полемическом пылу, он в завершении своей затянувшейся и никем не прерываемой речи изрёк: «Видимо, Николай Александрович, Вы этого ещё не понимаете, или, может, уже не понимаете?» Кронрод был на 8 лет моложе своего оппонента и намекал на его возраст, хотя тому тогда ещё не исполнилось и 60. Седина слегка обрамляла его голову, но отец находился в отличной форме и ничем не давал повода для подобного выпада.

Неубедительным показалось и заявление Кронрода о том, что «наука делается в монографиях исследовательских институтов, а не в разных там учебниках вузовских кафедр». Ведь все зависит от того, что за работа и как она написана. Более того, новые идеи, воплощённые в учебники, сразу же проникают в сознание неизмеримо большего числа людей и оказывают тем самым ускоренное влияние на развитие науки. Создавалось впечатление, что речь шла далеко не только о выяснении истины, а подспудно ставился вопрос: кто действительно по праву достоин экономического Олимпа, и кто окажется на нем? А от этого зависел не только авторитет учёного, но и многое другое.

— До всех ли доходила суть этих споров?

— Думаю, что нет. Отцовская концепция, конечно, не так уж проста для восприятия, как, впрочем, и сама экономическая жизнь. Без глубоких экономических и философских знаний, длительных раздумий на эти темы оценить её трудно. Не только тогда, но и после далеко не все понимают значимость такого подхода. Однако это же в ещё большей мере можно сказать о теории относительности Эйнштейна, которая доходит до сознания лишь узкого круга высококвалифицированных специалистов. А политическая экономия,

пожалуй, ещё сложнее, чем физика.

Кроме того, в общественной науке субъективный фактор весьма велик, и многое зависит от того, какие силы находятся у власти и что им выгодно. Кода-то гений Маркса и Ленина преувеличивался и обожествлялся. Сейчас же, наоборот, он, по крайней мере у нас, не признается или во всяком случае преуменьшается. Что и говорить — в чём-то и они ошибались. Но что из этого?

Открытия Григория Перельмана, при всех его чудачествах, не могут быть отвергнуты математической наукой. Вклад в политическую экономию долго может быть не признаваемым. Увидевший свет «Капитал» Маркса несколько лет замалчивали. Потом к нему проявился все возрастающий интерес, а у нас в советские годы книга заняла место Библии. Затем труд оказался вновь забыт. Глобальный кризис вызвал ренессанс его изданий. Словом, в общественной науке лишь время все расставляет более или менее на свои места. Большое, как говорил Есенин, видится с расстояния.

— Имеются ли факты, подтверждающие непреходящую научную значимость школы Н. А. Цаголова?

— Один из авторов «Курса...», долгие годы работавший на кафедре отца, его друг и ученик профессор С. С. Дзарасов рассказывал, как во время научной командировки в Великобританию в начале текущего века обнаружил, что аналогичную методологию под названием «критического реализма» значительно позже университетской школы разрабатывали представители посткейнсианской экономической мысли в Оксфордском (Р. Баскар) и Кембриджском (Т. Лоусон) университетах. Когда он донёс до английских коллег, что нечто подобное развивалось в Московском университете, это было встречено с большим интересом, и ему было предложено написать на эту тему статью в журнале Кембриджского университета, что он и сделал [9].

В связи с этим учёный в своём докладе на упомянутой в начале конференции в МГУ заметил: «Внимание английских коллег резко контрастировало с тем, как наша инициатива была встречена дома. В отличие от многих других стран и народов, мы редко ценим своих. Поэтому неудивительно, что наша попытка по-иному написать учебник вызвала массу возражений, прежде всего со стороны Института экономики АН СССР. Хватало и насмешек в адрес тех, кто не может заняться ничем другим, как «искать какую-то клеточку социализма»».

— После выхода «Курса...» появлялись и другие учебники по политической экономии, в том числе и руководимые высокими чинами из ЦК КПСС. Не препятствовали ли они «университетской школе»?

— Конечно, препятствовали. Развитие важных для общественной науки методологических принципов вылилось в коллективную монографию, написанную под руководством отца в 1980-е гг. Фундаментальный труд в форме учебного пособия готовился в «Политиздате». В это же время там же находилась в работе и моя книга о военно-промышленном комплексе США. Редактором обоих изданий была Елена Михайловна Аветисян, как-то поведавшая мне курьёзный случай. Выпуск университетской рукописи по неизвестным причинам задерживался, а отец требовал ускорения публикации, на что начальство издательства ему как-то заявило: «Николай Александрович, если мы поставим Вас в первую очередь, то придётся повременить с трудом Георгия Николаевича». «Так выкиньте его к черту!» — молниеносно среагировал отец.

Тем не менее, моя книга вскоре была выпущена тиражом в 200 тысяч экземпляров, а его так и не увидела свет. Дело в том, что выходу её мешали представители номенклатуры, вознамерившиеся напечатать собственный учебник по политической экономии. С помощью административного ресурса они блокировали конкурирующие издания. Своего они добились, но об их опусе теперь мало кто вспоминает.

— Выдержали ли идеи Вашего отца проверку временем?

— В основном да, в чем-то нет.

Нет — поскольку вслед за Марксом отец утверждал, что на смену капитализму идёт коммунизм. Для многих, правда, это и по сей день остаётся вероучением. Но между ним и наукой — большая разница. Социализм — ни в одной из стран не имел и не имеет перспектив перерастания в высшую коммунистическую стадию. Кто-то скажет — ещё не вечер, когда-то это обязательно произойдёт. Но так можно говорить обо всем на свете, а то, что мы видим на практике, показывает, что караван истории человечества идёт несколько в ином направлении.

Да — поскольку социализм не сходит с исторической сцены. Хотя он и потерпел крах в СССР и ряде других стран, но все же оказал сильное воздействие на развитие мирового капитализма, социализировав его. Говоря о социализме, имеются в виду не только Куба

или Северная Корея. В Китае симбиоз социализма с капитализмом вот уже на протяжении 37 лет показывает выдающиеся результаты. То же самое относится к Вьетнаму. А разве не социализированы и многие другие страны Азии, например Индия, государства Европы и Латинской Америки? Во всех этих странах существует макроэкономическое планирование и не утерян централизованный общественный контроль над производством — та самая исходная координирующая сила, с которой по Цаголову-старшему и «начинается Родина» социализма. А раз так, значит законы и категории, представленные в написанном 50 лет назад втором томе «Курса...», пусть и в усечённом виде, но действуют в ареале, где сегодня проживает чуть ли не половина человечества. Стало быть, теория университетской школы остаётся весьма востребованной для понимания и реально существующего сейчас общества.

Вместе с тем истекшие десятилетия выявили и то, что планирование всего и вся из одного центра неэффективно. Планирующие органы государства могут обладать достоверной информацией о том, что обществу нужно, а что нет в сфере производства угля, стали, нефти, газа и электроэнергии. Но в сфере изготовления обуви, одежды, персональных компьютеров, косметики и других индивидуальных товаров и услуг обособленный частный производитель знает свой рынок и его потребности лучше государственного чиновника и может выполнять свои задачи грамотнее последнего. Ни в перестроечную эпоху, ни позже вопрос так не ставился. Стоит ли удивляться тому, что шарахаясь из одной крайности в другую, мы попадаем из огня да в полымя. Разрушив «до основанья» плановое хозяйство, мы выплеснули с водой и ребёнка.

— Выходит, что нужно было сознательно идти по пути конвергенции, соединения социализма с капитализмом?

— Конечно. Вопрос только, какой конвергенции? У нас вследствие реформ она произошла со знаком минус. Разрушив плановое хозяйство и без подготовки плюхнувшись в рынок, мы вскоре оказались в олигархическом, а затем и бюрократическоолигархическом капитализме, выдвигающем на передний план тенденции паразитизма и загнивания. Да, по числу миллиардеров мы стоим на третьем после США и Китая месте в мире. Но почему наши магнаты так разительно отличаются от их коллег на Западе и Востоке? 1/3 всех богатств России принадлежит 110 олигархам. Что сделали они для прогресса общества? Ничего. Рейдерство и коррупция оказыва-

ются выгоднее инноваций и модернизации. Где столь широко распиаренный Ё-мобиль Прохорова? Его нет и не будет. На это они не способны.

— О необходимости возрождения политэкономии у нас уже давно говорят представители альтернативного либеральному мейнстриму мышления. Что им мешает реализовать задуманное?

— Важной помехой является объективная сложность теоретического осмысливания весьма сложной, противоречивой и меняющейся действительности.

— А как Вам видятся контуры напрашивающегося обновления политэкономии?

— Практика показывает, что социализм в чистом, или «беспримесном» виде неэффективен, неустойчив, а потому потерпел поражение неслучайно. Вместе с тем, жизнь опровергла и утверждения Фрэнсиса Фукуямы о капиталистическом «конце истории». На смену капитализма и социализма приходит новое интегральное общество, гипотезу о котором впервые пророчески высказал выдворенный из России и оказавшийся впоследствии в Гарварде великий русский социолог Питирим Александрович Сорокин. Среди экономистов раньше и глубже всех эта тенденция нашла отражение в работах интеллектуальной звезды XX века Джона Кеннета Гэлбрейта. Именно этот конвергентный, или интегральный тип общества и экономической системы, впитывающий в себя преимущества капитализма и социализма и отсекающий по возможности их недостатки, должен найти отражение в новой политической экономии.

— Пригоден ли учебник Вашего отца для создания обновлённой политэкономии?

— В этом отношении «Курс...» — бесценное подспорье. В теории первобытного, рабовладельческого и феодального способов производства много менять не требуется. Дополнить капитализм новейшими модификациями и даже реально происходящим на наших глазах углублением его общего кризиса тоже не представляет большого труда. Социализм же надо не исключать, как это делает экономикс, а дать его в реально существующем и совмещённом с капитализмом виде.

В позднем капитализме «невидимая рука» рынка Адама Смита дополняется вполне осязаемой второй рукой государственного централизованного планирования. Это уже первая социалистическая форма, которая при общенародной власти наполняется во все

большей степени и социалистическим содержанием.

Встречный процесс шёл в прежних социалистических странах, проведших грамотные экономические реформы. Там план не разрушили, но к нему добавили капитализм и его эффективность. Причём действовали постепенно, держа большое, отпуская малое, переходили реку, нащупывая дно. Итог — биполярная система новой смешанной, или интегральной формации как реальность и императив современного развития.

— Кто кроме Вас высказывает схожие взгляды?

— Таких же позиций придерживаются академик РАН О. Т. Богомолов, член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН Р. С. Гринберг. Их разделяют такие экономические гуру, как профессора С. М. Меньшиков, С. С. Дзарасов, Ю. В. Яковец. Последнее время их высказывают и такие известные учёные, как академик РАН С. Ю. Глазьев, профессора Г. Х. Попов, М. Г. Делягин.

— Чем был бы важен новый учебник по политэкономии?

— Он значим как плацдарм для создания новой идеологии России, о чём в последние годы говорится много, но пока безрезультатно. Нельзя строить идеологию без предварительного уяснения того общества, в котором мы сегодня живём и к какому должны стремиться. Так что существуют возможности и для теоретического прорыва на этом направлении.

— Но устоялся ли интегральный строй?

— Конечно, что будет через сотни лет — никто не знает. Но жизнь все же показывает, где «растёт кокос», где постепенно решаются важнейшие социально-экономические проблемы. Это конвергентные страны. Не принимать это во внимание означает закрывать глаза на самое главное и уходить от анализа магистральных тенденций современного общественного развития.

— Если бы Вас попросили свести подробную характеристику личностных качеств отца, о которых подробно рассказывается в заключительной части работы, к одной небольшой фразе, что бы Вы сказали?

— Высокий дух и свободолюбие, эрудиция и неудержимое стремление к постижению истины, ораторский дар и лидерские качества, оптимизм и искромётный юмор, человеколюбие и простота.

2. Судьба пророка в России: С. М. Меньшиков (12 мая 1927 – 13 ноября 2014)

На прошедшем в начале текущего года VI Гайдаровском форуме хватало курьёзов. Назывался он помпезно «Россия и мир: новый вектор», а проходил, когда российская экономика продолжала скатываться в пропасть. Премьер Дмитрий Медведев делал хорошую мину при плохой игре. Уверял, что наша страна перешла от «полуразрушенной» советской экономики к «развитой западной» и что с этого пути правительство сворачивать не собирается. Однако выступивший вслед за ним всемирно известный американский социолог И. Валлерстайн заявил, что находящийся в глубочайшем кризисе капитализм доживает свой век, и пора задуматься о смене исчерпавшего себя общественного строя.

Ежегодный слёт наследников Гайдара во главе с властным экономическим блоком по обыкновению игнорирует справедливую критику проводимой правительством внутренней политики со стороны участников Московского экономического форума и других представительных конференций. На Гайдаровском форуме ни словом не обмолвились и о негативных оценках работы кабинета министров и предложениях по выходу из кризиса, содержащихся в сделанном накануне докладе экс-премьера РФ, а ныне президента Меркурий-клуба Евгения Примакова.

Парадокс: в стране есть и было немало знающих людей, способных изменить жизнь к лучшему, но их всячески оттирали и оттирают от принятия решений или замалчивают. К их числу принадлежал и недавно почивший Станислав Михайлович Меньшиков.

С полгода назад на юбилее одного приятеля моим соседом по столу оказался один из наиболее известных в стране экономистов. С академиком РАН мы были знакомы и прежде, но так не встречались. В ходе завязавшегося между тостами разговора я спросил его: «Кого из нынешних российских учёных Вы бы поставили на первое место по реальному вкладу в экономическую науку и международному признанию?» «Станислава Меньшикова», — последовал ответ. Меня он нисколько не удивил. Этого мнения придерживались и многие другие представители нашего цеха. Никто не знал тогда, что спустя несколько месяцев о нем придётся говорить уже в прошедшем времени.

Ещё в Библии сказано, что люди не ценят заслуги своих близких, не верят в талант или верность слов человека, который

находится рядом с ними. Как изрёк Иисус: «Трудно быть пророком в своём отечестве». С. М. Меньшиков — яркий тому пример.

В бесчисленных трудах и публицистических выступлениях он не раз предупреждал об опасности тех или иных шагов, которые, тем не менее, делались, и вносил многие конструктивные предложения, которые не только не реализовывались, но и замалчивались. Остаётся только горько сожалеть, что не такие, как он, а совсем другие по прихоти тогдашних властителей завладели рулём управления нашими реформами. Теперь за это приходится жестоко расплачиваться.

Примечательный штрих: именно вместе с ним написал свою единственную совместную работу великий американский учёный экономист и социолог, бывший советник президентов Франклина Рузвельта и Джона Кеннеди Джон Кеннет Гэлбрейт — «Капитализм, социализм, сосуществование» (1988). Переведённая на многие языки мира книга-диалог, ставшая чуть ли не бестселлером, во многом предвосхитила судьбу конкурирующих систем.

В 1990 г. увидела свет капитальная монография С. М. Меньшикова «Советская экономика. Катастрофа или катарсис?». На её обложку были вынесены слова: «Нетоварный социализм выродился в плановую анархию. Бюрократия срослась с теневой экономикой. Трудовые доходы свелись к минимуму, невиданному даже при капитализме». И далее: «Может ли социализм выжить? Да, если перейдёт к смешанной экономике. Итак, неизбежна ли катастрофа социализма? Или же его ожидает пусть тяжёлое, временами кризисное, но все же обновление, выздоровление — то, что древние называли катарсисом? Думаю, тот или иной исход не предопределён. Реальное движение настолько сложно, конфликтно, противоречиво, что одинаково возможны и катастрофа, и катарсис, особенно если корабль социализма теряет управление и перестаёт слушаться руля».

Сейчас мы хорошо знаем, что власть отвергла взвешенный, постепенный, срединный курс и, уподобившись «Титанику», избрала путь приснопамятной «шоковой терапии».

О судьбе этой книги и одновременно российской экономики неплохо выразился постоянный издатель его книг Б. П. Лихачев. В редакционном введении к следующей работе Меньшикова «Экономика России: практические и теоретические вопросы перехода к рынку» (М.: Международные отношения, 1996) Борис Петрович замечает: «Судьба этой бесспорно незаурядной книги «Катастрофа

или катарсис?» (косвенное свидетельство её «знака качества» — англоязычное и японское издания книги), вобравшей в себя к тому же тогдашний накал политических баталий о судьбах страны и путях её движения в будущее, оказалась в чем-то трагически схожа с предметом её исследования. Разошедшаяся 100-тысячным (!) тиражом, она была встречена 100% молчанием как в научной, так и общеполитической печати в собственной стране. Объяснение этому хочется выразить разве что есенинскими словами: «Если тронуть страсти в человеке, то, конечно, правды не найдёшь»».

С. Меньшиков никогда не сгибался, а продолжал бороться, постоянно писать, преподавать и участвовать во множестве семинаров с выдающимися американскими и западноевропейскими экономистами и социологами, пытаясь изменить характер навязанных России разрушительных либеральных реформ. В упомянутой новой книге говорится: «На Западе, в том числе и в США, есть много экономистов и политологов, достаточно хорошо знакомых с российскими реалиями, которые предлагали и предлагают совсем иную политику — тоже прокапиталистическую, но не столь разрушительную». В 2004 г. С. Меньшиков издаёт фундаментальный труд: «Анатомия российского капитализма». В нем, в частности, читаем: «В том виде, в котором наш капитализм сложился в последние десять с лишним лет, он не мог не стать олигархическим, т. е. перекошенным в сторону подавляющего господства узкой группы банковско-промышленных монополистических группировок... Такая экономика находится в ловушке, выход из которой возможен только посредством коренной ломки олигархической структуры при активной роли государства» [1].

Казалось, что власти вновь не заметили книгу. Однако последующие события представляются все же некоторой реакцией на неё: олигархи были приструнены, началось создание государственных корпораций и перераспределение доходов. Часть прибыли нефтяных магнатов стала поступать в казну и накапливаться. Шёл рост социальных отчислений и зарплат. Это время совпало с высокими ценами на нефть, что позволило, с одной стороны, повысить уровень жизни, с другой — не удалось избежать «голландской болезни». Вместе с тем экономика России начала расти быстрыми темпами.

В одной из статей последних лет С. М. Меньшиков замечает: «С нынешним правительством Россию ожидает длительный период

застойного состояния экономики и науки... Избежать этого можно только, заменив его на кабинет министров, готовый осуществлять стимулирующую экономическую политику и отказаться от чиновничьих наскоков на науку и социальную сферу» [5].

В своё время К. Маркс говорил: «В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достичь её сверкающих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по её каменистым уступам». Станислав Михайлович Меньшиков был одним из них.

С его ранними трудами я познакомился в годы учёбы на экономическом факультете МГУ. Мы случайно встретились в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР, где он тогда являлся старшим научным сотрудником и куда я прибыл для прохождения практики на IV курсе. Под его руководством писал дипломную работу и кандидатскую диссертацию. Многим обязан творческой лаборатории, в которую он меня окунул, благодаря чему познал методику сбора разбросанных фактов и их обобщения.

Он находился тогда в возрасте Христа, обладал импозантной внешностью и являл собой пример безграничной увлечённости делом, глубины мысли, самодисциплины, организованности, жизнелюбия, высокой культуры остроумия, гражданственности и патриотизма. Посещая его дом, я испытывал тепло, исходящее от всей его красивой и счастливой семьи. Скажу прямо, для меня лично он был не просто большим учёным, но и духовным наставником, жизненным ориентиром, человеком, с которым часто сверял свои мысли и поступки, на кого пытался равняться.

Кто-то скажет — Станиславу Меньшикову во многом повезло. И будет прав и неправ. Нет спора — с самого начала он обзавёлся рядом неоспоримых достоинств. Родился в семье сталинского наркома внешней торговли, ставшего затем послом СССР в Индии и США, министром иностранных дел РСФСР. В 4 года, находясь с родителями в Лондоне, он уже свободно говорил на двух языках. Но сколько номенклатурных чад имели такие же, а то и большие стартовые возможности. Корифеев из них не получилось. Он же им стал.

Один из питомцев и первенцев Института международных отношений в 24 года защитил кандидатскую диссертацию и с тех пор прочно связал свою жизнь с экономической теорией. Начало многообещающее, но не гарантирующее стать звездой первой величиной в своей профессии. Прослеживая его жизненный путь, убеж-

даешься в справедливости теории «непрестанного накопления преимуществ».

В первой половине 1960-х он преподаёт политическую экономию в альма-матер и расширяет спектр исследований капитализма, публикуя статью за статьёй. Вскоре издающийся на многих языках мира журнал «Новое время», возглавляемый тогда видным экономистом, приглашает его в свой штат. Превращаясь в публициста и оттачивая перо, он продолжает читать лекции и вести научную работу. В качестве специального корреспондента его командируют в разные страны, в том числе США, сделавшиеся центром его научных интересов. Он оказывается в группе журналистов, сопровождавших Хрущёва в поездке по Индии и Индонезии. В ходе поездки берет интервью у глав обеих стран — премьер-министра *Дж. Неру* и президента *А. Сукарно*. Выходит первая монография С. Меньшикова, посвящённая деятельности американских корпораций на мировом рынке. Затем вызревает тема докторской диссертации. Но реализация идеи происходит уже в ИМЭМО.

В 1963 г. за фундаментальное исследование американской финансовой олигархии ему присваивается степень доктора экономических наук. Насыщенная обилием интереснейших фактов и написанная прекрасным языком работа под названием «Миллионеры и менеджеры» была издана не только на русском, но и английском и испанском языках. Редчайший случай: труд советского автора по проблематике США был включён в список рекомендуемой литературы для студентов-экономистов и политологов ряда американских университетов. Так же и другие произведения Станислава Михайловича представляли собой настолько оригинальный анализ мировой экономики и международных отношений, что немедленно завоевали ему место в когорте самых маститых учёных нашей страны и всего мира.

Вскоре после защиты докторской диссертации С. М. Меньшиков назначается на должность заместителя директора ИМЭМО. С той поры его научная деятельность плодотворно сочеталась с организацией крупных исследований и проектов. Но дальнейший путь оказался весьма тернистым.

Его стали травить как коммунистические догматики, так и так называемые либералы. Уж очень он не вписывался ни в партийную номенклатуру, ни в партийно-диссидентскую тусовку. Для первых он был слишком умён, для вторых слишком искренне верую-

щим в социализм. Став замдиректора ИМЭМО, он купил для сугубо гуманитарного учреждения вычислительную машину, набрал молодых аспирантов с математическим образованием. Именно он ввёл в советскую экономическую науку эконометрические модели. Тогда же впервые его аспиранты открыли для себя идеи репрессированного в 30-х гг. и ещё не реабилитированного к тому времени русского экономиста Николая Кондратьева. Не только открыли, но и развили идеи великого учения. Под руководством Меньшикова ИМЭМО выпускает фундаментальный труд о капиталистических циклах.

Вместе с тем, давление мафиозной номенклатуры на Меньшикова усиливалось. Инициаторами этой травли были директор ИМЭМО Н. Иноземцев и директор Института США Г. Арбатов. Оба не были экономистами, но являлись спичрайтерами Брежнева и функционерами, определявшими избрание в академию по отделению экономики. Их усилиями было заблокировано его вступление в АН СССР.

Меньшиков бросает престижный пост в Москве и уезжает в Сибирь. Всю оставшуюся жизнь он благодарит себя за данный шаг, поскольку это позволило ему увидеть всю необъятную мощь и величие провинциальной России. Тогда директором тамошнего Института экономики был А. Аганбегян. Позвав Меньшикова к себе, он обещал ему избрание в академию, но не сдержал слова. Для него самого ещё не гарантированным было место полного члена академии, и он решил не рисковать и не настаивать на выдвижении персоны, столь неугодной столичным бонзам.

В Сибири С. М. Меньшиков провёл титаническую исследовательскую и организационную работу по созданию многоотраслевой модели советской экономики. В течение четырёх лет пребывания в новосибирском центре (1970–1974), под его руководством или при непосредственном участии были разработаны межотраслевые экономические модели со сравнимой структурой для США, Японии и СССР. Выполненные им многочисленные аналитические и прогнозные расчёты были частично опубликованы в монографиях «Динамические модели экономики» (1972), «Модели экономики США» (1975), «Экономические модели и прогнозы» (1975), вызвавших большой интерес не только у нас, но и за рубежом. Подходы и решения, данные С. М. Меньшиковым в этих публикациях, были изложены в работе, вошедшей во второй том фундаментальной монографии по Брукингской модели, изданной в США в 1976 г. под редак-

цией американского экономиста Лоуренса Клайна, позже (в 1980) ставшего лауреатом Нобелевской премии.

В 1974 г. С. М. Меньшикова пригласили на работу в Секретариат ООН (Нью-Йорк) в ранге чрезвычайного и полномочного посланника на должность заместителя директора Центра планирования и развития. На столь высоком посту Станислав Михайлович показал себя самым достойным образом, высоко держал марку своей страны и отечественной экономической науки. Ему было поручено курировать Всемирную модель Нобелевского лауреата Василия Леонтьева, результатом чего явился опубликованный на многих языках доклад ООН «Будущее мировой экономики», в котором анализировались составленные под руководством С. М. Меньшикова сценарии развития мира до 2000 года. Они до сих пор не потеряли своей актуальности.

Здесь он встречается с известными американцами, в частности с Генри Киссинджером, и часто является передаточным неформальным звеном советского правительства. Очень много интересного об этом периоде можно узнать из книги воспоминаний Станислава Михайловича, которые он написал к своему 80-летнему юбилею: «О времени и о себе».

В 1980 г. Меньшиков возвращается в Москву на должность консультанта Международного отдела ЦК, где трудится также увлечённо и, что называется, с огоньком. Кроме непосредственной работы, пишет книги, статьи в «Коммунист» и «Правду». В мемуарах об этом сказано: «Получаю задание. Быстро его делаю и прячу в сейф, чтобы не выделяться, а сам работаю над книгой или статьёй».

Используя широкие связи с научной, деловой и общественно-политической элитой за рубежом и обладая незаурядными дипломатическими способностями, С. Меньшиков вносит весомый вклад в укрепление международных позиций нашего государства. Его систематически печатают в газете «Нью-Йорк таймс», часто берут интервью и делают репортажи на центральных каналах американского телевидения. Он выступает вместе с такими знаменитыми политиками, как Джордж Шульц и др., становится в Америке узнаваемой личностью.

Когда в 1982 г. после скоропостижной кончины директора ИМЭМО академика Н. Иноземцева поднимается вопрос о назначении на вакантное место Меньшикова, которому благоволит ЦК, бывшие недруги объединяются. Горбачёв уже влиятельный член ЦК

и намерен вытащить из канадской ссылки А. Яковлева. В последний момент, когда Меньшикова уже поздравляют с назначением, как черт из табакерки, выскакивает бывший посол в Канаде, ставший затем архитектором горбачёвской «перестройки».

Меньшиков продолжает трудиться и писать. Реабилитирует имя ещё официально запретного и замученного в 30-е гг. Н. Кондратьева в журнале «Коммунист». На тех же страницах критикует ревизионистскую программу партии, составленную соратниками Арбатова и Яковлева, что, естественно, вызывает их ярость, пишет очередную книгу, встречается по заданию ЦК с видными американцами.

Но время развала СССР неумолимо приближается. Меньшиков первым почувствовал это, попав под чистку кадров, устроенную новым Генеральным секретарём ЦК М. Горбачёвым и его соратниками А. Яковлевым и Э. Шеварнадзе. Тогда уже освобождались от слишком правоверных коммунистов в аппарате ЦК, были смещены главные редакторы партийных изданий. Меньшикова под неозвученным предлогом в одночасье изгоняют из ЦК. Либеральные друзья распространяют байку, что будто бы КГБ им недоволен. Однако знакомые из этого ведомства категорически отказываются поддержать эту версию. Друзья в отделе, боясь быть зачищенными, также упорно молчат и не вмешиваются. Одним из немногих в ЦК, кто не побоялся с ним встречаться, был Г. Шахназаров, который подсказал выход: «Попросись на работу в Прагу в «Проблемы мира и социализма». Если пропустят, то всем станет очевидно, что это не происки КГБ». Так и случилось. Уже через пару месяцев работы в Праге КГБ не возражает против выезда Меньшикова в командировку от журнала в Вену.

В эти же годы там довелось работать и мне. Это было время нашего особо интенсивного творческого и дружественного общения. Станислав Михайлович пользовался заслуженным авторитетом и уважением со стороны высшего руководства и сотрудников издания.

В разнообразной научно-педагогической и общественно-политической деятельности С. М. Меньшикова особо высокой оценки заслуживает его исключительная творческая плодовитость. Его перу принадлежит 25 опубликованных им (или в соавторстве) оригинальных монографий по самым ключевым проблемам экономической науки. Весомый вклад внёс он в теорию воспроизводства.

Вместе со своей женой Л. А. Клименко в 1989 г. он выпустил книгу «Длинные волны в экономике: когда общество меняет кожу», переизданную в 2014 г. по инициативе одного московского издательства. И это не считая сотен статей в научных журналах и другой периодике в стране и за рубежом. Мастерскому перу С. М. Меньшикова принадлежит и несколько художественных произведений, в частности детективы «Тайна папок Йонсона» и «Кремлёвские алмазы». В блистательно написанной книге воспоминаний «О времени и о себе» (М.: Международные отношения, 2007) содержится россыпь интереснейших фактов, проливающих яркий свет и на сегодняшний день.

Так, в ходе перестройки во время презентаций совместной с Дж. К. Гэлбрейтом книги в Москве к ним за интервью явился нынешний министр экономики Алексей Улюкаев. Тогда он работал в журнале «Коммунист» под началом члена редколлегии Егора Гайдара. Улюкаев задал несколько вопросов авторам и записал ответы на диктофон. «Но, — вспоминает С. Меньшиков, — когда позже я прочитал подготовленный им текст в журнале, то выяснилось, что он оставил лишь некоторые высказывания Гэлбрейта, но ни моих ответов, ни даже упоминания о нашей книге там не было. Удивляться не приходилось — познакомившись с моими оценками его будущей политики, Гайдар не мог допустить, чтобы мой прогноз безудержной инфляции в результате либерализации цен попал на страницы теоретического органа партии. Спустя три с небольшим года так оно, однако, и получилось» [2, с. 416].

Летом 1997 г. С. Меньшиков был приглашён участвовать в заседании Совета Федерации на Большой Дмитровке. Шло обсуждение доклада о бюджете, представленного Анатолием Чубайсом, тогдашним министром финансов и первым заместителем председателя Правительства РФ. Станислав Михайлович разнёс Чубайса по основным направлениям проводимой экономической политики и предупредил о том, что непомерный рост выплат процентов по ГКО чреват дефолтом. Ровно через год после этого именно это и произошло. В мемуарах читаем: «Несмотря на постоянные демагогические нападки в духе «забудем о Западе, вернёмся в Россию», Чубайс не возразил по существу ни на один мой аргумент. Надо сказать, что против моей позиции можно было привести ряд серьёзных возражений, которые неоклассиками и монетаристами на Западе разработаны в их многолетней дискуссии с кейнсианцами. Но Чубайс не

был знаком с этой аргументацией. Я бы его в этом не упрекал, если бы у него за плечами не стоял опыт преподавания в экономическом вузе. Бывшему доценту и участнику закрытого клуба, где он вместе с Гайдаром и другими якобы изучал западных авторов, надо было бы иметь более высокий уровень профессиональных знаний» [2, с. 490].

В самом конце своей книги мыслитель как будто исповедуется: «Мой идеал — социализм с человеческим лицом, и я по-прежнему убеждён, что его у народа украли демократические лицемеры, но в действительности грабители с большой дороги нашей истории. Не верю, что за человеческое лицо режима мы должны отказываться от социализма и что истинное лицо социализма — это несвобода и бедность… Развалив социализм, мы лишили себя общей мечты. Лично для меня это было не меньшей трагедией, чем потеря страны. Мириться с этим не хочется, и потому важно понять, как это случилось и как вернуться к социализму, избавленному от его недостатков… Главный вопрос любого социализма — как контролировать элиту снизу, демократически, препятствуя её вырождению. Эту проблему я сформулировал и частично в своих книгах на неё ответил. Но логически стройной аргументации выработать не смог» [2, с. 541-542].

Последние пять лет Станислав Михайлович утратил зрение, но, несмотря на это, благодаря жене и детям продолжал плодотворно трудиться. В последнем своём материале, опубликованном уже после его кончины, он призывает к построению в России смешанного, интегрального общества, вбирающего в себя достоинства капитализма и социализма и избавляющегося от его пороков [6].

О Меньшикове, как в своё время о Бальзаке, можно сказать: «Его жизнь больше наполнена трудами, чем днями». Судьба сводила его с самыми известными и видными деятелями прошедших двух третьих века: Хрущёвым и Горбачёвым, Дж. Неру и Далай-ламой, Никсоном и Киссинджером, американскими миллиардерами и политиками — Рокфеллером, Фордом, Морганом и Гарриманом. Его приглашали работать с собой великие умы — Ян Тинберген, Дж. К. Гэлбрейт, Линдон Ларуш и многие другие.

И такая выдающаяся личность, действительно учёный-исполин не стал ни академиком, ни лауреатом, не заслужил какой-либо правительственной награды или ордена…

Сейчас наша страна испытывает большие трудности. Не

время ли её властям обратиться к наследию С. М. Меньшикова и его единомышленникам, чтобы найти, наконец, адекватную обстоятельствам экономическую политику и выйти из экономического кризиса, в который нас завели столь же амбициозные, сколь и сомнительные «специалисты»?

Может, все-таки, чтить пророков в своём отечестве?

3. Современник будущего:
С. С. Дзарасов (15 октября 1927 – 24 января 2015)

Утром 22 января этого года мне позвонил Солтан Сафарбиевич Дзарасов. Мы говорили по поводу публикации одной из его работ. Последнее время его занимали четыре темы. Он продолжал исследование достижений зарубежных последователей Кейнса. Начал писать учебник, поставив задачу воскресить и обновить политическую экономию, представив в ней и современные западные концепции, альтернативные экономикс. Только что закончил предисловие к переводу на русский язык выпущенной в США книги о контрпроцессе над Троцким. Дорабатывал очередную книгу, уже озаглавленную им «Октябрь 1917: провал или прорыв?».

Мы условились о встрече, чтобы вместе добраться до Госдумы, где должны были участвовать в работе заседания профессорского семинара, организованного и руководимого А. В. Бузгалиным. Вошли в зал и сели рядом друг с другом. Взяв слово, он буквально заворожил аудиторию. Говорил хлёстко, темпераментно, образно и как всегда по делу. Все слушали и смотрели на почтенного мэтра с восторгом. Я же ещё и с некоторой тревогой. Все же 87 лет. В последние месяцы он не раз жаловался на самочувствие. А выступал с прежним накалом и страстью. Эту речь я записал на диктофон, не зная, что она окажется последней. Ниже читатель ознакомится с ней.

Вскоре ему стало плохо, и мы с коллегами перенесли его в коридор, где воздух был свежее. Вызвали скорую. Пока та двигалась, окружающие спрашивали его о самочувствии. Но предложил перевести разговор на «более интересное», спросив одного философа: какое впечатление у того сложилось от прочитанных фрагментов его новых работ. Беседа прервалась через несколько минут, когда прибывший врач диагностировал инсульт. В больнице он потерял сознание, и в ночь на 24 января его не стало.

Случившееся напомнило древнегреческую историю с Архи-

медом. Когда римляне захватили его родной город Сиракузы и один из воинов уже ворвался в дом с мечом, он попросил: дай мне возможность решить теорему, а потом делай со мной, что хочешь. Для увлечённых делом творцов нет ничего дороже результатов их труда, и они чем-то похожи друг на друга.

Архимед говорил: дайте мне точку опоры, и я переверну Землю. Солтан Дзарасов искал точку опоры в обществе для изменения жизни к лучшему. Долгое время он верил в полную правоту марксизма и торжество социализма. Помню, как в 1959 г. в «Известиях» вышла его броская статья под говорящим за себя заголовком: «Мечта, наука, действительность». Но жизнь показала, что «нетоварное хозяйство» не мостит путь к всеобщему счастью. Тогда он стал ратовать за дополнение его рыночным механизмом. То, как это у нас случилось в 1990-х, он считал «передозировкой». В итоге Дзарасов пришёл к выводу о необходимости поддержания их сбалансированного симбиоза, императиве планово-рыночной модели, альтернативной как советскому бюрократическому социализму, грешившему тоталитаризмом, так и бесчеловечному капитализму с его кризисами и противоречиями. Мировая практика свидетельствует, что именно такая модель является оптимальной.

После кончины С. С. Дзарасова в беседе с неким работником печати, участвовавшим в редактировании одной из его работ, я сообщив ему печальную весть и спросил: какое впечатление произвёл на вас этот автор при встрече? Он ответил, что видел его лишь раз в жизни, а показался он ему мудрецом.

Эта характеристика во многом схожа и с моими ранними воспоминаниями о Солтане, как все называли его в нашем доме. Впервые я увидел его в середине прошлого столетия. Мне было тогда 8 или 9 лет. Будучи студентом, а затем аспирантом, он часто навещал нас в доме № 6 на улице Горького (ныне Тверской). Там бывало много гостей, в том числе земляков и родственников из Северной Осетии, но Солтан сделался особо близким человеком. Экономист по образованию, он больше всего тяготел к отцу, который был на 24 года старше него и уже довольно известным в то время политэкономом. По вечерам Солтан нередко засиживался у нас допоздна и вёл доверительные разговоры с членами нашей семьи. Его выделяла особая одухотворенность, тяга к знаниям и широкий круг интересов.

Помню такой эпизод. В марте 1953 г., когда не стало Стали-

на, Солтан сетовал, что вследствие неимоверного числа желающих попрощаться с вождём он не может сделать этого. Зная все близлежащие подворотни и лазейки в них, я предложил свои услуги. Мы пролезли под одними воротами и прошли в Колонный зал. Я был горд, что в чем-то мог оказаться полезным человеку, ведущему разговоры о столь «умных вещах».

Во второй половине 1950-х мы оказались в одно время на отдыхе в Сочи. Солтан Сафарбиевич работал тогда в Осетии и приехал туда со своим приятелем на «Волге». Мы виделись почти ежедневно, и, несмотря на 13-летнюю разницу в возрасте, общаться с ним было просто и приятно. Он умел сходиться с теми, кто и старше, и моложе него. Ему можно было довериться. С ним хотелось советоваться. И он не был ханжой. Его детство протекало в сельской глуши и пришлось на нелёгкие тридцатые годы прошлого века. Он смутно помнил коллективизацию и то, как отец ходил в колхозную конюшню, чтобы «проведать и подкормить своих лошадей», хотя они ему уже не принадлежали. В школьные годы в начитанном мальчике пробудился поэтический дар. В 1940 г. литературный критик на страницах местной осетинской газеты помещает его фотографию и разбирает творчество 12-летнего мальчика. Солтан «от имени молодёжи» часто выступает на митингах и собраниях, удивляет старших недетским интересом к тому, что пишут газеты и говорят по радио.

Но приходят тяжёлые времена. Наступает война. Учителя один за другим уходят на фронт. Приходится пережить оккупацию. Сочинение стихов и пьес уходит на второй план. Сознанием завладевают вопросы войны и мира, международной и общественной жизни.

Осенью 1945 г. страна переживает разруху, а бедность становится уделом каждого. Проблемы восстановления народного хозяйства и выхода из нищеты витают в воздухе. С чуреком в поклаже Солтан отправляется в столицу и поступает в Московский государственный экономический институт. Чтобы набраться как можно больше знаний, студент посещает лекции и в других высших учебных заведениях, в том числе и МГУ. Его рекомендуют в аспирантуру, и в 1954 г. он защищает кандидатскую диссертацию.

Вернувшись после этого в Осетию, он становится заведующим кафедрой политической экономии Сельскохозяйственного института во Владикавказе (тогда Орджоникидзе). Однако размерен-

ная научно-педагогическая жизнь непродолжительна. Желая связать теорию с практикой и реально помочь экономике республики, он вскоре оставляет академическую стезю, чтобы занять пост председателя отстающего колхоза в родном селении. Признанием успеха на этом поприще стал его последующий перевод в Северо-Осетинский обком КПСС. Там оценили молодого учёного, умеющего поднимать проблемные хозяйства.

Однако и партийная работа не стала определяющей линией его жизни. В 1960 г. он уже работает на кафедре политической экономии экономического факультета МГУ, славившейся в качестве одного из главных центров экономической мысли того времени. Здесь он становится одним из наиболее видных представителей университетской школы, принимает участие в создании знаменитого двухтомного учебника — «Курс политической экономии» под руководством Н. А. Цаголова. С. Дзарасов трудился над раскрытием диалектического единства централизованного государственного планирования и самостоятельности отдельных предприятий. Его разработки в этой области были куда более глубокими, чем малосодержательные потуги тогдашних рыночников. На эту тему он и защитил в МГУ в конце 60-х гг. докторскую диссертацию.

Постепенно набираясь опыта и знаний, Солтан Сафарбиевич становится самостоятельной и заметной фигурой в экономической науке. В 1970-х и 1980-х гг. он работал в Академии общественных наук и Университете дружбы народов, где заведовал кафедрой политической экономии. Затем длительное время заведовал кафедрой экономической теории в Институте экономики Российской академии наук.

В новую постсоветскую эпоху он вошёл уже маститым учёным разностороннего профиля. Когда был объявлен международный конкурс на лучшую работу по подготовке конвертируемости рубля, он смело принял в нем участие и неожиданно для многих стал одним из лауреатов. Соответствующую награду вручал сам нобелевский лауреат Василий Леонтьев, хорошо известный принципиальностью.

Солтан Сафарбиевич — автор свыше 100 работ по экономике и политологии, в том числе монографии «Экономические методы управления» (1969), учебника «Политическая экономия» (1988), книг «Российский путь: либерализм или социал-демократизм?» (1994), «Теория капитала и экономического роста» (2004), «Судьба

политической экономии» (2004), «Куда Кейнс зовёт Россию?» (2012). Многие его труды переведены на иностранные языки. Ученики С. С. Дзарасова работают во всех частях света. Более 30 представителей разных стран мира защитили под его руководством кандидатские и докторские диссертации.

Многогранный в своих интересах, С. С. Дзарасов всегда являлся активным участником общественно-политической жизни страны. В 1988 г. был одним из инициаторов созданной совместно с академиком А. Д. Сахаровым «Московской трибуны», служившей рупором демократического движения в СССР. Тогда же он выдвинул идею создания социал-демократической партии России, а в 1990 г. стал одним из её основателей. В стране появились тогда и другие партии того же направления, в том числе одна из них, возглавляемая Михаилом Горбачёвым. Но только дзарасовская группа могла похвастаться тем, что её глава — сильный теоретик-марксист. В этом качестве С. Дзарасов повёл систематическую непримиримую борьбу со своими идеологическими противниками. В его работах этого периода чётко прослеживается принципиальная разница в подходе социал-демократов к преобразованию российского общества по сравнению с тем, куда вели дело либералы. Социал-демократия в современной России успеха не имела, но в этом он никак не повинен.

С. Дзарасов — один из немногих отечественных специалистов, работы которых стали печататься за рубежом. Не ограничиваясь опытом собственной страны, он внимательно изучал и мировую практику, заимствуя из неё не то, что нам предлагают и навязывают, а то, что нужно. С этой целью учёный-экономист находился в постоянном контакте с выдающимися представителями западной мысли, в частности с коллегами из Кембриджского и других зарубежных университетов.

По мнению С. С. Дзарасова, западный опыт представлен у нас в стране однобоко и сведён к идее саморегулирующегося рынка. На самом же деле реальностью развитого капитализма является государственное регулирование, планирование и перераспределение национального дохода от богатых слоёв общества в пользу малоимущих. К такому направлению относится и посткейнсианская концепция, анализу которой он посвятил последние годы своей жизни и которая могла бы послужить альтернативной моделью развития российской экономики. Последние годы С. Дзарасов особое

внимание отводил критике теоретической базы правительственной экономической политики. В 2005 г. вышла его фундаментальная работа «Мэйнстрим в России: провал и альтернатива», в которой он не оставляет камня на камне от так называемых чистых рыночников. Он блестяще демонстрирует убогую нищету их теоретического багажа, исчерпывающегося примитивным монетаризмом и догмой о равенстве спроса и предложения. Прославляя на все лады всемогущество рынка и отрицая необходимость государственного регулирования, наши рыночники уподобляются средневековым варварам, которые вместе с империей разрушили элементарные основы городской цивилизации, чем обрекли жителей на жизнь в нечистотах.

Закономерно поэтому, что с годами он все больше времени уделяет изучению зарубежных экономических теорий, выделяя из них то рациональное зерно, которое вполне можно использовать в нашем народном хозяйстве. Результатом таких исследований стала обстоятельная книга «Теория капитала и экономического роста» (2004). В том же 2004 году С. С. Дзарасов в соавторстве с двумя другими российскими учёными выпускает капитальную монографию «Судьба политической экономии и её советского классика», приуроченную к 100летию Н. А. Цаголова.

В последнее время С. Дзарасов провёл несколько месяцев в британских университетах, знакомясь с новейшим словом в иностранной науке. В качестве гостевого профессора он читал лекции и вёл дискуссии, что помогало углублять и оттачивать знания. Уже в преклонном возрасте он, не стесняясь, продолжал учиться. Благодаря его публикациям был вновь открыт для отечественного читателя выдающийся польский экономист Михаил Калецкий, работавший до войны в британском Кембридже и всемирно известный как предшественник Кейнса. В последние годы Дзарасов активно публикует теоретические статьи в зарубежных профессиональных журналах и сборниках. Так, в одной из статей под названием «Критический реализм и российская экономика» С. Дзарасов подробно знакомит англоязычного читателя с университетской (цаголовской) моделью социалистической экономики, останавливаясь детально на использовании марксовой методологии. Вместе с тем, рассказывая о ней, он подводит читателя к мысли, что современное экономическое бескризисное развитие невозможно без макроэкономического планирования. В другой статье он рассказывает о работах посткейн-

сианского направления и их применении в российской экономической теории и практике. Эти исследования обобщены в вышедшей в 2012 г. обстоятельной монографии «Куда Кейнс зовёт Россию?». Название интригующее, так как британский гений умер почти 70 лет назад и ничего позитивного о нашей стране не сказал. Но речь, конечно, идёт не столько о самом Кейнсе, сколько об отношении к его теоретическому наследию современной российской элиты и её экономистов. Они безоговорочно отвергли кейнсианство, ибо за ним стоит логическое доказательство необходимости государственного вмешательства, без чего капитализм обречён на кризисы. Они же восторженно восприняли неоклассическую доктрину, господствующую сейчас на Западе, которая соответствует их излюбленной догме о невидимой руке рынка и волшебстве частной собственности. Их вовсе не смущает разгул биржевых спекуляций, приведших к сильнейшему за последние семьдесят лет глобальному финансовому кризису, и нынешний кризис российского капитализма 2015 г., ставший результатом банкротства экономической политики российского правительства.

Многих поражало, как человек и учёный столь значительного возраста способен на постоянное развитие, ломающее общепринятые догмы, и продвижение своих революционных идей во враждебной среде. И то, как в одной личности соединились ораторский дар и золотое перо, мудрость и простота, гражданское мужество и искромётный юмор, доброта и неистовое отстаивание убеждений.

Подводя итог его жизни, полагаю, что Солтан Дзарасов был счастливым человеком, ибо всегда находился в согласии со своей совестью и занимался любимым делом. Как-то он поделился: «Знаешь, если бы мне предложили прожить жизнь сначала, я бы в ней не стал что-либо круто менять». Такие люди — редки. И он поистине не ушёл, а навсегда останется с нами.

И, пожалуй, главное. Идея планово-рыночной экономики надолго переживёт её автора. На смену капитализма и социализма приходит новое интегральное общество, в сердцевине которого находится симбиоз плана и рынка. Когда этот строй утвердится не только в практике (что уже имеет место), но и в теории, о Солтане Дзарасове заговорят как об одном из его провидцев. И поэтому, как, впрочем, и по многому другому, он — современник будущего.

Из последнего выступления Солтана Дзарасова в Государственной думе 22 января 2015 г.:

«...Смысл буржуазного общества состоит не в возможности рационального экономического поведения, а в эксплуатации человека человеком. Нас одурачили байками о том, что как только появится рынок, появится и рациональный человек, эффективный собственник. Возник же мошенник и вор.

Маркс действительно утверждал, что менее развитая страна видит своё будущее в картине экономически и культурно более развитой страны. Но Маркс давно умер, а мы-то живы и видим, что делается. Разве страны Латинской Америки стали такими же развитыми, как североамериканские? Нет, и никогда не станут. Северяне этого не допустят.

Посмотрите, что Америка делает с Украиной. Нам, по-сути, говорят: вы подписали акт добровольной капитуляции, согласились с тем, что социализм плохой, а капитализм хороший. Так вот теперь следуйте тому, что мы вам указываем. Главная страна Запада требует соблюдения правил поведения и законов в капиталистическом мире. Зависимые страны и народы должны исполнять то, что хотят хозяева богатых государств. А они желают, чтобы Украина находилась в орбите их влияния. И этой правде надо смотреть в глаза.

Несмотря на все свои недостатки, советский социализм был самой опасной альтернативой мировому капитализму. Когда в советское время мне довелось побывать в Японии, то я обнаружил, что там западного капитализма нет. Почему? Там нет безработицы. Существует пожизненный найм. В сельском хозяйстве нет наёмного труда. А в управлении обществом присутствует государственное планирование, причём лучшее, чем в Советском Союзе. Поэтому экономика СССР была со временем отодвинута со второго места на третье, а экономика Японии заняла её прежнее положение. Мне показалось, что в Японии действует не только индикативное, но и очень эффективное социалистическое планирование.

Китай тоже другая цивилизация. Почему сегодня Китай по темпам роста экономики и многим другим показателям вышел на первое место? Где он был, когда придерживался капиталистической ориентации? И где он стал, идя по социалистическому пути, особенно после грамотных реформ, проведённых Дэн Сяопином? Если так важны лишь цивилизационные факторы, то откуда такие различия?

Наша Октябрьская революция была социалистическим выбором российской цивилизации. Не прижился у нас капитализм.

Развивался. И был прав Ленин, написавший работу ”Развитие капитализма в России“. Но российская цивилизация не приняла капитализм. И противоречия настолько обострились, что произошла социалистическая революция. Идя по социалистическому пути развития, мы стали второй сверхдержавой мира, а отказавшись от него, откатились в 1996 году на 10-е место. Да и сейчас находимся лишь на 6-м. И без социализма впереди ничего нам не светит.

Есть безработица или нет — это имеет значение? Имеется ли бесплатное медицинское обслуживание населения или нет — это имеет значение? Имеется ли бесплатное образование, или его нет — это имеет значение. Все это имелось при социализме, каким бы плохим он ни был.

Приведу свой пример. Квартиру на Новом Арбате я получил бесплатно при советской власти. Квартплата составляла 18 руб. при моей заработной плате в 500 руб. в месяц. Теперь мне приходится платить за эту квартиру 9 тыс. руб. в месяц, но разрабатывается закон о налоге на имущество, по которому эта жилплощадь будет оценена произвольно в миллионы, и я вынужден буду платить столько, сколько я не могу. Когда меня грабят и когда мне помогают — есть разница или нет? Дают мне или берут у меня — есть разница или нет? Берут у меня, грабят меня, сдирают с меня шкуру — это капитализм, а дают мне и по достоинству оценивают — это социализм...»

Литература

1. Меньшиков С. М. Анатомия российского капитализма. М.: Международные отношения, 2004. С. 7.
2. Меньшиков С. М. О времени и о себе. М.: Международные отношения, 2007.
3. О творческом наследии Н. А. Цаголова. М.: ТЕИС, 2004.
4. С.С. Дзарасов, С.М. Меньшиков, Г.Х. Попов. Судьба политической экономии и её советского классика. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004.
5. Слово. 4 октября 2013 г.
6. Слово. 26 декабря 2014 г.
7. Слово. №14. 18–21 августа 2014 г.
8. Цаголов Г. Н. Отец и политэкономия. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2014.
9. Dzarasov S. Critical realism and Russian economics // Cambridge Journal of Economics. 2010. №34. P. 1041–1056.

Политэкономия-XXI. Том I. Методология и контексты. М.: ЦентрЛитНефтеГаз, 2023 – 455 с.

Подписано в печать . .2023
Формат 60х88/16. Бумага офсетная №65
Печать офсетная. Усл.печ.л. . Тираж экз. 500.